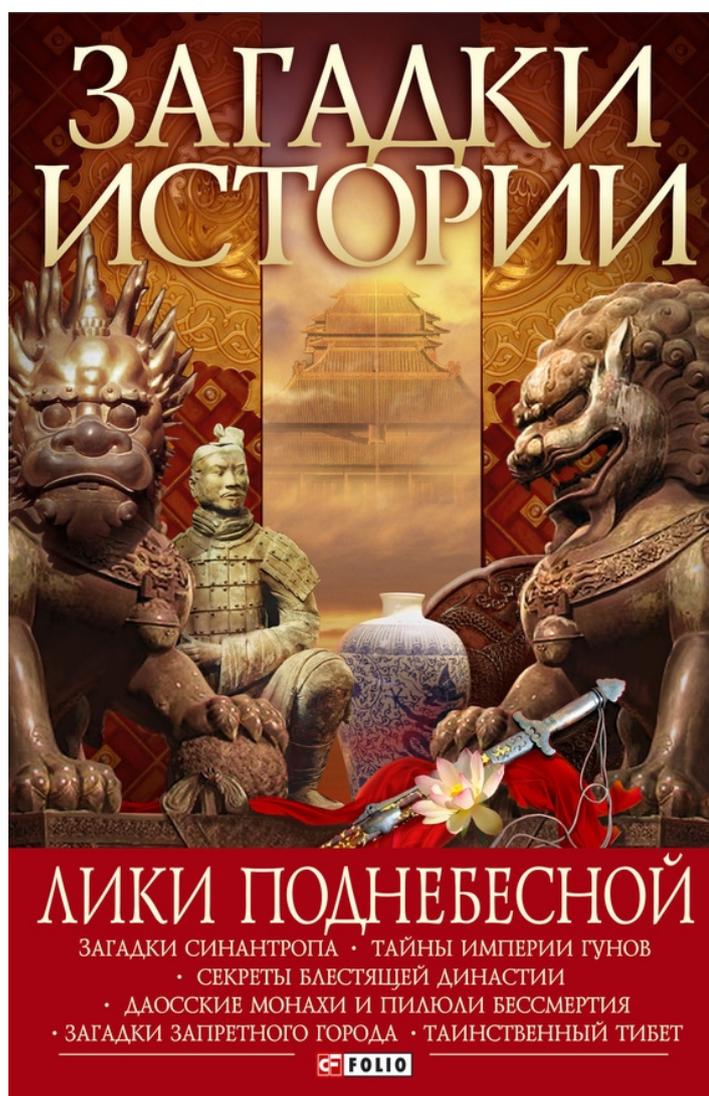

Артем Николаевич Корсун Наталья Евгеньевна Лавриненко
Лики Поднебесной

Загадки истории –

Аннотация

Поднебесная... Так с древности именовали свою страну китайские властители, подразумевая, что только Китай и может претендовать на гордое звание империи, а они сами — на сан верховных владык мира. История Поднебесной насчитывает более пяти тысяч лет, и за это время в ней накопилось множество тайн и загадок, начиная с находки костей синантропа и заканчивая секретами Запретного города в Пекине. Безусловный интерес читателя вызовут и другие материалы, помещенные в нашей книге, будь то рассказ о таинственных гуннах, сумевших преодолеть Великую Китайскую стену, или повествование о «пилюлях бессмертия» даосских монахов.

КТО ВЫ, КИТАЙЦЫ?

Китай — одна из самых древних и самых загадочных стран мира. Начать хотя бы с того, что многие из нас, говоря «китайцы», предполагают, что все население Поднебесной — китайцы, однако это не совсем так. В самой многочисленной стране мира проживают представители 56 национальностей. Сама крупная из них — хань, к которой принадлежит, согласно переписям, около 90 % населения Китая. Само название «хань» восходит ко времени династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). Именно тогда сложилось централизованное китайское государство. В это время жители отдельных регионов Китая впервые ощутили себя единым народом. Искаженное слово «хань» стало названием Китая во многих европейских языках: Chine (например, английское Чайна, французское Шин). Другие исследователи предполагают, что слово Chine происходит от загадочного «города Синэ», известного по античным книгам, однако ученые до сих пор не могут определить его место на карте.

Как же сложилась китайская нация и можно ли сказать, что вся китайская цивилизация была создана ею.

У Китая кроме общепринятых «Китай» и «Chine» есть еще несколько названий. Одно из них — древнегреческое Серес, известное по античным трактатам. Это название происходит от китайского «си» (шелк) и дословно означает «страна шелка». От этого же слова происходит и латинское слово «serica», которое наши предки затем исказили до современного русского слова «шелк».

Китайские империи часто назывались по-разному: Поднебесная (Тянься), Срединный цветок (Чжунхуа), Срединная равнина (Чжунюань), Восточная заря (Чжэньдань) или Небесная династия (Тяньчао), но наибольшей популярностью пользовалось понятие «Чжунго».¹

Первый иероглиф этого слова — «чжун» — обозначает «центр» или «середину». Второй знак — «го» — «страну», «государство», «местность», «место». Начиная с XIX в. это название истории и китаеведы обычно переводят как Срединная империя или Центральное государство.

Согласно представлениям древних китайцев, их страна находилась в центре мира, занимая особое срединное, центральное положение не только на Земле, но и во Вселенной. Интересно, что еще в конце XIX в. на кораблях с заморскими товарами, покупаемыми китайцами у европейцев, висели огромные транспаранты с надписями «Дань из такой-то страны китайскому императору». Еще каких-то сто с небольшим лет назад китайцы не могли себе представить иного места в мире, как только в центре Вселенной.

Термин «чжунго» возник в глубокой древности. В мифологии каждого народа есть миф о сотворении Вселенной из Хаоса. Согласно китайским легендам, самое древнее место, сотворенное богами, и есть то самое священное «чжунго», в котором обитают боги-покровители. В таком месте практически всегда располагали центральный городской храм. Однако каждый поселок или город считал, что именно их поселение было сотворено богами раньше всех на земле. Постоянно в непрерывных войнах одни города, увеличивая свою территорию, росли, другие, некогда процветавшие, погибали. Как следствие, священный центр мира «перемещался» из менее удачливых в военно-политическом отношении городов в более удачливые.

Но со временем изменилось значение термина «чжунго». Уже в период Западного Чжоу (долина Хуанхэ, 1122– 771 гг. до н. э.) слово «чжунго» обозначало дворец императора, возможно потому, что дворец правителей Западного Чжоу построили на месте древнего

¹ Иногда в странах СНГ можно встретить и ошибочное название «чжанго». Появление этой ошибки связано с тем, что в 1990-е годы появилось много книг о Китае, переведенных с английского языка не слишком компетентными переводчиками. Ведь в английском языке « в закрытом слоге должно читаться как «а», поэтому и бродят по страницам книг и Интернета псевдокитайское название «чжанго» вместо правильного «чжунго».

храма. Ничего удивительного в такой смене приоритетов нет. Дело в том, что император воспринимался простыми смертными как носитель божественной силы. Людям трудно было рационально объяснить исторические — например, победу одного полководца над другим — и природные — наводнения, засухи, землетрясения — явления, поэтому они считали, что правители и полководцы обладают некоей таинственной божественной силой, помогающей им побеждать противников и приносить плодородие земле, людям и скоту, а также избавлять народ от несчастий, эпидемий и стихийных бедствий. Следуя подобной логике, дворец правителя, находящегося под покровительством богов, должен располагаться в священном месте.

Впрочем, сам правитель не всегда обладал таинственной божественной силой, а только при определенных условиях, и мог ее потерять, если совершал несправедливые действия или нарушал ритуальные запреты. Так, правитель не мог касаться ничего нечистого, иначе боги могли отказаться помогать ему, а на страну обрушивались внешние враги и природные катаклизмы. Если правитель нарушал запреты или на страну обрушивались эпидемии или стихийные бедствия, жрецы имели право убить такого правителя и избрать нового, поскольку прежний провинился перед богами. Кроме того, правителя могли убить и в том случае, если он терял свою половую силу. Ведь считалось, что половая сила императора была непосредственно связана с плодородием людей, полей и домашних животных. Так что пребывание правителя в священном дворце «чжунго» не было райской жизнью и образцом вседозволенности.

В знаменитой «Книге песен», написанной около 1000 г. до н. э., уже говорится, что словом «чжунго» обозначали не только дворец императора, но и округу вокруг столицы или императорских владений, урожаями с которых кормился императорский двор. Еще позднее так стали именовать все территории, подчиненные центральной власти. Жители «чжунго» противопоставляли себя соседям-варварам, но по мере покорения варваров их земли, присоединявшиеся к империи, тоже получали название «чжунго». Таким образом понятие «чжунго» расширяло свои границы по мере того, как росли и расширялись территории, подвластные китайскому императору.

В первые века нашей эры в Китай вторглись кочевники с севера. Они очень быстро захватили колыбель китайской цивилизации и создали на равнине реки Хуанхэ собственные государства. Новые, не китайские династии, происходившие из народов Северного Китая, подражая коренным китайцам, стали называть свои владения «чжунго», а вражеские южные правительства этнических (т. е. настоящих) китайцев Южного Китая — «варварами». В то же время подданные южнокитайских правителей называли словом «чжунго» свою землю (долину Янцзы), а некогда китайские территории, оккупированные северными варварами, стали для них чужими, варварскими. С этого времени понятие «чжунго» — «Центральное государство» стало больше ассоциироваться с определенной географической и политико-цивилизационной общностью, чем с конкретным народом.

Тем не менее в средневековье слово «чжунго» не утратило окончательно своего этнического значения. После того, как в VII в. китайские земли Севера и Юга были объединены, так («чжунго») стали именовать всю страну. Набеги северных кочевников, возобновившиеся в XI–XII вв. вытеснили императоров на юг страны, а вместе с двором правителей и само понятие «Центральная страна» переместилось в долину Янцзы.

Когда в начале XX в. китайское общество реформировалось по европейским образцам, правителям Поднебесной снова понадобилось общее название для подвластного им государства. Они воспользовались словом «чжунго» как наиболее удобным термином, объединяющим все китайские земли. Так «Срединное царство» появилось в названии Республики Китай (Народное государство Чжунго), а образованная в 1949 г. Китайская Народная Республика тоже вписала в свое официальное название это слово.

Сохранилось слово «чжунго» и в названии национальности — «китаец» (чжунго-жень, буквально «человек Срединной земли»). Сегодня само понятие «чжунго» способствует постепенной «китаизации» национальных меньшинств КНР, оно создает основу для особого

китаецентрического мировоззрения жителей этой страны.

Теперь попробуем разобраться, как возникло русское название Китая? По одной версии, слово «Китай» происходит от слова «Катай», которое, в свою очередь, возникло от названия не китайского, а монгольского кочевого племени, обитавшего в Маньчжурии, — киданей (китаев). В 907 г. н. э. они захватили Северный Китай. Затем (в XII–XIII вв.) их место заняли другие кочевники — чжур-чжэни и монголы, однако этноним их предшественников закрепился как название Северного Китая.

Кстати, есть гипотезы, согласно которым название Китая не имеет никакого отношения к киданям-китаем, а происходит от монгольского слова «стена», откуда, в свою очередь, попало в русский язык. Действительно Великая Китайская стена была для монголов существенным препятствием, поэтому вполне возможно, что это слово и «приклеилось» к обитателям «Застенья».

Имеют ли в таком случае отношение к Поднебесной городские стены Москвы, Владимира и Пронска, называемые «Китай-город»? Одни историки предполагают, что это лишь простое совпадение звучаний. Другие считают, что раз название этих районов древнерусских городов происходит от монгольского слова «кита» (стена), то вполне возможно, что и монгольское название Китая, и название районов древнерусских городов происходит от одного общего слова.

В Европе название «Катай» прижилось благодаря Марко Поло. После его «Книги о разнообразии мира» вся Срединная империя получила у западноевропейских географов название «Катай» («Cathay») или «Китай», затем название попало в средневековую Западную Европу, вытеснив латинское «China». Отсюда оно перешло в большинство славянских языков, где превратилось в «Китай». В литературе на западноевропейских языках слово «Катай» иногда употребляется как поэтическое название Китая. Стоит обратить внимание, что сам Марко Поло словом «Катай» называл не всю империю, а только Северный Китай, область, в которой некогда обитали кидани-катаи. Южный Китай, который к тому времени завоевали монголы во главе с Хубилай-ханом, он назвал Манджи (буквально — «южные варвары»). Однако такие тонкости очевидца для европейских географов были не очень понятны, ведь ко времени установления регулярных политических и торговых контактов с Китаем в Китае было не несколько государств, а одно, а поэтому слово «Манджи» стало относиться не к единой империи, а к расположенным к югу от нее родственным современным вьетнамцам племенам. Ведь ничего «варварского» к тому времени в Китае уже не было.

В глазах современного европейца китайская цивилизация — это прежде всего цивилизация науки и письменности.

Сегодня образованный китаец должен знать 3 китайских языка: путунхуа (официальный литературный язык на основе мандаринского диалекта, сформированного на основе диалектов Пекина, Севера и Юго-Запада Китая), бэйхуа (разговорный китайский) и вэньянь (классический китайский язык). Некитайские языки признаны официальными в тех автономных регионах, где компактно проживают определенные этнические меньшинства. Однако сфера использования этих языков ограничивается домашним общением и начальной школой.

Словарь современных китайских иероглифов насчитывает свыше 50 тысяч знаков. Многие из иероглифов существуют более 5 тысяч лет. Каждый из них имеет удивительную историю, поскольку иероглифы довольно часто изменяли свое значение и стили написания, также менялось их произношение.

Однако грамотность для китадца — это не только знание иероглифов, но и искусство каллиграфии, особое умение красиво писать иероглифы. Это обыденное, казалось бы, занятие считается в Китае вершиной искусства, ведь большинство священных текстов буддизма, даосизма и конфуцианства написаны от руки, а значит, переписывание текста не простое действие, а прикосновение к божественному.

Понятно, что далеко не каждый китаец в те далекие времена был способен обучиться

грамоте и каллиграфии, поэтому лишь самые образованные могли быть допущены к государственным должностям. Основанием для получения любой должности было успешное прохождение государственного экзамена на знание иероглифов: кандидат на должность был обязан знать классические тексты. Так в Китае впервые в мире была создана государственная система, способствовавшая воспитанию образованной государственной элиты, которая была организована не по сословному признаку, а по уровню образованности. Любой человек, независимо от своего социального происхождения, был способен стать чиновником, если сдавал государственный экзамен. Безусловно, бывали случаи, когда родители, желая улучшить результат своего сына на экзаменах, подкупали экзаменаторов или стражников, охранявших экзаменуемых, но в целом такая система подбора чиновников оправдывала себя. Для высших государственных должностей требовалось знание большего числа иероглифов, чем, например, для начальника провинции или тем более для должности сельского писаря. Грамотные люди имели в Китае более высокий социально-экономический статус, более того, они были своего рода закрытой кастой, смотревшей свысока на простолюдинов. Так, китайский писатель Шан Ян высокомерно писал: «Только умный может постичь то, что я здесь излагаю», явно предполагая, что литтть немногие способны подняться до его уровня.

Благодаря поддержке государства в Китае процветали точные науки, поэтому китайцы — авторы множества изобретений. Так, для учета имущества императорского двора была изобретена счетная доска (абак). Делать точные измерения помогал штанген-инструмент. Китайцам были известны механические часы, которые, в отличие от распространенных по всему миру солнечных, были полезны ночью, а также в пасмурные дни. Землетрясения жители Поднебесной предсказывали с помощью сейсмографа. Число пи было подсчитано с точностью до седьмого знака после запятой ученым Цзу Чунчжи еще в 463 г. Десятичная система счисления использовалась в Китае с XIV в. до н. э., а математики Чу Шичен, Ян Хуи, Цзу Сицзе и Лю Жусен открыли «треугольник Паскаля» за 500 лет до того, как его нарисовал сам Паскаль. Успехам Поднебесной, как в военных, так и в мирных делах, способствовали открытия настоящей (оловянной) бронзы,² а затем и стали. Современное морское дело невозможно представить без таких китайских изобретений, как компас, винт и сухой док.

Главным военным изобретением китайцев по праву считается порох. Он кардинально изменил стратегию и тактику ведения войн, хотя долгое время и порох, и фейерверк, и ракеты использовались китайцами исключительно при дворе императора, на потеху подданным. Но впоследствии арбалеты (а их, кстати, тоже придумали китайцы) сменили системы залпового огня, отравляющие газы на основе горчицы, рельефные огневые шашки и ракеты, гранаты и даже пушки.

Военным целям служили и другие китайские изобретения, изначально имевшие мирное предназначение, — планер, воздушный шар, парашют и пропеллер. По сей день географы используют еще одно китайское изобретение — рельефные карты, а популярные в Поднебесной висячие мосты украшают современные города.

Важные мелочи, впервые созданные в Китае, такие, как веер, спички, туалетная бумага, зубная щетка и зонтик, облегчают быт современного человека. Воздушные змеи и шары до сих пор вызывают восторг детей всего мира.

Следует добавить, что именно в Китае впервые в истории появились бумажные деньги. И уж конечно нельзя не признать ценности открытия китайцами бумаги, лаковой миниатюры, фарфора и шелка.

Хотя, как считают некоторые исследователи, китайский приоритет в области некоторых из упомянутых выше открытий спорен, многие вещи китайцы действительно научились делать раньше, чем европейцы.

Еще одно изобретение китайцев — книгопечатание. Именно в средневековом Китае было придумано вырезать на деревянных досках иероглифы, смачивать доски жидкой

² В Европе и Западной Азии длительное время использовалась менее прочная «мышьяковая» бронза. Настоящую (оловянную) бронзу в Европе изобрели независимо от китайцев, но намного позже, нежели это сделали в Китае.

краской, а затем прикладывать их к бумаге, в результате чего на бумаге оставался оттиск. Изготовление деревянной доски занимало немалое время, зато с такой доски можно было получить огромное по тем временам количество оттисков — несколько сотен. Кстати, от китайского книгопечатания пошло и искусство гравюры.

Но что же печатали? Официальные документы империи и полезные для подданных, по мнению цензуры, книги. Вредные же книги, напротив, уничтожались и прилюдно сжигались на площадях.

В основном под репрессии попадали трактаты двух враждующих между собой религий — конфуцианства и даосизма. Представители этих религий соперничали, но и те, и другие были полезны государству: конфуцианцы поддерживали уважение к авторитетам и подчинение младших старшим, а даосы были настоящими учеными и обладали тайными знаниями. Те и другие бывали в фаворе попеременно: когда император благоволил конфуцианцам, он приказывал жечь даосские трактаты, а в случае возвышения даосов их труды становились «полезными», а изымались у населения и прилюдно сжигались теперь уже конфуцианские сочинения.

В периоды гонений на представителей отдельных философских школ, в частности даосизма, их сторонники были вынуждены скрываться в уединенных монастырях на вершинах гор и в непроходимых лесах. (Императоры часто издавали указы не только о запрещении и уничтожении неугодных книг, но и их авторов.) В таких уединенных монастырях до сих пор сберегаются запрещенные книги прошлого, которые хранят свои тайны для будущих исследователей.

Но, конечно, множество древних книг было уничтожено, а оставшиеся цензурировались и редактировались. Страдали от этого и исторические сочинения. Каждый император заказывал ученым парадную историю своего государства, которая должна была прославлять этого императора и его преемников. За основу таких парадных историй брались «Шицзи» — «Исторические записки», созданные на рубеже II–I вв. до н. э. энциклопедистом Сымой Цянем. Все последующие парадные истории династий, а их сохранилось до нашего времени 24, возводили их происхождение к великим императорам, упомянутым в «Шицзи». В периоды раздробленности таких парадных историй было несколько, по числу княжеств. Когда одно княжество побеждало другое, по приказу победителя предавали огню и исторические трактаты, прославлявшие проигравших. Императоры и члены императорской семьи нередко принимали участие в ученых советах: они лично указывали ученым, как именно тем следует писать исторические труды и философские произведения, а неправильные, по их мнению, трактаты уничтожались. Так в огне погибли многие исторические труды, которые могли бы поведать нам об истории древних китайских царств.

Кроме того, китайские историки должны были составить историю предшествовавшей династии. Такая история должна была достаточно объективно изложить исторические события и подвести читателя к выводам, которые должны были подтвердить легитимность правящей династии. Понятно, что такие доказательства вынуждали переосмыслить в нужном для новой династии свете события прошлого. Таких историков иногда называют «чиновниками по ведомству истории», и это в общем-то справедливо, хотя следует отметить, что перед ними стояла сложнейшая задача — пересказать в нужном ключе достаточно известные события недавнего прошлого так, чтобы и факты сохранились (факты-то еще были свежи в памяти современников), но и при этом дать им нужное для правящей династии объяснение.

Дополнительную путаницу в исторические трактаты вносило то, что каждый китайский монарх в истории был известен сразу под несколькими именами. Часто это делалось сознательно: благодаря использованию нескольких имен жрецы пытались оградить императора от действия злых духов и магов враждебных государств или, например, опальных даосских мудрецов. Кроме того, бывало, что одинаковые имена носили правители различных династий. Таким образом они пытались привлечь на свою сторону удачу, сопутствовавшую их предшественникам на троне. Кроме того, при помощи имен прежних

императоров правители, не имевшие права на трон, пытались придать своей власти хотя бы видимость законности. При этом они часто объявляли себя инкарнацией (воплощением души) прежнего великого императора. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что такие инкарнации были лишь бледной тенью былых могущественных властителей. Впрочем, некоторые исследователи древнекитайских исторических трактатов считают, что такие повторы делались переписчиками сознательно — в результате история династии искусственно удлинялась. Другим возможным способом удлинения истории было сведение двух правивших параллельно друг другу в различных областях Китая династий в единый список, в котором обе династии были представлены как правившие всем Китаем последовательно, в результате чего время их правления «растягивалось» практически вдвое. Такие манипуляции с «исправлением истории» могли иметь и чисто утилитарный смысл — из перечня годов правления изымались неудобные владыки, а время их правления «передавалось» более приятным и правильным императорам.

По меткому замечанию историка Меликсетова, «история в Китае с начала Чжоу³ была настолько политизирована, что подчас активно создавалась заново, практически из ничего, почти на пустом месте. Отголоски событий далекого прошлого, заимствованные у соседей предания и имена, историзованные легенды — все это умело интерпретировалось, вписывалось в линейную хронологическую схему и обретало облик древней истории».

Но загадки в истории Китая начинаются намного раньше, чем те времена, которые интересовали китайских историков прежних лет. Первая загадка относится к доисторическим временам, а именно — к эпохе палеолита.

Примерно 100 лет назад археологи договорились весь период существования человечества разделить на несколько значительных периодов — эпох, определяемых по основному материалу, из которого изготавливаются орудия труда, — палеолит (древнекаменный век, до 10 тыс. до н. э.), мезолит (средний каменный век, 9–7 тыс. до н. э.), неолит (новокаменный век, 7–4 тыс. до н. э.), энеолит (медный век, 4–3 тыс. до н. э.), бронзовый век (3–2 тыс. до н. э.) и железный век (конец 2 тыс. до н. э. — наше время). Принято считать, что история человечества начинается в Восточной Африке несколько миллионов лет назад. Однако китайская наука имеет на этот счет иное мнение, китайские ученые утверждают, что якобы колыбелью человечества был Китай.

ЗАГАДКА СИНАНТРОПА

Со школьных лет нам известно, что один из ископаемых видов человека — синантроп был открыт в Китае. Однако мало кто знает, что с синантропом связано множество загадок и тайн.

Удивительная находка в одной из пещер близ небольшой железнодорожной станции Чжоукоудянь в 45 км к юго-западу от Пекина,⁴ стала одной из научных сенсаций XX века — сторонники теории Дарвина видели в нем промежуточное звено между обезьяной и современным человеком.

Первые случайные находки костей древнего человека в пещерах Чжоукоудяня относятся к началу XX в., однако серьезные археологические раскопки начались лишь в 1923 г., благодаря финансированию американского миллионера Рокфеллера. Раскопки в течение 4 лет производили немецкие археологи. За весь период их работы были открыты костные останки более чем 40 синантропов.⁵ Немцы в общем-то всегда славились своей

³ Правила с 1122 по 249 г. до н. э.

⁴ Синантропа также называют «пекинским человеком».

⁵ Даже такое количество костей — величайшая удача для археологов. Дело в том, что кости, находящиеся в земле, разрушаются под влиянием влаги. Дождевая вода, смешиваясь с растворимыми веществами почвы, приобретает слабокислую реакцию, и эта кислота вымывает из костей кальций. Отходы промышленного производства также содержат в себе кислоты, которые, попадая в атмосферу, соединяются с водой и вызывают «кислотные дожди», что тоже разрушает находящиеся в земле останки древних людей. Третья проблема

пунктуальностью и точностью, однако записи их раскопок куда-то исчезли, и единственными свидетельствами раскопок служат лишь публикации об открытиях в европейских научных журналах. Впрочем, вполне возможно, что загадка отсутствующих дневников объясняется очень просто — археологи должны были вывезти из Китая для коллекции своего патрона Рокфеллера ценные археологические находки, и потому они постарались максимально засекретить всю информацию, связанную с раскопками и находками в пещерах Чжоукоудяня.

Можно выдвинуть и другое предположение о том, почему пропали дневники: их вообще могло не быть, так как Рокфеллера интересовали вовсе не археологические древности, а полезные ископаемые, которые могли быть обнаружены в горах Чжоукоудяня. И эти дневники, если они и сохранились, повествовали об ископаемых, а не о костях древнего человека.

Но в любом случае найденными костями заинтересовалась европейская научная общественность. В 1928 г. Китай посетил молодой ученый-антрополог, француз Тейяр де Шарден. Именно он определил по предъявленным ему китайцами костям, что речь идет об отдельном подвиде рода Номо, поэтому именно Тейяр де Шарден считается в европейской литературе открывателем синантропа, а фамилии немецких археологов практически неизвестны широкой публике.

Но пропажа записей археологов была только, если можно так выразиться, «цветочками». Следующее звено в этой цепи — загадочное исчезновение костей синантропа. Американские антропологи скептически отнеслись к открытию в гротах Чжоукоудяня. И китайские ученые, продолжавшие работу немцев, по просьбе американских коллег переслали останки синантропа для исследования в США. Только вот при транспортировке ценный груз пропал. Дело было в 1941 году. Как пропал груз, неизвестно: то ли корабль потопили воюющие стороны, то ли груз разбомбили на Гавайях, то ли он был уничтожен во время военных действий, происходивших в самом Китае. Можно высказывать множество предположений, но так или иначе, а кости, которые пролежали в земле сотни тысяч лет, пропали в горниле войны. Кстати, о пропаже отосланной посылки китайцы вспомнили значительно позже (в конце 1940-х — начале 1950-х гг.). Это загадочное исчезновение породило слухи о том, что синантроп был фальшивкой с самого начала, фальшивкой, от которой было необходимо срочно избавиться. Ведь в 1948 г. появился радиоуглеродный метод датирования органических останков, позволявший с поразительной точностью определять время, в которое жили люди, чьи органические останки исследовались.

Именно поэтому ответить на вопрос, когда же жили синантропы, достоверно невозможно: ведь нельзя провести ни один лабораторный опыт по датировке костей синантропа. Первоначально ученые предполагали, что синантроп жил на земле около 80 тыс. лет назад, позднее датировка постепенно увеличилась до 100, 200, 400 тыс. лет, а ныне некоторые антропологи считают, что синантроп как биологический вид мог появиться даже около 800 тыс. лет назад.

Все, что мы знаем о том, как выглядел синантроп, из-за исчезновения костей тоже невозможно подтвердить, используя современный научный уровень. Что же говорит об этом официальная наука? Синантроп, согласно антропологической классификации, относится к ископаемому виду *Homo Erectus*. Его название вызывает дружный смех у школьников и студентов, но обозначает оно всего лишь «человек прямоходящий», именно так его называли ученые более 100 лет назад, поскольку считали прямохождение главным отличием человека от обезьяны. Более того, синантроп — не единственный представитель *Homo Erectus* на Земле. Так, в 1950-х гг. антрополог Эрнст Мэйр предложил считать яванского питекантропа, синантропа и схожих африканских существ представителями одного общего вида — *Homo Erectus* (правда, позднее африканских ископаемых людей выделили в самостоятельный вид), то есть именно Мэйр «поднял» его по эволюционной лестнице до уровня человека.

Однако внешне этот человек, за исключением прямохождения, был не очень похож на современного. Он выглядел, скорее всего, как большая прямоходящая обезьяна. От нас его

отличал очень покатый «обезьяноподобный» лоб, да и волосяной покров синантропа делал его похожим скорее на животное, чем на человека. Строение тела в целом напоминает строение тела современного человека, правда, Эректус имел более плотное телосложение, нежели современные люди.

Длительный период существования Homo Erectus был временем активного развития головного мозга: так объем мозга ранних Erectus составлял 750–900 см³, а у поздних — 1100–1250 см³.⁶ Примечательно, что, как выяснили китайские антропологи, левая половина мозга синантропа была больше правой. Это значит, что он, как и наши современники, был правой рукой и, следовательно, руководствовался больше логикой, чем чувствами.

Антропологи нашли на нижней челюсти Homo Erectus ямочку и бугорок, к которым крепятся особые мышцы языка человека, отвечающие за членораздельную речь. (Эти мышцы отсутствуют у животных.) Значит, Homo Erectus умел говорить.

Какой же образ жизни вел синантроп? Когда мы говорим, что он жил в «пещере», то обычно наше воображение рисует огромные пустоты в горах, полностью лишенные света. Пещеры Чжоукоудяня, строго говоря, следует, скорее, считать гротами и даже скальными навесами — они представляют собой не очень глубокие выемки в скалах. Такие укрытия позволяли людям на некоторое время укрыться от дождя и ветра. Также эти гроты могли служить привалом, временной стоянкой охотников на копытных, местом разделки туш.

Следующая загадка синантропа — владел ли он огнем? Возможно, владел: среди костей, найденных в гротах, есть обгоревшие, поэтому некоторые ученые полагают, что синантропы умели разводить костры и готовить на огне пищу. Тем не менее, существует версия о том, что пещеры Чжоукоудяня могли самовозгораться вследствие скопления в них органических останков. Такую гипотезу выдвинули Льюис Бинфорд и Чан Кунь Хо — антропологи из Университета штата Нью-Мексико. Вот что они заявляют по поводу слоев пепла, найденных в пещерах Чжоукоудяня: «Нам кажется, что по крайней мере некоторые из этих пещерных отложений являются гигантскими скоплениями разложившегося в условиях сухого климата помета морских птиц и других животных (гуано). Иногда такие грандиозные органические отложения могли самопроизвольно возгораться <...> Гипотеза о человеческом происхождении огня представляется нам необоснованной, как и утверждения о том, что обгоревшие кости и другие предметы свидетельствуют о применении человеком огня для приготовления себе пищи». По мнению Бинфорда и Чан, пекинский человек, скорее всего, питался падалью — ел мясо животных, убитых и оставленных хищниками в огромной пещере, где горели скопления органических веществ. Возможно, что и сам пекинский человек становился жертвой населявших пещеру хищников, так как маловероятно, что он, даже питаясь падалью, полез бы в такую пещеру добровольно.

Вопрос о том, использовал ли синантроп орудия труда, тоже остается открытым. Обоснование использования древним человеком тех камней, которые археологи обнаруживают рядом с останками человека, как орудий труда, для историков вообще является большой проблемой. Как возникли сколы на этих камнях? Взял ли древний человек камень и сделал из него орудие труда или же он взял природный камень, подходящий для его деятельности? Далеко не всегда можно ответить на этот вопрос достоверно. Одно дело, когда в верхнем палеолите (40—9 тыс. лет до н. э.) встречаются погребения человека с орудиями труда, однозначно ему принадлежавшими, и необходимыми ему в посмертии. Но есть и более спорные случаи: если в пещерах вместе с человеческими останками находят каменные орудия, то это не означает, что орудия синхронны останкам, — они могли быть потеряны в пещере несколькими тысячелетиями позже.

В той же местности сотни тысяч лет спустя после синантропа обитала другая охотничье-рыболовная культура — шаньиньдунская, которая исторически достоверна. Эта культура была открыта китайским археологом Пэй Вэньчжуном практически одновременно с синантропом, да и образ жизни ее представителей был очень похож на образ жизни

⁶ Следует заметить, не все исследователи верят, что речь идет о черепах двух взрослых особей, одна из которых эволюционировала относительно другой. Возможно, речь идет просто о черепах ребенка и взрослого.

синантропа. Шаньиньдунцы питались продуктами охоты и рыболовства, использовали каменные оббитые орудия, поделки из кости и рога, носили одежду из звериных шкур. Украшениями им служили ожерелья из зубов дикой собаки и каменных бус. У них был выработан особый погребальный обряд, а значит, у них была своя религия. Поэтому противники синантропа считают, что обнаруженные орудия труда, кости животных и даже так называемые кости синантропа могут относиться не ко времени синантропа, а к 20 тыс. до н. э. — времени существования шаньиньдунской археологической культуры. Места обнаружения костных останков синантропа поразительно вписываются в ареал расселения этой культуры.

Самое смелое предположение относительно «уровня культуры» синантропа — гипотеза о наличии у него зачатков магии. Китайские археологи делают такой вывод на основании того, что некоторые кости копытных, найденные в самой большой из пещер Чжоукоудяня (она называется Коцентанг), имеют искусственные насечки. Значит, по их мнению, синантроп умел наносить на кости гравировку — по всей вероятности, это были магические символы.

Вот то, что известно о синантропе, если, конечно, находка его костей не была инсценирована или его не перепутали с каким-нибудь более поздним видом.

И, наконец, следует заметить, что если предположить, что речь идет о настоящем представителе рода *Homo*, то существует ряд обстоятельств, которые невозможно объяснить с точки зрения современной науки, но которые не были очевидны во времена открытия синантропа.

В первой трети XX в. открытие представителя рода *Homo* в Китае не казалось ученым удивительным. Дело в том, что в конце XIX — первой половине XX в. считалось, что процесс превращения обезьяны в человека происходил где-то в Центральной или Южной Азии, возможно, в Тибете или в соседних с ним районах Индии или Китая. Эта так называемая азиатская гипотеза основывалась на поверьях тибетцев, которые считали, что где-то в горах обитают большие волосатые двуногие чудовища, очень похожие на человека, только крупнее и сильнее его.⁷ Эти легенды, известные в Европе большей частью в пересказах солдат английской колониальной армии, были очень популярны, поэтому доверчивые антропологи того времени надеялись найти в Китае или Тибете вид человекообразных обезьян, который был бы самым близким родственником *Homo Sapiens*. Исследовав и изучив этих мифических обезьян, ученые получили бы возможность понять процесс становления человека как биологического вида. И, казалось, кое-какие факты подтверждали азиатскую гипотезу.

Так, одним из предков человека, превосходно укладывавшимся в эту теорию, был найденный в 1930 г. в Индии рамапитек («обезьяна Рамы»). Множество останков особей этого вида обнаружили и в китайской провинции Юньнань. По мнению исследователей, рамапитек жил приблизительно 14 млн лет назад. Итак, ученые середины XX в. сочли рамапитека нашим предком, однако современные исследователи склонны видеть в нем прародителя орангутанга. Рамапитеки имели рост около 110 см и были в самом деле достаточно развиты: предположительно, они уже могли некоторое время передвигаться на задних конечностях, к тому же форма черепа рамапитека была иной, чем у более древних обезьян. В середине прошлого столетия останки подобных животных были обнаружены и в других регионах земного шара — в Венгрии, Турции, Греции, Кении. После открытия рамапитецидов (так называют аналогичные виды ископаемых обезьян, обнаруженные в других регионах Земли) некоторые ученые стали предполагать, что процесс «очеловечивания обезьяны» происходил во многих областях Старого Света параллельно и независимо друг от друга. Националистически настроенные ученые стали говорить, что венгры произошли от рудапитека (венгерского рамапитека), каталонцы — от обнаруженного близ Барселоны пьеролапитека, греки — от грекопитека, индусы — от рамапитека и шивапитека и т. д.

⁷ Эти легенды известны и теперь — речь в них идет о «снежном человеке» (см. главу «Непостижимый Тибет»).

Однако дальнейшие исследования показали, что несмотря на широкое распространение рамапитецидов 14–10 млн лет назад, большинство из них оказались тупиковыми ветвями в эволюции и вскоре вымерли под воздействием неизвестных нам факторов, не оставив после себя в подавляющем большинстве регионов Старого Света последующих видов, которые могли бы привести к «сотворению» человека разумного. Да и в самом Китае не обнаружено никаких следов промежуточных видов между рамапитеком и человеком.

Однако научная общественность продолжала считать колыбелью человечества Азию до начала 60-х гг. XX столетия, пока английский антрополог Луис Лики не обнаружил переходный между обезьяной и человеком вид на ином континенте. Вслед за Луисом Лики другие ученые совершили ряд удивительных открытий в Южной и ЮгоВосточной Африке. Более того, выяснилось, что человекоподобные существа обитали вдоль южной части Великого Африканского разлома несколько миллионов лет назад, тогда как еще в середине XX в. считалось, что превращение обезьяны в человека произошло за десятки, максимум — сотни тысяч лет. Гигантский, вытянутый в меридианальном направлении — от ЮАР до Сирии, — разлом земной коры, появившийся десятки миллионов лет назад, привел к тому, что из недр планеты вышли на поверхность радиоактивные элементы. Это оказало огромное воздействие на обитавших там животных. Радиация стимулировала генные мутации, в результате которых появилось много существ с измененными генами, а значит и с новыми биологическими характеристиками. Под влиянием радиации в генах обезьян накапливались те изменения, которые позднее привели к возникновению человека разумного: прямохождение, изменение строения речевых органов (необходимые для возникновения речи), превращение передней конечности в руку (необходимое для орудийной деятельности), увеличение левого, отвечающего за абстрактно-логическое мышление, полушария головного мозга. То есть можно с уверенностью утверждать, что «сотворение человека» происходило именно в этом регионе — между Эфиопией и ЮАР.

Человечество того времени занимало очень небольшую часть поверхности Земли. Вероятнее всего, причиной, сдерживавшей расселение древнего человека, были генетические мутации, продолжавшиеся в популяции. Получавшееся потомство часто оказывалось нежизнеспособным, поэтому древний человек и не мог освоить большую территорию. Именно по этой причине превращение обезьяны в человека происходило на сравнительно небольшом участке вдоль разлома земной коры. И лишь с появлением человека современного вида, обладавшего устойчивым набором генов, численность населения стала постоянно увеличиваться, что сделало возможным расселение людей по планете. Это произошло около 100 тыс. лет назад. Как же в таком случае представитель рода Номо оказался в Китае значительно раньше — 400–800 тыс. лет назад?

Тем не менее, если верить в существование синантропа, миграция ранних представителей рода Номо из Африки в Китай должна была иметь место. Обычно историки говорят о миграции какой-то группы людей, если есть «цепочка следов» — несколько промежуточных стоянок, которые говорят о последовательном переселении. Но таких следов, увы, нет. Кроме того, в процессе своего переселения предки современного человека (будь то человекообразные обезьяны или представители рода Номо) должны были эволюционировать (т. е. приобретать новые свойства), аналогично тем, которые возникали у их «собратьев», оставшихся в Африке. Однако никаких костных останков, свидетельствующих об их последовательной мутации, на пути из Африки в Азию ученые не обнаружили.

Есть и другие аргументы, ставящие под сомнение возможность подобной миграции. Например, нет ответа на вопрос о том, что же побудило предков синантропа на такое далекое путешествие? Недостаток пищи? Так ведь на долгом пути было много охотничьих угодий и много дикорастущих съедобных растений. Путь переселенцев был очень тяжелым, уже на Аравийском полуострове начинались непроходимые джунгли. А как они перебрались через Красное море? Единственный сухопутный путь — через узкий перешеек Синай. Синайский полуостров исследован археологами весьма тщательно, ведь это места библейской истории,

однако каких-либо следов предков человека, которые были бы древнее синантропа, там не обнаружено. Предположим даже, что предки синантропа прошли через Синай. Но удивительно, что они пошли не на север, в более спокойные нагорья, а на восток, будто бы четко знали, куда им нужно идти. В дальнейшем они прошли через весь Иран, поднялись по Инду к предгорьям Тибета и, лишь пройдя через его пустынные области, они могли оказаться в долине Хуанхэ. Честно говоря, такой путь кажется совершенно невероятным.

Для того, чтобы разумно объяснить явную несуразность миграции предков синантропа в Китай, некоторые ученые выдвинули предположение о том, что на Земле было два центра «очеловечивания» обезьяны. По мнению сторонников этой теории, синантроп происходит от иного вида человекообразных обезьян, чем африканский Номо — то есть от древних обезьян, обитавших в Азии миллионы лет назад. Некоторые азиатские антропологи даже утверждают, что современный человек представлен на земном шаре не единым видом, разделенным на несколько рас, а двумя скрещивающимися между собой видами — «западным» и «восточным». Существенным доказательством происхождения монголоидов от синантропа для китайских антропологов служит тот факт, что у синантропа, как и у современных монголоидов, обнаружены характерные лопаткообразные резцы. Главное возражение против этой теории заключается в том, что столь древнее разделение видов противоречит законам генетики и эволюции. С течением времени в рамках каждого вида накапливалось бы значительное число отличающихся друг от друга генов, которые привели бы к невозможности скрещивания между видами. Кроме того, эти виды должны были бы существенно различаться между собой внешне, по способу питания и т. п. Напротив, мы видим настолько существенную близость «западного» и «восточного» Номо Sapiens, что предположения о том, что представители монголоидной расы «стали людьми» независимо от европеоидов, кажутся вымыслом. Но самый главный аргумент против теории двух центров появления человека — никаких останков переходных видов между обезьянами и представителями рода Номо в Китае не найдено.

Может быть, китайские историки в полном соответствии с заветами Конфуция подредактировали историю, ведь после открытий в Африке Китай стал утрачивать позиции одной из древнейших стран мира? В результате серьезной дискуссии вокруг синантропа, ЮНЕСКО все же включило гроты Чжоукоудяня в число памятников мировой истории, а сам синантроп занял свое место в эволюции человека. Поэтому, несмотря на имеющиеся оговорки и возражения, у нас нет оснований подозревать немецких археологов прошлого века и современных китайских ученых в сознательной фальсификации. Наиболее логичным и взвешенным решением загадки синантропа было бы следующее утверждение: да, такой подвид рода Номо некогда обитал в Азии, и его останки, хоть и очень фрагментарные, позволяют считать его промежуточным звеном эволюции между обезьяной и человеком. Но как бы там ни было, люди современного вида заселили Китайскую равнину менее 100 тыс. лет назад, вытеснив синантропов и их потомков. Древнейшие останки современного человека на территории Китая (стоянка Люцзян) датируются 67 000 годом до н. э. И хотя люцзянский человек более чем в 10 раз моложе синантропа, он известен ученым намного лучше.

Любопытно, что более поздние люди намного меньше похожи на монголоида, чем синантроп. Антропологи отмечают, что у этих черепов еще только начинался складываться монголоидный тип лица. Похоже, что современный человек, расселившийся в Восточной Азии в то время, уничтожил потомков синантропа, а возможность скрещивания между потомками синантропа и современным человеком является весьма дискуссионной.

ДРЕВНИЕ КИТАЙЦЫ

Итак, точно известно, что в Китае человек появился более 40 тыс. лет назад. В это время значительная часть Евразии — от устья Луары на Атлантическом побережье до Камчатки на Тихоокеанском побережье — была покрыта ледником. Граница ледника

многократно менялась, но условную среднюю границу ледника принято проводить по 50° с. ш. Обитавшие к югу от ледника люди охотились на крупных животных — мамонта, пещерного медведя, саблезубого тигра и других. Для охоты на таких крупных животных было достаточно оружия, сделанного из крупных камней. Также из довольно крупных камней изготавливались и прочие орудия труда. Такие орудия и являются основной особенностью палеолита. Одним из простых орудий труда того времени был универсальный «чоппер» — слегка оббитая галька.

Около 12 тыс. лет назад ледник начал таять. Таяние ледника было довольно длительным процессом и по оценкам геологов продолжалось примерно одну-две тысячи лет. Причины этого явления до сих пор точно не известны. В научной и популярной литературе было высказано на этот счет много гипотез, начиная от изменения орбиты Земли и кончая прилетом инопланетян. Самой популярной ненаучной гипотезой считается гипотеза, согласно которой около 12 тыс. лет назад огромный астероид попал в остров посередине Атлантического океана (платоновская Атлантида), в результате чего сформировалось течение Гольфстрим, которое стало размывать ледник. Падение астероида привело к выбросу в атмосферу нескольких тысяч тонн вулканического пепла и пара. Грязевые потоки (сели) просто смыли обитавших в долинах рек мамонтов и других древних копытных. И хотя многие историки и геологи возражают против такой гипотезы, трудно достоверно сказать существовала Атлантида или нет.

Но так или иначе, около 10 000 г. до н. э. на Земле начались глобальные природные изменения. Таяние ледников вызвало подъем уровня Мирового океана на 100–150 м., практически доведя его до современного уровня. Значительное потепление климата в Северном полушарии кардинально изменило ландшафт практически всех регионов Евразии, так, например, в Западном Средиземномье субарктический климат ледникового периода сменился на современный субтропический. На ранее занятых ледником огромных пространствах от Атлантики до Тихого океана выросли леса. Эти леса постепенно заселили новые животные. Из прежних объектов охоты человека остались только северные олени, да и те откочевали вслед за отступающим ледником. Зато теперь в лесах водилось много мелких животных, значительно больше стало птиц, зайцев, белок и другой мелкой живности, охота на которых требовала иного оружия, более мелкого «калибра». Соответственно изменялись и орудия труда. Во многом это было связано с тем, что выросла численность населения и ресурсы (твердые породы камня, из которых изготавливали оружие и орудия труда) ценились теперь больше. Если ранее орудие изготавливалось из цельного куска кремня или обсидиана, то теперь основу орудия делали из дерева или оленьего рога, в которую вставляли небольшие кремневые пластинки. Такие куски кремня, ученые называют «микролитами». Именно микролиты и составляют основу мезолитических орудий труда. Кроме того, важную роль в рационе людей Евразии стали играть растительные продукты — съедобные плоды, орехи, корни, дикорастущие злаки, которые могли расти в суровом приледниковом климате. Для их обработки также требовались небольшие орудия труда.

Китайский мезолит считается одним из древнейших в мире. Но датировка китайского мезолита XIV–XII тысячелетиями до н. э., т. е. тем временем, когда еще существовал ледник, выглядит несколько сомнительно, поскольку появление мезолита, как было сказано ранее, было во многом связано с природными изменениями. Похоже, что китайские археологи из патристических соображений значительно удревняют время существования своих археологических периодов. Им приятно, что их цивилизация тысячелетиями была передовой и прогрессивной. В данном случае речь идет об удревнении китайской цивилизации на несколько тысяч лет. Интересно, что появление мезолитических орудий в разных регионах Китая происходило не одновременно — когда в Северном Китае и в долине реки Хуанхэ уже всюду использовали микролиты, в Южном Китае еще долгое время пользовались чопперами.

Если в мезолите люди только собирали съедобные растения и охотились на крупных копытных, то в неолите они стали сами выращивать растения и одомашнили животных. Такую перемену в образе жизни археологи называют неолитической революцией. Однако

появлением земледелия и скотоводства нововведения этой эпохи не ограничиваются. Появляются такие занятия, как прядение и ткачество. Если ранее люди просто сшивали жилами животных несколько шкур, то теперь появляются новые одежды — хлопковые, шерстяные, шелковые. Человек стал оседлым. Если ранее он переходил с места на место в поисках богатых дичью и съедобными растениями лесов, то теперь он стал жить в долговременных поселениях. Эти поселения были прообразами будущих городов, поэтому древние цивилизации историки называют протогородскими. Само слово «цивилизация» происходит от латинского слова «civis» (город). Конечно, и ранее люди строили дома, но теперь жилища становятся долговременными, прочными, в них становится больше комнат, а в центре городов возвышаются дворцы правителей. В городах появляются люди, непосредственно не занятые производством пищи, это ремесленники, жрецы, чиновники и торговцы. Ремесленники производят товары, которые обмениваются на рынке на еду. Первыми ремесленниками были гончары и камнерезы, добывавшие в горах ценные породы камня. Также появляются в неолите ремесленники, вытачивающие из мягкого камня сосуды и полирующие их до блеска. Такая полировка сохраняется даже после того, как черепки сосуда пролежат в земле несколько тысяч лет. Именно поэтому археологи называют неолит «эпохой полированного камня». Часто несколько семей ремесленников обслуживали округу площадью в сотни километров. Торговцы, подчас рискуя жизнью на дорогах и реках, перевозили товары из одного селения в другое. Если в мезолите в каждом роду старшие родственники сами приносили жертвы своим родовым богам, совершали ритуалы и читали им молитвы, то теперь строятся большие просторные храмы божеств, покровителей города, а служение богам становится важной и доходной профессией. Кроме того, выделяются особые люди, в задачу которых входит координация действий горожан по строительству укреплений, каналов, дорог и мостов. Из них позднее вырастет чиновничество, которое на протяжении всей истории Китая будет играть очень важную роль. Перед китайской цивилизацией стояли две главные проблемы — своенравная река Хуанхэ, часто менявшая свое русло и уничтожавшая города и посевы, и набеги кочевников с севера. Китайские чиновники смогли организовать население Китая на борьбу с этими проблемами — на строительство ирригационных каналов и Великой стены, призванной защитить Поднебесную от пришельцев с севера.

Начало китайского неолита датируется приблизительно VI тысячелетием до н. э., хотя, как уже отмечалось, иногда китайские археологи приводят и намного более ранние даты. Китайский неолит называют собирательно культурами Яншао, по первому поселению, открытому в 1921 г. немецким археологом Ю. Г. Андерсоном. Распространены культуры Яншао на значительной площади вдоль реки Хуанхэ. Локальные варианты Яншао (Баньпо, Шицзя, Мядоигоу, Чжуншаньчжай, Хоуган, Мацзяо и др.) весьма разнообразны, но в целом, поселения этой культуры отличаются незначительно.

С культурой Яншао связана одна из самых больших загадок истории Древнего Китая, ибо неизвестно, откуда родом были ее носители. Археологи выделили эту культуру по характерной для нее керамике. В неолите появился первый искусственный материал, созданный человеком, — обожженная глина. Именно в неолите гончары открыли много секретов своего ремесла, научились покрывать посуду лаком и краской. Яншао относится к так называемым «культурам расписной керамики». Культуры расписной керамики распространены в Евразии, Африке и Америке и датируются примерно одним временем — 6–3 тыс. до н. э. Многие историки отмечают поразительное сходство между керамикой Яншао, Триполья (Румыния, Молдова) и Анау (Центральная Азия). Такое сходство отмечается как в формах керамической посуды, так и в изображенных на ней мифических существах. Часто встречающиеся на такой посуде волнистые линии некоторые историки принимают за мифические существа, которые в дальнейшем стали соответственно змеем в европейских сказках и драконом в мифах и сказках Китая.

Визуальное сходство расписных сосудов во всех культурах и вправду поразительное. Некоторые исследователи даже предполагают, что расписная керамика была создана одним

народом, который, мигрируя по земле, заселил все континенты (за исключением Австралии и Антарктиды) и принес отсталым народам земли неолитическую революцию. Однако, если посмотреть на карту мира, то окажется, что расписная керамика известна далеко не во всех регионах земного шара, а, более того, занимает несколько разрозненных областей — Евразийскую (Египет, Ближний Восток, Балкано-Дунайский регион, Средняя Азия), Дальневосточную (Китай, Корея, Япония), Центральноамериканскую (Мексика, Гватемала, Гондурас, Белиз) и Южноамериканскую (Перу, Эквадор, Колумбия). Между этими областями лежат непреодолимые природные границы, так, например, между Средней Азией и долиной Хуанхэ расположены обширные полупустыни и высокие горы и нет никаких исторических свидетельств контактов между этими регионами в столь давнее время. Ни в Средней Азии нет исконно китайских предметов, ни наоборот — ни один характерный среднеазиатский предмет не обнаружен в Китае того времени. Но самое главное возражение против такой гипотезы состоит в том, что создавали расписную керамику люди разных антропологических типов, иначе говоря, люди с разными генами и их невозможно возвести к единой волне переселенцев-мигрантов. В Египте и на Ближнем Востоке расписную керамику создавали европеоиды средиземноморского типа, потомки которых до сих пор проживают по всему Средиземноморью. На Балканах, в Средней Азии и на Кавказе к культурам расписной керамики принадлежат люди арменоидного типа. Творцами дальневосточных культур Яншао и появившейся несколько позднее и, возможно, независимо от нее культуры Дземон (Корея, Япония) были монголоиды. И, наконец, американские культуры расписной керамики были созданы индейцами, которые хотя и близки к монголоидам, но все же выделяются антропологами в самостоятельную «красную расу». Практически все эти культуры были культурами оседлых земледельцев, а для земледельца покинуть обжитые края, дом и поле означало голод и смерть. Единственная мореходная культура из перечисленных — культура Дземон — достаточно самобытна и уникальна, чтобы говорить о ее сходстве с культурой Яншао. Некоторые исследователи даже предполагают, что именно культура Дземон мигрировала в Америку, создав там местные культуры расписной керамики. Однако в Тихом океане лежит много островов, порой достаточно крупных, и странно, что ни на одном из них нет никаких следов пребывания Дземон. Почему же они пренебрегли, например, Гавайями или Филиппинами по пути в долину реки Улуа (Гондурас), где также обнаружена расписная керамика?

Мастера Яншао расписывали глиняные сосуды черной краской по красно-коричневому фону. На такой посуде археологи обнаружили загадочные значки,⁸ которые иногда принимают за первые иероглифы, однако попытки прочесть их до сих пор не увенчались успехом. Некоторые исследователи считают, что «иероглифы» Яншао подозрительно похожи на трипольские, балкано-дунайские или даже на древнеегипетские, и на основании такого сходства делают выводы, будто цивилизация была принесена в Китай из Европы или из Египта. Впрочем, для такого сходства существуют и более простые объяснения — во множестве культур одинаковые символы изображают одни и те же вещи. Например, солнце во всем мире рисуют как круг с лучами не потому, что эта идея родилась в одной из древних культур, а потом распространилась по всей земле, а потому, что солнце и вправду круглое и лучистое. Поэтому более естественно объяснить сходство как орнаментов, так и «иероглифов» общностью мировоззрения древнего человека, старавшегося при помощи таких ритуальных изображений оградить себя от зла.

Что же нам известно о Яншао доподлинно? Археологических данных об этой культуре достаточно для того, чтобы в общих чертах восстановить ее облик.

Люди культуры Яншао пользовались как каменными, так и костяными орудиями труда. Из камня они делали тщательно отполированные топоры, ножи, тесла, долота, молотки, зернотерки, серпы, песты и т. п. А такие орудия, как шилья, иглы, крючки, наконечники, вкладыши, пилы, ножи, были костяными. Камень и кость наряду с раковинами служили материалом для украшений.

⁸ Такие «иероглифы» встречаются и на орудиях труда.

Жилища Яншао представляли собой в основном квадратные или круглые полуземлянки с крышей из жердей, с небольшим очагом и обращенным к югу входом. Рядом располагались загоны для свиней⁹ и амбары. По остаткам зерна в амбарах археологи определили рацион жителей долины Хуанхэ, и, как выяснилось, он не сильно отличался от рациона современного китайца. Основой питания в то время служил рис, который за несколько тысяч лет существования культуры Яншао вытеснил чумизу (злаковое растение, которое еще называют головчатым просом, или черным рисом) и клубнеплоды.¹⁰ Поселок состоял из нескольких домов, в поселках располагались также и мастерские ремесленников.

Одно из зданий в поселке обычно выделялось размерами. О назначении таких домов историки спорили довольно долго. Обычно такие дома в зависимости от обнаруженных в них вещей считают либо храмами, либо жилищами вождя, однако советские археологи пытались доказать, что это были места народных собраний — ведь религия в Советском Союзе официально считалась довольно поздней выдумкой, а вот человек — коллективистом от природы. Современные археологи уже не пытаются оспорить культового предназначения таких зданий, хотя и в маоистском Китае тоже случались подобные перегибы.

Неподалеку от поселений располагались кладбища.¹¹ Покойников клали головой на запад и снабжали в дорогу самым необходимым, в частности, одной или несколькими мисками с едой.

Каждое поселение существовало несколько сотен лет, а затем люди переселялись на другое место. Возможно, это происходило из-за того, что земля истощалась.

Просуществовала культура Яншао примерно до 2000 г. до н. э., когда в долине Хуанхэ появились племена кардинально иной культурной традиции. Эта культура получила свое название — Луншань — по месту в провинции Шаньдун, где были обнаружены первые свидетельства ее существования. Поселения этой культуры распространились и в двух соседних провинциях, Хэнань и Аньхой.

Происхождение и этой культуры остается загадкой для историков.

Облик Китая изменился. Селиться луншаньцы предпочитали на вершинах или склонах холмов, примыкающих к речным долинам. Деревни зачастую располагались на расстоянии прямой видимости друг от друга. Такое расположение поселений свидетельствует о том, что луншаньцы были захватчиками, которым нужно было контролировать лежащие, в буквальном смысле, у их ног земли. По-видимому, восстания местных жителей-яншао были весьма часты, и луншаньцам часто приходилось их подавлять.

Полуземлянки времен Яншао сменили дома из утрамбованной глины и земли, беленные мелом. В помещении была обогреваемая лежанка-кровать, подобные ей до сих пор существуют в домах Северного Китая.

Появилась и новая ритуальная практика — гадание по лопаточным костям жертвенных животных. Вначале кости просто клали в огонь открытого очага или костра и смотрели на образующиеся под влиянием огня трещины. Трещины по своей форме напоминали иероглифы, а значит, боги таким образом говорили людям, что с ними будет дальше. Видимо, далеко не всегда боги давали ясные ответы, и не все трещины соответствовали иероглифам, поэтому в дальнейшем ритуал усовершенствовали: люди стали вырезать на костях, а также на панцирях черепах отдельные иероглифы возможных ответов богов и следить, какой иероглиф первым расколется в огне. Такие иероглифы и были предшественниками современной китайской письменности.

Примечательно, что разведение неизвестных ранее в Китае животных (овец, коз, коров), одомашненных где-то далеко к западу от Китая, так же, как и лежанки в домах,

⁹ Свинья долгое время была единственным одомашненным животным в Китае.

¹⁰ Рацион людей Яншао также опровергает гипотезы об их ближневосточном происхождении — ведь, как известно, на Ближнем Востоке в основе рациона лежали злаки — пшеница, ячмень и просо.

¹¹ Кладбища дают ценную информацию о поселении. Дело в том, что разделив число могил на произведение числа домов на примерное количество жителей в каждой большой семье, можно выяснить в течение скольких поколений существовало поселение.

выдает в луншаньцах скотоводов, пришедших не то из монгольских, не то из среднеазиатских степей. О скотоводческом происхождении луншаньцев свидетельствуют и ритуальные сосуды «ли» с тремя ножками в форме вымени.

Однако загадочные луншаньцы привнесли в Китай и новшества как раз не скотоводческого характера — например, гончарный круг. Керамика луншань очень хорошего качества — серая, лощеная, будто подражающая каменным сосудам. Также им был известен секрет изготовления тонкостенной (иногда толщиной с яичную скорлупу) чернолаковой посуды.

Факты свидетельствуют о том, что луншаньцам была известна и металлургия — бронза появилась в Китае внезапно, без промежуточных неудачных опытов. Примечательно, что первые китайские бронзовые вещи, которые датируются временем луншаньского вторжения, были импортированы в Китай откуда-то с запада.

Естественно, любое ремесло, а особенно гончарное и кузнечное, у кочевников развито очень слабо — ведь кочевнику необходимо перевозить с места на место не только свою семью и домашний скот, но и орудия труда. Гончар и кузнец должны были построить на новом месте печи, на что должно было уйти много времени, а максимум через полгода бросить эти печи, с большими трудностями перекочевать на новое место, а затем все начать сначала.

Также невероятно, чтобы скотоводы научили жителей долины Хуанхэ сеять пшеницу — злак западного происхождения, также известный в Китае именно со времен Луншань. Ведь кочевники в своих бесконечных кочевках никогда не задерживались более чем на полгода в какой-то местности, а значит не могли овладеть навыками сева и сбора урожая. Более того, перевезти собранный урожай во время следующей кочевки было бы делом весьма затруднительным.

Вопрос о том, как же в Китай проникали и скотоводческие, и земледельческие навыки, некоторые историки предлагают решать так: в долине Хуанхэ появлялись разноплеменные переселенцы, одни из которых принесли одни нововведения, другие — иные. Возможно, они правы — память о вторжениях сохранилась в легендах. Но это не объясняет западное происхождение нововведений, ведь в легендах речь идет о вторжениях отнюдь не с запада. Так, например, в одном предании, сохранившемся в древних книгах, речь идет о переселении племен с юга, вероятнее всего из низовий реки Янцзы и с побережья Тихого океана. Якобы около 7 тыс. лет назад к берегу Китая причалила флотилия, на которой находились странные существа. Первой на новые земли вступила дочь Великого владыки Юга Шеньнуна, девушка со змеиным телом и человеческой головой, обнаженная Нюйва. Она держала в руках зерна риса, собираясь вручить их как дар людям. И люди с благодарностью приняли этот дар. Спутники Нюйвы объединились с аборигенами, и родившиеся от них потомки стали называть себя мань-и (народ дракона). По примеру Нюйвы они не отягощали себя одеждой, украшая обнаженные тела сплошной татуировкой. Их дома располагались на больших участках выжженного леса вдоль берега океана. Они жили на одном месте до полного истощения земли, а затем переходили на другой участок, благо плодородных земель вокруг имелось достаточно. Деревни мань-и состояли из двух установленных на сваи домов с крышами, изогнутыми в форме лодки. В одной из построек спали мужчины-охотники, а две половины другой занимали дети и женщины, обрабатывавшие землю. «Народ дракона» не признавал господства мужчины. Постепенно земледелие избавило их от необходимости убивать себе подобных, а значит, мужские функции стали не нужны. Женщины служили богиням плодородия, а дочери вождей сами выбирали себе мужей и правили своими деревнями. Но самую красивую женщину рода в качестве ценного дара каждый год преподносили духам реки. Вот как совершался этот ритуал. Из храма выходила жрица, которая должна была выбрать подходящую жену для духа реки. Найдя девушку, она объявляла ее невестой бога. Жертве давали деньги в приданое, купали ее, одевали в новое платье и селили в отдельный дом, где ей 10 дней давали вино и мясо. К свадьбе девушку наряжали. Родственники в ее честь приносили жертвы на берегу реки. Мать плакала,

обнимая дочь в последний раз. После этого красавицу укладывали на постель из циновок, несли к реке и бросали в воду.

Другая легенда рассказывает о нашествии с севера таинственных великанов с головами буйволов. Против них выступило китайское войско под предводительством императора Хуанди. Северян защищали медведи, тигры, барсы, ягуары, правда, в виде рисунков на племенных стягах. Незваные гости проиграли, а их вождь попал в плен и был казнен. В плен попали и многие пришельцы, которые принесли в Китай обычай поклонения полудрагоценному минералу нефриту.

Говоря о Хуанди, мы сталкиваемся с еще одной загадкой древней китайской истории: а существовал ли вообще этот правитель? Согласно позднейшим конфуцианским хроникам, его правление венчало так называемую эпоху *Трех властителей и пяти императоров*¹². Современные китайские историки склонны полностью верить этим хроникам и считают, что у них есть неоспоримые свидетельства правления этих императоров. Правда, китаеведы других стран не согласны с ними и склонны считать первых императоров Китая легендарными, т. е. вымышленными. Однако вероятность существования правителей, способных подчинить большую территорию, в это время уже реальна: наличие настоящего бронзового оружия (независимо от того, кто именно принес его в Китай — луншаньцы или же другие племена) давало возможность одерживать крупные победы. Может быть, именно таким царем и был Хуанди.

Согласно древнему преданию, матерью Хуанди была птица-феникс, которая обитает в западной части Тяньшаня, а сам император обладал сверхчеловеческими способностями. Так, если верить легендам, у него было четыре лица.

После трудной борьбы с соседними племенами Хуанди, как утверждают древние книги, сумел подчинить себе вождей отдельных племен и создал свое государство в горах Куньлунь (к западу от долины Хуанхэ). Однако многие историки, которые верят в то, что этот император — историческое лицо, считают, что Хуанди построил свою столицу не в долине Хуанхэ, а несколько севернее, чтобы защитить плодородную долину от вторжений варваров. Установив мир, Хуанди принес жертвы богам, назначил чиновников и ввел первый свод законов.

Хуанди, гласят предания, был великим изобретателем, он внедрил такие новшества, как лук и стрелы, керамику, повозку, ступку и пестик, лодку и весло. Хуанди считают первым человеком, создавшим одежду и обувь или, как минимум, узаконившим определенные виды одежды и обуви. Кроме того, он создал музыкальные инструменты и способы прорицания. Одним из способов гадания, изобретенных Хуанди, была и знаменитая «И Цзин» («Книга перемен»). Также Хуанди усовершенствовал календарь, создав из четырех природных сезонов пятый.

Как известно, в основе китайского мышления лежит учение о том, что всем миром управляют пять стихий: огонь, дерево, металл, вода и воздух (ветер). Аналогичным образом делятся на пять составных частей и многие целостные понятия. Так, весь мир китайцы делят на 5 сторон света — 4 традиционных и центр, — причем роль центра мира китайцы скромно отводят Китаю, а точнее — его столице, главному городу Вселенной, в котором пребывает император или глава государства. Небесные созвездия китайские астрономы распределили по 5 дворцам — северному, южному, восточному, западному и, конечно же, центральному. И хотя климат регионов, в которых складывалась китайская цивилизация и в которых жил

¹² Первый император Китая Ючао, согласно китайским хроникам, правил около 3000 г. до н. э., его сменили Суйжэнь, Фуси (он был первым, кто взял себе второе имя — Тайхао). Фуси считают изобретателем гадания «И Цзин» (хотя другие легенды приписывают эту честь Хуанди) и иероглифической письменности. Вот как об этом рассказывает легенда: «Однажды, прогуливаясь по берегу реки Хуанхэ, Фуси увидел дракона, на спине которого отчетливо просматривались некие непонятные знаки. Любопытный император тут же срисовал их. Потом обратил внимание, что полученные рисунки сходны со следами птичьих лап на песке близлежащей отмели. Сравнив их, Фуси начертил восемь триграмм, от которых и пошла письменность». Затем правили Цяншэньшун (Яньди) и Гунсунь Сюаньюань (Хуанди), который был владыкой Китая с 2699-го по 2588 г. до н. э.

Хуанди, достаточно похож на климат Европы, китайцы разделили свой год не на 4 сезона, как мы, а на 5. Кроме привычных нам зимы, весны, лета и осени, легендарный император выделил пятый сезон — «конец лета» — август, поэтому китайцы считают Хуанди богом этого месяца. Что дало основание для отделения августа от других летних месяцев? Предположительно то, что август — период жары и засухи, отличающийся от плодородного и влажного начала лета.

Если верить легендам, изобретательны были и приближенные императора. Так, супруга Хуанди открыла секрет изготовления шелка, практически в то же время некто И Ди впервые создал сладкое вино, а Бо И научил людей строить колодцы. Ко времени, когда жил Хуанди, согласно древним книгам, относят такие события, как начало разведения буйволов, изобретение гончарного круга и открытие торговли расписными вазами.

По преданию, после смерти Хуанди стал божеством — верховным владыкой Центрального Небесного дворца, а четырнадцать из двадцати пяти сыновей Хуанди стали родоначальниками известных китайских кланов.

Некоторые историки, считающие Хуанди реальным лицом, полагают, что этот император — законодатель и изобретатель — сам был не китайцем, а пришельцем-завоевателем. Они предполагают, что Хуанди был вождем одного из племен, обитавших во Внутренней Монголии.

Еще одного легендарного императора по имени Шунь¹³ (2256–2205 гг. до н. э.) иногда считают бывшим князем луншаньцев, поскольку в мифах его называют варваром, явившимся из «страны гончаров». Однако те же мифы указывают, что эта «страна гончаров» находилась на востоке, а не на западе. А ведь, судя по характеру принесенных в Китай нововведений, луншаньцы пришли именно из западных земель.

Правление Шуня было недолгим, так как он был вынужден отречься от власти в пользу «укротителя наводнений» Юя. Если этот император был историческим лицом, то можно предположить, что он создал какую-то мощную систему сооружений, защищавшую Китай от губительных разливов Хуанхэ.¹⁴ Однако предание приписывает ему еще большую заслугу: якобы именно Великий Юй спас землю от потопа.

Версий мифа о потопе в китайской культуре несколько. Примечательно, что китайская оценка потопа отличается от христианской. Автора китайского мифа о потопе совершенно не волнует, из-за чего он приключился. Природная катастрофа для него была данностью. Необходимо было не размышлять, а чего это вдруг бог (или боги) на нас разгневались, а срочно исправлять положение.

Согласно одной версии мифа, великий Небесный император Шанди послал на усмирение потопа супругов-великанов Пу-фу. И хотя эта работа была им вполне под силу, они отнеслись к ней халатно. Тогда император вместо великанов послал героя Юя, который усмирил потоп, проложив русла рек на Земле. Так трудолюбие победило стихию. В этом случае Юй, конечно же, не был простым человеком, он обладал божественной силой, которая как раз и проявилась в решении сложной, фактически непосильной задачи.

У этого мифа есть два продолжения, которые хорошо характеризуют китайское мышление. Во-первых, нерадивые великаны были наказаны Небесным императором Шанди. Он оголил их тела и, совершенно обнаженных, поставил рядом друг с другом посреди обширной пустыни на юго-востоке. Ни в холод, ни в жару они не пили и не ели, лишь небесной росой утоляли свой голод и жажду. И только когда очистилась вода в Хуанхэ, этим супругам было разрешено «вернуться к своим обязанностям». Интересно, что наказание в китайских мифах никогда не бывает вечным, как это свойственно христианской мифологии,

¹³ От Хуанди власть, согласно конфуцианским историкам, перешла к Шаохао, затем последовательно — к Чжуньсюю, Дику, Дичжи и Яо. Следующим за Яо и был Шунь.

¹⁴ Миф о потопе — один из древнейших в истории человечества. Он существует не только в Китае, но и практически во всех регионах земного шара. Многие исследователи полагают, что миф о потопе столь распространен, поскольку отражает реальный исторический факт — подъем уровня Мирового океана вследствие таяния ледника в X–IX тыс. до н. э. Другая версия говорит о том, что в возникновении этого мифа «виноваты» разливы великих рек, на берегах которых развивались древнейшие цивилизации.

для китайца наказание — временное ущемление, которое через какое-то время отменяется, и человек вновь возвращается к прежнему состоянию. Любопытно и то, что в мифологии китайцев великаны, карлики, драконы, оборотни занимают очень важное место, они всегда находятся вблизи человека, они в каком-то смысле «одомашненные животные», помогающие человеку в его делах (таковы, например, великаны Чию, Куафу, Синтянь, которые участвуют в военных походах и народных восстаниях вместе с людьми).

Второе продолжение мифа о потопе рассказывает о судьбе самого Юя. Он, желая проникнуть на недоступную простым смертным гору Хуаньюаньшань, принял облик медведя, но по возвращении с горы не смог вернуться в свое человеческое тело. Его жена Тушаньши не признала в ломившемся в ее дом медведе своего супруга, испугалась и убежала на гору Сунгаошань. Юй нагнал ее, но она превратилась в камень. Впоследствии из этого камня родился их сын Ци. Итак, мы видим совсем другого Юя — возгордившегося и наказанного за нарушение запрета.

Есть и совершенно другой миф о спасении мира от потопа. Его главным героем выступает вовсе не Юй, а некто Гунь. Вероятнее всего эти мифы, известные в двух различных регионах Китая, были позднее объединены. Поэтому многие средневековые тексты указывают, что Гунь и Юй действовали вместе, хотя действия каждого из героев настолько отличны по смыслу, что трудно себе представить, что они объединились. Более того, некоторые китайские авторы даже предполагали, что было два разных потопа — «потоп Гуня» и «потоп Юя». Причем «потоп Гуня», согласно китайским трактатам, был намного раньше, нежели «потоп Юя». Гунь спас людей от потопа тем, что проник на небо и украл в Небесном Дворце сижан (саморасширяющуюся землю). Спустившись с небес, он бросил сижан в бурные воды потопа. Сижан стал вбирать в себя воду и расти. Люди, беспомощно барахтавшиеся в воде, смогли выйти на сушу. Однако в дальнейшем он вел себя очень вызывающе и дерзко, потому что считал, что за спасение от потопа все ему должны быть благодарны. Он никогда не совершал добрых дел, поскольку считал, что и так для людей сделал много. В конечном счете люди не могли справиться с героем и были вынуждены убить своего спасителя.

В более поздних трактатах, таких, например, как «Исторические записки» Сымы Цяня, авторы противопоставляют Гуня-неудачника и успешного Юя. Вот как описывает этот эпизод Сыма Цянь:

«Юй носил имя Вэнь-мин. Отца Юя звали Гунь, отца Гуня звали император Чжуаньсюй, отца Чжуаньсюя звали Чан-и, а отца Чан-и звали Хуанди. [Таким образом], Юй являлся праправнуком Хуанди и внуком императора Чжуаньсюя. Прадед Юя Чан-и и его отец Гунь не занимали императорского престола, а были простыми подданными. Во времена Яо воды потопа разлились до небес, они на неоглядных пространствах окружили горы и залили холмы, и народ, живший в низинах, пребывал из-за этого в печали. Тогда Яо стал искать человека, способного обуздать воды. Все [приближенные к нему] чиновники и помощники сказали, что это сможет сделать Гунь. Яо возразил: „Гунь — тот, кто нарушает приказы и вредит сородичам, [он] не годится“. Его помощники ответили: „Если сравнить его [с другими], то нет таких, кто был бы мудрее Гуня. Желательно, чтобы вы, император, испытали его“. Послушал Яо своих помощников и поручил Гуню обуздание вод. Прошло девять лет, но наводнение не утихало, и усилия [Гуня] не увенчались успехом. Тогда император Яо опять стал искать подходящего человека и на смену [Гуню] обрел Шуня. Шунь был выдвинут и использован [в делах], он стал править от имени Сына Неба и объезжать владения. Во время поездок [он] увидел, что в обуздании вод Гунь ничего не добился, поэтому выслал Гуня пожизненно в горы Юйшань.

В Поднебесной все считали наказание, наложенное Шунем [на Гуня], правильным. После этого Шунь выдвинул сына Гуня Юя и повелел ему продолжить дело Гуня. Когда Яо умер, император Шунь, обратившись к помощникам, спросил: „Есть ли среди людей такой, кто мог бы завершить и прославить деяния Яо, чтобы поставить его на должность чиновника?“. Приближенные ответили: „Если Бо-юя поставить начальником земляных

работ, он сможет завершить их и прославить деяния Яо“. Шунь, сказав „О, правильно!“, отдал приказ Юю: „Ты будешь приводить в порядок воды и земли. В этом будь старателен!“ Юй, поклонившись до земли, стал уступать [должность] Се, Хоу-цзи и Гао-яо, но Шунь сказал: „Ступай и занимайся порученным тебе делом!“ Как человек Юй отличался острым умом и усердием, добродетели никогда не покидали его, его человеколюбие вызывало любовь к нему, его слова [всегда] заслуживали доверия. Голос [Юя] служил основой тонов, тело его служило основой мер длины. В мерах веса тоже исходили из него. [Юй был] неутомимым в делах, сохранял величественный вид и служил [для всех] образцом и примером. Затем Юй, удостоившись вместе с И и Хоу-цзи повеления императора, приказал владетельным князьям и байсинам поднять тягловых, чтобы они занялись устройством земли. [Он] объехал горные хребты и обозначил их вехами, определил высокие горные вершины и большие реки. Юя огорчало, что его предшественник — [родной] отец Гунь не добился успеха [в обуздании вод] и был наказан, поэтому он упорно трудился и напряженно обдумывал [порученное ему]. Тринадцать лет [Юй] жил вне дома и, даже проходя мимо ворот своего дома, не смел заходить в него. [Юй] одевался скромно, ел просто, [но зато] с крайней почтительностью служил духам людей и небесным духам. Живя [сам] в бедном жилище, [он] ничего не жалел для устройства каналов и рвов. По суше [Юй] ездил в повозке, по воде передвигался на лодке, по грязным местам ходил с помощью мокроступов цуй, по горам ходил в обуви с шипами. [Около Юя] слева [всегда находились] уровень и веревка, справа — циркуль и угольник. [Юй] вел записи четырех сезонов года. Так Юй создал девять областей, проложил девять дорог, оградил [насыпями] девять озер и измерил девять горных хребтов. Юй приказал И выдать народу рис и разрешил людям сеять его в низких и сырых местах. Повелел Хоу-цзи выдать народу ту пищу, которая добывалась с большим трудом. При нехватке пищи приказал переправлять излишки [из других мест], чтобы снабжать друг друга и тем уравнивать положение владетельных князей. После этого Юй поехал ознакомиться с тем, что производит земля, чтобы установить подношения правителю; ознакомиться с удобствами и выгодами, даруемыми горами и реками».

Нельзя не заметить, что это описание значительно отличается от изначальных версий. Примечательно, что Сыма Цянь не столько рассказывал современникам и потомкам миф о потопе, предполагая, что он и так им известен, сколько пытался внушить читателям конфуцианскую мысль о том, что в основе благого существования государства и отдельного человека лежат чистые помыслы, скромность и умеренность.

Великий Юй считается основателем первой китайской династии Ся. Согласно древним книгам, 17 императоров этой династии правили несколько сотен лет, однако объективные историки и эту династию считают легендарной. Время ее правления разные исследователи обозначают весьма произвольно. Одни считают, что династия Ся правила в 2205–1557 гг. до н. э., другие — в 1989–1756 гг. до н. э., третьи — в 2070–1600 гг. до н. э.

Многие современные китайские историки предполагают, что именно династии Ся принадлежит город и дворец, найденный при раскопках в Эрлитоу. Однако существование второго крупного города и дворца в Эрлигане предполагает, что династия Ся (если, конечно, ей принадлежал дворец Эрлитоу) правила примерно половиной Китая. Кто же владел второй половиной страны и правил в Эрлигане? Возможно ли, что после победы одного из враждующих царств над другим, его история была уничтожена вместе с его защитниками? Или, может быть, умные китайские хронисты составили свою последовательность царей из двух правивших параллельно династий? Впрочем, возможно, что историки после победы одной из династий попытались спасти память о проигравших, внося их в хроники под видом династий более раннего времени.

Откуда же взялось название династии-фантома? Согласно традиционной версии, к роду Ся принадлежал Юй. Однако можно предположить и другое. Дело в том, что иероглифы Хуа Ся на момент написания «Шицзин» (древнейшие фрагменты датируются около 1000 г. до н. э.) — главного исторического сочинения, повествующего о китайской древности, — обозначали весь известный и освоенный Китай и были синонимом более позднего понятия

«Поднебесная» (Тянь Ся). Вот второй иероглиф этого слова (буквально — «земля», «страна», «край») и стал обозначением древней династии.

Согласно летописям, всей полнотой власти пользовались лишь первые поколения правителей государства Ся, а затем императоры остались лишь духовными наставниками, верховными жрецами бога Неба и хранителями таинственной силы жизни и плодородия всей страны. Таких правителей историки называют царями-жрецами, поскольку они не столько правили страной, сколько выполняли жреческие функции. В то же время реальная власть находилась в руках вождей племен, которые, договариваясь между собой, сохраняли единство династического правления таких царей-жрецов. Одним из секретов императоров династии Ся было их умение составлять календарь.

ТАЙНЫ «ТЕМНОЙ» ДИНАСТИИ

Конфуцианские трактаты не уставали подчеркивать, что упадок Ся начался, когда императоры стали пренебрегать своими жреческими обязанностями и, в частности, ошибаться в составлении календаря.¹⁵ В результате правитель области Шан по имени Ли поднял восстание против нарушившего свои обязанности императора из династии Ся и основал собственную династию.¹⁶ Впрочем, у этой династии есть и другое название — Инь. История двойного имени этой династии довольно любопытна. «Инь» («темная») ее впервые в истории назвали преемники — чжоуские правители. Весьма вероятно, что во времена Чжоу и позднее таким образом подчеркивали ее темное, злое начало. Хронисты-конфуцианцы очень не любили династию Шан-Инь: вполне возможно, что шанский двор был местом формирования даосизма, и именно поэтому история этой династии так пострадала от конфуцианских историков. Однако существует и другое объяснение. Вполне возможно, что тела шанцев имели несколько иной цвет, нежели у жителей долины Хуанхэ: их кожа была темнее, нежели кожа коренных китайцев. Но поскольку слово «инь» имеет второе значение — «луна», кожа шанцев могла быть, напротив, светлее, чем кожа «настоящих» китайцев.

Если сравнить два независимых китайских источника, то годы правления императоров Шан-Инь в них не совпадают. Тем не менее ученые практически единодушно считают ее первой исторически достоверной династией. Они утверждают, что династия Шан-Инь контролировала восток долины Хуанхэ в XVIII–XII вв. до н. э. (по другому источнику: начало XVI — середина XI вв. до н. э.). Лучше известен историкам поздний период истории Шан-Инь, когда столица империи располагалась близ современного города Аньян. В конце 1920-х гг. здесь нашли городище и могильники шанского времени. При раскопках был обнаружен огромный архив гадательных костей, расшифровка которых дала специалистам материал необычайной ценности — это были древнейшие китайские письменные тексты. Однако каких-либо сведений о том, что же представляла собой эта древняя династия до того, как столица империи была перенесена в Аньян, ученые не обнаружили.

¹⁵ Историки-конфуцианцы традиционно придерживались мнения, что смена династий в Китае происходила в результате потери последним императором предыдущей династии доверия Неба, которое переходило к первому императору новой династии. Император воспринимался как высший чиновник, назначенный Небом на эту главную в стране должность. В этом качестве император выполнял как жреческие, так и светские обязанности. Как жрец он должен был приносить жертвы богам, особенно верховному богу Неба, и соблюдать предписания жрецов относительно сохранения им ритуальной чистоты и святости. Как чиновник император ведал распределением собранного урожая, выделением денег на армию и прочие государственные нужды, руководил строительством дорог, крепостных стен, каналов, мостов и других сооружений. Понятно, что в реальности император поручал эти функции чиновникам низшего ранга, но согласно конфуцианскому канону именно он, император, был главным чиновником государства. Таким образом от исполнения этих обязанностей, подчас ритуальных, зависела жизнь подданных, и если император не справлялся, народ имел право на восстание. Напротив, реформы в китайском обществе воспринимались негативно. Реформы предполагали изменение исконного миропорядка властью императора или иного правителя. И даже самые благие начинания вызвали народные восстания с требованием возвращения к прежнему, освященному Небом обычаю.

¹⁶ Согласно конфуцианским источникам, эта династия получила название Шан по области, в которой располагалась столица. Такая традиция сохранится и для многих последующих династий.

Более десятка императорских гробниц в Аньяне поражают размахом погребений: рядом с царственным покойником и многими сотнями сопровождавших его на тот свет сподвижников, жен и слуг были обнаружены великолепные изделия из бронзы, камня, кости и дерева (оружие, украшения, сосуды с многофигурными композициями и богатым орнаментом), боевые колесницы с тонкими и прочными колесами со множеством спиц, а также запряженные в эти колесницы боевые лошади.

Именно с этими колесницами связана одна из загадок династии Шан-Инь. Дело в том, что в период Яншао в Китае не было ни колесниц, ни повозок, ни просто колес. Возможно, что это было связано с культом Солнца, которому поклонялись народы Яншао. Единственным исключением был гончарный круг, но его появление, видимо, было связано с тем, что сама работа гончара считалась священнодействием, а обжиг в печи глиняной посуды напоминал в какой-то мере палящие лучи солнца. Не было в период Яншао и одомашненной лошади, ведь ближайшим районом обитания диких лошадей были степи Зауралья.

А вот боевые колесницы вообще неизвестны у окружавших Китай кочевников. Историки отмечают, что подобные колесницы известны за десятки тысяч километров от шанского Китая — в Анатолии (современная Турция), их использовали современники Шан-Инь митаннийцы и хетты. Сама форма боевых колесниц настолько близка по форме ближневосточным, что иногда китайские колесницы считают их точной копией. Поэтому некоторые исследователи даже предполагают, что династия Шан была основана ариями (индоевропейцами), совершившими гигантский по своему размаху бросок с Ближнего Востока в долину Хуанхэ. Впервые об этом заговорили накануне Второй мировой войны немецкие исследователи, однако позднее их выводы были поставлены под сомнение китайскими археологами.

Насколько справедлива эта гипотеза? Действительно, ариям принадлежит приоритет в одомашнивании лошади. Трудно не согласиться и с утверждением, что боевая колесница является арийским изобретением. О боевых колесницах индийских богов мы знаем из ведических трактатов. Но являются ли колесницы в аньянских гробницах достаточным основанием для того, чтобы считать всю династию Шан-Инь арийской? Навыки ухода за лошадьми и управления боевыми колесницами не являются исключительно арийским умением. После того, как хетты и митаннийцы на своих боевых колесницах завоевали Анатолию и верховья Тигра и Евфрата, боевыми колесницами пользовались и ассирийцы, и вавилоняне, и египтяне. Вспомним, что на боевых колесницах воевали с врагами и охотились в дельте Нила египетские фараоны с такими неарийскими именами, как Рамзес и Аменхотеп. На стеле, посвященной победе над хеттами в Кадешской битве, Рамзес II изображен поражающим врагов как раз на такой колеснице. Более того, антропологи единодушны — скелеты императоров и ближайших подданных, погребенных вместе с императором, — однозначно монголоиды, по облику близкие к современным китайцам, обитающим в окрестностях Аньяна и севернее его. Арийский миф в очередной раз оказался дутым.

Современные научные представления действительно допускают, что ряд арийских племен мог попасть в Китай в луншаньское время, когда впервые на территории Китая появляется домашняя лошадь. Колесницы того времени еще не обнаружены, но вполне возможно, что как раз тогда они и появились в Китае. Луншаньские традиции, как мы уже говорили, были сильны в шанское время, но и луншаньские, и шанские погребения представлены исключительно монголоидами, а значит, несомненная арийская примесь в луншаньской культуре была незначительной, хотя такое арийское изобретение, как колесница, было усвоено китайцами. Также указывает, по мнению некоторых исследователей, на якобы арийское происхождение шанской династии стилистика изображений на шанской бронзе. Она действительно напоминает присущий историческим скифам «звериный стиль». Но вот только скифы впервые увидели боевые колесницы, когда на них напал в середине 1 тыс. до н. э. персидский царь Дарий. А боевые колесницы попали в войско Дария после того, как он завоевал Ближний Восток, где боевые колесницы действительно были очень популярны. Интересно и другое несоответствие — скифы никогда

дальше Алтая не продвигались, а на территории Азии восточнее Алтая колесного транспорта никогда и не было, кроме как в самом Китае. Да и на самом Алтае речь идет не о боевых колесницах, а о двух-, реже, четырехколесных повозках кочевников.

Есть и другой аргумент против арийского происхождения шан-иньцев. У ариев не было развернутого культа мертвых. Так, иранские племена вообще старались отгородиться от мертвых, они клали тела своих покойников на особые ритуально нечистые «башни молчания» и оставляли их птицам-падальщикам. Арии Индии и Европы кремировали покойников, также считая, что мертвецы вредят миру живых. Погребения жен, еще реже слуг арийского вождя известны, но они связаны скорее с развитием рабства, поскольку встречаются в то же время и у неарийских народов. Напротив, сама идея того, что покойный правитель, находясь в гробнице, помогает живым, довольно часто встречается в культурах Средиземноморья, например, в Древнем Египте, вся жизнь которого была пронизана необходимостью обеспечения загробного существования. Но опять-таки нет никаких свидетельств о контактах египтян и китайцев в те далекие годы, и уж конечно у египтян никогда не было гадания по лопаткам жертвенных животных. К тому же заупокойные верования китайцев существенно отличались от верований египтян. Для китайских императоров важным было сохранение своего земного существования при помощи волшебной «пилюли бессмертия», тогда как египтяне стремились обеспечить себе вечное счастливое посмертие. И даже жизнь умерших императоров в аньянских гробницах была полной аналогией земного существования, поэтому требовалось присутствие при дворе мертвого императора всех, кто был мил ему при жизни. Не было, конечно, у египтян и практики умерщвления слуг и придворных умершего фараона. Поэтому можно говорить лишь об отдаленных аналогиях между этими двумя великими культурами.

Не доказывается арийская теория и на лингвистическом уровне. В то время как некоторые лингвисты находят параллели между языком сменившей Шан династии Чжоу и индоевропейским, сравнение, к сожалению, с шанским языком невозможно — от Шан сохранились лишь надписи на костях, тогда как от Чжоу сохранилась рифмованная книга песен «Шицзин».¹⁷ Есть и более простое объяснение арийского влияния на позднюю империю Шан и Чжоу. Дело в том, что к западу от Чжоу в эпоху Шан жило индоевропейское племя тохаров. В 1966 г. историк Э. Паллиблэнк предположил, что именно это племя могло быть посредником между Китаем и западной цивилизацией.

Но все-таки даже происхождение Шан-Инь до сих пор остается загадкой. Согласно общепринятой среди китайских историков версии, племена Шан пришли из северных районов Центрального Китая.

Археологи часто связывают формирование традиций династии Шан с более древними династиями, правившими в Эрлитоу и Эрлигане. Дело в том, что коллекция обнаруженных в Аньяне роскошных бронзовых изделий очень близка по манере исполнения с этими древними бронзами. Еще два важных момента сходства — техника гадания и царские гробницы. Письменность аньянского архива предстает перед нами в виде хорошо развитой системы иероглифов, сохранивших до наших дней свое начертание. Историки утверждают, что такая сложная иероглифическая система не могла возникнуть в краткий промежуток времени, а складывалась в течение многих столетий. Письменность более древних гадательных надписей практически не поддается расшифровке, значит, иероглифика, близкая к современной, сложилась между Эрлитоу-Эрлиганским периодом и династией Шан.

Что же представлял собой Китай в период Шан?

Благодаря археологам мы знаем, что шанцам были известны пшеница и ячмень, знакомые китайцам еще с луншаньского времени, местные злаки — чумиза и рис, а также бобы и фасоль. Из этих злаков и бобов шанцы варили каши и похлебки. Дополнением к кашам были различные овощи и фрукты. В пищу также употребляли грибы, ягоды, корни и травы. Конопля шла и на масло, и на ткани, однако ткани в то время уже умели изготавливать и

¹⁷ Чжоуский текст рифмованной книги песен «Шицзин» помог шведскому синологу Б. Карлгрену совершить великое открытие — расшифровать звучание раннечжоуских иероглифов.

из шелка. Основными домашними животными были свинья и собака. Видимо, собак, так же, как и позже, выращивали на мясо. Коровы и лошади, овцы и козы, куры, утки и гуси также были известны шанцам, но были довольно редки на столах того времени. Зато много ловили рыбы и дичи. Основными объектами охоты были кабаны, олени, тигры. Возможно, в то время китайцам удалось приручить обитавшего на юге Китая слона. Слонов не ели, а использовали для перевозки грузов и расчистки местности от завалов. Большое военное хозяйственное значение имели лошади.

Простые шанцы жили в таких же хижинах-полуземлянках, что и их предшественники яншао и луншаньцы. Среди таких хижин величественно возвышались императорские дворцы, которые были построены уникальным, нигде в мире более не известным способом, носящим название «ханту». Отличие этого способа от приемов кирпичного или каменного строительства, распространенных в Средиземноморье и Междуречье, столь разительно, что не позволяет говорить о каком-то западном заимствовании. Дворцы и крепостные стены Китая, начиная с самых первых дворцов Эрлитоу и Эрлигана, возводили уникальным способом: в специальные длинные деревянные формы клали слои мокрой земли и глины, которые затем утрамбовывали каменными пестами. Когда получившиеся длинные лепешки высыхали, то их укладывали друг на друга. Такую толстую глиняно-земляную стену, снаружи напоминающую кирпичную кладку, изнутри укрепляли камнями и деревянными балками. Длинные лепешки ханту слегка напоминают кирпичи, но, во-первых, при производстве кирпичей не использовался обычный грунт, а во-вторых, получившиеся ханту не разрезали на отдельные кирпичи, а выкладывали как есть.

В шанском Китае впервые наглядно произошло разделение страны на два мира — мир крестьян и мир императорского двора. В столичной зоне, простиравшейся на несколько десятков километров, располагался один или несколько крупных городов. В столице жил император и его приближенные. Также в столице и соседних городах расселялись воины и чиновники, ремесленники и слуги. Здесь располагались дворцы и мастерские, амбары и склады, казармы и поля, принадлежавшие двору вана (правителя).

Император-ван, возглавлявший шанцев, был, как уже упоминалось, не только светским главой страны, но и царем-жрецом, он совершал ритуалы в честь шанди (покойных предков, живущих на небе). Он был символом благополучия и счастья всего шанского народа и подчиненных ему территорий. Он, и только он один («Я, Единственный», как он обозначал себя в гадательных текстах) мог быть посредником между миром живых и умершими. Интересно, что такими способностями, согласно верованиям тюркских племен, обладали шаманы. Шанди были наиболее почитаемыми богами при дворе шанского императора, они обладали высшей святостью и неоспоримым могуществом. Их оповещали обо всем, что происходило на земле с их наследниками-ванами и всем народом империи. Императоры обращались к ним за советом и содействием по любому поводу, будь то урожай, война или благополучные роды супруги вана.

Известно также, что шанцы поклонялись лесным духам, духам-покровителям животных и духам, превращавшимся в животных. Именно со времен Шан-Инь в китайский фольклор вошли легенды и сказки о лисицах-оборотнях. Такие оборотни, если верить сотням легенд, собранных древнекитайским историком Пу Сун Лином, способны превращаться то в лисиц, то в прекрасных девушек. В человеческом облике они сожительствоуют с приглянувшимся им одинокими мужчинами и за это могут наградить сожителя богатством, славой и высоким социальным положением, однако они не прощают измены и приводят предателя к ужасному концу — бедности, краху торговли, падению с социальных высот и даже к опале и публичной казни. В религии шанских племен главную роль занимала богиня земли Она, иногда представлявшаяся в виде черной кобылицы. А вот мужское божество Неба не пользовалось у шанцев большой популярностью.

Вокруг столицы располагались «большие поля», о которых не раз императоры спрашивали у покойных предшественников с помощью гадательных надписей. На таких полях нередко работал даже сам император и его двор, а урожай предназначался как для

ритуальных целей, так и для кормления двора. Эти поля были настолько священными, что простолудин не мог подходить к ним, а когда становилось ясно, что император и его свита не могут засеять поля или убрать с них урожай, то для приглашения крестьян (чжун) на эти поля специально испрашивали разрешение у покойных императоров. Были ли случаи, когда покойники отказывались дать добро на приглашение крестьян, достоверно неизвестно, во всяком случае близ Аньяна археологи обнаружили склад, в котором хранилось 3500 казенных серпов, выдаваемых крестьянам для сбора императорского урожая. Возможно, что крестьяне попадали на эти обязательные работы по жребью или даже добровольно — за пропитание и одежду. Во всяком случае свидетельств, что в шанском государстве было много рабов, использовавшихся на уборке урожая или для других нужд, историки не находят.

Гадательные таблички не упоминают о привлечении к уборке урожая военнопленных или рабов, напротив, упоминались только свободные крестьяне. Впрочем, это совершенно логично для такой мистической династии, как Шан: император и его двор не могли есть зерно, собранное иноплеменниками или рабами, которые по определению нечисты. Нечистому человеку (рабу, иноплеменнику) запрещено было даже приближаться к священному полю вана. Предки вана (шанди) могли обидеться на него за то, что он кормит их нечистыми продуктами, а значит, всю страну могли ожидать большие несчастья, эпидемии и природные катаклизмы. Кстати, с больших полей кормился не только сам император и его двор, но и многочисленный чиновничий аппарат. Также в императорские зернохранилища и склады поступали многочисленные налоги от подвластных земель.

Вокруг императорских полей располагались обширные охотничьи угодья — луга и непроходимые леса, охотиться в которых разрешалось только вану и его свите, а возможно, и особым императорским охотникам, поставлявшим дичь ко двору вана. Такая зона нетронутой природы служила своего рода ритуальным и физическим буфером между двором правителя и простыми людьми.

Основной административной единицей шанского Китая была «И». Самым удачным переводом иероглифа «И» служит слово «местность», поскольку в гадательных табличках он обозначает и крестьянские деревни, и города, и столичный округ, в котором находилась резиденция императора. Крестьянская община каждой «И» была обязана следить за порядком в своей местности. Это включало и работы по, так сказать, благоустройству территории — строительство мостов, дорог, прокладывание каналов. Крестьяне по жребью определяли тех, кто должен был идти на такие государственные работы. Опять-таки дороги и мосты не могли быть построены руками «нечистых», а значит, строить их приходилось крестьянам.

Вокруг столичного округа располагались владения приближенных императора, которым эти владения выдавались для защиты императорского двора. Такие владения были буферной зоной, ограждавшей императорский двор от нападений извне. В более поздние времена подобные земли назывались «поясом нэйфу». Одновременно, согласно надписям на гадательных костях, было около 200 таких владений, различавшихся названиями (хоу, бо, фу, цзы, тянь и нань), однако чем именно один тип владения отличался от другого историкам неизвестно. Двор наместников был образован по образцу двора вана, но со значительно меньшим размахом. Владения наместников были меньше и проще, чем владения правителя. При каждом наместничестве стоял довольно большой гарнизон. Вполне вероятно, что наместники частенько воевали друг с другом, надеясь расширить свои владения за счет соседа, также они плели интриги, устраивали заговоры, создавали и разрушали коалиции.

Историки предполагают, что владения наместников вана были не очень велики и занимали в целом территорию радиусом не более 150 км вокруг столицы. Численность собственно шанского населения, обитавшего на этой территории в начале правления династии, историки оценивают в 150–200 тыс. человек.

За поясом владений наместников императора располагалась третья зона, или как ее называли в последующие времена — внешний «пояс вайфу». Согласно гадательным

надписям, войны с племенами этой зоны практически не прекращались. Но так было не всегда. Дело в том, что аньянский архив сообщает лишь о временах позднего Шан, когда древняя династия шаг за шагом сдавала позиции под натиском с запада.

В государстве Шан была профессиональная армия, вооруженная бронзовым оружием — мечами, наконечниками для стрел и копий. Сейчас, конечно, бронзовое оружие кажется игрушечным, но в то время железо еще не было известно в Китае, значит, даже бронзовые мечи представляли собой грозную силу. Мощной ударной силой были шанские конные лучники, которые буквально засыпали противника градом стрел, а благодаря своим быстрым коням они были мобильны и появлялись перед противником в самый неожиданный момент. Боевые же колесницы шанцы использовали для дезорганизации войска противника.

Благодаря сильной и хорошо организованной армии границы Китая в эпоху Шан значительно расширились. Шанцы дошли до реки Янцзы и стали постепенно заселять ее долину, а возможно расселились и вплоть до ее устья. Итак, империя Шан-Инь охватывала большую часть современных провинций Хэнань, Шаньси, Шэньси, Хубэй, Хэбэй, Шаньдун, Аньхой и Цзянсу. Императоры Шан предоставляли вождям племен неограниченные права в пределах владения каждого из них с условием, что они не станут выступать против центральной власти и через определенные периоды времени будут являться ко двору с подарками, символизирующими преданность шанскому правителю.

Именно мощь государства Шан ослабляли междоусобицы. Дело в том, что в начале правления династии трон шанского вана наследовался иначе, нежели это практиковалось в более поздние времена: власть передавалась не от отца к сыну, а от брата к брату либо от дяди к племяннику с учетом старшинства и поколения. Возможно, что при наличии нескольких равных в своих правах на трон претендентов происходили выборы. Об этом достоверно ничего не известно, но в китайских исторических трактатах есть некоторые указания на то, что право выбирать из нескольких кандидатов могли наместники окрестных земель. Вполне вероятно, что существовали особые ритуалы, в которых шанцы благословляли избрание того или иного вана. И только в аньянское время нормой стала передача власти от отца к сыну, что свидетельствовало о победе дома вана над каноническим кланом со множеством его боковых линий. Историки предполагают, что отход от традиционной системы престолонаследия мог стать причиной падения династии Шан.

Метафизически попытки реформы престолонаследия были для народа Шан отходом от традиционного миропорядка. Исторически же эта реформа привела к тому, что вокруг наследственного императорского двора объединилось несколько обиженных кланов, состоявших из родственников императора, потерявших право на престол. В прежних условиях коллективная ответственность спланивала их вокруг действующего вана, они стремились расширить империю и способствовать благополучию страны в призрачной надежде на то, что они или их потомки смогут стать императорами. Теперь же они могли получить трон лишь в том случае, если правящая линия прервется и погибнут все более реальные претенденты на трон. Империя Шан вступила в период династических склок. Согласно гадательным табличкам, наследники формально принадлежали к одному клану Доцзыцзу (клан сыновей ванов), но внутри его они образовывали союзы и плели интриги друг против друга. Ради призрачной надежды на трон они подрывали основы государственности, уничтожали друг друга в войнах и наветах. Исходя из всего этого, представляется вполне возможным, что основателями династии Чжоу, которая сменила династию Шан, были члены императорской семьи, потерявшие по новому закону право на шанский трон.

Во всяком случае так описан приход династии Чжоу в «Исторических записках» Сымы Цяня. Он рассказывает о девушке Цян, которая зачала от того, что наступила на след великана. Родившийся мальчик рано стал проявлять магические способности, особенно в сфере земледелия. За них он получил от легендарного императора Шуня должность-титул хоуцзи (князь проса), прилагавшиеся к должности земли в местности Тай и новое родовое имя Цзи. Его потомки (будущее племя чжоу), кочуя по Китаю, то теряли свои

земледельческие навыки, то обретали их вновь, пока при императоре Гунлю не переселились на берега реки Вэй (приток Хуанхэ, близ современного г. Сиань). Там они пасли свои стада несколько поколений, пока наконец при Гугуне Даньфу чжоусцы прочно осели на земле. Даньфу женил своего младшего сына Цзили на шанской аристократке Тайжэнь и сделал его своим преемником, т. к. Тайжэнь происходила из императорского шанского рода, но ее потомки не могли претендовать на трон. Древние китайские историки могли придать истории благовидный облик ради подтверждения собственных убеждений. Браки дочерей императора должны были замирить «проблемные» провинции и сделать их более лояльными. Впрочем, так ли происходили события на самом деле или Тайжэнь была собирательным образом, сказать сложно.

Итак, Цзили правил племенем чжоу и получил от шанского вана почетный титул сибо (правитель Запада). Его сын Чан получит прозвище Вэньван (император-ученый). Он правил своим племенем более 50 лет. При его правлении чжоусцы переняли письменность, научились пользоваться боевыми колесницами и изготавливать изделия из бронзы, а также освоили много других шанских умений. Впрочем, нам представляется, что этот портрет изрядно идеализирован. Вэньван занимался тем, что постепенно сколачивал антишанскую коалицию и незадолго до своей смерти предпринял неожиданный шаг — провозгласил себя императором. До этого в Китае был лишь один император — шанский. Но теперь то ли антишанская коалиция стала столь сильна, что шанский правитель не мог покарать своего зарвавшегося вассала, то ли шанский двор разрывали проблемы и склоки, но самопровозглашенному вану все сошло с рук. Впрочем, вскоре он умирает при загадочных обстоятельствах: то ли шанские шанди убили предателя, то ли кто-то подсыпал Вэньвану яду. Наследовал Вэньвану его старший сын Уван (царь-воин), который продолжил дело отца и в битве при Муе разгромил войско последнего шанского вана Дисиня.

История умершего в 1122 г. до н. э. последнего императора Шан-Инь, известного под именем Дисинь, подробно описана в «Исторических записках» Сыма Цяня. Дисинь, сын императора Диюя, вззошел на престол в 1155 г. до н. э. и проявлял незаурядные способности в управлении империей. В нескольких успешных войнах с пограничными племенами ему удалось увеличить размеры своей империи. Он обладал также необыкновенной физической силой. Однако с возрастом в нем стали проявляться негативные черты характера — заносчивость, свирепость, женолюбие и склонность к пьянству, а самомнение императора достигло такой степени, что он провозгласил себя Небесным правителем и приказал строить на горе в своей столице Чаогэ «Оленью башню» гигантских размеров. По свидетельству Сыма Цяня, за семь лет строительства неустанно работавшие на стройке десятки тысяч рабов возвели ее «выше облаков». Эта башня была окружена отделанными нефритом гигантскими дворцами, а вокруг них он разбил многочисленные сады для увеселений. В этих садах Дисинь приказал устроить винные озера и мясные леса. Забавы ради он сгонял в озера и сады своих слуг и рабов и наблюдал, как они напиваются и тонут. Дисинь разослал по всей стране своих солдат, чтобы они для него разыскивали и похищали красивых женщин. Также Дисинь прославился как изобретатель изощренных пыток. Одна из таких пыток, описанная Сымой Цянем, состояла в том, что над большим костром подвешивали бронзовый столб, обильно смазанный маслом. Осужденного заставляли идти по этому столбу, а император вместе со своими наложницами наблюдал, как несчастные падали на раскаленные угли и сгорали заживо. Часто в опалу попадали владетельные князья и высшие чиновники государства, которые пытались порицать его безумное поведение. Так были казнены князья Цзюхоу и Аохоу, а чжоуский князь Вэньван чудом избежал смерти, но провел много лет в подземной тюрьме Юли. Спас ему жизнь огромный выкуп, собранный приближенными князя. Сын Вэньвана Уван, как уже говорилось выше, поднял восстание против Дисиня, собрал под свои знамена войска всех 800 удельных князей Китая (за исключением княжества Гучжу) и выступил в поход. В сражении у столицы империи Чаогэ войско Дисиня было разгромлено, сам он бежал в столицу, поднялся на «Оленью башню», надел императорскую одежду, украшенную драгоценными камнями, разжег в башне огонь и бросился в него. Когда в город

вступило войско победителей, то воины нашли тело Дисиня, и новый император Уван приказал отрубить трупу деспота голову и выставить на всеобщее обозрение.

Итак, Уван занял столицу Шан. Там он, согласно официальной версии китайских исторических трактатов, совершил жертвоприношение в храме шанди. По непонятной причине Уван не смог сам занять шанский престол, а был вынужден передать трон императора сыну Чжоусиня Угэну, назначив присматривать за ним своих братьев Гуаньшу и Цайшу. После этого он щедро наградил своих воинов и союзников захваченными в шанской столице драгоценностями и возвратился домой.

Вроде бы у Сымы Цяня речь идет об устранении недобродетельного правителя Дисиня. Но что-то тут не сходится. Если Уван действительно был наследным ваном Чжоу, то коронация марионеточного правителя Шан была бы глупостью. С другой стороны, вызывает сомнение то, что Уван принес жертвы в храме шанди. Скорее всего он просто вошел в этот храм и осквернил и ограбил его, а затем, опасаясь гнева шанди и самих шанцев, ретировался домой. Вполне возможно, что как раз падение столицы и осквернение храма и привело к необходимости строительства новой столицы Шан в Аньяне.

Перенести столицу из одного места в другое было делом непростым. Ведь, как известно, для древнего человека центром мира был расположенный в центре его поселения дом правителя. Такой правитель был одновременно и светским главой общины, и жрецом. Древние легенды гласили, что именно этот клочок суши был сотворен богами и духами из Хаоса в начале времен первым. Это место почиталось особо священным, в нем, если верить мифам, находилась мистическая лестница, по которой небесные божества спускались на землю, а сам правитель мог попасть как в мир небожителей, так и в подземное царство к духам предков.

Таким образом, перенос столицы из одного города в другой был для всех жителей империи тяжелым испытанием, ведь император отказывался от покровительства одних богов и духов и вступал под сень других божеств. Не будут ли прежние духи мстить правителю? Удастся ли ему задобрить новых покровителей? Эти сложные теологические вопросы мучили китайских философов, когда возникала потребность в переносе столицы, и для умилостивления прежних и новых божеств они разработали сложный многодневный ритуал.

Так или иначе, но именно при императоре Паньгэне, изменившем закон о престолонаследии, столицу государства перенесли из неизвестного современным историкам места в Аньян. К сожалению, местонахождение прежней столицы Шан так и остается для историков загадкой. Возможно, что во времена Чжоу или в более позднее время остатки древней столицы были разрушены, а само место, где она возвышалась, перепахано.

Древняя столица, если бы ее обнаружили археологи, могла бы рассказать намного больше об истории династии Шан. Ведь историческая амнезия этой династии просто поразительна — в шанских надписях, найденных в Аньяне, напрочь отсутствуют сведения об историческом прошлом государства. Упоминаются имена предков (шанди), которым приносили жертвы, у которых спрашивали совета, но ни разу не упоминаются их прижизненные деяния, ни один из сохранившихся текстов не содержит ни одного их деяния, реального или мифического. Нет в надписях и упоминаний о важных событиях прошлого: ни войн, ни миграций, ни катаклизмов. Историки склонны объяснять это тем, что шанская династия старалась забыть свое прошлое.

Но, возможно, это не совсем верно. Прежде всего потому, что до нас дошли не все шанские тексты. Подавляющее большинство их было утрачено. Сохранившиеся же памятники шанской письменности представляют собой очень специфические тексты ритуального предназначения и в них было невозможно отступать от сложившегося жесткого канона. Текст иньских надписей имел одно единственное предназначение — испросить у мертвых предков разрешение на некие деяния и получить от них совет и прогноз на будущее. В таких текстах просто не может быть никаких отсылок к прошлому. Например, «И Цзин», китайская «Книга перемен», гадательная книга более позднего времени, также не содержит каких-то исторических отсылок. Она не описывает то, как спрашивающий оказался в

нынешнем положении, она рассказывает о том, что будет с ним дальше. Вполне возможно, что при шанском дворе были и свои историки, чьи труды не дошли до нас потому, что они истлели в аньянских архивах или были сознательно уничтожены чжоусцами, а сохранившиеся на более прочном материале (кости) тексты имели иное предназначение.

Но следует вспомнить, что рубеж XIII–XII вв. до н. э. (а это время предположительного переноса столицы) был катастрофическим для многих регионов Старого Света. Именно тогда пала Троя, а дорийцы завоевали Грецию, многие народы в то время покинули районы своего обитания и двинулись в более южные края. Причиной этого переселения народов считается временное похолодание и вызванные этим неурожай и голод. Вполне возможно, что династия Шан-Инь столкнулась с подобной цепочкой бедствий. И как ни молились шанцы своим богам, они не смогли предотвратить катастрофу, — боги оказались глухи к их мольбам. Возможно также, хотя и недоказуемо, что прежняя столица Шан, до сих пор не обнаруженная археологами, была смыта сильным наводнением Хуанхэ. А тут еще и взбунтовались вследствие голода племена чжоу. Бежавший в Аньян двор императора смог отсрочить свою гибель на несколько сотен лет, но уже к концу XI в. пала и эта столица Шанской империи.

В последующий — чжоуский — период, как считают исследователи, и сформировалась как таковая единая китайская нация и цивилизация: именно к концу правления династии Чжоу население Китая стало настолько однородным, что перестало чувствовать себя членами отдельных племен.

Конфуцианские историки любили подчеркивать, что шанцы приносили в жертву богам или умершим императорам военнопленных и рабов. Следует отметить, что часто о чужих злодеяниях кричат преступники. В истории Китая было немало периодов, когда центральная власть особенно лютовала и людей казнили тысячами за малейшую провинность. Именно в такие времена имперские историки Китая и вспоминали, что во времена Шан-Инь злые жрецы совершали человеческие жертвоприношения.

Интересно, что человеческие жертвы, приносимые шанскими жрецами, очень напоминают ритуалы, совершаемые другими народами на другом континенте, а именно ацтеками. У ацтеков существовало учение о смене эпох, что связано с гибелью и возрождением жизни на земле. Такие эпохи они называли «солнцами». Первое солнце, по их мнению, погибло во время восстания животных — его съели ягуары, второе погибло от ураганов, в третий раз мир погиб в результате всемирного пожара, в четвертый раз — в результате потопа. Современная ацтекам эпоха «Пятого солнца» должна была завершиться страшными землетрясениями. По легенде, когда боги создали «Пятое солнце», оно по непонятной причине не смогло перемещаться по небосклону, и для того, чтобы привести его в движение, боги опять пожертвовали своей кровью. Предвидя скорый конец мира, ацтеки стали приносить человеческие жертвоприношения солнцу, ведь в крови людей есть некоторое количество божественной крови.¹⁸ Таким образом ацтеки пытались отсрочить неизбежную гибель всего человечества. Кроме того, такие жертвы благотворно действовали на мир: они могли вызвать дожди в засуху или обеспечить благополучие людей. Иногда жертвы кровью ограничивались кровопусканиями посредством шипов растения магуэй, но часто жертву жрецы убивали, распарывая ножом ей грудь и вырывая сердце. При одних обрядах в жертву приносили избранника, которому выпала честь воплощать собою божество, при других убивали множество пленников.

Сходство ацтекских и шанских обрядов настолько поразительно, что некоторые исследователи даже считают, что ацтеки — потомки династии Шан-Инь. Согласно этой гипотезе, оказавшись в плотном кольце врагов, сплотившихся вокруг Западного Чжоу, последний китайский император Шан приказал построить много кораблей, и на них императорский двор отплыл куда-то на восток. Течение прибило шанские корабли к центральноамериканским берегам, где китайцы и высадились. В дальнейшем шанцы

¹⁸ Согласно их верованиям, боги, замесив тесто, из которого они затем вылепили человека, добавили в него немного своей крови.

смешались с местным населением и передали потомкам свои верования и обычаи. Более того, сходство месоамериканских культур и китайской культуры эпохи Шан касается не только религии и мифологии, оно прослеживается в сходстве керамики, орнаментальных узорах, одежде, форме жилых домов и даже храмов, ведь многие шанские гробницы имели форму усеченной пирамиды. Такие сооружения вполне могли быть прототипами месоамериканских пирамид.¹⁹

Интересно, что эта гипотеза находит любопытные подтверждения в истории китайского мореплавания в Америку. Согласно некоторым исследователям, при императоре Юнлэ (1402–1424) китайцы достигли тихоокеанского побережья Мексики, тем самым повторив путь императоров Шан. Что именно они нашли в Америке, неизвестно, но вскоре после этого плавания все документы были сожжены, а их участники казнены. Это позволяет предположить, что мореходы, посланные Юнлэ, могли найти в Америке свидетельства пребывания там последних Шан.

Однако против этой гипотезы прежде всего свидетельствуют сами индейские народы. Согласно эпосам майя, киче и историческим преданиям ацтеков, их родина находилась к востоку от Америки, т. е. примерно там, где Платон разместил свою Атлантиду, но ни один из этих народов не считал своей родиной земли к западу от Америки. Правда, согласно майянскому эпосу «Пополь-Вух», к западу от Мексики лежит загадочная страна смерти Шибальба. В Шибальбе побывали два майянского героя — Хун-Ахпу и Шбаланке, которые смогли победить богов смерти и вернуться оттуда живыми. Совершив свои подвиги в Шибальбе, герои вознеслись на небо и стали Солнцем и Луной. Именно младший, «лунный» брат, согласно эпосу, оказывается более устойчивым к ударам зла, он остается жив, в то время как старший, «солнечный» брат, гибнет. Младшему брату удается воскресить старшего, и они вдвоем доводят поединок с демонами смерти до победного конца. Кстати, имя «солнечного брата» переводится как «стрелок». Стрелком был и китайский герой И, который получил цветок бессмертия, но умер, поскольку этот цветок был украден у него женщиной, которая спряталась от него на Луне. Что же, получается — круг замкнулся и в месоамериканских мифах мы слышим отголоски китайских преданий?

Возможно. Но историки сомневаются в достоверности обоих китайских плаваний в Америку. Дело в том, что до сих пор не обнаружено свидетельств такого плавания ни в Китае, ни в Америке. Самым надежным доказательством такого плавания было бы обнаружение шанского или минского поселения на мексиканском берегу, но увы, оно до сих пор не обнаружено. Менее надежным, но все же убедительным доказательством были бы находки комплекса китайских предметов в Мексике. Но, бесспорно китайские предметы появляются в Месоамерике лишь в XVII–XVIII вв. и связаны они с контрабандой китайских товаров.

И прежде, чем закончить рассказ о Древнем Китае, расскажем еще о двух неправдоподобных гипотезах, связываемых как с Древним Китаем, так и с древними цивилизациями вообще.

Вокруг каждой цивилизации складывается множество неверных, но внешне достаточно правдоподобных гипотез. Не минула эта участь и китайскую цивилизацию. Одна из таких гипотез была высказана английским антропологом Графтоном Эллиотом-Смитом. Он был большим знатоком Древнего Египта и, анализируя развитие других древних цивилизаций, нашел в них немало черт, напоминающих древнеегипетские. Поскольку методов надежной научной датировки археологических памятников в то время еще не существовало, он предположил, что вся человеческая цивилизация произошла из Египта. По мнению Эллиота-Смита, носители цивилизации расселились по всей Земле, неся аборигенам свет знаний. Эту мигрирующую культуру он назвал «гелиолитической», поскольку предполагал, что в ее основе лежит культ «солнечных камней» — обелисков, служивших для поклонения Солнцу и для расчета солнечного календаря. Также к числу элементов гелиолитической цивилизации относятся такие элементы, как строительство пирамид, обычай мумифицирования или иного

¹⁹ О китайских пирамидах будет рассказано ниже.

посмертного сохранения тела царей и жрецов, капитальное строительство, письменность, астрономия, математика, социальная организация, строительство ирригационных каналов и дорог. Особое внимание он уделял мегалитам, сооруженным в различных регионах Земли и как бы указывавшим путь расселения «гелиолитической расы». Несмотря на искусственность, проявленную Эллиотом-Смитом при обосновании своей гипотезы, она, конечно, не была принята другими историками. Прежде всего потому, что определенные им признаки цивилизации присущи разным культурам и возникали сами по себе. Так, ирригация могла быть открыта в любом регионе Земли совершенно самостоятельно в силу наступления степей и пустынь и для защиты от наводнений и разливов рек. Кроме того, как раз азиатские мегалиты указывают на ошибочность его теории. Да, в Восточной Азии есть мегалиты (в Японии и Корее), но они расположены достаточно далеко от древнейшего центра китайской цивилизации (долины Хуанхэ), в то время как материальная культура Дземон, соответствующая восточноазиатским мегалитам, не демонстрирует сколько-нибудь существенных признаков высокой цивилизации.

С древними китайскими царствами связана еще одна тайна. Некоторое время назад в умах двух математиков родилась гипотеза, утверждающая, что историки сфальсифицировали исторические документы и что всемирная история намного моложе, чем это считалось совсем недавно. Авторы этой гипотезы убеждены, что сейчас идет не третье, а второе тысячелетие от Рождества Христова, а история древних цивилизаций Старого Света просто выдумана. Но ведь китайские исторические трактаты рассказывают нам о событиях более чем четырехтысячелетней давности. Возможно ли считать их позднейшей фальсификацией? Неужели фальсификаторы настолько хорошо знали древнекитайский язык, чтобы написать на нем многостраничные трактаты? Или авторы этой гипотезы сами фальсифицируют историю? Есть в этом и еще один любопытный нюанс — в китайских исторических трактатах рассказывается о солнечных и лунных затмениях, происходивших около 4000 лет назад. Причем приводимые в трактатах даты затмений подтверждаются современными астрономическими данными с точностью до дня. Если эти трактаты — позднейшие подделки, то кажется странным и невероятным, что средневековые фальсификаторы могли столь точно рассчитать древние затмения.

КИТАЙСКИЕ ПИРАМИДЫ

О том, что в Китае есть пирамиды, знает далеко не каждый.

Западный мир ничего не слышал о них еще каких-то сто лет назад. Славу первооткрывателей приписывают теперь двум австралийцам. Их звали Фрэд Мейер Шродер и Оскар Маман. Были они отнюдь не учеными и прибыли в Поднебесную, чтобы купить шелк, а потому и посетили провинцию Шэньси, которая издавна славилась великолепными изделиями из этой истинно китайской ткани. Негоцианты никак не ожидали, что по дороге им встретятся пирамиды. «Это зрелище потрясло нас даже больше, чем если бы мы нашли их в пустыне. Но эти пирамиды находятся на глазах у всего мира, а в западных странах о них ничего не знают», — захлебываясь от восторга, писали Шродер и Маман в своем дневнике. Эта запись была сделана в мае 1912 года.

О существовании пирамид знал и французский поэт-символист Виктор Сегален. Он увлекался археологией и этнографией и видел пирамиды, когда в 1909–1914 гг. и 1917-м путешествовал по Китаю. Сегален измерил параметры одной из пирамид: ее высота равнялась 48 м, а длина стороны основания — 350 м.

В середине XX столетия пирамиды, наконец, сфотографировали. Первым это сделал американский пилот Джеймс Гаусман. В 1945 году ему удалось заснять одну из пирамид с высоты птичьего полета. Это была черно-белая фотография какого-то объекта пирамидальной формы.

«Пирамидный бум» начался на Западе после 1994 года, когда вышла в свет книга немецкого исследователя Хартвига Хаусдорфа «Белая пирамида». Хаусдорф является одним

из сторонников Эрика фон Деникена, который утверждает, что в далекие времена Землю посетили инопланетяне. Множество памятников, которые мы теперь называем «загадочными», — египетские пирамиды, железная колонна в Индии и т. п. — он считает свидетельствами их визита.

Хаусдорф рассказывает, что отправился в Китай в марте 1997 года и сам убедился в существовании пирамид: недалеко от города Сианя он нашел шесть из них. В октябре того же года Хаусдорф вернулся в эти места с видеокамерой и отснял 18-минутный материал. Позже, когда он просматривал этот материал, он разглядел на заднем плане другие пирамиды. Хаусдорф уверяет, что в конечном итоге он обнаружил более 100 пирамид на площади 2000 квадратных километров.

Что же это за пирамиды-невидимки? Конечно известно, что Китай традиционно предпочитает политику изоляционизма, но ведь и ученые, и туристы там бывали. Почему же пристальное внимание на пирамиды обратили только в самом конце XX века?

Дело в том, что китайские пирамиды отличаются от каменных пирамид Египта и Мesoамерики. Китайские пирамиды сделаны из земли и глины. Их часто именуют просто курганами. Но это, бесспорно, не курганы, а усеченные пирамиды с квадратным основанием. Однако понять, что они собой представляют, можно только увидев их с высоты птичьего полета. Так, сегодня туристы могут полюбоваться китайскими пирамидами, подлетая к аэропорту города Сианя и по дороге от аэропорта до города. Но этот аэропорт построили совсем недавно, поэтому раньше пирамиды не были так доступны для обозрения.

Хаусдорф пишет, что китайцы специально маскировали пирамиды. Вроде бы правительство велело посадить на их склонах быстрорастущие хвойные деревья. Как полагает исследователь, когда деревья вырастут, пирамиды будут больше походить на естественные холмы. Казалось бы, зачем властям скрывать пирамиды? Однако если мы внимательно посмотрим на фотографии (в Интернете их очень много), то увидим, что растительность на китайских пирамидах посажена ровными рядами — сразу видно, что это дело рук человека. Значит, пирамиды в самом деле озеленили по чьему-то приказу. С другой стороны, этот явно искусственный декор «под линейку» привлекает внимание к самому объекту. Может, это вовсе не маскировка? Но зачем тогда посадили деревья?

Хаусдорф говорит, что все пирамиды, о которых ему стало известно, находятся на равнине Цинь-Чуань и имеют высоту от 25 до 100 метров. Однако, по его сведениям, есть одно исключение. Это Большая белая пирамида. Она расположена на севере, в долине Цинь-Линь. Эта пирамида — самая большая из всех. Ее высота достигает примерно 300 метров. Исследователь называет ее матерью всех китайских пирамид. Однако сам Хаусдорф ее не видел, поскольку китайское правительство отказало ему в разрешении посетить этот район. Причину отказа археолог видит в том, что неподалеку от Большой белой пирамиды находится космодром, и потому иностранцев туда не пускают.

Хаусдорф пишет, что китайские власти не позволили ему также проводить раскопки. Археолога интересовало, что же скрывается внутри пирамид. Он убежден, что они полые. Дело в том, что на вершине одной из пирамид Хаусдорф нашел характерный «кратер», который свидетельствовал, что внутри пирамиды до того, как она начала осыпаться, было пустое пространство. Спутник Хаусдорфа Питер Крэсс — соавтор книги «Спутники богов» — поинтересовался у профессора Хиа Наи, почему же никто не проводит исследования внутри пирамид. И Хиа Наи, один из ведущих археологов Китая, ответил, что это работа для будущих поколений.

Хаусдорф предполагает, что китайцы относятся к подобным исследованиям с осторожностью, так как боятся уронить авторитет науки. Ученые могут обнаружить в пирамидах свидетельства того, что история мира выглядит совсем не так, как мы ее представляли до сих пор. Однако есть и более прозаическое объяснение. Например, что ученые боятся разрушить пирамиды, ведь эти сооружения очень старые. Они и так подвержены эрозии, и любое вторжение внутрь пирамид может оказаться для них губительным.

Что же на самом деле находится внутри пирамид?

Обратимся к пирамидам, расположенным близ Сианя. Сиань был столицей Китая во времена династий Хань, Суй и Тан. Тогда он был известен как Чан-Чань («Вечный мир»).

Большинство исследователей полагает, что пирамиды — это гробницы императоров и высокопоставленных чиновников. Как и в Древнем Египте, пирамиды, по мнению ряда исследователей, возводились в два периода: в правление Цинь-Хань в конце III столетия до н. э. и гораздо позже, при династии Тан в VII–VIII столетиях.

Как и в Египте, возле пирамид располагаются так называемые спутниковые могилы. Некоторые из них уже исследованы. Например, доступна для посещения могила принцессы Йонгтай. В могилу спускается длинный коридор. В стенах расположены маленькие ступенчатые ниши, которые заполнены черепками глиняной посуды. На стенах — изображения женщин и слуг, несущих свечи и цветы в качестве подношения. В конце коридора — погребальная камера, на потолке которой нарисованы звезды. Саркофаг принцессы сделан из камня.

Недалеко от могилы есть также маленький музей, в котором можно увидеть каменных животных, которые когда-то обрамляли подход к одной из могил — могиле Хуо Кубинга. В экспозиции есть и другие реликвии: кирпичи, украшенные драконами, тиграми, черепаками и змеями, а также керамические статуэтки: утки, овцы, модели крестьянских домов.

Исследователи даже рискуют делать предположения о том, кто погребен в той или иной пирамиде. Так, «Мавзолей Маолинг» считается могилой императора Вуди из династии Хань, который правил в 157–187 гг. до н. э. В другой пирамиде, как полагают, похоронен император Цинь Ши-Хуанди, который жил между 259 и 210 гг. до н. э. В миле от этой пирамиды в 1974 году обнаружили знаменитое захоронение статуй — терракотовую армию, которая, видимо, должна была служить императору в загробном мире. Войско Цинь Ши-Хуанди состоит примерно из восьми тысяч воинов — пехотинцев, лучников и колесничих. Все статуи — абсолютно разные. К сожалению, деревянные колесницы не сохранились, зато сохранились лошади. Они, как и солдаты, сделаны в натуральную величину из обожженной глины. Каждая лошадь весит около 200 кг. Статуи людей легче — примерно 135 кг.

О самой гробнице Цинь Ши-Хуанди много интересного рассказывают легенды и хроники. Ее строительство длилось тридцать восемь лет. Огромное сооружение возводили и украшали более семисот тысяч человек.

На полу погребальной камеры — карта империи с реками из ртути. А на потолке нарисованы звезды. Вместе с императором погребены несметные сокровища. Но от злоумышленников могилу защищают арбалеты со спиральными спусковыми механизмами.

Однако пока это лишь предания. Раскопки в пирамиде Цинь Ши-Хуанди не проводились, и она все еще хранит свои секреты.

2 июля 2007 г. агентство печати «Синьхуа» сообщило, что археологи исследовали пирамиду пять лет, используя дистанционные методы. В результате они убедились, что внутри нее есть сооружение высотой в 98 футов. Древние зодчие засыпали это сооружение землей, придали получившемуся холму форму пирамиды и покрыли его глиной.

Некоторые исследователи также интересуются взаимным расположением пирамид. Так, китайский археолог Вонг Шипинг обнаружил, что пирамиды ориентированы по сторонам света. Причем главная ось, вдоль которой располагались пирамиды времен династии Хань, имеет направление восток — запад. А вот более поздние пирамиды ориентированы по линии север — юг. Вонг ставит вопрос, почему же изменилось направление оси, но не берется на него ответить. Однако исследователь уверен, что это должно иметь значение, поскольку китайцы не строили никаких сооружений без согласования с системой фэн-шуй.

Другой исследователь — Лаура Ли — полагает, что когда все пирамиды наконец нанесут на карту, наверняка выяснится, что вместе они напоминают какое-то важное для китайцев созвездие (так же, как египетские пирамиды привязаны к созвездию Ориона).

Изучение китайских пирамид только начинается, и ученым предстоит сделать еще

много удивительных открытий, а пока пирамиды обрастают легендами.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Каждый народ создает уникальную мифологию, в которой, как в зеркале, отражается его образ мышления. В китайских мифах сплелись древние верования и легенды, философские учения буддизма и даосизма, народные предания и легендарные события, ведь древние китайцы предполагали, что мифические события в действительности происходили много-много веков назад.

В этом разделе нам предстоит встретиться с мифическими персонажами китайской истории. Некоторые из них нам уже знакомы: женщина-змея Нюйва, императоры Фуси и Хуанди. Однако если до сих пор мифология интересовала нас как отражение возможных исторических событий, то теперь мы постараемся посмотреть на нее с другой точки зрения. Ведь с помощью мифов можно увидеть, чем китайцы похожи на другие народы и что делает их абсолютно уникальными. Начнем с самого начала — от сотворения мира.

Миф о сотворении мира есть у каждого народа. Такие мифы часто являются попытками пытливого ума представить, что было до того, как все появилось. Но есть и другая точка зрения на мифы о сотворении мира. Согласно работам востоковеда и писателя Мирчи Элиаде, мифы о сотворении мира использовались в ритуалах новогоднего празднования. Человек, утверждает Элиаде, боится времени, за его спиной остались ошибки прошлого, перед ним — неясное и опасное будущее. Чтобы избавиться от страха перед временем, человек создавал новогодний ритуал, в котором прежний мир разрушался, а затем при помощи особых магических формул воссоздавался вновь. Таким образом человек освобождался от грехов и ошибок прошлого и мог не бояться опасностей, ожидающих его в будущем, ведь каждый последующий год полностью похож на предыдущий, а значит, и он будет прожит, как прежние.

Согласно китайским верованиям, мир был сотворен из первоначального водного хаоса, который по-китайски называется «хуньтунь». Этот водный хаос был наполнен страшными чудовищами, один облик которых вызывал ужас: у этих чудовищ были сросшиеся ноги, зубы и пальцы рук. Интересно, что похожим образом выглядели, по представлениям китайцев, некоторые из их мифических первопредков.

Сборник изречений философов из Хуайнаня (Хуайнаньцзы) рассказывает о тех временах, когда не было еще ни неба, ни земли и лишь бесформенные образы блуждали в крошечной тьме. В те далекие времена из хаоса возникли два божества.

Еще один миф рассказывает, что первым событием сотворения мира было отделение неба от земли (по-китайски — кайпи). В написанном в III в. философом Сюйчжэном трактате «Хронологические записи о трех и пяти правителях» («Сань у лицзи») рассказывается, что небо и земля пребывали в хаосе, подобно содержимому куриного яйца. Из этого куриного яйца и вышел на свет первый человек Паньгу: «Вдруг небо и земля отделились друг от друга: ян, светлое и чистое, стало небом, инь, темное и нечистое, стало землей. Небо стало каждый день подниматься вверх на один чжан, а земля за день становилась толще на один чжан, а Паньгу за день вырастал на чжан. Прошло восемнадцать тысяч лет, и небо поднялось высоко-высоко, а земля стала плотной и толстой. И сам Паньгу стал высоким-высоким». По мере того как он рос в водном хаосе, небо все дальше удалялось от земли. Каждое деяние Паньгу порождало явления природы: с его вздохом рождались ветер и дождь, с выдохом — гром и молния, он открывал глаза — наступал день, закрывал — наступала ночь. После смерти Паньгу его локти, колени и голова превратились в пять священных горных вершин, а волосы на его теле — в современных людей.

Этот вариант мифа стал наиболее популярным в Китае, что отразилось в традиционной китайской медицине, физиогномике и даже в теории китайского портрета — художники стремились изображать реальных людей и мифические персонажи таким образом, чтобы они были в той или иной мере похожи на мифологического первого человека Паньгу.

Даосская легенда, содержащаяся в «Записках о первых бессмертных», рассказывает о Паньгу иначе: «Когда земля и небо еще не были разделены, Паньгу, первый, кто назвался небесным царем, бродил среди хаоса. Когда небо и земля разделились, Паньгу стал жить во дворце, стоявшем на Горе яшмовой столицы (Юйцзиншань), там он питался небесной росой и пил ключевую воду. Через несколько лет в горном ущелье из собравшейся там крови появилась девушка невиданной красоты по имени Тайюань Юйной (первая яшмовая дева). Она стала женой Паньгу, и у них родились первенцы — сын Тяньхуан (Небесный император) и дочь Цзюгуансюаньной (Чистая дева девяти лучей) и много других детей».

Сравнивая эти тексты, мы видим, насколько мифы со временем менялись и переосмысливались. Дело в том, что всякий миф, в отличие от исторического факта или официального документа, допускает несколько толкований и интерпретаций, поэтому он может быть понят разными людьми по-разному.

Следующий миф рассказывает об уже знакомой нам полуженщине-полузмее Нюйве. Она не творила Вселенную, но создавала все вещи и была праматерью всех людей, которых она вылепила из дерева и глины. Видя, что созданные ею существа умирают, не оставив потомства, и земля быстро пустеет, она научила людей сексу и создала для них особые брачные ритуалы. Как мы уже упоминали, китайцы изображали Нюйву в виде фигуры с головой и руками человека и с телом змеи. Ее имя означает «женщина — улиткообразное существо». Древние китайцы верили, что некоторые моллюски, насекомые и рептилии, способные менять кожу или панцирь (домик), обладают силой омоложения и даже бессмертия. Поэтому и Нюйва, переродившись 70 раз, 70 раз преобразовывала Вселенную, а облики, которые она принимала в своих перерождениях, дали начало всем живущим на земле существам. Считалось, что божественная магическая сила Нюйвы была столь велика, что даже из ее внутренностей (кишечника) родились 10 божеств. Но главная заслуга Нюйвы состоит в том, что она создала человечество и разделила людей на высших и низших: те, кого богиня вылепила из желтой глины (желтый цвет в Китае — цвет небесного и земного императоров) и их потомки образовали впоследствии правящую верхушку империи; а те, кто появился из кусков глины и грязи, разбросанных Нюйвой с помощью веревки, — это крестьяне, рабы и прочие подчиненные.

По другим мифам Нюйва спасла Землю от гибели во время катастрофы, когда небесный огонь и потоп могли уничтожить все живое. Богиня собрала разноцветные камни, расплавил их и залепила небесные дыры, через которые на землю изливались вода и огонь. Затем она обрубила ноги гигантской черепахе и этими ногами, как столбами, укрепила небосвод. Тем не менее небосвод несколько покосился, земля ушла вправо, а небо влево. Поэтому и реки в Поднебесной текут на юго-восток. Супругом Нюйвы считается ее брат Фуси (именно он отождествляется с одним из первых императоров). Их часто изображают с переплетенными змеиными хвостами, обращенных лицом друг к другу или отвернувшимися. Знаком Нюйвы, который она держит в руках, является компас. В ее честь строились храмы, где во втором месяце весны приносились обильные жертвы и устраивались праздники в ее честь, как богине любви и бракосочетаний. В позднем Китае изображения Нюйвы и Фуси высекали также на надгробных плитах для защиты могил.

Историки предполагают, что в древности Паньгу и Нюйва были божествами различных племен, позднее слившихся в нацию хань, а потому их образы столь непохожи друг на друга. Так, известно, что культ Нюйвы был распространен в Сычуане и на юго-восточных окраинах китайской империи, а культ Паньгу — на юге. В истории часто случается так, что два сходных по своим функциям образа сливаются в брачные или близкородственные (мать — сын, отец — дочь, брат — сестра) пары божеств, однако в случае с Паньгу и Нюйвой этого не произошло, вероятнее всего потому, что они были слишком уж отличны друг от друга.

Сотворенный мир для китайца не был перечнем расположенных на разных расстояниях друг от друга природных объектов, но был населен многочисленными духами. В каждой горе, в каждом ручье и в каждом лесу обитали добрые или злые духи, с которыми происходили легендарные события. Китайцы верили в то, что такие события действительно

происходили в далекой древности, и поэтому историки записывали эти легенды в хроники наравне с реальными историческими событиями. Но в соседних поселениях одну и ту же легенду могли рассказывать по-разному, и писатели, услышав ее от разных людей, заносили в свои записи различные легенды. Кроме того, историки часто переделывали старинные мифы, стараясь подать их под нужным углом зрения. Так легенды вплетались в исторические события, а происшествия, имевшие место в далекое мифическое время, становились современными для великих династий Китая.

Духов, которым поклонялись китайцы, было великое множество. Среди них было много духов предков, т. е. духов людей, некогда живших на земле и помогавших после своей смерти своим родственникам и односельчанам. В принципе любой человек после смерти мог стать божеством, войти в местный пантеон и получать положенные духам почести и жертвоприношения. Для этого он должен был обладать определенными магическими способностями и душевными качествами. Китайцы были убеждены, что после смерти все злое, что было в человеке, уходит, когда истлевает тело, а очистившиеся кости служат вместилищем силы умершего. Итак, когда мясо на костях истлевало, умершие превращались в духов. Люди верили, что часто встречаются их бродящими по дорогам или в местах, любимых ими при жизни, причем они выглядели так же, как и раньше, когда были живы. Такие духи могли прийти к односельчанам и попросить, а часто даже потребовать, чтобы те приносили им жертвы. Если жители этой местности отказывались приносить жертвы, духи могли причинять живым множество неприятностей: наслать наводнение или засуху, испортить посевы, нагнать тучи с сильным градом, снегом или дождем, лишить плодовитости скот и местных женщин, вызвать землетрясение. Когда люди приносили необходимые жертвы, духи должны были отнестись к живым благосклонно и прекратить вредить людям.

Часто люди устраивали духам проверку, прося их выполнить какие-то магические поручения разного уровня «сложности» — обеспечить плодородие скота и посевов, победу в войне, удачный брак детей. Если после жертв духам желаемые события не наступали, духи назывались самозванцами и жертвы им больше не приносили.

Древние китайцы поклонялись множеству богов, культы которых сохранились до наших дней. До сих пор наиболее почитаемой богиней Китая является богиня милосердия Гуаньинь, называемая еще Гуаньшиинь или Гуаньцзыцзай. Китайская пословица «Амитофо в каждом месте, Гуаньинь в каждом доме» свидетельствует об огромной популярности Гуаньинь в народе. Ее почитают представители всех религиозных течений страны, а буддисты Китая считают ее воплощением Авалокитешвары. Согласно буддийскому изобразительному канону, ее изображают как бодхисатву в женском облике, что в целом противоречит религиозным догматам буддизма, утверждающим, что бодхисатвы бесполоы. Буддисты считают, что божественная сущность бодхисатвы может проявиться в форме любого существа или даже предмета. Его предназначение — помогать живым существам постигать всемирный закон (Дхарму), а значит, нет оснований изображать бодхисатв в женском облике. Буддисты верят, что главное предназначение бодхисатвы Гуаньшиинь состоит в том, чтобы нести всем людям учение об их истинной природе и о том, как они могут реализовываться в окружающем мире, чтобы идти по пути просветления. Но популярность этой богини была столь велика, что буддисты пошли на прямое нарушение своего же канона.

Буддийское имя Гуаньинь — Авалокитешвара — происходит от индийского (палийского) глагола «смотреть вниз, исследовать, осматривать» и означает «Владычица мира, которая глядит на мир с жалостью и состраданием». Близко к этому и китайское имя богини: «гуань» означает «рассматривать», «ши» — «мир», «инь» — «звуки». Таким образом, ее имя означает «Рассматривающий звуки мира». Тибетское имя богини Спрянраз-Гзигс — «Владычица, созерцающая глазами» — также обращает внимание на визуальный, зрительный аспект богини.

Согласно же буддийскому трактату «Маникабум», Авалокитешвара — мужчина, а не

женщина. Он родился на созданной Буддой чистой священной земле Падмавати, в которой царствовал идеальный правитель по имени Цзангпохог. У этого правителя было все, чего только можно пожелать, но у него не было сына, и он страстно желал получить наследника. Ради этого он сделал много подношений святилищу Трех Драгоценностей, но его желание не осуществлялось, хотя для каждого подношения он приказывал собирать цветы лотоса. Однажды его слуга сообщил своему повелителю о том, что он нашел на озере гигантский лотос, лепестки которого были, как размах крыльев коршуна. Цветок вот-вот собирался расцвести. Правитель посчитал это добрым предзнаменованием и предположил, что божества поддерживают его в желании иметь сына. Цзангпохог собрал своих министров, приближенных и слуг и пошел с ними к озеру. Там они увидели цветение чудесного лотоса. И случилось необычное: среди его лепестков сидел мальчик лет шестнадцати, одетый в белые одежды. Мудрецы осмотрели мальчика и нашли на его теле основные физические признаки Будды. Когда стемнело, выяснилось, что от него исходит свечение. Немного погодя мальчик произнес: «Я чувствую жалость ко всем разумным существам, которые погружены в страдания!» Царь и его подданные поднесли мальчику дары, пали перед ним на землю и пригласили его жить во дворце. Царь дал ему имя «Рожденный лотосом», или «Сущность лотоса», из-за его удивительного рождения. Явившийся во сне будда Амитабха сообщил царю, что этот мальчик является проявлением добродетелей всех Будд и сущностью сердец всех Будд, а также он сказал, что небесное имя мальчика — Авалокитешвара и его предназначение состоит в том, чтобы помогать всем живым существам в их бедах и страданиях, сколь бесчисленными они не были бы.

Согласно древней легенде, дочь царя одного из китайских государств по имени Мяошань была столь праведна в своей земной жизни, что получила прозвище «Да цы да бэй цю ку цю нань на мо лин гань Гуань ши инь пуса» (премилосердный, спасающий от мук и бедствий, прибежище прибегающих, чудотворный владыка мира бодхисатв). Считается, что именно Мяошань была одним из первых воплощений Гуаньинь на земле.

Явления Гуаньшиинь были многочисленны в Китае, но особенно часто являлась она людям в X в., во время правления пяти династий. В этот период она являлась то в образе бодхисатвы, то в образе буддийского или даосского монаха, но ни разу в виде женщины. Но в более ранние времена она принимала свой изначальный женский облик. Именно так ее изображали на картинах раннего времени. Так изобразил ее, например, Удаоцзы, знаменитый художник Танского императора Сюаньцзуна (713–756).

В Китае считают, что Гуаньинь обладает чудодейственной силой, позволяющей избавиться от уз и оков, а также и от казни. По поверьям, стоит только произнести имя Гуаньинь, как оковы и узы сами спадают, мечи и другие орудия казни ломаются, и это происходит всякий раз независимо от того, является ли осужденный преступником или невинным человеком. Также она освобождает от страдания от оружия, огня и пожара, демонов и воды. И, конечно же, Гуаньинь молятся женщины, желающие родить ребенка, и ребенок, которого они смогут родить в назначенное время, будет обеспечен благословениями добрых божеств, достоинствами и мудростью. Женские качества Гуаньшиинь проявляются в ее качествах «великой печальницы», подательницы детей, спасительницы; а также в облике воительницы, активно борющейся со злом. В этом случае она часто изображается вместе с божеством Эрланшэнем.

Функции божества, как и его облик, могли со временем меняться. В качестве примера можно привести богиню Сиванму — повелительницу Запада, хранительницу источника и плодов бессмертия. В более древних мифах она выступает грозной владычицей страны Мертвых, находившейся на Западе, и хозяйкой небесных кар и болезней, в первую очередь чумы, а также стихийных бедствий, которые она насылает на людей. Художники изображали ее женщиной с длинными растрепанными волосами, хвостом барса и когтями тигра, сидящей на треножнике в пещере. Пищу ей приносили три синих (или зеленых) трехногих священных птицы. В более позднее время Сиванму превращается в небесную красавицу, живущую на крайнем Западе, в горах Куньлунь в нефритовом дворце на берегу Яшмового озера, возле

которого растет персиковое дерево с плодами, дарующими бессмертие. Ее всегда сопровождает тигр. Богиня здесь является покровительницей «бессмертных» даосских святых. Ее дворец и находящийся рядом сад с персиковым деревом и источник бессмертия окружает золотой вал, охраняемый волшебными существами и чудовищами.

Китайцы часто мифологизировали и реально существовавших людей. Один из них — Гуаньюй — военачальник царства Шу эпохи Троецарствия. Впоследствии он стал одним из главных героев средневекового романа «Троецарствие», в котором представлен как идеал благородства. Историки китайской литературы даже называют его восточным Робин Гудом. По легенде он и два его друга (Чжанфэй и Любэй) поклялись стоять друг за друга горой после того, как изготовитель соломенных сандалий Любэй разнял драку Гуаньюя с мясником Чжанфэем в персиковом саду. Когда судьба высоко вознесла Любэя и он основал царство Шу, он сделал Гуаньюя своим верховным военачальником. Однако отношения между реальными Гуаньюем и Любэем не были столь идиллическими. Около 200 г. первый сражался в армии Цаоцао, а Любэй был на стороне его главного недруга (Юаньшао). Девятнадцать лет спустя реальный Гуаньюй вместе с сыном и оруженосцем был схвачен Суньцюанем и казнен. Суньцюань после казни отправил голову Гуаньюя императору Цаоцао, который с почестями и похоронил ее. Вскоре после погребения головы появились легенды, говорившие, будто бы Гуаньюю удалось после убийства нечистоплотного судьи пройти незнанным мимо стражи, так как его лицо фантастическим образом изменило цвет. С XVII в. Гуаньюя стали почитать и в Корее. По местным легендам Гуаньюй якобы защитил страну от японского нашествия. Позднее его стали почитать и в Японии.

Со времен династии Суй Гуаньюя стали почитать не столько как реального человека, сколько как бога войны, а в 1594 г. его официально обожествили под именем Гуанди. С тех пор в Поднебесной ему были посвящены тысячи храмов. Кроме военных функций Гуанди-Гуаньюй выполнял и судебные функции, так, в его храмах хранился меч, которым казнили преступников. А кроме того считалось, что дух покойного не дерзнет мстить палачу, если тот совершит очистительные обряды в храме Гуаньди.

Гуанди изображают в сопровождении оруженосца и сына. Его лицо красного цвета, а одет он в зеленое облачение. В руках Гуанди держит исторический трактат «Цзочжуань», якобы заученный им наизусть. Благодаря этому считается, что Гуаньди покровительствует не только воинам и палачам, но и писателям. Вполне возможно, что на образ воина-писателя оказал большое влияние тибетский бог Гэсэр (Гэсар), который был и божеством и исторической личностью — полководцем области Линг. Позднее образ Гэсэра был воспринят монголами и бурятами, для которых он стал главным эпическим героем.

Как и во всякой древней культуре, в мифологических представлениях китайцев тесно переплелось реальное и фантастическое. Какова доля реального в мифах о создании и существовании мира, сказать невозможно. Как нельзя сказать, какова доля фантастического в описаниях реальных правителей (если, конечно, они реальны). Скорее всего то, о чем рассказывается во многих китайских мифах, — это аллегорическое воплощение власти, мужества, богатства, злобы и разрушения и т. п.

Конечно, в книге, столь небольшой по объему, невозможно сколь-нибудь подробно рассказать о мифологии Китая. Но и то, о чем мы успели рассказать, позволяет утверждать, что китайская цивилизация уникальна своим отношением к мифологии, к взаимоотношениям мифа и реальной истории. Поэтому в истории Китая часто можно видеть, что китайцы создают из реальной истории некий миф и живут в нем, твердо веря, что это и есть реальность. Наверное, можно сказать, что китайцы живут в мифах и создают мифы о жизни. Это мифотворчество истории и историчность мифов и является, на наш взгляд, главным отличием китайцев от остальных народов мира.

ТАИНСТВЕННЫЕ ХУННУ: ПРОШЕДШИЕ СКВОЗЬ СТЕНУ

Этот загадочный народ до сих пор вызывает споры ученых и притягивает к себе внимание читающей публики. Многие события, связанные с хунну, кажутся спорными и допускающими неоднозначное толкование.

Хунну известны в истории под тремя именами — хунну (Китай), гунны (Западная Европа), сюнну (Средняя Азия, Сибирь). Это и есть первая загадка гуннов: а действительно ли под всеми этими именами скрывается один и тот же народ или, может быть, речь идет о двух или трех разных народах, которых называли похожими именами?

Итак, хунну (гунны, сюнну) заслужили общемировую известность, правда, со знаком «минус». Тем не менее их можно считать одним из величайших народов в истории человечества, ведь они подчинили себе огромные пространства от Тихого океана до Альп. Гунны создали величайшую по площади империю Старого Света. Империи Александра Македонского и даже Чингисхана уступают по величине империи хунну. К тому же не раз высказывалось предположение, что путь Чингисхана был всего лишь повторением пути Аттилы.

В Европе хунну, или гунны, как их называли европейцы, появились в конце IV в. н. э. Они положили конец многовековому пребыванию в степях Евразии иранских народов (киммерийцев, скифов, саков, сарматов) и открыли длительный — почти тысячелетний — период истории тюркоязычных кочевников в их переселении с востока на запад. Именно гунны дали первоначальный импульс Великому переселению народов, перекроившему политическую карту Европы. Именно гунны были одной из основных причин падения Римской империи.

Важную роль сыграли они и в истории Китая.

Китай часто именуют Страной драконов. Один из них — «каменный дракон», как называют его китайцы, — защищал страну от инородных варваров. Этот «каменный дракон» — Великая Китайская стена. Те варвары, которые проникали за Стену, переваривались во чреве китайского дракона. Даже если они не уничтожались физически, то уже в первом-втором поколении их племенное и культурное сознание поглощалось китайской культурой и китайской идентичностью. Они становились китайцами, которые начинали воспринимать все находящееся за пределами Китая как чужеродное и варварское.

Китай был замкнут сам на себя, его жители не интересовались ничем, происходившим за границами их государства, и в сознании многих китайцев он оставался Срединным царством — центром Земли и Вселенной.

Когда первые европейцы, преодолевая огромные расстояния и невероятные препятствия, попадали в Китай, их воспринимали на землях Срединного царства почти так же, как нелегальных мигрантов в современных странах Золотого миллиарда (современные западные страны). Никто в Китае не воспринимал серьезно их страны, культуру и научные знания. Их жалели, но считали, что для них не все потеряно, ведь у них еще есть шанс стать людьми — стать китайцами. Когда первые европейские корабли появились в портах Китая, то по требованию местных китайских властей на них вывесили огромные транспаранты китайскими иероглифами: «Носители дани из стран западных варваров». Естественно, все транспаранты были привезены с берега.

И уж тем более китайские власти были заинтересованы в китаизации «варваров», непосредственно включенных в орбиту культурного влияния Китая. Долгое время включенными в эту систему были и племена хунну.

Но история хунну не заканчивается в Китае. Облик, нравы, жестокость гуннов, стремительность их побед и скорость продвижения на Запад поразили цивилизованный Рим. Античные историки, писатели и поэты ужасались и восхищались гуннами. Один из вождей гуннов — Аттила — стал символом варварства и жестокости и даже получил у христианских писателей прозвище Бич Божий.

Некоторые современные историки пытаются преуменьшить степень бедствий и разрушений, причиненных гуннами в Причерноморье и Центральной Европе. Если верить сочинениям такого рода авторов, то гунны, конечно, пробегали по Евразии, но

исключительно с экскурсионно-ознакомительными целями, а пожары и разрушения в городах Евразии совпали с появлением гуннов вблизи них совершенно случайно.

Самая экзотическая из подобных гипотез утверждает, что разрушения городов были связаны не с захватнической политикой кочевников, а с совпавшими с их приходом разрушительными землетрясениями и другими природными катаклизмами. Действительно, природные катастрофы в истории частенько совпадали с катастрофами военными и политическими, только вот оснований для миролюбивой прогулки гуннов от Китая до Альп историки не находят, ведь гуннам многократно приходилось пересекать чужие пастбища и поля. И невероятно, чтобы это происходило мирно.

Но легенды и остроумные гипотезы не отменяют настоящей истории гуннов...

ЗАГАДКИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГУННОВ

Впервые гунны появляются на исторической арене как грозная военная сила за несколько веков до нашей эры. Однако союз их племен начал складываться значительно ранее.

Само слово гунны (хунну), скорее всего, изначально означало не принадлежность к народу, а проживание на определенной территории. Дело в том, что китайские представления о мире были весьма условны — весь мир, располагавшийся за пределами Китая, они условно разделили по сторонам света на четыре царства варваров и считали, что все народы в пределах каждого царства похожи друг на друга.²⁰

Позже, когда гунны настолько окрепли, что стали причинять китайцам неприятности, китайцы стали отделять их от других варваров. Согласно правилам китайского языка, это племя (или к тому времени уже племенной союз) называлось «хиунгну» или «сюнну-хунну». (Общепринятое сегодня название гунны (сюнну, хунну) является результатом договоренности ученых.)

Еще одно название, которое долгое время приписывалось гуннам, — жунны. Дело в том, что один из первых востоковедов, исследовавших историю гуннов, — Ф. Хирт — считал, что первые упоминания о гуннах в китайских исторических трактатах датируются XXIII–XIX вв. до н. э. Именно в эти годы на долину Хуанхэ нападают некие племена жун. отождествив гуннов и жунов, Ф. Хирт положил начало научной традиции. Некоторые историки до сих пор считают, что жуны и есть те самые гунны, которые проявили себя почти через две тысячи лет, покорив пол-Евразии. Эти историки предполагают, что иероглиф, читавшийся в более позднее время, как «жун», в конце III тыс. до н. э. читался, как «гун».

По мнению других исследователей, иероглиф «жун» обозначал один из гуннских родов. И, наконец, есть историки, которые вообще склонны думать, что жуны были кочевым народом, который не имел никакого отношения к гуннам, а сходство их названий не более чем простое созвучие.

Китайские хроники достаточно запутаны и, как известно, содержат множество неточностей. Так, в китайских исторических трактатах часто встречаются упоминания о том, что некоторые китайские земледельческие племена или семьи в голодные годы уходили из долины Хуанхэ на север. Если верить хронистам, именно из родов китайцев, ушедших на север, выростали племена, позднее возвращавшиеся в Китай великими завоевателями — гуннами, монголами, маньчжурами. Придворных историков можно понять — такие легенды

²⁰ Подобным образом, кстати, мыслили и европейцы. Древние греки называли степи между Днестром и Волгой Сарматией, на основании того, что там проживало племя сарматов. Сарматы вскоре были вытеснены другими кочевниками, пришедшими с востока, но название Сарматия сохранилось за этими степями. Любопытно, что европейские историки и политики даже в XVII в. Сарматией называли Польшу, владевшую частью этих степей, а сарматами — проживавших в сарматских степях украинцев. Еще сложнее было со странами, контакты с которыми были эпизодическими. Так, согласно александрийскому географу Клавдию Птолемею, на месте нынешней Эстонии более 2000 лет назад проживало племя эстов, однако историки до сих пор спорят, являются ли эсты Птолемея предками современных эстонцев, или же эстонцы представляют собой совсем другой народ, получивший это имя благодаря тому, что проживал на территории древнего племени эстов.

служили оправданием побед кочевников над цивилизованным Китаем.

Более того, китайцы считали гуннов потомками легендарных китайских императоров. Правда, источники расходятся во мнении, кто именно был предком гуннов: одни считают их потомками Шуньвэя, сына последнего императора вымышленной династии Ся (умер в 1764 г. до н. э.), другие возводят гуннов к еще более мифическим предкам — императорам Тану и Юю (правили, согласно традиционной историографии, примерно в 2353–2255 гг. до н. э.).

Однако современная наука говорит, что гунны не могли быть одичавшими китайцами: эти народы относятся к разным антропологическим типам. Кем же были гунны на самом деле?

Гипотез о происхождении гуннов очень много. Некоторые исследователи склонны считать их известным из библейской истории Вениаминовым коленом сынов Израиля. Другие, интерпретируя спорные места из китайских трактатов, всерьез пытаются доказать, что раскосые монголоиды-гунны были блондинами с арийской внешностью. Да, безусловно, гунны, как жители степей к северу от Китая, были намного более светлокожими, чем китайцы, обитавшие в долине Хуанхэ. Но можно ли считать их блондинами или русоволосыми?

Столь же нелепы попытки отождествить гуннов со славянами, основываясь на сходстве легендарных биографий Аттилы и князя Кия.

Большинство историков считает, что гунны были тюркоязычным народом, сформировавшимся на рубеже II—I тыс. до н. э. в степных районах Центральной и Северной Азии, в частности в Казахстане, Монголии, на Алтае и в Минусинской котловине. Их предками были монголоидные жители этих мест, смешавшиеся с европеоидными выходцами из Северного Китая — ди.

Но попытки найти в гуннских археологических памятниках черты, присущие «своим» археологическим культурам, свойственны ученым многих стран. Так, например, финские ученые посчитали гуннские захоронения своими. Граница расселения финно-угорских племен действительно проходит поблизости от гуннских земель, поэтому финские ученые поддались искушению и сочли, что их народ имеет какое-то отношение к великим завоевателям.

Советские историки очень любили подчеркивать роль скифов в формировании культуры гуннов и вообще китайской цивилизации. Особая роль в доказательстве скифского влияния на Китай и гуннов отводилась украшениям, выполненным в так называемом «зверином стиле», действительно характерном для гуннов. Археологи считают скифскими особые кинжалы с перекрестиями в виде усиков, поясные пряжки с крючком, а также ножи и кинжалы, рукояти которых украшены изображениями зверей.

Дополнительную остроту дискуссии о скифском факторе в истории Китая придавала конфронтация двух социалистических государств — СССР и КНР — в 1950–1970-х гг. Для идеологов от истории доказательство «скифского следа» в китайской культуре означало доказательство вторичности китайской культуры и (в каком-то смысле) ущербности современных им маоистов.

Как же решается проблема «скифского следа» в наши дни?

Действительно, в курганных погребениях предков гуннов²¹ часто находят бронзовые изделия, выполненные в «зверином стиле»: это и бронзовые бляшки, нашиваемые на стеганую куртку для предохранения от стрел и копий, и многочисленная бронзовая посуда. Такие бронзовые вещи были богато украшены изображениями диких животных. Но можно ли считать, что в этих курганах были погребены скифы? Антропологи отвечают на этот вопрос отрицательно: нет, черепа большинства погребенных монголоидные. Эти люди при жизни принадлежали к желтой расе и были практически неотличимы от современных монголов и хакасов, тогда как скифы-арии имели европеоидные черепа белой расы.

Откуда же тогда взялись бронзовые изделия, выполненные в «зверином стиле»?

²¹ То есть племен, которые обитали на той территории, на которой гунны впоследствии сформировались как народ.

Вряд ли предки гуннов сделали их сами. Дело в том, что изготовление бронзовых изделий в условиях кочевого быта практически невозможно. Оно требует строительства стационарных плавильных печей, постоянного подвоза сырья. И наладить такой процесс производства можно лишь в постоянных поселках и городах. В то же время на Алтае и в Средней Азии было много древних поселений как скифов, так и других арийских народов. Их жители занимались изготовлением бронзовых изделий на продажу, и предки гуннов охотно покупали такие изделия.

В более поздних, уже собственно гуннских, захоронениях археологи тоже обнаруживают предметы, сделанные в «зверином стиле». Действительно, с появлением у гуннов городов стала развиваться металлургия и ремесленники освоили выплавку бронзы.²² Они научились делать множество вещей, из которых наиболее ценились бронзовое оружие и фигурные бляхи, нашиваемые на кожаные и стеганные кафтаны. До появления кольчуги в позднем средневековье такие кафтаны довольно надежно предохраняли своих владельцев даже от стальных клинков.

Замечательным памятником искусства является найденная в одном из гуннских курганов бронзовая прорезная бляха. Она изображает сцену проводов воина-переселенца: он и его жена стоят возле запряженной двухколесной повозки, готовой отправиться в путь, жена прощается с собакой, еще минута-другая — и они поедут в Китай, в неизведанный мир.

Среди гуннских мастеров были китайцы — многие ремесленники, отчаявшись найти работу в Китае, уходили к гуннам и работали на них. Получавшиеся изделия по технологии изготовления не уступали китайским образцам, а вот украшены они были в «зверином стиле».²³ Заимствованный некогда у скифов, со временем он стал традиционным для гуннов.

Претенденты на культурное родство с гуннами есть не только на Западе, но и на Востоке. Так, археологи, исследующие расположенную в Японии и Корее мегалитическую культуру Дзэмон находят у гуннов много черт и особенностей, заимствованных у этой культуры.

Историкам не всегда легко определить пути влияния народов древности друг на друга и в силу того, что древние культуры часто имеют случайное сходство. Поэтому порой затруднительно сказать, какие черты действительно заимствованы у другого народа, а какие возникли у двух народов независимо друг от друга. Доказательства родства культур должны быть предметом серьезного научного исследования, в то время как беглый анализ формальных признаков часто приводит к ошибкам.

КОЧЕВНИКИ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Как народ гунны формировались на большой территории: от Восточного Туркестана на западе до Южной Маньчжурии на востоке, от Гоби и Ордоса в излучине Хуанхэ на юге до Тувы и Забайкалья на севере. Эти земли отличались резко континентальным климатом. Во время короткого, но жаркого лета в степях выгорала почти вся растительность, а жара сопровождалась частыми песчаными бурями. Напротив, морозной зимой, когда температура воздуха часто держалась неделями у отметки — 40 °С, были нередки снежные бураны. В таких условиях единственно возможные способы пропитания — охота и кочевое скотоводство. Благо в окружающих лесах и степях было много копытных, охота на которых давала мясо.

Интересно, что гунны пасли огромные стада лошадей, коров, овец, верблюдов, ослов и лошаков, но в пищу употребляли преимущественно мясо убитых на охоте животных. Домашний скот разводили ради молока, шерсти и кожи. Также скот был основным объектом

²² В забайкальских гуннских городах металлурги освоили даже выплавку железа — археологи узнали об этом благодаря обнаруженным вокруг городищ большим отвалам железорудных шлаков.

²³ Также и мастера греческих колоний, изготавливая для «варваров» изделия из золота, серебра, камня, глины и бронзы, украшали их по «варварским обычаям» народов, среди которых они жили, — скифов, кельтов, колхов, италиков, сицилийцев, иллирийцев.

торговли с китайцами — гунны выращивали и поставляли китайским императорам отличных боевых скакунов. Китайцы были в восторге от гуннских лошадей, которые были выносливы, легко взбирались на горные кручи и преодолевали водные преграды. «В восхождении на склоны гор и спуске с них, при входе в горные реки и выходе из них лошади Срединного царства уступают гуннским», — писал китайский сановник Чаоко.

Китайцам гунны продавали и стада овец и коров, которых в Китае было мало.

К северу от гуннов в бесконечной, простиравшейся до самого Ледовитого океана тайге жили охотничьи племена. Гунны торговали с ними, а время от времени и нападали на них, требуя дани. Меха, добываемые этими племенами, очень ценились в Китае, их приносили в дар императорскому двору, ими торговали с китайскими купцами.

Гуннские города вообще были крупными рынками. Сюда приходили и китайские купцы с диковинными товарами. В городах также селились ремесленники, приехавшие из Китая и Средней Азии. Они славились не только предметами из бронзы, но и изделиями, которые изготовлялись из продуктов скотоводства, — шерсти, кожи, кости, рога.

На территории гуннской прародины было несколько городищ, таких, как, например, Иволгинское городище в Забайкалье, но о них известно очень мало — раскопки этих поселений начаты археологами совсем недавно. Жители таких городищ, кроме скотоводства, занимались и земледелием. Но оно, и это признают многие историки, было развито у гуннов крайне слабо.

Китайские хронисты неоднократно то с ужасом, то со злорадством сообщают о голоде в гуннских землях. В летописях есть множество упоминаний о том, что Китай снабжал гуннов зерном и другими продуктами земледелия. Смысл такой «гуманитарной помощи» был очевиден — голодные гунны могли напасть на Китай, поэтому императоры таким образом откупались от своих опасных северных соседей. Отметим, что китайские поставки зерна гуннам были дополнительным «бонусом», они не входили в плату за воинскую службу, а значит, были чем-то экстраординарным. К тому же зерно не занимало значительного места в рационе гуннов. Поэтому, вполне возможно, что такие поставки предназначались не гуннам, а их стадам, пострадавшим от суровой зимы, сухого лета или затяжной весны. Таким образом императоры предотвращали падеж скота, а значит и повышение цен на мясо и боевых лошадей.

Против значительного распространения земледелия у гуннов свидетельствует и тот факт, что земледельческие народы редко способны на столь значительный поход, какой совершили гунны. Скорее всего, зерно и другие продукты земледелия доставляли гуннам китайские торговцы и подвластные гуннам племена, обитавшие в сибирской лесостепи — на границе тайги и степей. А земледелие было сезонным занятием, не распространенным повсеместно. Горожане обрабатывали землю весной и осенью, когда гунны-кочевники были заняты перекочевкой своих стад.

Единственной культурой, известной гуннам, было просо. Некоторые историки предполагают, что гунны — кочевники тоже сеяли просо близ своих зимних стоянок, причем работали на полях в основном рабы-военнопленные. Такая гипотеза кажется невероятной. Во-первых, посадка озимых — слишком сложный процесс, чтобы его можно было поручить военнопленным. А во-вторых, по сохранившимся у китайских хронистов сведениям, рабов у гуннов было очень мало.

В советские годы считалось, что у гуннов складывалось рабовладельческое общество. В доказательство этого приводились свидетельства китайских хроник, согласно которым только за один набег на одну из китайских провинций гунны увели с собой 40 тыс. человек. Эта цифра выглядит сомнительно — вряд ли в одной провинции могло проживать столько людей одновременно. При существовавшем тогда уровне хозяйства провинция просто не могла прокормить столько народу.

Вполне возможно, что в данном случае речь идет о банальных приписках — наместники императора, практически бесконтрольно управлявшие провинциями, списывали на гуннский разбой все, что было украдено ими. В этом случае приписки угнанного в

рабство населения должны были подчеркнуть размах вторжения, сделать достоверными размеры причиненного кочевниками вреда. Впрочем, в число «угнанных» гуннами китайцев могли входить и те жители провинции, которые разбежались от непосильных работ, к которым их принуждал наместник императора. Таких беглецов часто ловили и казнили изощренными способами, однако люди все равно бежали. Кстати, сами по себе гуннские набеги предоставляли возможность улизнуть незамеченными на фоне всеобщего хаоса.

К вопросу о гуннских рабах можно подойти и с другой стороны. Если данные китайских хронистов правдоподобны, то куда же делись эти рабы? Археологи не находят свидетельств проживания в гуннских землях такого большого числа китайцев. Скелеты, обнаруживаемые ими при раскопках даже самых бедных погребений, относятся не к китайскому, а к гуннскому антропологическому типу.²⁴ Где же эти китайские рабы?

Кроме того, как известно, рабский труд неэффективен.²⁵ Раба нужно кормить, но при этом он работает плохо, его работу необходимо контролировать. А еще раб норовит сбежать, зарезав при этом и надсмотрщика, и хозяина да еще прихватив что-нибудь ценное из хозяйского имущества. А если рабов много, как с ними совладать?

Если не к каждому рабу, то хотя бы к их десятку должен быть приставлен надсмотрщик с нагайкой. Где у гуннов столько надзирателей, ведь только после упомянутого нами набега в гуннских землях должно было появиться около 4 тыс. новых надсмотрщиков. Ни китайские хронисты, ни археологические исследования, ни свидетельства европейских письменных источников не зафиксировали наличия у гуннов ярко выраженного класса надсмотрщиков.

Зачем же гуннам угонять столько рабов, если они не в силах их контролировать? Жадность? Да, гунны были весьма жадным народом. Золото, драгоценности, дорогие вещи — все это гунны грабили в западном походе тоннами. Но зачем им рабы, которые могут восстать?

Станным кажется даже то, что гунн, вместо того чтобы увозить с собой в степь телегу с китайским добром, ведет за собой раба. И китайские, и европейские источники единодушны в том, что гунны были свободолюбивым народом, ценившим и свою, и чужую свободу. Убить побежденного было для гунна в порядке вещей, но вот брать многочисленных пленных, которых потом нужно стеречь, обеспечивать работой и контролировать?! Это кажется противоестественным для гуннов, какими мы их знаем из сочинений их европейских и китайских современников.

Китайские послы и торговцы многократно посещали гуннские земли, но по загадочной причине не обнаруживали у гуннов ни большого числа надсмотрщиков, ни большого числа рабов-соплеменников. Что же, сразу по возвращении из гуннских земель их посещала амнезия? Странно, но китайские хронисты, называя порой гигантское количество угнанных соплеменников, совершенно ничего не знают о столь значительной китайской диаспоре в стране гуннов. Создается ощущение, будто китайские рабы вопреки всем законам физики растворялись в воздухе, лишь только пересекали китайскую границу.

Для того, чтобы объяснить эти противоречия, историки предположили, что гуннскими рабами были земледельческие народы — все те же жуны и дунху. Мол, гунны, не имея возможности контролировать такое количество рабов, стали селить их на дальних северных окраинах своей страны, чтобы они занимались там земледелием. Историки называют это устойчивым выражением «сажать на землю». Это действительно практиковалось, например, в Римской империи, когда императоры стали понимать, что государство не справляется с

²⁴ Может быть, гунны брали в походах довольно большое количество рабынь? Такое предположение вполне допустимо и кажется правдоподобным. Но возникает другая загадка: антропологический тип гуннов оставался неизменным в течение всего периода существования этого народа, а приток китайских наложниц даже в течение одного поколения означал появление большого количества полукровок уже в следующем поколении. Возможно, гунны просто убивали незаконнорожденных, однако это лишь ничем не подтвержденная гипотеза.

²⁵ Даже китайские императоры опирались не столько на рабский труд, сколько на труд общинников, которых обязывали работать на общегосударственных работах. Именно они занимались прокладкой каналов, строительством дорог, мостов и такого гигантского памятника, как Великая Китайская стена. Не рабы, а именно свободные крестьяне возводили египетские и месоамериканские пирамиды и шумерские зиккураты.

большим количеством обращенных в рабство в длительных войнах людей. Им возвращали личную свободу и право иметь личное имущество. Этим людям, формально уже свободных, «сажали на землю» бывшего рабовладельца с тем, что они обязаны были отдавать хозяину земли значительную часть своего урожая.

Китайские императоры практиковали нечто подобное при перемещениях населения непокорных провинций в другие регионы страны. Да и сами лично свободные китайские общинники были четко привязаны к своей деревне, а беглецов казнили помногу и со вкусом, чтобы другим было неповадно.

Но практиковалось ли нечто подобное у гуннов?

Сведения о наличии земледелия у жунов и дунху в китайских источниках весьма противоречивы, над авторами хроник, видимо, довлеет авторитет предшественников, которые считали эти племена потомками земледельцев, переселившихся из долины Хуанхэ.

О жунах — одном из гуннских родов или же отдельном народе, говорилось выше. Что же касается дунху, то на самом деле это не единый народ или группа племен, а собирательное название всех племен, живших к востоку от долины Янцзы. Само слово «дунху» не указывает на этническую принадлежность, а дословно означает «восточные варвары». Китайцы не интересовались всеми народами окружавших их стран, в памяти китайских историков оставались лишь те из них, которые, подобно гуннам или маньчжурам, оставили неизгладимый след в их истории. Эти имели собственные названия, а все прочие обозначались по сторонам света.

В Древнем Китае (среднее течение Хуанхэ) словом «дунху» обозначали полудикие племена охотников и рыболовов, которые обитали в самом устье Хуанхэ и на прилегающих к устью побережьях. Когда же Поднебесная разрослась и вышла к Тихому океану, слово «дунху» было перенесено на обитавшие к северо-востоку от Китая народы. Эти народы были очень пестрыми и в этническом плане, и по образу жизни. Среди них были и земледельцы, и кочевники, родственные гуннам и монголам, и народы охотников и рыболовов побережья Шандуньского полуострова и залива Бохай. В последующие времена китайцы называли «дунху» даже подданных царства Коре (современная Корея).

Таким образом, как мы видим, к дунху нельзя отнести китайских рабов, якобы угнанных злыми гуннами, хотя среди дунху было немало беглецов из долины Хуанхэ, покидавших свои земли из-за непосильного гнета правителей провинций.

Известные по китайским гравюрам изображения жунов и дунху однозначно свидетельствуют, что они даже внешне не похожи на китайцев, а принадлежат к тому же антропологическому типу, что гунны и монголы. Археологи, раскапывавшие земледельческие поселения северных гуннских окраин, где якобы жили «посаженные на землю» китайские военнопленные, не нашли ничего китайского не только в облике их обитателей, но и в предметах быта. Обычно переселенцы стараются на новых землях подражать быту на прежней родине. Однако китайские изделия доходили сюда реже, чем до основной гуннской территории. Здесь было меньше подражаний китайским изделиям, и инвентарь (оружие, орудия труда, посуда), и постройки, найденные археологами, свидетельствуют о продолжении местных традиций.

Множество сведений о гуннах получают археологи и при раскопках могильников.

Так, любопытные загадки связаны с могильником близ Оглахты (Минусинская котловина). Он был расположен на берегу Енисея. Могилы не выделялись над уровнем земли курганами, и сам могильник был обнаружен случайно, благодаря тому, что обвалился потолок в одном из погребений. Стенки могильных камер были сложены срубом, перекрытым бревенчатым накатом. Покойников укладывали в вытянутом положении на спине, а под голову часто клали бревно. В таких могилах часты парные погребения покойников, а, значит, у обитавших здесь гуннов был обычай ритуального убийства жен после смерти мужчины. Но вот загадка — практически все черепа погребенных здесь трепанированы, а из черепа изъят головной мозг. Для чего гунны извлекали головной мозг у покойников, остается загадкой, мы можем лишь строить предположения. Может быть, по

поверьям гуннов, магическая сила человека содержится как раз в головном мозгу, а значит, путем такой манипуляции гунны пытались обезопасить себя от превращения покойника в злого духа, который мог бы вредить соплеменникам? Но возможно, речь идет о более сложной системе верований и ритуалов, чем мы предполагаем? Ответить на эти и другие вопросы мы сегодня не можем. Интересно и другое — все тела, обнаруженные в этом могильнике, мумифицировались настолько хорошо, что, например, у одного из покойников хорошо сохранилась даже ступня. Поверх лиц покойных накладывали раскрашенные гипсовые маски неизвестного назначения. Такие посмертные маски широко известны в разных регионах земли, но что они означали для гуннов, неизвестно.

Практически на всех мужских и женских мумиях огластинского могильника есть косы. Такие же косы есть в ноинулинских княжеских погребениях.²⁶ Кроме настоящих и накладных кос на мумиях вождей обнаружены и многочисленные накладные парики, представлявшие собой подношения подвластных вождю племен. Считалось, что при помощи таких кос умерший вождь из могилы мог управлять подвластными ему при жизни народами. Такие косы, сделанные из конских волос, позволяют утверждать, что обычай ношения париков связан с гуннским культом лошади. Надевая такие парики, гуннские вожди и воины уподобляли себя коню.

Лошадь вообще играла важную роль в жизни гуннов. Предполагалось, что на том свете гунну понадобится конь, поэтому любимого коня убивали и клали в могилу вместе с гунном. Однако со временем кони стали настолько ценны, что убивать их ради покойников стало непозволительной роскошью. Да и гибло гуннских всадников настолько много, что захоронение каждого из них с настоящим конем было бы слишком большой растратой. Поэтому настоящего коня в погребении заменили их каменные, деревянные или бронзовые изображения.

В гуннских погребениях находят много оружия (мечи, луки, стрелы, копья), самое загадочное из которых — гуннская булава, или пест. Гуннская булава представляла собой литую медную или бронзовую палицу длиной 30–36 см с утолщениями по краям. Китайские источники называли ее «чи» (фут, единица измерения, примерно равная китайской длине ноги взрослого человека), поскольку длина была примерно равна единице длины «чи». Согласно Сыма Цяню, это оружие скорее всего было ритуальным и предназначалось для убийства соплеменников, которые подняли оружие против своих. Такого рода преступления конечно же встречались в гуннском обществе, однако, скорее всего, они были не настолько часты, как об этом говорит Сыма Цянь, поэтому вполне возможно, что чи выполняло и другие ритуальные функции. Оно могло быть символом власти вождя или главы рода и использоваться и в других ритуалах. По своей форме чи напоминало фаллический символ и поэтому могло быть знаком власти мужчины, могло использоваться в свадебных обрядах, для оглушения скота и для многих других целей. Но это только предположение. Загадка остается неразгаданной до сих пор. Отметим, что гуннская булава во время похода Аттилы на Запад вполне могла быть позаимствована восточными славянами. А затем она превратилась в гетманскую булаву.

ДРУЗЬЯ-ВРАГИ КИТАЯ

Вполне возможно, что гуннская держава, представлявшая собой союз 24 племен и делившаяся на две части (восточную и западную), сложилась задолго до начала новой эры. Во всяком случае, к 822 г. до н. э. гунны были уже достаточно сильны — именно этим временем датируется их первый набег на Китай.

На рубеже VI и V вв. до н. э. Поднебесная вновь переживает целую серию гуннских нападений. Это связано с тем, что сам Китай был в то время охвачен междоусобной войной

²⁶ Китайцы приписывали введение в Китае обычая ношения кос мужчинами не гуннам, а другому племени — сяньби. Однако ноинулинские погребения значительно древнее сяньбинских, поэтому можно со всей уверенностью утверждать, что этот обычай, как и многие другие, в действительности является гуннским.

между несколькими небольшими княжествами. И пока те самозабвенно сражались друг с другом, кочевникам удалось добиться значительных побед: они смогли захватить 25 китайских городов-крепостей и обосноваться в них. В это время их влияние в Китае было столь велико, что правившая в одном из китайских государств принцесса Сюаньтайхэу вышла замуж за гуннского князя. Принцесса хотела заполучить на свою сторону мощную гуннскую конницу, при помощи которой мечтала покорить соседние государства. Частично это ей, конечно, удалось, она действительно расширила свои владения, но теперь в ее царстве жило много кочевников, чей образ жизни и быт отличался от быта китайцев долины Хуанхэ. В поступке Сюаньтайхэу проявляется одна любопытная особенность китайской политики в отношении кочевников, которая и в последующие времена причиняла стране немало неприятностей: китайские императоры и удельные князья будут использовать кочевников в междоусобных разборках, привлекая на свою сторону мобильную конницу кочевников, натравливая их на своих китайских противников. Когда же деньги в императорской казне заканчивались или же соседний император перекупал наемников, гунны нападали на своего прежнего благодетеля.

Сами гунны были сплоченным народом. Каждое гуннское племя владело собственной территорией, по которой оно и кочевало, переселяясь с зимних стоянок на летние в течение года в поисках лучших пастбищ, но три раза в год вожди племен съезжались вместе на совет. В эти дни они совершали жертвоприношения за весь гуннский народ, вершили суд, решали геополитические проблемы, объявляли войну или мир, а в случае смерти прежнего верховного вождя избирали нового. Такого верховного вождя в китайских хрониках именуют на китайский манер «шаньюй». Именно под таким титулом известны гуннские вожди в китаеведческой литературе, однако историки предполагают, что в действительности этот титул — «дзэну», а «шаньюй» — это позднейшее искажение титула верховного князя.

Объединителем державы Хунну был дзэну по имени Модэ. Странно, что историки не сохранили имен прежних гуннских вождей, которые опустошали Китай за более чем 600 лет до Модэ. Впрочем, после того — первого — прихода гуннов Поднебесная пережила длительный период войн и разрухи, и более древние исторические хроники могли просто погибнуть в пламени междоусобных войн. Да и кому в условиях практически непрекращающейся войны всех против всех нужны сведения о династиях, правивших соседним, пусть даже и опасным народом несколько сот лет назад?

История Модэ рассказывается в 110 главе «Исторических записок» Сыма Цяня.²⁷

Отца Модэ по имени Тумань он также называет шаньюем, что, возможно, является ошибкой, ведь именно Модэ считается первым шаньюем гуннов. Но так или иначе, либо Модэ был первым известным верховным вождем (шаньюем) и объединителем гуннов, либо первым был его отец Тумань. О предшественниках Туманя (если таковые и были) история не сохранила никаких сведений. Впрочем, возможно, что в данном случае Сыма Цянь пытался скомпилировать несколько недошедших до нас источников. Согласно одному из таких источников, первым шаньюем гуннов был Модэ, согласно другому — Тумань. Также вполне вероятным представляется и то, что хронист произвольно скомпоновал двух исторических гуннов в образе правивших последовательно отца и сына. Можно даже предположить, что каждый из этих шаньюев правил в одной из частей гуннского государства (восточной или западной), и лишь позднейшая компиляция превратила их в династию. Но, какая из версий является правильной, нам, к сожалению, неизвестно. Тем не менее, согласно «Шицзин», Тумань безуспешно пытался убить сына, послав к нему убийц, но когда Модэ выжил, победив в поединке несколько сильных воинов, отец, восхищенный храбростью сына, отдал под его командование тьму (десять тысяч) воинов.²⁸

²⁷ Последующие историки, такие как например Баньгу (I в.) лишь пересказывают слово в слово текст «Шицзин» в трактате «Цяньханьшу» («История ранних Хань»). Последующие книги, в которых упоминаются гунны, датируются настолько более поздним временем (XV–XVII), что их трудно считать достоверными историческими источниками — ведь до того времени историческая память донесла лишь отдаленные легенды о гуннах. Поэтому, скорее всего, правы те современные историки, которые считают минские и более поздние сведения о гуннах позднейшим литературным вымыслом.

Из вверенных ему воинов царевич создал новую армию, правда обучал он своих солдат весьма своеобразно. Главным правилом стало беспрекословное повторение действий своего командира. Чтобы проверить своих солдат, царевич выстрелил в собственного великолепного коня. Тем, кто заколебался и отказался сделать то же, немедленно отрубили головы. Через какое-то время Модэ выстрелил в свою молодую красавицу-жену. И опять отказавшиеся последовать его примеру были казнены. Таким образом лишь самые верные воины остались с царевичем, и когда во время большой охоты Модэ выстрелил в своего отца, войско Модэ сделало то же самое — и его отец Тумань погиб, сплошь утыканный стрелами. Хронист утверждает, что это произошло в 209 г. до н. э.

С такого варварского, по мнению Сымы Цяня, поступка началась история гуннской династии. Хроники сохранили и другие странные поступки Модэ. Когда правитель соседнего народа дунху под угрозой войны потребовал от Модэ, чтобы тот отдал ему своего лучшего коня и любимую жену, Модэ, не возражая, согласился, объяснив это так: «К чему жалеть для соседей одну лошадь и одну женщину?» Но когда тот же правитель позарился на небольшой клочок гуннской земли, совершенно бесплодной и, по сути, никому не нужной, шаньюй пошел на дунху войной и одержал победу. Повод к войне, каким он описан у Сымы Цяня, выглядит до смешного недостоверным, потому что проблема земли для степняков была не настолько существенна, как для оседлых земледельцев. Действительно, Китай с давних пор страдал от перенаселенности, однако гунны вполне могли обойтись и без того клочка земли, о котором говорил Сыма Цянь. Поэтому слова Модэ: «Земля есть основание государства, как можно отдавать ее?», которые правитель гуннов якобы сказал перед тем, как выступить в поход, скорее всего, просто легенда. Да и порядки, установленные Модэ, были таковы, что ему не нужно было отчитываться ни перед кем. Именно Модэ объявил себя «сенгиром» (высочайшим правителем) гуннской державы, и когда он правил, у него не было конкурентов, а в стране — несогласных.

Сенгир был окружен почти божественным почетом и носил несколько пышных титулов, таких как «танкиркут» («обладающий небесной благодатью») или же длинный и величественный титул «Рожденный небом и землей, поставленный солнцем и луной, хуннский великий сенгир». Сенгир был военным вождем, заключал мир и объявлял войну, подписывал договоры и единолично руководил внешней политикой государства, а также был первосвященником народа хунну.

Модэ, как первому сенгиру, приписывают создание изначального свода гуннских законов.²⁹ В нем впервые появляется смертная казнь за такие ранее не считавшиеся серьезными проступки, как нарушение воинской дисциплины и уклонение от службы в армии — война становилась для гуннов все важнее и важнее.

Дальнейшие завоевания гуннов также касались соседних с Китаем, преимущественно кочевых, племен. Хунну подчинили себе юечжи и усуней на западе, племена лоуфань и байян на юге. Гуннские владения теперь охватывали империю Хань полукольцом. К тому же гунны завоевали земли, на которые претендовали китайские императоры. Война между хунну и Китаем стала неизбежной. Теперь могущественная империя не просто осталась без поддержки гуннской конницы, но гунны стали врагами Китая. Война закончилась в 188 г. до н. э. сокрушительным поражением ханьских войск: войско во главе с императором Гаоди попало в окружение у горы Байден. Лишь великодушие Модэ, вероятнее всего связанного с ханьской династией династическими узами, позволило императору спастись. По условиям заключенного вскоре мира Китай был обязан выплачивать гуннам ежегодную дань. Через некоторое время Модэ умер и гуннская держава вступила в полосу междуцарствия, в течение

²⁹ Китайские хронисты при всяком удобном случае подчеркивали, что законы хунну «легки и удобноисполнимы». И действительно, гуннский суд обязательно должен был закончиться за 10 дней, а число содержащихся одновременно под стражей не должно было превышать 10 человек. Смертная казнь полагалась лишь за наиболее тяжкие преступления. Наказанием за воровство была конфискация имущества преступника, что, впрочем, в условиях кочевого хозяйства ставило преступника перед угрозой голодной смерти, поскольку прежде всего конфисковывались его стада. А вот за легкие проступки всего лишь делали надрезы на лице, таким образом помечая мошенника или мелкого преступника.

которого гунны не нападали на Китай, а ханьские императоры продолжали выплачивать гуннам дань. Мир нарушил в 123 г. до н. э. император Уди. Новая война протекала с переменным успехом: китайцы смогли вытеснить гуннов из Ордоса, но в 90 г. до н. э. у горы Яньшань потерпели сокрушительное поражение. Условия перемирия, продиктованные китайцам сенгиром по имени Хулагу, были еще более кабальными для Китая, но в Поднебесной больше не было боеспособной армии, и императоры были вынуждены согласиться на них.

Вскоре ситуация для китайцев изменилась к лучшему — в 59 г. до н. э. уже в гуннском государстве начался период междоусобиц, а в 51 г. до н. э. сенгир по имени Хуханье стал вассалом Китая.

Используя гуннов, китайцы в то же время ослабляли их. В 1 г. до н. э. китайский император принял в Виноградном дворце гуннского вождя (шаньюя) по имени Учжулю и пожаловал ему 370 одежд, 30 тыс. отрезков шелковых тканей с затканым узором, вышитых и простых, а также 30 тыс. мер шелковых охлопков. Эти подарки были платой за военные услуги войск гуннских князей и делались неоднократно. Но договорные отношения, которые установились у императоров китайских «борющихся царств», были вредны гуннам, богатые подношения за уничтожение непокорных китайских провинций развращали гуннов массовыми убийствами и роскошью платы за это. Вот как жаловался другому гуннскому шаньюю китайский перебежчик: «Численность гуннов не может сравниться с численностью ни одной из китайских провинций, но сила их в том, что их пища и одеяние отличны от китайских и они не зависят от Китая ни в пропитании, ни в одежде. Ныне же ты, шаньюй, изменяешь обычаям своего народа, ты стал носить китайские вещи. Если же Китай пошлет вам даже десятую долю своих вещей, то все до единого гунны будут на стороне императорского дома Хань. Получив из Китая шелковые и бумажные одежды, рвите их, бегайте в них по колючим растениям, покажите всем гуннам, что китайские одежды непрочны и уступают в прочности шерстяным и кожаным. Получив китайскую пищу — пренебрегайте ее, чтобы показать всем, что вы предпочитаете китайской еде сыр и молоко».

Но постепенно силы Китая иссякли, и поэтому в начале I в. нашей эры хунну вновь обрели независимость. Но уже в 48 г. восемь южно-гуннских родов вновь оказались под властью Китая. Так хунну разделились на южных и северных. Северные хунну тоже недолго оставались свободными. В 87–93 гг. они были завоеваны коалицией китайцев, уже известных нам сяньби и их соседей динлинов. Другие северные племена откочевали на запад, где смешалась с угорскими племенами Приуралья и Приволжья. Потомки именно этих хунну позже завоюют большую часть Европы.

Еще одна часть северных хунну осела в Семиречье и Тарбагатае (Восточный Казахстан) и основала свое государство — Юебань. Эта держава существовала до конца V в., пока ее не разрушили тюрки — телесские племена.

Большая часть оставшихся среднеазиатских хунну в VI в. покорилась тюркам Западного каганата.

А вот южные хунну, пополнившись в начале III века своими северными соплеменниками — беженцами, причинили Китаю много неприятностей.

Китай в это время переживал не лучшие времена. На рубеже II–III вв. Китай оказался на грани катастрофы, хотя еще совсем недавно было неуязвим для внешних врагов. Народом управляли достаточно умные чиновники и ученые. Был замечен прогресс в ремеслах и торговле. Границы страны защищала профессиональная, хорошо обученная и хорошо вооруженная армия, состоявшая как из молодых солдат-китайцев, так и варварской конницы, в которую входили кочевые племена хуннов, кянов, сяньбийцев. Кроме того, население Китая насчитывало 50 млн крестьян, которые могли в случае необходимости составить мощное ополчение. И вот это незыблемое величие рухнуло. Началось все с того, что евнухи-министры поссорились с учеными-конфуцианцами. Это закончилось массовыми казнями и изгнаниями конфуцианцев и членов их семей. Возрадовавшиеся разгрому своих давних противников-конфуцианцев даосы возглавили восстание «желтых повязок». Восстание

продолжалось 5 лет (184–189) и было потоплено в крови армией и ополчением. Солдаты, почувствовав, что они являются весомой силой в стране, перебили министров-евнухов и своих же командиров, оставшихся верными императору. Развернуться им не дало ополчение, блокировавшее восставшую армию в Чанъани. Начавшийся солдатский мятеж был подавлен лишь в 196 г. После поражения восставших в решающей битве император приказал казнить всех оставшихся в живых мятежников. На фоне солдатского восстания в 191 г. началась нескончаемая вражда провинциальных аристократических семей.

К 210 г. наиболее сильные аристократические роды объединились вокруг трех царств. На северо-востоке правил Цаоцао, арестовавший последнего императора Хань и правивший от его имени. Своим девизом он избрал слова «Время и Небо», символизовавшие в китайской культуре судьбу, и привлек под свои знамена искателей удачи — отважных и бессовестных людей, которые могли в его царстве быстро сделать карьеру и разбогатеть. В 220 г. его сын Цаопэй захватил власть и назвал свою династию Цао-вэй.

На юго-востоке полководец Сунь Цюань создал царство У, девизом которого стали слова «Земля и Удобство». И действительно, географическое положение его страны, прикрытой рекой Янцзы, было очень выгодным и в экономическом, и в военном отношении. Сунь Цюань и его преемники сделали ставку на конфуцианцев, но те лишь усиливали хаос в стране своими бесконечными дворцовыми интригами.

Третье царство (Шухань) образовали в Сычуани даосские вожди разгромленного движения «желтых повязок». Понимая, что обречены попасть под власть двух других государств, они договорились с полководцем Лю Бэем и его отрядом о борьбе с Цаоцао. Первоначально царство Шухань располагалось в междуречье Хань и Янцзы, но после поражения в нескольких битвах правители Шухань перебазировались в Сычуань — естественную крепость, окруженную горами. В Сычуане Лю Бэй был провозглашен императором, однако фактическим правителем Шуханя был даосский мудрец Чжугэлян. Девизом этого царства стали слова «Человечность и Дружба». В китайской историографии годы существования даосского царства не считаются удачными, а сама система правления даосов осуждается. Вместе с тем даосское царство просуществовало до 264 г., когда оно было завоевано, уже после смерти Чжугэяна, войсками Цао-вэй, оккупировавшими Сычуань. Однако победа над Шухань не принесла счастья династии Цао-вэй. Внутренние склоки при дворе императоров Цао-вэй привели к серьезному конфликту, в котором безродные, но хорошо вооруженные солдаты победили благородных аристократов. А один из цаовэйских генералов по имени Сыма Янь в 265 г. низложил последнего императора Цао-вэй и провозгласил себя императором новой династии Цзинь.

В 280 г. Сыма Янь практически без боя завоевал остатки распавшегося государства У. Однако после таких длительных войн цветущая страна превратилась в пепелище.

Гунны, оставшиеся у Китайской стены, колебались вместе с китайским народом. Они приняли активное участие в восстании «желтых повязок», а затем, когда оно пошло на спад, — откололись от него, что и обусловило во многом крах восстания. Затем гунны примкнули к «солдатской» династии Цаоцао и снабдили ее в 203 г. отборными лошадьми для обновления кавалерии. В благодарность за помощь императоры Цао-вэй давали гуннам значительные привилегии. За ними были закреплены обширные пастбища, разделенные на пять уделов, во главе каждого из которых стоял потомок гуннских князей. И хотя при каждом таком князе состоял китайский чиновник-наблюдатель, отношения были весьма теплыми, а восстания вспыхивали лишь дважды: в 271 г. взбунтовался северный шаньюй Мэн. Однако он был убит наемным убийцей, и восстание таким образом было подавлено. А 20 лет спустя восстал гуннский шаньюй Хаосань, но и его восстание было подавлено в зародыше — его схватили и казнили свои же старейшины. И так, хотя численность гуннов, обитавших в окрестностях Великой Китайской стены, составляла около 250 тыс. человек, ситуация была спокойной. До поры, до времени...

И вот гунны, объединившись с другими варварскими племенами, восстали. Гуннское восстание возглавил Лю Юань, внук предпоследнего шаньюя южных гуннов по имени

Юйфуло. В 290 г. он был назначен главнокомандующим всех гуннов на территории Китая.

Лю Юань был провозглашен гуннами великим шаньюем, а затем, в 304 г. он принял на себя титул императора Китая (вана) и присвоил своей династии имя Хань, на том основании, что его прабабка по женской линии была ханьской принцессой. Враждовавшие между собой цзиньские принцы не смогли собрать армию для борьбы с самозванцем. А тем временем Лю Юань сделал своей столицей Пиньян и, укрепившись там, в 310 г. официально принял императорский титул под именем Гао-цзу и объявил войну династии Цзинь. В результате нескольких побед над цзиньцами гунны овладели практически всем Северным Китаем вплоть до реки Хуай. Однако в том же году Лю Юань умер, оставив престол своему бездарному старшему сыну Люхо. Главной заботой нового императора стало устранение своего более талантливой и популярного брата Люцуня. Однако вскоре сам Люхо был убит. Вполне возможно, что эти внутригуннские склоки были инспирированы императорами Китая, не желавшими допустить возвышения гуннов. В 311 г. цзиньская империя, воспользовавшись сменой гуннского императора, напала на гуннов, но военные действия приняли неприятный для китайцев оборот и цзиньские войска были бесславно разбиты, а гунны под командованием Шилэ разграбили цзиньскую столицу Лоян и взяли в плен цзиньского императора Хуайди. Столица цзиньской империи перебазировалась в Чанъань, где был избран новый император Миньди. Однако через 5 лет гунны овладели и этим городом, а захваченный в плен Миньди после многочисленных издевательств и пыток был казнен. Тогда цзиньцы перенесли свою столицу в другой город — Цзянкан (ныне Нанкин).

В 318 г. умершему Люцуню наследовал его бездарный сын Люцань, но он вскоре был убит своим тестем китайцем Цзиньчжунем, истребившим также всех членов гуннской царской семьи. Цзиньчжунь призвал на помощь цзиньские войска. Однако цзиньские войска то ли нарочно, то ли в силу непредвиденных обстоятельств медлили, и против Цзиньчжуна выступили гуннские армии под командованием Люяо и Шилэ. Видя, что цзиньская помощь опаздывает, приближенные Цзиньчжуна убили его и выдали гуннам его тело в надежде на снисхождение. В дальнейшем именно Люяо был провозглашен китайским императором, а основанная им династия получила название Ранней Чжао. В следующем году провозгласил себя императором другой гуннский военачальник Шилэ. Основанная им династия получила название Поздняя Чжао. В 319–321 гг. он вел тяжелую войну с цзиньским военачальником Цзуги, которая закончилась со смертью Цзуги. Всего через пару лет после окончания этой тяжелой войны военачальники Поздней Чжао Шишэн и Шиху напали на земли Ранней Чжао и завладели северной частью Хуайхэ и Шаньдуном, а к 329 г. войска Шилэ победили династию Ранняя Чжао, Люяо был пленен и убит, а его империя перестала существовать. Во время долгой и тяжелой болезни, поразившей Шилэ в 330 г. и закончившейся его смертью в 333 г., главным человеком при дворе стал начальник дворцовой стражи, названный брат Шилэ по имени Шиху. По смерти Шилэ он захватил власть и уничтожил семью покойного императора. Опасаясь оставаться в городе, где было много сторонников Шилэ, Шиху перенес столицу из Сянго в Е (Ечэн). Шиху был неплохим полководцем, так в 334–339 гг. он успешно отражал нападения Восточной Цзинь, однако войны с небольшим китайским царством Ранняя Лян и с сяньбинским государством Ранняя Янь были для него неудачными. При этом Шиху стал крайне мнительным и подозрителен, так он казнил своих сыновей Шисуя (337 г.) и Шиюаня (347 г.) по подозрению в заговоре против него. В 349 г. Шиху умирает от нервного истощения, а наследником становится его сын от дочери Люяо, мальчик по имени Шиши. Шицзунь, другой сын Шиху, собрал большое войско и привлек на свою сторону приемного сына Шиху, китайца Жаньмина, и пошел на Шиши. После победы Шицзуна юноша-император и его мать были казнены. Вскоре Жаньминь поссорился с Шицзунем и убил его, а затем возвел на престол нового императора — его брата Ши Цзяня. Однако в начале 350 г. китаец низложил и этого императора и провозгласил новым императором себя. Основанная им династия получила название Вэй, или Жаньвэй. Один из первых указов нового китайского императора предписывал убивать в пределах царства всех варваров, в результате чего только в столице было убито более 200 тыс. гуннов, в числе

которых были и члены императорского рода Ши, а народ цзе был полностью истреблен.

Однако уже через два года эта династия была уничтожена сяньбинцами.

И хотя период раздробленности в Китае продолжался еще несколько десятилетий, однако в это время гунны не играли большой роли в жизни страны, т. к. даже этнические гунны китаизировались, принимали китайские имена и становились китайцами в первом поколении.

КАМЕННЫЙ ДРАКОН

С гуннами связана еще одна любопытная загадка. Дело в том, что многочисленным набегам гуннов на Китай должна была помешать Великая Китайская стена, однако гунны проходили «сквозь стену» практически беспрепятственно... Почему же «каменный дракон» не защищал своих хозяев?

Пожалуй, трудно найти человека, который никогда ничего не слышал о Великой Китайской стене. Как правило, каждая страна в массовом сознании ассоциируется с каким-то образом-символом. Великая стена является символом Китая как для самих китайцев, так и для иностранцев. У входа на отреставрированную часть Стены можно увидеть надпись: «Если ты не побывал на Великой Китайской стене, ты не настоящий китаец». И если подумать, это действительно так.

Великая стена не менее известна, чем Эйфелева башня. Однако, в отличие от Эйфелевой башни, образ которой не вызывает разночтений, мало кто представляет себе, что же такое на самом деле Великая Китайская стена (или вернее Стены, так как их несколько, но об этом позже).

Для начала немного истории. За всю историю Китая существовало три основных Стены, каждая протяженностью в 10 тыс. ли (5 тыс. км). Надо сказать, что это число (10 тыс.) имеет особое значение в китайской традиции. Связано это прежде всего с системой счета, принятой в Древнем Китае. Для 10000 существует особое название (Вань), которое близко по значению к русскому «тьма», т. е. «очень много».

В общей сложности строительство Стен заняло 2 тыс. лет (с VII в. до н. э. до XVII в. н. э.). Так появилась Великая Китайская стена длиной пять тысяч километров.

То, что Великая стена появилась именно в Китае, неслучайно. «Застенчивость» китайцев, их любовь к большим и маленьким стенам бросаются в глаза при первом же знакомстве с Поднебесной. Любое госучреждение, компания стремятся первым делом возвести вокруг своей территории внушительную ограду и выставить охрану. Традиционное китайское жилище — «сыхэюань», что можно перевести как «двор о четырех углах», непременно обнесено глухой кирпичной или глинобитной стеной, стороны которой одновременно служат и стенами внутренних помещений. Такой дом как бы обращен вовнутрь, к внутреннему дворику, где и проходит жизнь китайской семьи. Вход в сыхэюань для надежности охраняют каменные львы, отпугивающие нечисть, и опять-таки специальная стеночка — сразу за дверным проемом. Она же защищает обитателей от нескромных взглядов. Китайские государства начали обносить себя стенами еще со времен Конфуция, когда отдельные царства представляли собой скорее разросшиеся семейно-клановые поселения. Эти древние стены позволяли отгородить «все наше» от «соседского», «чужого». Но к строительству самого грандиозного фортификационного сооружения на Земле китайцы приступили, согласно официальной версии, для защиты от нападавших с севера кочевников, в частности, гуннов. Однако в последнее время возникло несколько гипотез о времени ее строительства.

Строительство первой Стены началось еще в VII в. до н. э. в период «Воюющих государств» (475–221 гг. до н. э.). Как уже говорилось, властители небольших царств Ци, Янь, Цинь, Чжао, Вэй, Хань и других начали строить укрепления вокруг своих территорий, в основном, в виде земляных валов с патрульной тропой наверху и сторожевых башен.

Первая Стена связана с именем знаменитого «объединителя земли китайской»,

императора Цинь Ши-Хуанди (династия Цинь). В 221 г. до н. э. он приказал соединить обращенные к гуннским степям участки оборонительных сооружений бывших царств Цинь, Янь и Чжао в единую линию. Стена должна была служить крайней северной линией возможной экспансии самих китайцев, она должна была предохранять подданных Срединной империи от перехода к полукочевому образу жизни, от слияния с варварами. Стена должна была четко зафиксировать границы китайской цивилизации, способствовать консолидации единой империи, только что составленной из ряда завоеванных царств. Сооружение Стены в условиях сверхцентрализованного государства быстро приобрело характер национальной программы. Для строительства новых участков и укрепления уже возведенных на необжитый север были согнаны сотни тысяч безжалостно оторванных от земли и семей крестьян, которых стерегли почти столь же многочисленные войска. Понятное дело, привлекали и заключенных — военнопленных, осужденных преступников, должников со всех концов империи.

В строительстве участвовала пятая часть тогдашнего населения страны, т. е. около миллиона человек. Немалую роль в постройке сыграли и ученые-конфуцианцы, которых Цинь Ши-Хуанди задумал извести на корню. Тысячи ученых, клейменых и закованных в кандалы, обеспечили своевременное окончание работ. Этот китайский «Беломорканал» (Стена фактически построена на костях людей, которых согнали со всей страны) в свое время имел огромное военно-стратегическое значение. В народном же сознании эта «великая стройка» была «стеной плача». В одной старинной повести, которую знает каждый китайский школьник, рассказывается о любящей жене, которая — узнав о гибели мужа, потоком своих слез разрушила стену.

Возведение ударными темпами «первой очереди» величественного сооружения заняло около 7 лет, за это время на строительстве погибли около двух миллионов человек. Их тела были зарыты в основание земляного вала, облицованного серым обожженным кирпичом. С тех пор сохранились предания о душах несчастных строителей, которые продолжают бродить где-то поблизости.

Уже при Цинь Ши-Хуанди Стена протянулась на 5 с лишним тысяч километров и была названа «Вань ли чанчэн» — «Стена в 10 тысяч ли». Позже ее строительство продолжалось при разных китайских династиях.

Вторая Стена (династия Хань, 206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) была построена в целях защиты от гуннов и прочих кочевников, которые совершали регулярные набеги на территорию Китая и порядком попортили Стену, сооруженную Цинь Ши-Хуанди. В период правления династии Хань Великая стена была серьезно укреплена и расширена на запад до Дуньхуана. Земляные валы на многих участках, особенно на наиболее угрожаемых в тот период — западных, обращенных к сегодняшним уйгурским территориям и Казахстану, были заменены каменными стенами (песчаник, гранит, известняк). Также была сооружена линия сторожевых башен, уходившая в глубь пустыни — для защиты торговых караванов.

На сооружение третьей Стены (династия Мин, 1368–1644) было направлено уже около 1 миллиона человек. На особенно важных участках трудолюбивые китайцы не ограничивались постройкой одной Стены, в отдельных местах их количество достигало десяти. В эту эпоху основными строительными материалами были кирпич и каменные блоки, делавшие конструкцию более надежной.

Последние крупные работы по обновлению Стены проводились при династии Мин, правители которой были одержимы идеей государственного величия и не жалели сил и средств на его внешние проявления. Династия Мин перестроила большую часть Стены. Гранитные фундаменты эпохи Хань были, однако, сохранены. В отличие от Хань, императоры Мин были больше озабочены северовосточным участком, прикрывавшим Пекин от монголов и маньчжур. При постройке основное внимание уделялось тому, чтобы каждая из башен Стены находилась в зоне видимости двух соседних. Сообщения передавались с помощью дымовых сигналов или барабанного боя. Кроме того, на всем протяжении от Стены до центрального города, на расстоянии одного конного перехода друг от друга,

располагались небольшие опорные пункты, на которых гонец со срочными известиями мог поменять коня. В XVI в. на укреплениях Стены появились пушки.

Те участки Великой стены, которые сохранились до нашего времени, были построены в основном именно при династии Мин. За время правления этой династии Стена протянулась с востока на запад от заставы Шанхайгуань на берегу Бохайского залива Желтого моря до заставы Юймэнгуань на стыке современных провинций Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района. По мнению экспертов, в эпоху Мин приблизительная протяженность Стены со всеми фрагментами и ответвлениями составила 6,5 тыс. километров. Средняя высота сохранившихся участков Стены достигает 7–8 м, ширина — до 5 м.

Характерно, что Стену строили только императоры «народных» династий, происходившие из этнических китайцев. Императоры из варваров, вроде Тан, Юань или Цзинь, не обращали на Стену никакого внимания. Мин, вложившая больше других труда в это сооружение, была как бы трижды «народной» династией: не просто китайской, а еще и происходила от вождя крестьянского восстания, к тому же свергнувшего монгольских завоевателей в 1368 году.

После завоевания Китая маньчжурами в 1644 г. и воцарения маньчжурской династии Цин (Цзинь) границы владений пекинских властителей отодвинулись на тысячу километров к северу и включили в себя именно те территории, откуда исходила угроза, против которой строили Стену. Цин, последняя императорская династия (1644–1911), завоевав Китай, отнеслась к Стене с пренебрежением. За три века правления Цин Великая стена почти разрушилась под воздействием времени. Лишь небольшой ее участок около Пекина поддерживался в порядке — он служил своего рода «воротами в столицу». Стена стала практически не нужна, ее забросили и не обращали внимания до начала XX века, когда любознательные европейцы заинтересовались этим сооружением как туристским аттракционом.

В 1984 г. стартовала программа по реставрации Великой Китайской стены, финансируемая из средств китайских и зарубежных компаний, а также частных лиц.

И сегодня Стена сохранилась в той или иной степени на всем своем протяжении. Крепости, форты и сигнальные башни по большей части скрыты, а вот собственно стена и ее сторожевые башни стоят, лишь слегка тронутые временем, — в основном пострадали и обрушились зубцы. Сохранившиеся участки эпохи Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.), в основном в западных пустынях, разрушены сильнее и выглядят скорее, как руины, чем как стены. Однако большая часть Стены и, в частности, весь тысячекилометровый восточный участок были, как уже сообщалось, основательно перестроены и поддерживались в порядке в эпоху Мин (1368–1644), а потому находятся в хорошем состоянии.

Несколько участков, наиболее удобно расположенных для туристов из Пекина или Тяньцзиня, были отреставрированы еще в 1960—1990-е годы XX века, после включения Великой Китайской стены в списки китайских национальных памятников (1962) и Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО (1987). Реставрация заключалась в основном в восстановлении обрушенных зубцов и внутрибашенных перекрытий.

Долгое время считалось, что Стена — единственное заметное невооруженным глазом из космоса искусственное сооружение на планете. Это в немалой степени способствовало поддержанию национальной гордости китайцев. Но, вопреки распространенному заблуждению, из космоса Стена не видна, хотя на спутниковых фотографиях ее, разумеется, видно. Глубокое разочарование наступило после полета китайских космонавтов. Первый из них, Ян Ливэй, а также двое его товарищей — Фэй Цзюньлун и Не Хайшэн — по возвращении на Землю заявили, что без специальных оптических приборов Стена с орбиты «не видна». Власти поспешили разъяснить, что данный вопрос очень сложен и выяснение истины требует полетов многих космонавтов.

«У нас есть объективные данные, позволяющие утверждать обратное», — сказал один из чиновников, напомнив, что американский астронавт Юджин Сернан, последний из побывавших на Луне в ходе миссии «Аполлон-17», настаивал, что видел Великую

Китайскую стену с поверхности нашего естественного спутника. Астронавт китайского происхождения Лерой Чао, побывавший на МКС несколько лет назад, даже представил снимок участка Стены, хотя некоторые эксперты говорят, что это отрезок шоссеной дороги...

По поводу возраста Великой Китайской стены есть и альтернативные мнения. Так академик Анатолий Фоменко считает, что ее построили между 1650-м и 1689 г. для обозначения границы между Китаем и Россией по Нерчинскому договору. Но некоторые пошли дальше: писатель Александр Бушков в своей книге «Россия, которой не было» (2002) настаивает на том, что Великая Китайская стена построена во времена Мао Цзэдуна, то есть в 50–70-е годы XX века.

Одно из наиболее распространенных сомнений, касающихся Стены, — это сомнение в целесообразности такого сооружения. «В самом деле, — рассуждают сомневающиеся, — стену длиной в тысячи и даже в сотни километров невозможно оборонять, большая орда кочевников за один день пробьет брешь, достаточную для прохода войска, и никто не в состоянии будет этому помешать. А мелкие группы степных налетчиков и грабителей попросту перелезут через стену». На самом деле собственно Стена — лишь часть грандиозного оборонительного сооружения на границе между сельскохозяйственной цивилизацией и кочевнической степью. Иероглифы «чан» и «чэн» (японское чтение «те» и «дзе»), образующие название Великой стены по-китайски и по-японски, означают вовсе не «великая стена», а «длинное укрепление» — разница заметна, не правда ли?

Можно выделить четыре основных компонента чан-чэн: форты и крепости при перевалах; цепь сторожевых башен; тыловые гарнизоны и сеть сигнальных башен; собственно стена, соединявшая сторожевые башни в единую линию.

Форты и крепости при перевалах охраняли основные дороги, ведущие в Поднебесную, самые опасные направления — от запирающего Великий шелковый путь форта Цзиаюгуань на западе до приморского перевала Шанхайгуань на востоке.

Цепь сторожевых башен, протянувшаяся на 5660 км, служила для наблюдения за приграничьем. Каждая башня имела, как правило, два уровня: верхний служил наблюдательной площадкой, а на первом этаже отдыхали сменившиеся с поста воины. В эпоху Мин гарнизон башни составлял 16 человек (караульная, бодрствующая и отдыхающая пятерки и начальник), сменявшиеся каждые три месяца на свежих людей из тылового гарнизона.

Тыловые гарнизоны располагались на значительном удалении от цепи сторожевых башен (до ста километров). Немедленно по получении сигнала тревоги с одного из перевалов или со сторожевых башен войско выступало для прикрытия угрожаемого направления. Сигнал проходил сто километров в течение часа благодаря системе сигнальных (или телеграфных) башен, на вершине которых разжигались костры. Манипулируя дымом или прикрывая в темное время суток пламя тряпкой, «телеграфисты» сигнальных башен были способны передавать простые сигналы, сообщающие направление и величину угрозы.

Собственно Стена служила для патрулирования границы и надежно перекрывала миллионы горных троп. Приподнятая над самыми крутыми гребнями на высоту до 14 м, эта «патрульная тропа» обеспечивала хороший обзор и позволяла китайцам спокойно обрабатывать поля непосредственно в приграничной зоне. Для лучшего выполнения патрульной функции Стена (может, правильнее сказать «дорога») прокладывалась в основном по гребням горных хребтов. В этих местах она, кстати, никакой другой функции выполнять и не могла. Разные участки стены были построены для пешего и для конного патрулирования. Некоторые участки вблизи Пекина, например бадалинский участок шириною до 5 м, были достаточно широки для переброски подкреплений от одного форта к другому.

Гений и размах китайских фортификаторов вызывают восхищение. Только предательство могло преодолеть Стену (и делало это несколько раз). В эпоху холодного оружия сооружения Великой Китайской стены надежно защищали торговые пути,

обеспечивали быструю концентрацию армии против вторгающихся захватчиков и охраняли труд крестьян в приграничье от набегов мелких групп кочевников. Хотя последняя фортификационная задача в настоящее время считается невыполнимой. Пресс-службы в зонах различных приграничных военных действий (афгано-пакистанская граница во время афганской войны и чеченский участок грузинской границы во время второй чеченской войны, ирако-турецкая граница во время курдского восстания, кашмирский участок индо-пакистанской границы и прочих) скорбно заявляют, что «тысячи горных троп невозможно перекрыть». А вот китайцы перекрыли не то что тысячи, а миллионы горных троп! Правда, для этого пришлось построить «стену» — приподнятую патрульную тропу прямо по гребням горных хребтов. Эта решительность и сосредоточенность на достижении цели достойны восхищения.

Все сказанное выше, однако, дает очень малое представление о том, что же такое Стена с, если можно так сказать, эстетической точки зрения. Прежде всего нужно отметить глагол, который употребляют китайцы для обозначения поездки на Стену. По-китайски он произносится как «па» и означает примерно то же, что английское «to climb», то есть «подниматься», «восходить», «карабкаться» и тому подобное. Надо сказать, что поездка на Стену действительно подразумевает именно вышеназванные действия. Сама Стена состоит из огромного количества ступеней, которые поднимаются или опускаются (почему-то очень редко) в соответствии с особенностями рельефа. Таким образом вы ползете вверх от башни к башне, напрягая последние силы, судорожно вдыхая горный воздух. Если это зима, то ступеньки к тому же покрыты тонким слоем льда, что делает подъем особенно увлекательным. А когда вы останавливаетесь передохнуть, какой-нибудь сухопарый китаец (на вид лет 60–70), которого вы вначале вообще не рассматривали в качестве конкурента, бодрым шагом преодолевая ступеньку за ступенькой, оставляет вас далеко позади. Особенность подъема на Стену (в отличие от восхождения на гору, а многие горы в Китае также «ступенчатые») состоит в отсутствии вершины, которую необходимо покорить. Башня вырастает за башней, одна ступенька сменяет другую, чем выше вы забираетесь, тем меньше людей вокруг, тем горный воздух более пьянящий, и прочие неперменные атрибуты горной романтики все романтичнее.

Основной участок Великой Китайской стены повторяет силуэт гор, подчеркивая выразительность рельефа ландшафта. Китайцам с их «историко-поэтическим» воображением Стена напоминает летящего величественного дракона, что способствовало превращению этого сооружения в национальный символ. Ныне он украшает все что угодно — от космических ракет и автомобилей до гостиниц и свиной тушенки с тем же гордым названием — «Великая стена».

В древности Стена действительно являлась серьезным препятствием на пути всякого, кто пытался попасть в Среднее государство. Единственный путь внутрь вел через специальные пропускные пункты, которые наглухо закрывались на ночь (ночью их нельзя было открывать ни под каким видом, один раз пришлось подождать до утра даже китайскому императору). Для того чтобы быть пропущенным за Стену, путешественник должен был получить разрешение у вышестоящих органов. Для этого он подавал своеобразную таможенную декларацию на рассмотрение главы гарнизона, который, после соответствующей проверки, переправлял его своим непосредственным начальникам в центр. До получения разрешения центральных органов власти никто не имел права проникнуть внутрь, поэтому территория вокруг пропускного пункта была заполнена шатрами и палатками торговцев, ждущих разрешения на въезд (иногда ожидание затягивалось не на один месяц).

Но вернемся в наши дни. Вокруг Пекина находятся несколько участков Стены, доступных для туристов. Наиболее интересен неотреставрированный участок Сыматай. Справедливости ради стоит отметить, что отреставрированные и свежеевыкрашенные части Стены производят гнетущее впечатление киношной декорации (как всякий новодел), и как-

то не верится, что все это стоит здесь уже не одну тысячу лет. Но, несмотря на споры, сами китайцы и миллионы иностранных туристов продолжают паломничество к этому грандиозному объекту. Правда, Стена, выдержавшая набеги многочисленных кочевников, не может устоять перед армией туристов и хозяйственной деятельностью человека. «Самая большая угроза Стене — отсутствие чувства обеспокоенности по поводу ее сохранности у окружающих», — говорит генеральный секретарь Общества защиты Великой Китайской стены Дуняохуэй. Государство, по его словам, выделяет недостаточно субсидий на охрану и поддержание ее былого величия.

С декабря 2006 года вступили в силу специальные правила, касающиеся охраны Стены. Так, категорически запрещается уносить кирпичи, камни и даже горсть земли. Под угрозой крупного штрафа возбраняется оставлять на древнем сооружении любые надписи и рисунки. Не разрешается также возводить постройки и устанавливать оборудование, не имеющее отношения к сохранению национальной святыни. По Стене нельзя ездить на мотоциклах и велосипедах, устраивать презентации, выставки и цирковые представления. Виновные в нарушении этих запретов могут быть оштрафованы на сумму до 50 тыс. юаней (6,4 тыс. долларов) для отдельных лиц и до 500 тыс. юаней — для организаций.

Говорят, уже есть первая «жертва» этих мер — строительная компания в автономном районе Внутренняя Монголия. Прокладывая шоссе местного значения, строители, недолго думая, разрушили стометровый участок величественного сооружения, использовав древние кирпичи на... отсыпку дорожного полотна. Компания была оштрафована на максимальные 500 тыс. юаней.

Однако главная, наверное, загадка Великой Китайской стены состоит в том, зачем была нужна такая стена, если кочевники многократно преодолевали ее. На рубеже эр это несколько раз проделывали гунны, затем — монголы, а после них — маньчжуры. А может действительно, Стену начали возводить лишь в последние сто лет?

Итак, как мы говорили, считается, что основная часть Стены была построена при Цинь Ши-Хуанди. Но сегодня некоторые исследователи сомневаются в этом. Действительно, была ли возможна постройка столь грандиозного сооружения при том уровне строительной техники и той численности населения Китая? Есть историки, которые отвечают на этот вопрос отрицательно, ссылаясь на то, что кроме Стены у Цинь Ши-Хуанди был и другой грандиозный проект — терракотовая армия. Она была обнаружена простым китайским крестьянином в процессе самых обычных сельскохозяйственных работ — земля просела и в образовавшейся яме показалась голова глиняного, усатого, с волосами, завязанными в высокий узел на затылке, человека. Увидевший статую местный учитель догадался вызвать археологов. Из земли вытащили полную статую древнего глиняного воина, облаченного в старинные доспехи и вооруженного копьем с бронзовым наконечником. Начавшиеся в 1974 г. раскопки привели к удивительному открытию — на обширном поле было открыто более 7 тыс. статуй. В этой армии, замершей стройными колоннами, все было, как в армии настоящей, все солдаты и даже боевые колесницы были выполнены в натуральную величину. Люди и кони были сделаны из обожженной глины, а сбруя, оружие и детали вооружения были настоящими.

Археологи быстро сообразили, что терракотовая армия служила для охраны погребения императора Цинь Ши-Хуанди, останки которого покоятся в близлежащем холме.

Следующий сезон раскопок открыл величественную гробницу императора.

Цинь Ши-Хуанди прожил долгую жизнь. В 13 лет он стал правителем в одном из мелких китайских государств. Долгие годы он воевал с соседними царствами, интриговал и лишь к концу своей жизни стал правителем объединенного Китая. Все силы его страны и покоренных им земель, считают некоторые исследователи, были направлены на нужды нападения, вся экономика была ориентирована на наступательные цели. Были ли в его государстве силы для столь масштабного оборонительного проекта? Неужели Стена действительно была построена при Ши-Хуанди? Ведь такое строительство потребовало

пригнать на строительство Стены миллионы крестьян, которые, вместо того чтобы возделывать свои поля и снабжать страну зерном, занимались строительством, да и к тому же они ежедневно сами поглощали огромное количество пищи. Условия труда на строительстве были настолько тяжелыми (а это признают и сами китайские хронисты), что строители умирали тысячами, значит, целые районы могли обезлюдеть, а по дорогам Китая должны были бродить стаи людоловов, отлавливавших оставшихся в деревнях крестьян. А отсутствие крестьян приводило в свою очередь к голоду.

Историки-скептики утверждают, что даже простые арифметические действия показывают, что в результате строительства этой стены в стране должен был вспыхнуть голод и появиться его непереносимые спутники — эпидемии и мор. Сколько времени должно было продолжаться строительство Стены? Ведь император долгие годы воевал с соседними государствами, пока наконец не подчинил все китайские княжества. Это произошло, когда императору было более 40 лет. Времени на строительство оставалось не более 40 лет. Длина Стены, всех ее линий, учитывая дублирующие участки наиболее угрожаемых направлений, — 6350 км, следовательно, средняя скорость строительства должна была составлять более 130 км в год. Практически невероятно! И наконец, самый главный вопрос — какова была обстановка на северной границе Китая? Было ли там настолько спокойно, что можно было бы послать туда крестьян, не опасаясь, что кочевники придут и перебьют крестьян? Опять-таки ответить на этот вопрос весьма затруднительно. Да, гунны, поставившие коней и всадников в войско Цинь, были в дружественных отношениях с Китаем, но вряд ли они были бы обрадованы такой стройке, отрезавшей их от Китая. И чтобы окончательно развенчать «миф о строительстве Великой Китайской стены», скептики, в подтверждение своих сомнений, предлагают трезво взглянуть на главного героя этого строительства — императора Цинь Ши-Хуанди.

Став императором, он провел целый ряд реформ государственного управления. Многие из них действительно упорядочивали жизнь в государстве. Но самой главной заботой императора была вовсе не Стена или упорядочение жизни империи, его занимала лишь забота о личном бессмертии. Он приказал собрать по всей стране мудрецов, кто хоть что-то знал об эликсире бессмертия. Им были предоставлены лучшие условия работы. Шли годы, но таинственное лекарство получить не удавалось. В ярости император приказал казнить конфуцианцев и сжигать их книги, он даже отправил в ссылку своего будущего преемника Фусу за то, что тот осмелился протестовать против репрессий. А когда император понял, что все усилия тщетны и ему придется умереть, — для гробницы императора и была сделана терракотовая армия, предназначенная для того, чтобы охранять императора в загробном мире.

Итак, все эти известные деяния, совершенные во времена Цинь Ши-Хуанди, не оставляют места для строительства Стены. И скорее всего, утверждают скептики, она была построена в более поздние времена, а тогдашние императоры Китая, повинаясь старинной традиции «удревнения» своих приказов и решений, приписали ее возведение первому императору, правившему Китаем после долгого периода раздробленности.

МАРКО ПОЛО И ЗАГАДКА ВЕЛИКОЙ КИТАЙСКОЙ СТЕНЫ

С Великой Китайской стеной связана еще одна загадка истории — загадка путешествия Марко Поло и его родственников. И действительно, по их собственным словам, венецианские купцы Марко и его отец Николо в конце XIII в. н. э. исходили Китай вдоль и поперек и несколько раз проходили в тех местах, где должна была находиться Великая Китайская стена, но вот загадка — ни разу в своей книге Марко Поло не упоминает о таком сооружении. Может быть, Стену действительно построили намного позже, например, в Маньчжурское или Минское время, а придворные историки, повинаясь обычаю, отодвинули время ее создания, приписав «авторство» проекта великим императорам древности? В пользу этой гипотезы говорит вроде бы и то, что кочевники, вторгаясь в Китай, подозрительно легко

проходили через те регионы, где им должна была преграждать путь Стена. Но тут в спор вступают снова другие историки-скептики. Однако, в отличие от скептиков, о которых говорилось в предыдущей главе, эти сомневаются не в том, что Великая Китайская стена в тот период существовала, а в том, что Марко Поло и его спутники побывали в Китае. Возможно, знаменитые венецианцы просто не смогли (или не захотели) попасть в Китай, а написали свою «Книгу о разнообразии мира» где-нибудь в Центральной Азии, Персии или Афганистане, пользуясь сведениями, полученными от купцов, ходивших в Китай, а потому, даже если они и слышали о Стене, то предпочли не упоминать о ней, как о вымышленном и явно недостоверном факте. Да и вообще, кто создал загадочную «Книгу о разнообразии мира», ведь написана она была на старофранцузском языке, а знавший несколько десятков восточных языков венецианец Марко Поло разговаривал на венецианском диалекте староитальянского языка и, по всей видимости, писать и читать на европейских языках не умел, что, кстати, весьма странно для средневекового купца, а тем более для купца столь высокого ранга из знаменитого торгового города. А кроме того, ни один из исторических документов XIII в. вообще не знает о существовании купцов по фамилии Поло. Однако обо всем по порядку.

Первые контакты между Китаем и странами Средиземноморья установились не позднее I в. до н. э., когда в произведениях римских писателей появляются первые упоминания о шелковых тканях, доставляемых из загадочной страны (по другим сведениям — города) Сера. Согласно некоторым источникам, в 166 г. уже нашей эры римский император Марк Аврелий Антонин (161–180) отправил в загадочную страну Сера посольство. Впрочем, по мнению ряда авторитетных историков, такое посольство исторически невозможно, кроме всего прочего свидетельства об этом посольстве в римских источниках отсутствуют, а выдвинутая гипотеза базируется на свидетельстве намного более поздних китайских хронистов, которые писали: «В 166 г. н. э. дацинский правитель Антунь отправил посланника, который вступил в Китай через Жинань (Аннам). Он преподнес двору слоновые бивни, рога носорога и черепаший панцирь. Впервые это сообщение открыто в архивах двора лишь сейчас. А то, что в числе даров нет драгоценностей, это произошло потому, что их опустил автор заметки». Действительно, перечень даров не свидетельствует о римском происхождении посла и можно предположить, что загадочная страна Дацинь — это вовсе не Римская империя, а одно из значительно более близких к Китаю государств Индии или Индокитая, да и совпадение имени дацинского правителя с именем одного из римских императоров может быть случайным.

Несмотря на то, что ко времени Марка Аврелия Антонина уже сформировался сухопутный торговый путь между Китаем и Средиземноморьем, известный как Великий шелковый путь, прямые контакты между этими двумя регионами были весьма затруднены. Виноваты в этом были, безусловно, купцы, сохранявшие в строгой тайне маршруты своих путешествий. Из опасения, что их могут обойти конкуренты, они не выдавали своих маршрутов, и получалось, что каждый купец хорошо знал лишь небольшой участок Великого шелкового пути. Кроме того, каждый город, охраняя секреты своих купцов, старался не пропускать дальше купцов из соседних городов и дальних провинций. Правителям городов было выгодно, чтобы купцы соседних городов продавали свои товары на их рынке следующим перекупщикам, а не везли свои товары в дальние земли транзитом. Зачастую транзит и даже вывоз определенных товаров правители городов облагали высокими пошлинами.

Ситуация изменилась к лучшему после арабских завоеваний. Арабские купцы освоили практически весь Индийский океан, они доходили в своих плаваниях до портов Ганьпу и Ханчжоу в Южном Китае, достигли Мозамбика и Мадагаскара. Арабские историки и географы на основе рассказов купцов составили подробные карты и описания многих регионов земли от Марокко до Филиппин и от Мадагаскара до Скандинавии и Новгорода. Однако европейцы вплоть до XIII в. по-прежнему ничего не знали о Китае. Скучные сведения, которые они могли почерпнуть у таких энциклопедистов, как Гай Юлий Солин или

Исидор Севильский, были настолько фантастичны, что даже в то время в них почти не верили. И вправду, можно ли верить свидетельствам Исидора о том, что где-то далеко на востоке живут люди с песьими головами, которые не говорят, а лают. Скорее всего в этой загадочной легенде есть какое-то рациональное зерно — древние путешественники, а возможно даже послы Марка Аврелия, пытаясь объяснить, на что похож китайский язык, уподобили его лаю собак, а позднейшие интерпретаторы, не разобравшись, о чем идет речь, переврали изначальное сообщение, исказив его до неузнаваемости и придав ему столь неправдоподобный вид. Возможно даже, что это было сделано купцами Великого шелкового пути сознательно, чтобы отвратить купцов-конкурентов от путешествий в далекие восточные страны. Купцам вообще было свойственно преувеличивать опасности своей части пути, таким образом они отпугивали конкурентов от повторения их путешествия.

Ситуация для европейских купцов изменилась к лучшему, как ни странно, благодаря монголо-татарам. Благодаря тому, что они покорили огромные территории от Карпат до Тихого океана, на всех этих землях установилась единая власть, и теперь купцы и торговцы могли достаточно спокойно перемещаться по Азии, имея охранные грамоты единого правителя, тогда как раньше для пересечения каждой границы требовалось разрешение правителя каждого небольшого государства на протяжении всего Великого шелкового пути. Первым путешественником, оставившим подробные записки о восточных странах, был францисканский монах Плато Карпини, отправившийся в столицу монголов Каракорум в 1245 г., т. е. всего через несколько лет после финального броска монголов «к последнему морю». В том же году, но совершенно иным путем в столицу монголов отправилась делегация доминиканских монахов. Записки, оставленные после этих путешествий, являются древнейшими из известных нам описаний Центральной Азии и Китая. Посольство доминиканцев, шедшее южным путем через Сирию, Ирак и Персию, закончилось в Хорезме. По причинам, не до конца понятным, ему не удалось достичь расположенной в Китае монгольской столицы Каракорума. А вот путешествие францисканцев было весьма удачным. Делегация во главе с Плато Карпини избрала северный путь. Они вышли из Лиона, перевалили через Альпы, пересекли Восточную Европу, вассальную Золотой Орде Русь и, спустившись в низовья Волги, достигли города Сарай, столицы золотоордынского Бату-хана. Бату предоставил монахам конвой до Каракорума. За Яиком послы впервые познакомились с народами, игравшими большую роль в Центральной Азии домонгольского времени, — канглами и каракитаями (кидаями). А мы помним, как китаи-кидане и дали свое имя всему Китаю. Путешественники были приняты в ставке каракитаев на одной из степных рек, впадающих в озеро Алаколь, а оттуда отправились в Каракорум. Весь путь от Сарай-Бату до Каракорума занял всего-то 3,5 месяца.

Францисканцы попали в Каракорум в один из самых беспокойных периодов в его истории — здесь продолжалось длительное междуцарствие, которое началось после смерти Чингисхана. Как раз в то время, когда монахи прибыли в Каракорум, на трон взошел хан Гуюк, которому суждено было пробыть ханом не более 3 лет. Гуюк принял чужеземцев весьма любезно и разрешил им присутствовать на церемонии принятия присяги подвластных хану народов. Именно здесь послы папы Иннокентия IV впервые познакомились с китайцами. Впрочем, Карпини был не первым европейцем, увидевшим китайцев, присутствовал на этой церемонии и русский князь Ярослав Всеволодович. Карпини хорошо отзывался о добрых нравах китайцев и искусстве их ремесленников. Вскоре после Карпини, а точнее — в 1249 г. — Каракорум посетил посол французского короля Людовика IX Святого, францисканский монах Андрэ Лонжюмо. К сожалению, его отчет не сохранился, а известны лишь редкие упоминания о нем в записках Гийома Рубрука.

Вообще-то говоря Рубрук был голландцем и носил другое имя и фамилию, а не то, под которыми вошел в историю. Его звали Виллем Рейсбрук, но он находился на французской службе, оттого и общепринятыми стали его искаженные имя и фамилия. Так будем называть его и мы. Рубрук был доверенным человеком Людовика Святого. Этот французский король активно участвовал в крестовых походах, за что и получил свое прозвище. Впрочем,

активность Людовика не имела никаких последствий, и тогда, в 1253 г. он совершил неудачный крестовый поход в Египет. В этот момент Людовику и пришла в голову замечательная, как казалось ему, мысль, — заключить союз с монголами против мусульман и победить своих врагов руками монголов. С предложением о таком союзе и отплыл зимой 1253 г. из Акки (Северная Палестина) Гийом Рубрук. Второй целью Рубрука была задача установить контакты с загадочным царством пресвитера Иоанна. Дело в том, что в средневековой Европе получила распространение легенда о том, что будто бы где-то в Азии находится христианское королевство, которым правит царь и священник (пресвитер) Иоанн. Это загадочное королевство средневековые географы помещали то в Индии или Средней Азии, то в Восточном Китае или Сибири. Реальной подоплекой этой легенды был тот факт, что в XII в. христиане несторианского толка были активной группой среди каракитаев и когда каракитаем удалось в нескольких битвах разбить турок-сельджуков, весть об этой победе, дойдя до Палестины, обросла с легкой руки пересказчиков фантастическими подробностями, согласно которым загадочный царь Исаил, правитель христианского царства где-то в Азии, обладает огромным войском, которое может помочь единоверцам в Палестине. Вполне возможно, что царство пресвитера Иоанна придумали сами крестоносцы, чтобы при помощи этой легенды запугать своих мусульманских врагов в Палестине, а затем крестоносцы сами поверили в собственный вымысел. Кстати заметим, что монголы отличались удивительной для европейцев того времени веротерпимостью и в войске, и в государственном аппарате монголов было довольно много христиан.

Возможно, что загадочное исчезновение Андрэ Лонжюмо как раз и связано с тем, что он, побывав в Средней Азии и Китае, убедился в отсутствии мифического царства пресвитера Иоанна, поэтому его политическая карьера прервалась, записи были уничтожены, а сам он был либо убит, либо сослан в далекий монастырь, подальше от мировой политики.

Европейские послы, видя своих единоверцев в рядах монголов, предполагали, что и сам монгольский хан склоняется к христианству, а уничтожение монголами сильных мусульманских государств в Средней Азии внушало крестоносцам надежду на то, что монголы-христиане смогут уговорить своего хана помочь единоверцам в Палестине. Христианкой, например, была сноха Чингисхана Соркуктани-беги — старшая жена хана Толуя, любимого четвертого сына Чинхисхана, и мать великих ханов Мункэ и Хубилая. Интересно, что в книге Марко Поло Соркуктани-беги называют племянницей пресвитера Иоанна. Ее третьим сыном от Толуя был Хулагу, хан которому удалось завоевать Иран, Месопотамию и соседние с ними страны. Сам он не был христианином, но христианкой была его старшая жена Догуз-Хатун. По словам арабского хрониста Рашид-аддина, «Хулагу-хан уважал ее волю и оказывал христианам покровительство и благоволение и приказал построить во всех своих владениях церкви, а при ставке Догуз-Хатун постоянно разбивали походную церковь». В истории осталось и другое любопытное свидетельство. Армянский историк Вартан Аревелци рассказывал, что в 1264 г. Хулагу-хан признался, что был крещен во младенчестве. Так ли это, сказать трудно, поскольку уже 8 февраля следующего, 1265 г., Хулагу умрет, а его преемники примут ислам.

Но вернемся к Гийому Рубруку. Его путь был долог: он миновал Константинополь, Солдайю (нынешний город Судак, Крым, Украина), однако в Сарай-Бату он не вошел, а Бату принял его в своей временной ставке на берегу Волги. Более месяца монахи оставались при ставке Бату, пока тот кочевал в низовьях Волги. Причина такой задержки в пути не очень понятна — то ли хан не доверял зачистившим в его владения послам, то ли послы старались выведать у него, где же находится загадочное царство пресвитера Иоанна, но так или иначе в середине сентября они отправились на восток в Каракорум. Быть может, Гийом Рубрук выполнял секретную миссию при дворе хана? Ханский проводник заботился о том, чтобы послам давали хороших, выносливых лошадей, их меняли 2–3 раза в день. Особенно старательно подбирали коня для самого Рубрука, поскольку этот нищенствующий монах был очень толстым. Вряд ли ханские проводники морили послов голодом, но тем не менее в записках прожорливого монаха, привыкшего к королевским пиршествам, встречаются такие

строки: «Как мы страдали от голода и жажды, холода и истощения, не поддается описанию. Только вечером бывал приличный ужин, а утром лишь пшено с молоком».

Их путь лежал через Яик, мимо Аральского моря и Сырдарьи, через Алатау в ставку нового монгольского хана Мункэ. В ставке французы встретили нескольких европейцев, парижанина, искусного ювелира и уроженку Лотарингии, захваченную монголами в плен в Венгрии и вышедшую замуж уже в Каракоруме за русского ремесленника. Столица монголов не произвела впечатления на монахов, ее укрепления состояли всего лишь из простого земляного вала, а дома удивляли простотой интерьера и внешнего вида. Поразила путешественников веротерпимость монголов: в их столице кроме «языческих» (буддийских) храмов располагались две мечети и одна христианская церковь. Брат Бартоломео, спутник Гийома, остался служить при этой церкви и дальше ничего о его судьбе неизвестно. Кстати, загадкой остается и дальнейшая судьба христиан в монгольской империи. Куда они делись? Путешественники XIII века доносят практически последние сведения о них. Но потом они бесследно исчезают. Согласно официальной историографии, их то ли насильственно обращают в ислам, то ли они делают это добровольно. Но вот загадка — во времена Ивана Грозного, как раз в те времена, когда Московское государство фактически вбирает в себя территорию Золотой и Сибирской Орды, в хрониках появляется довольно много татар-христиан. Уж не были ли они потомками христиан, живших в Каракоруме на границе Китая? Но почему-то русские летописи молчат о них...

Рубрук первым из европейцев получил сведения о Китае, который он называл Катаем. Эта страна, как утверждал он, прилегает на востоке к океану. Он первым верно предположил, что известные с античного времени «серы» и есть китайцы. А вот сведения о маньчжурах и корейцах, обитавших к северу от Китая, были не точны. Он предположил, что Маньчжурия и Каоли (точнее Коре, современная Корея) — это острова. Почему он принял расположенную между Китаем и Каракорумом Маньчжурию за остров, остается загадкой, а вот почему Корея стала островом можно объяснить: его информаторами были находившиеся при дворе монгольского хана китайцы, а основные контакты Китая с Кореей, как и с Японией, происходили по морю. Есть у Рубрука и упоминание о Великой Китайской стене, отсутствующие у Марко Поло.

На официальном приеме хан Мункэ принял письмо от Людовика Святого и вручил свое ответное письмо королю Франции. По традиции, свойственной всем восточным деспотам, Мункэ объявил себя владыкой мира и требовал, чтобы французский король присягнул ему на верность, если он хочет жить в мире с Мункэ. Так, во всяком случае, описывает переговоры сам Рубрук. Однако есть в его переговорах одна интересная загадка. Истинный предмет переговоров до сих пор неизвестен историкам. Но вот как развивались события дальше. Летом 1255 г. Рубрук покидает Каракорум и спешно возвращается в Европу. Проводники ведут его более быстрым путем, и уже к середине октября он оказывается в Сарай-Бату. Рубрук спешит, но целый месяц он проводит, кочуя вместе с ханом Бату. Может быть, он пробует уговорить Бату на поход на юг? Или же ждет новостей из Каракорума? Так или иначе, брат Гийом, покинув ставку Батухана, движется вдоль западного берега Каспия, через Дербентские ворота, Армянское нагорье и Эрзерум и наконец возвращается в Святую землю. Скорость, с которой Гийом двигался вдоль Каспия, весьма загадочна. Может быть, он нарушил обычаи татар и бежал от их гнева? Но нет, он торопился с радостной новостью. Ему удалось договориться с монголами, и он спешил сообщить своему королю, что уже весной следующего года монгольская орда хана Хулагу вторгнется в Иран с другого берега Каспия.

Хулагу, союзник Людовика Святого, захватит богатейшие города Ирана и Месопотамии и вплотную подойдет к Святой земле. Какова была бы дальнейшая история мира, если бы Хулагу соединился с крестоносцами, неизвестно, но вскоре после завоевания Месопотамии зимой 1264 г. Хулагу умрет при загадочных обстоятельствах. И вполне возможно, что его рывок на восток был результатом достигнутых в Каракоруме договоренностей.

И вот после успешной миссии Рубрука в отношениях между монголами и европейцами по загадочной причине наступает период охлаждения. Несколько десятков лет ни о Китае, ни

о таинственном Каракоруме в Европу не поступает сведений. А в 1295 г. в двери одного из венецианских купеческих домов постучали трое людей, одетых в восточные одежды. Их лица обветрились и обросли бородой. Далеко не сразу их признали родственники и знакомые, ведь они странствовали по свету почти 26 лет. Впрочем, так ли это было на самом деле, сказать трудно. Дело в том, что единственные сведения, которые мы знаем о самом Марко и его родственниках, мы можем почерпнуть только из книги под замысловатым названием «Книга о разнообразии мира». Написал ее не сам путешественник, как этого следовало ожидать, а его сокамерник по тюрьме. Практически все годы, прошедшие со времени первой публикации книги Марко Поло, а произошло это в 1447 г. в Нюрнберге, среди историков возникали сомнения в достоверности путешествий Марко и его отца и дяди. Интересно, что как раз серединой XV в. датируются первые достоверные упоминания Марко Поло в венецианских источниках, но к тому времени никого из потомков этого рода в живых уже не было. Не было и достоверных свидетельств, а лишь городские легенды и неясные предания о событиях полуторавековой давности. А ведь основная загадка «Книги о разнообразии мира» состоит не в том, что в ней написано, а в том, чего в ней нет. Нет в записках Марко Поло упоминаний о Великой Китайской стене...

Собственно, в «Книге о разнообразии мира» описаний путешествия, как таковых, нет. Из 232 глав книги путешествиям посвящен лишь краткий пролог (первые 19 глав) да некоторые смысловые вставки, объясняющие очевидцев перемещения по свету. Тогда как вся книга представляет собой набор описаний различных азиатских стран и городов, нравов и быта их жителей. По загадочным причинам история не сохранила нам никаких достоверных сведений о Марко и путешествовавших с ним дяде и отце. Нет в венецианских городских документах ни упоминания о такой купеческой семье, ни упоминаний о доме, где жили люди с такой фамилией. В силу скудости упоминаний в тексте «Книги» историки с большим трудом могут установить хотя бы приблизительный маршрут странствий этих путешественников во время их двукратного посещения Китая. До сих пор их маршруты точно не установлены, а предположения, выдвигаемые одними исследователями, как это часто бывает в истории, оспариваются другими.

Предположительно путь старших Поло был таков. Из Венеции они на торговом корабле, минуя Грецию и Константинополь, дошли до Солдайи. Оттуда по Дону они поднялись до Сарая, затем еще выше — до Укека и, немного не доходя до Болгара, опустились к Яику. Пройдя между Каспием и Аралом, они вышли в долину реки Джон (ныне — Амударья, арабское название — Джейхун), посетили Бухару и Самарканд. Оттуда они пошли в долину реки Или, вдоль которой смогли проникнуть в Китайский (называемый еще Восточным) Туркестан. Их дальнейший путь, также весьма спорный, скорее всего прочего пролегал через крупные города того времени, такие, как Алмалык, Урумчи, Хами. От Хами братья Поло пошли на юг в оазис Шанчжоу (ныне — Дуньхуан, долина р. Сулэхэ). Именно здесь в древности соединялись две ветви Великого шелкового пути — северная, которой шли братья Поло, и южная (Таримская), шедшая через Кашгар и далее через богатые города Персии и Ближнего Востока. Именно здесь и обрывается более-менее достоверный маршрут старших Поло. Как именно они возвращались в Европу, неизвестно. Можно лишь предполагать два основных варианта их маршрута: по одной из ветвей Шелкового пути, но сказать что-то конкретное об их маршруте невозможно. Отметим, что остановились братья в таком месте, упомянув о котором, они вполне честно могли утверждать, что побывали в Китае — это Шанчжоу. И действительно, ряд исследователей предполагают, что путешественники не смогли проникнуть дальше на восток и описания стран, расположенных к востоку от Шанчжоу, были составлены ими не на основе собственных впечатлений, а по сообщениям побывавших там информаторов. Впрочем, даже если семье Поло удалось дойти только до Шанчжоу, это не умаляет их заслуг, ведь практически никто в то время не смог повторить их путь. Во всяком случае никаких подобных свидетельств, оставленных частными лицами, в то время не было или же они просто не дошли до нашего времени.

Второе путешествие старшие Поло совершили уже вместе с Марко, и именно благодаря

ему мы узнали об этих странствиях. Их путь начался в городе Акка (Северная Палестина), где их встретил Марко. Морем они переправились в Аяс (в Малой Армении, ныне — Турция), оттуда они сухопутным путем поднялись на Армянское нагорье и, пройдя через Курдистан, спустились по Тигру, минуя Мосул и Багдад, дойдя до портового города Басры. Современный знаток географии, конечно, скажет, что им логичнее было бы идти напрямик из Палестины через Иордан, но политические реалии того времени были иными — государства крестоносцев вели в Палестине затяжные войны с окружающими Святую землю мусульманскими королевствами, а потому идти в Басру напрямик было опасно — их могли принять за шпионов и казнить. Поэтому и пришлось семье Поло делать такой странный с точки зрения географии крюк. Дальнейший их путь из Басры неясен. Возможны несколько вариантов. Согласно первому, венецианцы пересекли Персию и достигли Тебриза на крайнем северо-западе этой страны, а оттуда опять-таки через всю страну спустились к Ормузу, что лежит у выхода из Персидского залива в Индийский океан. Другая версия утверждает, что они дошли из Басры до Ормуза на попутных судах. Первый маршрут кажется странным, поскольку им пришлось несколько раз пересекать персидские пустыни, но в «Книге» (глава 37) Марко пишет о «великом спуске», которым они шли в Ормуз из расположенного в горах над Ормузом Кермана. Похоже, что целью второго путешествия венецианцев был не Китай, а Индия. Однако до Индии они в этот раз дойти не смогли.

По свидетельству Марко, шедшие в Индию корабли, которые они видели в Ормузе, показались им очень ненадежными, и они не решились вступить на их борт. Впрочем, похоже, что купцов просто по какой-то причине не пустили на корабль. Может быть, виной этому стали религиозные проблемы — в Индии в то время мусульмане воевали с индийскими раджами, и ормузские власти не пустили путешественников, приняв их за шпионов. По той или по иной причине, но венецианцы были вынуждены вернуться в Керман, откуда их путь лежал через бесплодную пустыню Деште-Лут. Далее дорога привела путешественников в Кайен (ныне — Восточный Иран). Дальнейший их путь до Шибаргана (близ Балха, совр. Афганистан) также неясен. Более того, в описаниях Марко встречаются удивительные провалы, которые заставляют некоторых исследователей сомневаться в достоверности второго путешествия. Между Кайеном и Балхом были расположены такие крупные города, как Нишапур и Герат. Путешественники не могли пройти мимо них, а даже если они и были вынуждены скрываться, то не мог Марко не упомянуть о них. Как не мог он не упомянуть и о такой важной области Ирана, как Хорасан, крупнейшим центром которой был Нишапур. Итак, вновь в тексте путешествия встречается лакуна. И если в первом случае можно предположить, что отец и дядя Марко по какой-то причине не захотели рассказывать своему сыну и племяннику о пути из Шанчжоу или же Марко забыл об этом рассказе, как о не существенном, то почему Марко не помнит и о тех городах и землях, через которые он проходил сам, неизвестно.

От Балха путешественники пошли вдоль южных предгорий Гиндукуша в Бадахшан и Вахан (Южный Памир). Сделанное Марко Поло описание Памира настолько точно, что рассеивает все сомнения в том, что путешественники здесь были. Кроме того, оно было подтверждено лишь открытиями конца XIX — начала XX века, а значит, не могло быть позднейшей вставкой переписчиков и издателей. Оттуда маршрут венецианцев лежал в оазис Кашгар. Обогнув с юга пустыню Такла-Макан, они двигались от одного оазиса к другому вдоль предгорий Тибета и наконец достигли оазиса Шанчжоу, где уже побывали старшие Поло. По пути в Шанчжоу путешественники миновали город Лоб вблизи озера Лобнор. Ныне такой город неизвестен, и некоторые исследователи считают его выдумкой Марко Поло, однако первый из европейцев после Марко Поло, побывавший в районе озера Лобнор — Н. Пржевальский, — отмечал в своих записях, что видел в 1876 г. в нижнем течении впадающей в озеро Лобнор реки Черчен развалины старинного города, а от туземцев слышал о руинах двух других городов: одного — несколько выше по течению реки, другого — на берегу озера. А вся эта местность, как утверждал Пржевальский, называется Конешари, или Куняшаар, т. е. Старый город. Однако местные жители не могли вспомнить ни легенд, ни

каких-то свидетельств о тех, кто жил в этих городах.

А вот дальнейший путь венецианцев, несмотря на то, что он хорошо описан в «Книге разнообразия мира», вызывает много вопросов и споров. И так, их путь лежал через земли тибетского племени тангутов. Они поднялись вверх по р. Сулэхэ, а затем пошли вдоль северо-восточной окраины Тибетского нагорья в город Ганьчжоу (Чжанье, верховья р. Хэйхэ). Их путь много дней шел непосредственно вдоль западного рубежа Великой Китайской стены. И вот загадка: по непонятной причине Марко, в принципе человек очень наблюдательный и замечающий менее приметные вещи, вдруг не замечает Стены, вдоль которой шел... Объяснения этому странному факту может быть два. Первое — Марко Поло сам там не ходил (может быть, дожидался возвращения своих родственников в Шанчжоу?), второе — Стены во времена Марко Поло на том участке не было, а ее возвели намного позже, например в Минскую или в Маньчжурскую эпохи. Второе объяснение представляется в целом логичным, но Марко Поло, по его собственным словам, много лет прожил в Ханбалыке (совр. Пекин). Стена расположена совсем неподалеку от Пекина, но в рассказе и об этом регионе Марко по непонятной причине умалчивает о Стене. Столько лет Марко провел в Китае, и не верится, что ни один из опрошенных им людей — монголов, китайцев, тибетцев или маньчжуров ни разу не упомянул о Стене. По сравнению с «исчезновением» Стены меркнет даже потерянный Хорасан. Объяснить пропуск Хорасана можно было бы ошибкой переписчика или сознательным утаиванием пути, чтобы создать трудности тем, кто захотел бы повторить его путь, но вот этот пробел весьма загадочен. Если Стены не было, то откуда тогда взялась Стена, о которой рассказывал Гийом Рубрук? Впрочем, если сам Марко Поло и не был в Китае, а ограничился посещением Шанчжоу или даже городов Восточной Персии, а вся его книга о восточных странах написана по сообщениям информаторов, то все равно странно, что ни один из них ни разу не упомянул о Стене. Может быть, Стена была, но она имела очень небольшую длину, этого было достаточно для того, чтобы о трудностях ее преодоления рассказывать иностранным послам, но при этом Стена не имела на самом деле никакого фортификационного значения? Может быть, захватившие Китай гунны или, что вероятнее, монголы, приказали разрушить ее, а восстановили Стену лишь при династии Мин? Но неужели никто из китайцев не шепнул на ухо чужеземцу: знаешь, мы были великой страной, у нас была Великая стена, но пришедшие с севера оккупанты приказали ее разрушить. Одни загадки, и похоже на них нет ответа. А каждая гипотеза порождает новые вопросы...

В Ганьчжоу венецианцы прожили целый год. И вновь загадка — что заставило их задержаться в этом городе? Сам Марко пишет об этом столь обтекаемо: «по делу о котором не стоит и говорить» (глава 12). Некоторые историки предполагают, что Марко в это время посетил основанный еще Чингисханом в 1220 г. Каракорум. Путь туда — в верховья притока Селенги Орхона — был не сложен и проторен ханскими сборщиками податей. Он проходил по долине реки Эдзин-Гол, затем через пустыню Гоби и восточные отроги Монгольского Алтая и Ханганского хребта. Однако возможны и другие, также вероятные предположения о задержке в пути — арест путешественников, болезнь одного или нескольких из них. А может быть, они пытались установить загадочное царство пресвитера Иоанна или же найти контакты с местными христианами? И опять путешественники задают историкам сложнейшие загадки... После годичной задержки путешественники по какой-то не совсем понятной причине не смогли продолжить свой путь на восток, а были вынуждены свернуть на юг в «Тангутскую большую область, в которой было много царств». Марко Поло особо отмечает тангутскую область Ергигул, которую некоторые считают районом озера Лобнор. А российский китаевед-монах Н. Я. Бичурин (Иакинф) вообще предполагал, что древние китайцы считали, что Хуанхэ вытекает из озера Лобнор, находящегося в области Ергигул (Эргюль), хотя в историческое время это не соответствовало действительности. Вряд ли возможно, чтобы Марко Поло настолько ошибся, тем более что другие местности и города в посещенной им тангутской местности он называет правильно — например, упоминает город Синин (известный также под именами Синги и Фингуи), расположенный на северо-

восточной окраине Тибета на одном из верхних притоков Хуанхэ. Однако приведенная Бичуриным древняя легенда вероятно имеет под собой реальную почву. Вполне возможно, что несколько тысячелетий назад, когда климат в Центральной Азии был намного более влажный нежели сейчас, из озера Лобнор могла вытекать ныне высохшая река, впадавшая в Хуанхэ. Вероятность этого весьма высока, но возможно ли, чтобы память китайского народа простиралась настолько в глубь веков?

Из Синина Марко отправляется во временную ставку хана Хубилая, называемую то Клеменфу, то Чианду. Путь этот был достаточно долог, а упомянутые в тексте «Книги» названия городов, такие как Егрегая или Тендук, не поддаются отождествлению. Это тем более странно, что путь Марко лежал через густонаселенные районы среднего течения Хуанхэ. В этих краях много различных городов, но отождествить их с указанными венецианцем населенными пунктами не представляется возможным. Кстати, в этой своей поездке в ставку хана Марко должен был пересечь Великую Китайскую стену, но снова память подводит великого путешественника. Попав ко двору Хубилая, Марко поступает на службу к хану. Это довольно странно для нашего представления о монголах, но монголы, как мы уже говорили, веротерпимы, кроме того, по всей видимости, хан или ханские чиновники предположили, что человек, которому удалось пройти тысячи километров из западных стран, может быть полезен при дворе, возможно, что он обладает сверхчеловеческими способностями. А вот по возвращении путешественника в христианскую Европу служба у хана-язычника могла стать несмысленным пятном на биографии Марко. Можно даже предположить, что он попал под пристальное внимание церковных иерархов, и, возможно даже, что его пребывание в тюрьме по возвращении в Европу было связано с обвинениями в вероотступничестве. Но об этом мы расскажем ниже. Во время своей службы у хана Марко Поло должен был много раз и в разных местах пересечь Великую Китайскую стену, но и снова путешественник, повинувшись какому-то странному и загадочному обету, забывает упомянуть о ней. В тексте «Книги» автор рассказывает о всего лишь двух таких поездках, причем обе начинались в Ханбалыке (Пекине).

В первый раз хан или какой-то крупный чиновник хана отправил его с не совсем понятными, но, вполне возможно, разведывательными целями в страну Манзи (Южный Китай), который оставался не зависимым от монголов. Этот путь пролегал через Хуанхэ, называемую Марко по-монгольски Караморан, затем вдоль Императорского канала, соединявшего Ханбалык с долиной р. Киан (Цзян, или Янцзы), где выращивали большую долю всего китайского зерна. Любопытно, что Марко, которому довелось повидать на своем веку много крупных рек, например По, Тигр, Шатт-эль-Араб, Инд, а возможно — Дунай и Нил, называет Янцзы величайшей рекой на свете. Проплывая мимо Кинся (Ханчжоу), Марко остановился осмотреть этот красивейший город. И хотя автор преувеличивает его размеры, например, говорит, что в Кинсае есть 12 тыс. каменных мостов, многие европейцы XIV–XVI вв. верили описаниям Марко. За Кинсаем лежит горная страна Фуци (Фуцзян). Венецианец пересекает ее с севера на юг и достигает порта Цюаньчжоу, который он на арабский манер именует Зайтон (*арабск.* Зейтун). Это название будет служить одним из значительных доказательств сторонников гипотезы о том, что Марко Поло никогда в Китае не был, а воспользовался при написании книги арабскими логиями или же сведениями, полученными у арабских информаторов.

Второе путешествие, описанное в «Книге о разнообразии мира», — это путешествие в Тибет и, возможно, в Северную Индию. Историки до сих пор спорят, как далеко к югу прошел Марко Поло. Практически все исследователи единодушны в том, что он посетил Тибет и достиг Северной Бирмы, а вот смог ли он попасть в Северную Индию — этот вопрос до сих пор остается открытым. Путь Марко снова начался в Ханбалыке, путешественник пересек густонаселенный Катай (Северный Китай), затем переправился на другой берег Хуанхэ в ее большой излучине, где река резко меняет свое направление с южного на восточное, и вступил в западные провинции страны Манзи (Южный Китай), которые, по его словам, столь же густонаселены, как Катай, и столь же плодородны, как и долина р. Киан

(Янцзы). В стране Манзи Марко описывает обширную равнину, пересекаемую большой рекой. В равнине историки без труда опознают Красный бассейн Сычуани, через который протекает р. Миньцзян (левый, северный приток Янцзы). Любопытно, что именно эту реку Марко со слов китайских проводников называет рекой Киан, хотя в действительности это лишь ее крупный приток. Смог ли Марко Поло пересечь все Тибетское нагорье, достоверно неизвестно. Если верить его свидетельствам, он достиг реки Бриус, которую некоторые считают верхним течением Янцзы, другие — Гангом или одним из притоков Иравади. В зависимости от того, какую реально существующую реку исследователи отождествляют с рекой Бриус, разнится и локализация двух посещенных Марко Поло областей — плодородной области Караджан и высокогорной и лесной Зардандан. Их соответственно размещают в Южном Китае (провинция Юньнань), в Северной Бирме или в индийских предгорьях Гималаев.

Из описаний окружающих Китай стран следует отметить расположенную к востоку от Китая загадочную страну Чипанго, или Джапанго. По свидетельству монголов, это была страна несметных сокровищ и всяческих диковинок. Эта страна надежно отождествляется исследователями с исторической Японией. Дело в том, что как раз во время пребывания Марко Поло в Китае хан Хубилай, покорив империю Каоли (Коре, Корею), готовился к высадке в Японии. По существовавшей в монгольской армии традиции покоренные страны должны были выставлять внушительный гарнизон. Но в 1274 г. монгольско-корейские войска остановил небольшой гарнизон на островах Цусима.

Следующая высадка монголо-корейского десанта произошла летом 1281 г. Снова с боями взяв Цусиму, флот подошел к берегам острова Кюсю и стал ожидать подхода основной ударной силы, скопившейся в устье Янцзы. Однако корейские отряды были сформированы настолько наспех, что на кораблях не было достаточного количества продовольствия. Не желая возвращаться в Корею и не дожидаясь подхода основных сил, 21 июня монголо-корейский флот вошел в бухту Хаката (остров Кюсю). В результате многодневных кровопролитных боев десантникам удалось захватить узкую береговую полосу на отмели Сига. Однако развивать наступление монголы уже не могли, зато перешли в наступление японцы, которые вынудили оккупантов отвести свои войска на корабли и тревожили стоявшие на рейде боевые корабли непрерывными набегами на лодках. Неудачной была и вторая попытка монголо-корейского десанта, состоявшаяся 30 июня. В довершение всех несчастий на корейских кораблях вспыхнула эпидемия, которая унесла 3 тыс. жизней и значительно ослабила здоровье и боевой дух остальных воинов. Оба монгольских флота объединились лишь 12 августа — теперь уже южнокитайский флот ожидал, пока на корейских кораблях закончится эпидемия.

И вот после трехдневной подготовки утром 15 августа объединенный монгольский десант высадился в прибрежное мелководье. Самураи вышли им навстречу. Завязавшийся упорный бой продолжался до самого вечера. Монголо-корейские войска стали теснить японцев, теперь спасти страну Чипанго могло только чудо. Император и жрецы склонились в молитве своим бесчисленным богам и духам. И чудо случилось. Над морем стали быстро сгущаться облака. Холодало. Надвигалась буря. Флот монголов был уничтожен, в этой буре погибло около половины монгольского 100-тысячного контингента десантников, так и не вступивших в бой. Наутро вышедшие из укрытий самураи без труда добились рассеянных по острову монгольских солдат. Эту бурю, спасшую загадочную страну Чипанго от монгольской агрессии, в Японии называли «Божественный ветер» (камикадзе).

Вполне возможно, что Марко Поло или его родственники принимали участие в этих десантах, но о своем участии в столь неудачных экспедициях автор «Книги» решил благоразумно промолчать. Поездка Марко в Манзи, описанная в «Книге о разнообразии мира», вполне могла соответствовать подготовке к высадке в Чипанго. Но это, конечно, лишь предположения. Кстати, эта загадочная страна Чипанго приковывала к себе умы многих выдающихся людей европейского Возрождения, с мыслями о сокровищах Чипанго отправлялся в свои плавания Христофор Колумб. И даже умирая, открыватель Америки был

крайне огорчен тем, что не смог достичь Чипанго.

Согласно изложенной в «Книге о разнообразии мира» версии, Марко Поло стал просить хана отпустить его домой, и хан согласился. Марко и его родственники якобы предпочли китайские корабли арабским и пошли морем вокруг Юго-Восточной Азии в Басру. Вместе с Марко Поло на корабле плыла монгольская царевна Кочекин-хатун, которая имела важное поручение к правившему в Персии монгольскому хану, потомку Хулагу. Зачем было хану отпускать приглянувшегося ему и вполне исполнительного и смекалистого чиновника? Весьма вероятно, что все было немного не так, как о том рассказал Марко Поло. Скорее всего, хан послал Марко и его родственников в свите царевны в качестве переводчиков и доверенных лиц — к тому времени монголы стали постепенно забывать родной язык, особенно в таких регионах, как Китай и Персия, где местная культура была намного выше монгольской — а затем уже венецианцы, уловив момент, бежали со службы и добрались на родину.

Китайско-монгольский флот двинулся из «великой гавани Зайтон» через Южно-Китайское море, названное в «Книге» «Чинским» на основании того, что Чин — это второе название Южного Китая (страны Манзи). В пути Марко узнал о существовании Индонезийского архипелага, состоявшего, по словам информаторов, из 7448 островов, не то разбросанных в Чинском море, не то окаймляющих его с юга. Здесь он узнал и о зимних и летних ветрах, дующих в разных направлениях. Флотилия прошла мимо лесистой страны Чамба (полуостров Индокитай). Где-то здесь Марко услышал об острове Ява, который, по словам «сведущих мореходов», был самым большим на свете островом «с береговой линией более чем 3 тыс. миль». Историки обычно смеются над этим указанием. И действительно, размеры Явы намного меньше, но может быть в сведениях китайских (или все-таки арабских?) мореходов есть какое-то зерно истины? Может, ошибся венецианец? Возможно, что ему рассказали о двух островах к юго-западу от Индокитая — Яве и другом огромном острове (Австралии!), чья береговая линия даже больше указанных в «Книге» 3 тыс. миль. Может, китайцы знали истинные размеры Австралии, но Марко сам уменьшил ее размеры, посчитав полученные данные завышенными. А может Явой китайских мореходов следует считать другой крупный остров Индонезийского архипелага — Новую Гвинею? В то, что китайцы открыли Новую Гвинею, а не Австралию, все-таки верится немного больше.

Дальнейший путь Марко пролегал мимо загадочного острова Кондор, локализация которого затруднительна, и через пролив, с одной стороны которого лежат большой остров, названный в «Книге» «Малой Явой». Эта Малая Ява лежит «так далеко на юг, что Полярная звезда там совершенно не видна <...> и хотя этот остров и меньше Явы, однако и не так уж и мал, в окружности он более 2 тыс. миль». Этот загадочный остров вполне четко идентифицируется — это, конечно, один из крупнейших островов Индонезийского архипелага — остров Суматра. Но если Малая Ява — это Суматра, то Большая Ява — это вовсе не нынешний остров Ява, а один из указанных выше вариантов — Австралия или Новая Гвинея. Здесь венецианцы встретили много арабских купцов, осевших в суматранских городах и распространивших ислам среди туземцев, а вот суматранские горцы — жаловались Марко мусульмане — так и остались ячниками. Китайцам, благодаря посредничеству венецианца, удалось пообщаться с арабскими мореходами, и, возможно, что арабские мореходы Суматры снабдили китайскую флотилию необходимыми картами или портуланами,³⁰ с помощью которых китайцы и смогли дойти до Персии. В ожидании попутного ветра путешественники прожили на Суматре 5 месяцев. Они высадились на берег и построили деревянную крепость для защиты от островитян, которые, по словам арабских путешественников, часто бывавших здесь, «жрут людей, как звери». Такие каннибальские обычаи сохранились в отдаленных горных районах Индонезии и Новой Гвинеи и после описанного времени. Однако бросается в глаза другая интересная особенность мореплавания

³⁰ Портуланами (*фр.*) или периплами (*греч.*) называли описания маршрута из одного дальнего порта в другой с последовательным перечислением встречающихся на пути портов, береговых ориентиров и особенностей маршрута: мелей, скал, мысов, водоворотов, банок и других важных для мореходов объектов. С развитием картографии портуланами стали называть и первые географические карты.

вдоль Суматры в те годы: флотилия отказалась останавливаться в существовавших в то время городах, а предпочла построить свою крепость на нейтральной земле. Видимо, и в городах Суматры было неспокойно. А возможно, что в данном случае монголы переняли китайские традиции, согласно которым принцесса, как хранительница императорской святости «дэ», не могла находиться в одном помещении с нечистыми чужеземцами.

Дождавшись попутных ветров, флотилия двинулась дальше вдоль островов, носивших арабские названия Некуверан (ныне — Никобарские) и Ангаман (Андаманские), и подошла к Тапробане (Цейлону). Этот остров Марко также относит к числу «самых больших на свете». Такая ошибка, возможно, объясняется тем, что опять-таки флотилия не обошла весь остров, а прошла проливом между Цейлоном и материком. Вместе с тем Марко очень достоверно описывает ловлю жемчуга в Полкском проливе. Дальнейший путь пролегал мимо мыса Комари (южный мыс Индостана), вдоль Малабарского и Гуджаратского берегов Индии, вдоль иранского Мекрана. Пока корабли останавливались на стоянку в портах, Марко собирал сведения о странах Индийского океана. Собранные в «Книге о разнообразии мира», эти сведения стали для европейцев первыми источниками знаний о восточном побережье Африки. Этих земель Марко, конечно же, не посещал, но даже такие знания о них были полезны для европейских географов и картографов. Из этих пересказов европейцы узнали о стране Абасии (Абиссинии, ныне Эфиопия) и об островах Мадейгаскаре (Мадагаскар) и Зангибаре (Занзибар). Интересно, что сведения арабских источников об этих землях частенько перемежаются с информацией из античных авторов, так автор «Книги» называет Абасию (вслед за Клавдием Птолемеем) «Средней», или «Второй» Индией. Основой такого заблуждения античных географов было то, что и южноиндийские дравиды и негры Африки имели черный цвет кожи, а значит, их считали родственными народами. Вторая ошибка Марко Поло связана с островами Мадагаскар и Занзибар, которые, согласно «Книге», являются большими островами вблизи Африки. Мадагаскар действительно крупный остров, а вот размеры Занзибара совсем крошечные, но ошибка Марко в данном случае понятна и очевидна. Дело в том, что на Занзибаре был большой торговый порт, куда стекались товары со всей Восточной Африки и в том числе и с Мадагаскара, поэтому «занзибарские товары», которых было много и в Индии, и в Иране, и в портах Персидского залива, были на самом деле африканскими.

Пройдя Ормуз, Персидский залив и Шатт-эль-Араб, китайская флотилия достигла Басры. В Басре венецианцы покинули монголо-китайскую делегацию (во всяком случае Марко Поло ничего не рассказывает о торжественном приеме, организованном при монголо-иранском дворе для монголо-китайской принцессы) и поспешили на запад, на родину. Дальнейший путь их был таков: они поднялись вверх по Тигру и, перевалив через Армянское нагорье, спустились не к Средиземному, а к Черному морю, т. к. государства крестоносцев в Сиро-Палестине уже пали под ударами соседних мусульманских государств. На генуэзском корабле путешественники добрались из Трабзона в Константинополь, а оттуда, уже на венецианском корабле вернулись в родной город, в котором не были долгие 26 лет. Такова история путешествий трех человек из семьи Поло. Однако она вызывает слишком много вопросов, которые важны, поскольку они могут подтвердить или опровергнуть сведения, содержащиеся в «Книге о разнообразии мира». В ней много загадок, которые могут помочь прояснить главную загадку Марко Поло — загадку отсутствия упоминаний в его «Книге» Великой Китайской стены.

Итак, первая загадка книги о путешествиях Марко состоит в ее авторстве. «Книга разнообразия мира» была написана не самим Марко Поло, а записана с его слов. По непонятной причине книгу написал не сам Марко, а другой человек. По распространенной версии, Марко Поло, «сидя в темнице в Генуе, заставил заключенного вместе с ним Рустичано Пизанца записать все это». Почему Марко не мог написать эту книгу сам? Он был неграмотен? Но это крайне странно для потомственного купца, которому постоянно приходилось иметь дело с документами. Может быть, он забыл латиницу за долгие годы пребывания в восточных странах? Возможно, но верится в это с трудом. О Рустичано (или

Рустичелло) историки знают еще меньше, чем о Марко, ни в одном документе конца XIII — начала XIV в. он не фигурирует.

Где же была записана «Книга о разнообразии мира»? Как мы видим из слов фактически анонимного Рустичано Пизанца — в тюрьме города Генуя. Как попал в эту тюрьму венецианец? Что же он успел натворить за те недолгие дни, которые прошли после его возвращения на родину? Да и почему он попал в тюрьму другого города-государства, соперничавшего с его родиной? Вплоть до конца XIX в. комментаторы «Книги» предполагали, что Марко Поло участвовал в неудачном для Венеции морском сражении у острова Курцола (ныне — Корчула, Адриатика), состоявшемся 7 сентября 1298 г. После 1204 г. две морские торговые республики разделили сферы влияния: генуэзцы владели черноморскими рынками, а венецианцы средиземноморскими, однако они продолжали воевать между собой и в этом бою удача улыбнулась генуэзцам — они захватили в плен более 7 тыс. венецианцев. Но возможно ли, чтобы Марко менее чем за 3 месяца (а «Книга», как известно, была записана в 1298 г.) успел попасть в одну камеру с Рустичано, уговорить пизанца записать его рассказы, да и рассказать всю историю своих странствий полностью. Невероятно... Поэтому некоторые исследователи полагают, что Марко попал в генуэзский плен в результате другой, мелкой, а потому и не сохранившейся в истории стычки между генуэзскими и венецианскими кораблями, произошедшей в 1296-м или 1297 г. Правда, сведений о той стычке нет...

Кажется вообще очень странным, что в генуэзской тюрьме одному заключенному удалось записать столь обширные воспоминания другого заключенного. Каким именно образом в камеру к Марко и Рустичано попали дорогие в то время бумага и чернила?

Еще одна загадка — язык, на котором написаны воспоминания Марко Поло. Марко владел венецианским диалектом средневекового итальянского языка, Рустичано — тосканским, но записи были сделаны на средневековом французском. То есть получается, что Рустичано должен был, услышав от Марко какую-то фразу, тут же перевести ее на французский язык, а затем уже записать. Исследователи текста «Книги о разнообразии мира» отмечают, что «язык этих записей очень плохой, с примесью множества итальянских и некоторых восточных слов». Запись на итальянском языке была бы более логичной...

Что же произошло потом с Марко? По распространенной версии, он был освобожден из генуэзской тюрьмы и вернулся на родину в следующем, 1299 г., где доживал свой век весьма обеспеченным человеком. Умер великий путешественник, согласно этой версии, совсем уже древним стариком в 1324 г. Венецианцы любят вспоминать, что Марко с удовольствием рассказывал истории из своих странствий, и за его страсть прихвастнуть его прозвали *Milione* (Миллион). Только вот практически все данные о последующей жизни Марко в Венеции, известные по трудам его многочисленных биографов, основываются не на документах, а на городских легендах, которые были записаны намного позже, например, некоторые записаны даже в конце XVI в. Но при этом ни в одном из венецианских документов XIII–XIV вв. не сохранилось ни одного свидетельства ни о Марко, ни о его семье, что в общем-то очень странно, ведь семья Поло должна была принадлежать к весьма состоятельным купеческим домам города. Странно и то, что любивший прихвастнуть путешественник, многократно радовавший горожан историями о загадочных восточных странах, ни разу за четверть века не попытался записать свои воспоминания самостоятельно. Не нашлось желающего записать его рассказы и среди его слушателей. А что произошло с родственниками Марко — его отцом Николо и дядей Маффео? Их история заканчивается на том эпизоде, когда они переступают порог своего дома в Венеции.

Все эти загадочные факты и нестыковки создают впечатление, будто на самом деле Марко не вышел из генуэзской тюрьмы и был скорее всего казнен. За что же могли его казнить? Отношения между двумя городами-конкурентами были весьма натянутыми, но само венецианское гражданство не было основанием для тюремного заключения и казни. Скорее всего Марко, а возможно и Николо, и Маффео Поло, сев в Трабзоне на генуэзский корабль, попали вскоре в руки основанной в 1215 г. инвизии. Главным преступлением

путешественников было вероотступничество, ведь находясь в далеких краях, они не могли исполнять христианские обряды, а это квалифицировалось как страшное преступление. Вероятнее всего, инквизиция попыталась получить от путешественников интересовавшую ее информацию, а затем их казнили как вероотступников. Позже записи, пройдя определенную чистку, были переведены на старофранцузский язык и стали достоянием светских ученых. А может быть, записки воспоминаний Марко Поло попали во Францию вместе с документами папского двора, переселившегося под влиянием убедительной и настойчивой просьбы французского короля в Авиньон. Конечно, это всего лишь версия, но она может объяснить многие лакуны в тексте «Книги о разнообразии мира», в частности, «выпадение» из воспоминаний Марко такой важной детали китайского ландшафта, как Великая стена.

ГУННЫ В ЕВРОПЕ

Пройдя сквозь якобы неприступную Стену, гунны овладели всем Китаем, однако, каменный дракон переварил их в своей утробе. Но та часть гуннов, что откочевала на запад еще в I веке и слилась с угорскими племенами Приуралья и Приволжья, сыграла важную роль в истории Европы.

Европейцы знали о гуннах уже к середине II в. Географ Дионисий упоминает о них при перечислении племен, кочующих в Средней Азии и прикаспийских степях. Чуть позже, во второй половине II в., возможно, основываясь на свидетельстве Дионисия, пишет о них знаменитый александрийский географ и астролог Клавдий Птолемей. Конечно, эти авторы и представить себе не могли, что в самом скором времени кочевники, пасущие свои стада где-то на краю обитаемого мира, превратятся в угрозу для западной цивилизации, что даже непобедимый Рим дрогнет под натиском этих восточных варваров.

В начале III в. на северо-восточных границах Римской империи было спокойно. Кочевавшие в причерноморских степях скифские, сарматские и аланские³¹ племена установили мирные отношения с принадлежавшими Риму греческими колониями. Досаждавшее римлянам Боспорское царство было принуждено к миру. Еще одни соседи Римской империи, спустившиеся из Южной Прибалтики, германские племена готов, расселились по лесной и лесостепной зоне Причерноморья, где мирно возделывали пшеницу на украинских черноземах. Но вскоре с востока пришла беда.

В 70-х гг. IX столетия гунны вторглись в Причерноморье. Вполне возможно, что кроме жажды наживы двигали гуннскими ордами и неблагоприятные природные условия, вызывавшие голод и падеж скота. Так, сохранились сообщения, что гунны напали на крымские города, перейдя по льду Керченский пролив. В принципе такое возможно лишь в очень суровые зимы.

В одну зиму 370 г. были сокрушены все греческие города от Боспора Киммерийского до Днестра и кочевавшие вблизи них племена. Часть кочевых племен бежала за Днестр, но некоторые влились в гуннские войска.

Современник и, возможно, очевидец гуннского нашествия римский писатель и историк Аммиан Марцеллин так описывает появление гуннов: «Невиданный дотоле род людей, поднявшийся, как снег, из укромного угла, потрясает и уничтожает все, что покажется навстречу, подобно вихрю, несущемуся с высоких гор <...>. Гунны превосходят всякую меру дикости <...> стали семенем всех несчастий и корнем разнородных бедствий <...> все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь страшным и чудовищным видом, что можно принять их за двуногих зверей <...> кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду; на чужбине они не входят в жилище, за исключением разве крайней необходимости <...> они плохо действуют в пешеходных стычках, но зато как бы приросли к своим выносливым, но безобразным на вид лошаденкам, и иногда, сидя на них по-женски, они исполняют все обычные свои дела; на них каждый из этого племени ночует и днюет,

³¹ Аланы — ираноязычные племена сарматского происхождения, предки осетин.

покупает и продает, ест и пьет и, пригнувшись к узкой шее своей скотины, погружается в глубокий сон <...> Если случится рассуждать о серьезных делах, они все сообща советуются в том же обычном порядке; они не подчиняются строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадает на пути <...> У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея определенного места жительства <...> кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткнут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина, он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше».

Как свидетельствует Аммиан Марцеллин, в 371 г. орды гуннов под предводительством своего вождя, чье имя известно в римской записи как Баламир, «внезапным натиском ворвались в обширные и плодородные земли Эрманариха»³² между Доном и Дунаем. Нападение было внезапным и шло одновременно по двум направлениям: часть гуннов напала на готов, переправившись через Дон, а когда готы собрали свои войска, чтобы разгромить оккупантов, им в тыл ударили гунны, пришедшие из Крыма. Долгих пять лет Эрманарих и его войска сдерживали натиск кочевников, но силы защищающихся таяли. Кроме того, готов предало союзное племя росомонов, перешедшее на сторону врага. Чувствуя свое поражение в войне со степными дикарями, Эрманарих покончил жизнь самоубийством и готский племенной союз распался.

Готы отступали на запад, бросая свои поселения. Преследуя готов, гунны подошли к Дунаю, разрушили несколько пограничных римских городов, но не смогли продвинуться далее — очевидно из-за слабости собственных войск, ведь до Дуная дошли лишь передовые части гуннов, остальные были заняты тем, что грабили покинутые готские жилища. Гунны вплотную подступили к римской границе, но вскоре откочевали в плодородные причерноморские степи.

Наступление гуннов на земли Римской империи началось зимой 395 г. По своему обыкновению они напали с двух сторон одновременно, обойдя Черное море с востока и запада из причерноморских степей. Одна волна захватчиков, пройдя сквозь римские приграничные укрепления, вторглась в Европу и захватила Фракию (Восточная и Центральная Болгария), другая устремилась на юго-восток, громя богатые города Кавказа, Армянского нагорья, Малой Азии и дошла до Сирии — все это были римские земли.

Весной 396 г. гунны, разграбившие юго-восточные владения Римской империи, с богатой добычей вернулись из Малой Азии через Дербентский проход в Северное Причерноморье. В том же году сюда возвратились их соплеменники, участвовавшие в западном походе — вполне возможно, что римским войскам все-таки удалось выдавить кочевников в степь.

Однако уже в 400 г. гунны снова появились в долине Дуная. Передовым отрядам гуннов удалось закрепиться здесь. Постепенно основная масса гуннов заселила долину Дуная и Северную Паннонию, выдавливая оттуда остатки готов. Спасаясь от физического уничтожения, готы попросили убежища на территории Римской империи и, перейдя границу, расселились, с согласия римлян, в долине Дуная. Римляне надеялись на их поддержку в войне с гуннами, однако готы не стали воевать, а переселились дальше на запад, в Иллирию и в преальпийские области. Тем временем гуннские орды стали проникать и на территорию Южной Паннонии. Обитавшие здесь племена готов, вандалов и аланов частью присоединились к гуннам, а частью ушли дальше на запад.

Появление гуннов совпало с большими проблемами внутри Римской империи. Строго говоря, после 395 г. никакой единой Римской империи уже не было, а на ее месте существовало две империи — Западная и Восточная, возглавляемые родными братьями, сыновьями последнего общеримского императора Феодосия Великого. Несмотря на родство, императоры соперничали между собой и не могли собрать единое войско для того, чтобы

³² Эрманарихом звали конунга готов.

разгромить зарвавшихся гуннов, напротив, они подкупали отдельных гуннских князей, чтобы те нападали на города противника: византийцы натравливали гуннов на города Западной Римской империи, а римляне — на города Византии. В целом повторилась ситуация, аналогичная китайской, когда императоры использовали гуннов в своих военно-политических разборках. В результате проиграли от этого римляне и византийцы, а в выигрыше оказались сами гунны, обогатившиеся таким образом сокровищами и Греции, и Рима.

Римская империя не смогла объединиться, а вторжение пришельцев с северо-востока только усугубило положение в провинциях. Паннония была очень удобным местом обитания для гуннов, поскольку оттуда было достаточно близко до богатых городов Италии и Греции.

Более полувека гуннские племена досаждали Италии и Византии. За это время разнородные племена кочевников, влившиеся в ряды гуннов, сплотились и стали единым целым. Справедливости ради следует отметить, что смуту в Римскую империю вносили не только гунны, но и германские племена, в частности согнанные со своих земель в Причерноморье готы. Имя другого германского племени — вандалов — стало нарицательным для обозначения бескультурья и жестокости. Они переселились с южного побережья Балтики, а затем осадили и захватили Рим, благодаря чему попали в работы римских историков, а имя стало синонимом бессмысленной жестокости.

К 420 г. гуннская орда прочно обосновалась в степях среднего Дуная. Она состояла из трех улусов, управляемых самостоятельными ханами, но один из трех ханов — Роила (Ругила) — считался главным ханом. Скорее всего два других хана были его родственниками, возможно даже братьями. Их звали Мундзук и Октар.

И первый Рим, и второй Рим (Константинополь) старались задобрить гуннов. Так, правивший в Константинополе византийский император посылал ежегодные «подарки» (дань) хану в размере 350 фунтов золота. Рим в качестве заложника послал в ставку хана Роилы молодого офицера Аэция, где тот провел несколько лет. Аэцию удалось завоевать расположение верховного хана и других влиятельных гуннских вождей. Установив контакты с гуннскими вождями, Аэций вернулся в Рим и использовал свои гуннские связи для политических целей. По смерти императора Гонория в 423 г. Аэций встал на сторону некоего Иоанна, которого собирались провозгласить новым императором. По просьбе Аэция Роила послал в Рим армию, но она прибыла слишком поздно, и императором провозгласили малолетнего Валентиниана, племянника покойного Гонория. Поддерживавшие Валентиниана византийцы послали в Рим сводный корпус, которым командовал алан Ардабур, и тому удалось уговорить войска хана Роила покинуть Италию. Битва не состоялась, а Аэций получил прощение и постепенно восстановил свое влияние при римском дворе. Западные гуннские ханы в отличие от восточных (видимо наученные опытом восточных гуннов) противились тому, чтобы рядовые гунны поступали на воинскую службу к императорам. Так, хан Роила послал свои орды во Фракию, потому что византийский император Феодосий II нанял и не увольнял с государственной воинской службы гуннов. Однако поход был неудачным — в пути Роила умер, возможно отравленный византийским агентом, а гуннское войско отступило в Паннонию для избрания нового хана. Избраны были три хана-соправителя: Мундзук и два его сына — Аттила и Бледа.

Имя Аттилы навсегда останется в истории, оно воспринимается как синоним жестокого вождя и кровожадного победителя. Есть две версии о происхождении этого имени. Согласно первой, оно происходит от тюркского «ата» — «отец» и переводится примерно, как «батюшка», по другой — оно является однокоренным с тюркским названием р. Волги (Итиль или Атиль) и происходит от слова «вода».

Гуннская ставка на Дунае стала крупнейшим дипломатическим центром Восточной Европы. Сам город был построен из дерева и окружен деревянной стеной. Просторный бревенчатый дворец Аттилы располагался в центре на высоком холме. Близ дворцов Аттилы, его главной жены и домов его гвардии располагалось множество вспомогательных сооружений — кладовые, жилища слуг, подсобные помещения, кухни и даже каменная баня,

построенная в подражание римским.

Как и всякая дипломатическая столица мира, двор Аттилы был наводнен дипломатами разного калибра, среди которых были и обычные дипломаты, и агенты влияния, а также шпионы и диверсанты, возможно даже наемные убийцы. Чтобы не стать жертвой политических интриг, Аттила был вынужден создать собственную разведку. Так ему удалось раскрыть несколько покушений на свою жизнь, организованных византийцами.

Посетивший гуннскую столицу римский сенатор Приск с удивлением встретил там многих греков, попавших в гуннский плен, но отпущенных на свободу и оставшихся в варварской столице. Еще больше удивления у Приска вызвал тот факт, что греки добровольно не желали возвращаться на родину, так как, говорили они, жизнь у гуннов легче, чем жизнь в империи. Подданные Аттилы в отличие от римлян не платили налогов, ведь все необходимые богатства гуннский двор получал путем разбоя и грабежа.

Поддержки гуннов искали и король вандалов, и персидский шах. Одним из секретарей Аттилы был римский аристократ, направленный ему Аэцием, кроме того Аэций послал ко двору Аттилы своего собственного сына в качестве почетного заложника. Союз с Аттилой был выгоден Аэцию: благодаря гуннской коннице Аэций успешно разгромил в 435–439 гг. германские племена бургундов и вестготов в Южной Галлии.

В 441 г. гуннская конница, быстрым маршем пройдя по Причерноморью, вернулась в долину Дуная. Практически без боя сдались важные византийские крепости Сингидун (Белград) и Виминациум, которые должны были бы преградить путь к Константинополю, а гуннская конница устремилась дальше на юг, в долину реки Морава и вскоре достигла г. Наисса (Ниш). Вот как описывает взятие Наиссы Приск: «Так как жители не осмелились выйти для сражения, [гунны], чтобы облегчить переправу своих войск, построили мост через реку [Нишаву] с южной стороны ниже города по течению и подвели свои машины к опоясывающим город стенам. Сначала они подвели деревянные платформы на колесах. На них стояли воины, которые расстреливали защитников на бастионах. Позади платформ стояли люди, которые толкали колеса своими ногами и двигали машины куда нужно, так что [лучники] могли успешно стрелять через экраны. Чтобы воины на платформе могли сражаться в безопасности, они были прикрыты экранами из плетеного ивняка с наброшенными поверх шкурами и кожами для защиты от метательных снарядов и зажигательных дротиков <...> Когда множество машин было подведено к стенам, защитники оставили бастионы из-за ливня метательных снарядов. Затем подвели так называемые тараны <...> Защитники со стен сбрасывали огромные валуны <...> Некоторые из машин были раздавлены вместе с обслугой, но защитники не могли выстоять против их большого количества <...> Варвары ворвались через часть стены, пробитой ударами таранов, а также посредством составных лестниц».

Не совсем понятно, каким образом попали к гуннам стенобитные орудия. Одни историки считают, что гунны познакомились с осадной техникой в Китае. Возможно также, что осадные орудия были трофеями, взятыми в захваченных гуннами греческих городах. Другие исследователи думают иначе: гунны могли пользоваться услугами персидских военных инженеров, которых предоставил в их распоряжение сасанидский шах. Постройкой осадных машин могли заниматься также римские и византийские инженеры — вольнонаемные, пленные и дезертиры. В любом случае факт использования осадных орудий говорит о том, что гунны быстро учились.

После взятия Наиссы гунны по старой римской дороге двинулись на Константинополь и дошли до фракийского Херсонеса (Галлиполи). Византийцы не могли оказать сопротивление гуннам, поскольку императорских войск просто не было. Гунны пришли в самый неподходящий момент: войска византийского императора Феодосия были разбросаны на границах. Одна армия воевала в Персии против шаха Ездигерда II, другая была расквартирована на Сицилии и готовилась к высадке в Северной Африке, чтобы отвоевать Африку у короля вандалов Гейзериха. Константинополь остался практически беззащитным. Вне всяких сомнений, соседи Византии, страдая от постоянных нападений правителей

Константинополя, договорились о совместных действиях.

В начале 442 г. император Феодосий заключил мир с вандалами и отозвал армию с Сицилии, которая вскоре высадилась во Фракии, недалеко от Константинополя. Не желая рисковать, Атила отступил. Возможно, он просто не захотел посылать своих солдат на смерть, чтобы облегчить жизнь шаха и короля вандалов.

После замирения Византии основные силы гуннов были брошены в Северное Причерноморье, где они умирляли непокорные племена. Вполне возможно, что византийские дипломаты, желая убрать подальше от своих границ молодого и амбициозного правителя гуннов, спровоцировали восстания кочевого племени акациров, предполагая, что чем сильнее Атила увязнет в войне с другими варварами, тем легче и спокойнее будет жить в Константинополе.

После смерти в 445 г. своего родного брата Бледы Атила становится единоличным правителем гуннов. Его могущество крепнет. Но в этот момент византийский император, видя, что войска Атилы находятся далеко от Константинополя, перестал выплачивать дань. В 447 г., ураганом пройдя по Фракии и Иллирии, — Атила разрушил там около 70 городов и крепостей — гунны двинулись на Константинополь. Когда до столицы оставалось несколько дней пути, император запросил у варваров мира. Византии удалось откупиться выплатой «долга» по дани в размере около двух тонн золота и клятвенным обещанием хану отлавливать в своих землях гуннов-дезертиров. Византия исправно платила дань и подталкивала Атилу к войне с Римом. Но новый император Византии Маркиан вдруг отказался выплачивать дань, воспользовавшись обострением отношений между гуннами и Римом.

В 450 г. римский император Валентиниан III по политическим соображениям насильно помолвил свою сестру Гонорию с нужным ему человеком в сенате. Но Гонория, презиравшая своего будущего супруга, решила обратиться за помощью к Аттиле. Она послала к хану своего доверенного евнуха с обручальными кольцами и просьбой о помощи. Атила заглотив наживку — он тут же послал в Рим своего посла с требованием руки Гонории, а в качестве приданого — ни много ни мало, половины Западной Римской империи. Валентиниан отказался от такого альянса и отправил Гонорию под домашний арест. Назревала война. Аэций, ранее использовавший гуннов для борьбы против германцев в Северной Италии, Галлии и в Альпах, теперь, наоборот, стал искать среди германцев союзников в борьбе против гуннов. Германская коалиция оказалась весьма внушительной: на сторону Рима встали вестготы, бургунды и франки. Правда, Аттиле удалось подорвать единство франков, а также сохранить верность испанских и провансальских остготов и вандалов, бывших на стороне гуннов. Война за руку и сердце римской принцессы и половину империи в придачу проходила в Галлии. Атила ринулся к городу Аврелиан (Орлеан), которым владел осевший в Арморике аланский хан Сангабан. Атила предполагал, что Сангабан перейдет на сторону гуннов, но быстрее к Орлеану успел с вестготским отрядом Аэций. Атила, обойдя город, расположился близ современного города Труа. Здесь в июне 451 г. состоялась битва, вошедшая в историю как «Битва народов». На стороне Атилы, кроме гуннов и восточных аланов, были гепиды, остготы, герулы и часть франков. На стороне Аэция, кроме римских легионов, набранных кстати не в Риме, а в Галлии и Германии, были еще вестготы, бургунды, франки и часть арморикских аланов. Битва была кровавой, но безрезультатной. Аэций твердил, что одержал победу, это же говорили и гунны, но никто на следующий день не решился повторить атаку, а через несколько дней Атила с войском ушел в Паннонию, а вестготы отошли к Тулузе.

Удача не всегда сопутствовала Аттиле, как, например, Александру Македонскому. Не блистал он и военной тактикой, а его сила была в практически бесчисленном резерве, который он мог ввести в действие после казалось бы сокрушительных поражений. Его власть распространялась не только на Паннонию, то и на тех гуннов, которые кочевали в понто-каспийских степях, именно оттуда он пополнял ряды своей конницы после тяжелых потерь в битвах с римлянами. Весной 452 г. Атила двинулся на Рим. Пройдя через Юлийские Альпы,

он взял Аквилею и Медиолан (Милан). По христианской легенде, в Медиолане Аттилу посетил в сопровождении двух сенаторов Римский Папа Лев. Он, якобы с помощью заступничества апостолов Петра и Павла, смог уговорить Аттилу отступить. Действительно, после этого визита гунны ушли из Италии и вернулись в Паннонию. Правда, причина отступления хана была намного прозаичнее: вследствие прошлогоднего неурожая и голода в Италии свирепствовали страшные эпидемии, в том числе и чума. Впрочем, возможно, что папа просто предложил Аттиле сделку — согласие на брак с сестрой Валентиниана в обмен на помощь в походе против Византии. Возможно, папа убедил Аттилу отступить еще и тем, что пояснил ему, что византийские города-крепости в Иллирии (ныне — Словения и Хорватия) имеют очень сильные гарнизоны, которые могут ударить в спину ушедшим в глубь Италии гуннам.

В 453 г. союзные Риму племена вестготов (западных готов) и аланов³³ в битве на р. Лигер (Луара) наносят Аттиле очередное сокрушительное поражение. Его конница разбита, и Аттила, бросив свое разбитое войско, бежит с поля боя.

Проиграв войны с Римом, Аттила в 453 г. решает укрепиться на Западе путем династического брака с одной из германских княжон. Выбор пал на молодую бургундскую красавицу Ильдику. Одновременно с примирением с Западом Аттила готовит поход на Византию. Но утром после брачной ночи с Ильдикой Аттила, прозванный Бичом Божиим, был найден мертвым. Скорее всего наемный убийца подсыпал в питье яд. Унаследовавшие после смерти Аттилы его власть сыновья не смогли справиться с восставшими (к этому их подстрекал и Рим, и Константинополь) прежними союзниками гуннов. Остатки гуннских орд ушли из Паннонии в причерноморские степи. В течение последующих 100 лет византийские и римские агенты влияния натравливали на гуннов соседние племена алан, германцев, славян. Остатки гуннов постепенно растворяются в среде местного оседлого населения и прибывающих с востока тюрков-кочевников.

Но вернемся к Аттиле. Нам остается остановиться на последней загадке гуннов — загадке могилы Атиллы. Она до сих пор не найдена, и исследователи выдвигают несколько гипотез о том, где она может находиться. Причем, интерес к могиле Аттилы проявляют как профессиональные археологи, так и охотники за сокровищами, ведь в ней хранятся все сокровища, награбленные Аттилой в многочисленных походах. По самой распространенной версии его могила находится под одним из холмов на территории нынешнего Будапешта. Другие теории предполагают, что могила находится где-то в степях Украины. Третьи — что тело Аттилы и принадлежащие ему сокровища гунны увезли на повозках еще дальше — в Поволжье, Туркестан или даже в Северо-Восточный Китай.

Гуннский хан Аттила и после своей смерти продолжает жить в эпосе германских народов — его увековечили в «Песне о Нибелунгах» и в некоторых исландских сагах.

С гуннским наследием связана одна смешная история в национал-социалистической Германии. Немецкие идеологи были убеждены в исключительности арийской расы, причем собственно арийцами признавались только этнические немцы. Все остальные народы объявлялись «недочеловеками» и подлежали принудительной стерилизации или физическому уничтожению. За основу для расологических исследований немецкие расисты взяли внешний облик немцев Северной Германии — высокий рост, светлые волосы, голубые глаза. Для того, чтобы доказать свою теорию, они в 1930-х гг. получили из госбюджета рейха огромные ассигнования на антропологические исследования всех немцев Германии. Данные, полученные из Северной и Западной Германии, в целом укладывались в арийскую гипотезу. Однако в Южной и даже Центральной Германии (в основном в любимой национал-социалистами Баварии, а также в Австрии, Саксонии и Тюрингии) антропологи к своему ужасу обнаружили среди этнических немцев невысоких брюнетов с раскосыми глазами и скуластыми монгольскими черепами. Дело в том, что в этих областях Германии осели гунны,

³³ Интересно, что аланы в гуннских войнах заняли двойственную позицию — одни их роды, бежавшие от гуннов из Причерноморья, сохраняли верность приютившему их сенату и народу Рима, тогда как другие роды выполняли в гуннской армии роль передового авангарда.

и их онемеченные потомки все еще сохраняют черты далеких предков-монголоидов. Расологическую кампанию пришлось потихоньку свернуть, не привлекая к ней излишнего внимания.

Но больше всего гуннов осталось в Венгрии. До сих пор имя Атилы является там популярным мужским именем. Более того, в 2008 г. потомки гуннов собрали более 2400 подписей за то, чтобы считать их народ в Венгрии национальным меньшинством. Что ж, вполне возможно, что исчезнувшие гунны скоро станут одним из европейских народов. И судя по всему, потомки гуннов восстанут из небытия не только в Венгрии, но и в Австрии, Германии и Швейцарии.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЭПОХА МИН— BELLE EPOQUE ПО-КИТАЙСКИ

Тем, кто хоть немного знаком с канонами фэн-шуй, истоками и глубинным смыслом китайских традиций, философии или истории, не раз приходилось удивляться, насколько причудливо и неожиданно соотносятся в них культура, природа и человек. Простота и совершенство, изящество и здравый смысл становятся целью и средством во всем: в поэзии, театре, живописи, архитектуре. Не в этом ли корни нынешнего «китайского чуда»?

Эпоха Мин — это время действительно стало «золотым веком» китайского искусства. В минскую эпоху кардинальный эволюционный толчок получили практически все стили, жанры и явления культурной и обыденной жизни: от архитектуры до ландшафтного дизайна, от живописи до фарфора, от техники обработки шелка до кулинарии...

Чем же был вызван этот «культурный взрыв», такой нехарактерный для декларирующего плавную эволюционность Китая? Почему именно эпоха Мин стала «золотым веком» для Китая? И действительно ли это так?

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Когда в середине XIV века власть монгольских императоров рухнула, Китай был переполнен восставшими армиями. Они не только штурмовали императорские цитадели, но и вели непрерывную борьбу между собой. Эти внутренние раздоры продлили агонию монгольской династии, но когда у китайцев появился способный лидер, ее участь была предрешена.

Основатель династии Мин Чжу Юань-чжан родился в области, лежащей между реками Хуанхэ и Янцзы, в 1328 г.

в бедной крестьянской семье. Еще ребенком он лишился родителей и почти всей родни, умершей от голода. Карьеру свою он начал пастухом, а затем стал буддийским монахом. Однако монастырская жизнь оказалась амбициозному юноше не по душе, он покинул обитель, стал нищим, а потом, как часто случается, разбойником — это больше соответствовало его яркой натуре, чем просить подаяние. В рядах бунтовщиков, начавших плодиться в то время повсюду, Чжу Юань-чжан и нашел свое место. Он быстро поднимался по карьерной лестнице, пока не возглавил большой отряд, а затем, порвав со своим начальником, превратился в независимого партизанского вождя.

Подобная карьера достаточно типична для всех беспокойных периодов китайской истории. Правда, Чжу Юань-чжана от многих соперников отличало умение пользоваться плодами побед и объединять подвластные ему земли в хорошо управляемое государство. Пока другие вожди разбойников метались по стране, просто грабя города и отнимая ценности, Чжу Юань-чжан не просто захватывал населенные пункты ради их богатств, а занимал стратегически важные и использовал их как опорную базу для расширения своей власти. В 1356 г. он одержал решающую победу, захватив Нанкин, который стал вначале столицей его сторонников, а затем и столицей всего Китая.

Чжу Юань-чжан прекрасно владел основами тактики и стратегии. В те годы он пока не

трогал укрепленные твердыни монголов, направив все силы на подавление своих соперников, бесчинствовавших на юго-востоке Китая. Десять лет спустя он уничтожил последнего из них, оставшись единственным претендентом на престол и признанным лидером китайского сопротивления. Два года спустя, в 1368 г., после захвата всего восточного побережья от Кантона до Шаньдуна, в армии его полководца Су Да насчитывалось около четверти миллиона человек. Монгольский император не стал дожидаться их появления. Он бежал на север, оставив Китай победоносному основателю династии Мин. Пекин капитулировал.

Потребовалось еще несколько лет войны в западных и юго-западных провинциях, пока новую династию не признали во всех частях Китая. Монголы также пытались вернуть утраченную империю, но военное превосходство уже было за китайцами. В 1372 г. генерал Су Да пересек Гоби, сжег Каракорум, столицу Чингисхана, и дошел до северных склонов Яблонового хребта в Сибири. Ни одна китайская армия прежде не заходила так далеко на север. В 1381 г. монголы были выбиты и из Юньнаня, где они оставались в изоляции со времени основания династии. Десять лет спустя минская армия заняла Хами в Центральной Азии, чем и завершила воссоединение империи.

Таким образом, впервые со времен Тан границы отодвинулись далеко на север, а в целом минская империя была обширнее любой другой предшествовавшей ей китайской империи. Ляодун (Южная Маньчжурия) стал частью провинции Шаньдун. Юго-западные Юньнань и Гуйчжоу, лишь частично заселенные при Хань и Тан, стали полноправными областями империи, находящимися под провинциальным контролем. Их города и долины стали центрами китайской колонизации.

Минские армии явно превосходили армии монголов и других кочевников, но императоры династии никогда не пытались установить китайское господство в Центральной Азии. Они довольствовались удержанием Хами, первого города по караванному пути, охранявшего подходы к провинции Ганьсу. Дело в том, что Великий шелковый путь пришел в упадок, и поэтому император Мин не последовал примеру своих ханьских и танских предшественников, столетиями пытавшихся завоевать Центральную Азию. Усиление значения морского пути и разорение северо-запада монголами, последствия которого видны до сих пор, обесценили Туркестан в глазах китайцев.

Чжу Юань-чжан, отказавшись от внешней политики танской империи, во всех остальных отношениях сделал ее образцом для подражания. Управление было организовано по танской модели, и даже провинции, насколько позволяли территории и численность населения, были изменены, чтобы соответствовать десяти «дао» Тай-цзуна. В минский период утвердились многие из нынешних границ и названий провинций, хотя тогда их было лишь 15 (при маньчжурах — 18). Перед войной японцы, завоевавшие Маньчжурию и провозгласившие там государство Маньчжоу-го, заявляли, что эта территория никогда не была собственно китайской. Однако минская провинция Шаньдун включала в себя не только одноименный полуостров, но и территории к северу от Великой стены от побережья Бохайского залива до Шэньяня и вплоть до границы с Кореей, проходившей по реке Ялу. Эти земли были в то время полностью заселены китайцами, минская провинция Цзинши (нынешняя Хэбэй) простиралась на север до реки Ляо. За этими исключениями несколько нынешних провинций составляют одну минскую, границы и названия их также большей частью были установлены при Мин.

Практический дух административных преобразований проявился и в другом. Предыдущие династии получали имя в соответствии с древним названием той области, откуда родом был основатель, или же по названию удела, которым он (или его предок) управлял. Так Лю Бан назвал свою династию Хань, ибо в период междувластия, после падения династии Цинь он управлял эфемерным государством Хань. Первый император Тан был при династии Суй владельцем удела Тан в Шаньси. Династия Сун получила название от древнего царства Сун, находившегося в восточной части Хэнани.

Другие, менее известные династии, тоже следовали такой практике. Основатель Мин,

бывший прежде главарем разбойников, не мог, как и его предки, похвастаться владением или уделом, поэтому, выбирая название для династии, он порвал с веками освященной «территориальной традицией» и назвал ее Мин. Историки пишут, что Чжу Юань-чжан стал одним из лидеров мессианской секты «Мин цзяо» («Учение Света»), буддо-манихейского характера, ожидавшей прихода мессии — Царя Света (мин ван). Отсюда и название основанной им династии — Мин: «светлая», «сияющая», «просвещенная».

Еще одно его важное нововведение коснулось девизов правления, по которым шла датировка событий. Если ранее этот девиз менялся каждые несколько лет, то минские императоры сохраняли его на протяжении всего царствования. Поэтому период Юнлэ, например, полностью совпадает со временем правления императора Чэн-цзу. Ранее, с тех пор как ханьский У-ди ввел девизы правления, дело обстоит иначе. Тем самым минские императоры возвращались к древним обычаям чжоуских ванов и Цинь Ши-Хуанди. Такое изменение имело очевидное преимущество, ведь прежние императоры за время царствования порой меняли девизы по 5–6 раз, под каждым из которых летоисчисление начиналось заново, поэтому без математических подсчетов просто нельзя было узнать, сколько же правил тот или иной император. Впоследствии этому же новому правилу следовали и маньчжуры, поэтому императоров этих двух династий чаще всего и называют по девизам правления. Общеизвестные девизы Вань-ли и Цянь-лун почти что превратились в имена собственные, и немногие вспомнят, что под первым правил император Шэнь-цзун, а под вторым — маньчжурский император Гао-цзу. Девизы правления этих императоров знакомы европейцам по надписям на фарфоре, что и положило начало такому устоявшемуся, но ошибочному обычаю.

Первой столицей минской династии был Нанкин. Город и сегодня таков, каким он стал после того, как его перестроил Чжу Юань-чжан. Хотя от самого дворца сохранились лишь ворота, обозначающие место его нахождения, городская стена более двадцати миль в длину и шестьдесят футов в высоту остается самой длинной в мире. Выбирая столицей Нанкин, первый император Мин хотел, видимо, чтобы управленческий аппарат находился в наиболее ему знакомой части Китая, из которой он сам был родом. Этот мудрый выбор, быть может, позволил бы в будущем сохранить династию, следуя его преемники такой же логике.

После падения власти Сун на севере множество самых влиятельных и образованных людей бежали на юг, и север утратил свою культурную и торговую значимость. Нанкин, располагавшийся на берегу Янцзы, куда легко могли приставать лодки с данью и торговые суда, идеально подходил для управления самой населенной и богатой частью империи, ведь в силу географического положения он был защищен от нападения с севера и в то же время не столь уж удален от северных провинций.

К сожалению, вышеперечисленные причины проигнорировал третий минский император Юнлэ, вновь перенесший столицу в Пекин. Это увеличило основную внутреннюю слабость новой династии — все усиливающееся расхождение между Севером и Югом и, как следствие, взаимную ненависть чиновников — выходцев из различных частей империи. Разделение империи на две половины стало более явным, чем когда бы то ни было прежде. Пока Юг не был колонизован при Тан, а затем обогащен и окультурен при Южной Сун, сколько-нибудь значительного соперничества быть не могло, ибо и культура, и власть, и население концентрировались в северных провинциях. После чжурчжэньских и монгольских завоеваний баланс нарушился. Север был разорен, а юг стал богатым и многонаселенным.

Началась масштабная миграция самого «культурного» населения. На юге нашли убежище все известные ученые кланы, на протяжении столетий управлявшие империей. Вплоть до конца Северной Сун такие фамилии, как Сыма, Сыду, Шангуань, Оуян, обозначавшие в древнюю эпоху должности, были распространены на Севере и участвовали в общественной жизни.

Сегодня их можно встретить только в Кантоне (Гуанчжоу). Поскольку эти кланы возникли в Шэньси, ясно, что предки их нынешних представителей бежали с севера. Едва ли можно встретить в Кантоне сколько-нибудь влиятельную семью, чьи предки не «пересекали

Мэйлин» — горный хребет, разделяющий бассейны Янцзы и Западной реки (Сицзян). Все эти переселения большей частью происходили во время чжурчжэньского и монгольского нашествий.

К воцарению Мин различия между двумя половинами империи стали уже слишком очевидными. Выходцы с юга занимали на государственных экзаменах все более высокие места, в то время как северяне не были даже представлены на них пропорционально количеству населения. Неудовлетворенность такой ситуацией заставила императоров «резервировать» за северянами одну треть всех мест, вне зависимости от уровня знаний, но даже эта пропорция сама по себе весьма показательна.

Перенос столицы в Пекин еще более усилил это соперничество. Юнлэ сделал это потому, что здесь находились его владения до того, как он вступил на трон, и здесь он находил опору и поддержку. Однако Пекин был плохим местом для столицы. Он расположен на песчаной и достаточно сухой равнине и не связан водными путями с экономически развитыми провинциями. К тому же он находится всего в сорока милях от проходов в Великой стене, по которым кочевники во все времена просачивались в Китай. Наконец, он расположен на крайнем северо-востоке империи и удален от основных производящих и населенных центров. Естественно, что монголы и чжурчжэни выбрали этот пограничный город столицей. Ибо они в этом случае оставались вблизи своих родных земель и не были окружены со всех сторон враждебно настроенным населением. Однако подобные «преимущества» для китайской династии не только не давали никакой выгоды, но, напротив, представляли серьезную опасность.

К тому времени, как военная мощь империи иссякла, столица оказалась открытой для нападения. Кочевникам не нужно было совершать длительный поход в глубь Китая. Достаточно было простого пограничного набега, чтобы угрожать двору и дезорганизовать управление. Поэтому минский двор был всецело поглощен пограничными проблемами в ущерб подлинным интересам империи. Деньги и войска, которые требовались на охрану незащищенной столицы, могли бы пойти на надзор за провинциями. Двор, изолированный на северо-востоке, утратил понимание нужд юга и запада, которые с течением времени становились все более и более безразличны к судьбам минской династии. Положение столицы явилось одной из главных слабостей империи и главной причиной ее падения.

Чжу Юань-чжан, основатель династии, правивший под девизом Хун-у, умер в 1398 г., после тридцати лет царствования, характеризовавшихся внутренней стабильностью и успешными внешними походами и увенчавшихся долгим миром. К сожалению, его старший сын и наследник умер, так и не взойдя на трон, поэтому престол перешел к его внуку Хуэй-ди, которому было лишь 16 лет. Однако власть молодого императора немедленно оспорил его могущественный дядя, принц Янь, командовавший войсками Севера и правивший в Пекине. В итоге, спустя всего поколение после основания династии, империя оказалась ввергнутой в долгую и разрушительную гражданскую войну. После борьбы, шедшей с переменным успехом, поддерживавшие императора силы разбежались, и войска яньского принца заняли Нанкин (1402 год). Поначалу считалось, что молодой император погиб в пылающем дворце, однако позднее стало известно, что Хуэй-ди, переодевшись буддийским монахом, бежал из города в сопровождении горстки сторонников. Несмотря на все усилия, яньскому принцу, ставшему императором, не удалось поймать беглеца — нищего монаха, странствующего по всему Китаю. Лишь много лет спустя, в 1441 году, он был опознан, арестован и отправлен в Пекин. В это время на троне сидел Ин-цзун, правнук Чэн-цзу.³⁴ Старый евнух узнал в монахе бывшего императора, которому, чтобы замять дело, позволили тихо дожить до конца дней в Пекине.

Недостатки Пекина как столицы в правление Чэн-цзу не были столь очевидны. Сам он — опытный и способный воин — долгие годы воевал с монголами. Он всегда был готов лично принять командование, если со стороны кочевников возникала какая-нибудь угроза, и совершил много походов во Внешнюю Монголию, доходя до Сибири. При нем вопрос о

³⁴ Под таким именем взойшел на престол принц Янь

возможности вторжения кочевников в Китай попросту не стоял, ибо китайская военная мощь оставалась непревзойденной. Однако минская империя благополучно избежала опасности, которая подвергла бы тяжелому испытанию военные таланты Чэн-цзу. Тимур, великий покоритель Азии, сокрушивший Иран и взявший в плен османского султана, в 1404 году выступил в поход на Китай. Ни одному государству или городу не удавалось выстоять против него. Его армии наводили ужас на Западную Азию, а его имя гремело в Европе. Что бы случилось, если бы армия Чэн-цзу столкнулась с могущественным Тимуром, — на этот вопрос история не дает ответа, ибо в походе Тимур умер. Это событие даже не упомянуто китайцами, которые, похоже, остались в счастливом неведении относительно столь близко подходившей к ним беды.

Система управления минской династии моделировалась по танскому образцу и после переноса столицы, однако в некоторых отношениях она не достигла танского уровня. То, что люди обращались за примерами к Тан, а не к Сун — последней великой китайской династии, вообще характерно для Мин. Династия Сун оставалась мирной, и ее невоинственная политика позволила варварам завоевать Китай. Тан, напротив, была державой-покорительницей, утверждавшей свою власть далеко за пределами Китая.

Первые минские императоры, сами воины, не любили правивших сунской империей пацифистов, оставлявших в руках завоевателей исконно китайские земли. К сожалению, минские правители отказались не только от сунского миролюбия, но и от тех ограничений, которые характеризовали внутреннее управление при Сун. Монгольское завоевание оставило в качестве наследства варварские способы ведения войны и политики. При Мин отношение к восставшим, заговорщикам и врагам стало более жестоким и фактически вернулось к варварству древней эпохи. Сунский пацифизм был дискредитирован нашествием кочевников, в равной степени забыли и о сунском гуманизме. Тем не менее, хотя управление при Мин было излишне суровым, в чем проявилась сознательная ориентация на древние образцы, это не оправдывает порой возлагаемые на династию обвинения в регрессивности и застою.

ПАРАДОКСЫ МИНСКОЙ ДИНАСТИИ

С одной стороны, минскую эпоху называют «золотым веком» китайской культуры, а с другой — очевидно, что именно в минскую эпоху китайская цивилизация впервые стала отставать от общемирового, особенно европейского, прогресса. Однако это, скорее, было обусловлено быстрым развитием Запада, чем застою в Китае. Ведь та цивилизация, о которой поведал Европе возвратившийся из Китая спустя несколько лет после падения Сун Марко Поло, превосходила западную во всех отношениях. (О гипотезах, объясняющих парадокс внезапного регресса и самоизоляции Китая во время правления минского императора Юнлэ см. «Загадки Запретного города».)

Ко времени падения Мин в 1644 году Европа совершила значительный рывок вперед, особенно в том, что касалось науки, навигации и знаний о других частях света. Китай же оставался замкнутым и поглощенным самим собой, более изолированным от мира, чем при Тан. И несмотря на это, обе цивилизации находились на одном этапе исторического развития, и династия Мин, безусловно, внесла весьма ценный вклад в национальную культуру.

Одни исследователи считают минскую эпоху периодом невероятного взлета литературного творчества, а их оппоненты утверждают, что время правления этой династии отмечено не шедеврами, а только подражательными произведениями.

Минской эпохе суждено было ждать признания — отчасти оттого, что ее гений не был очевиден для западных исследователей, а отчасти потому, что доминировавшее в тот период конфуцианство игнорировало народные искусство и литературу. В таких областях, как философия и живопись, — искусствах, в которых преуспели предшествующие династии, минская эпоха ограничивалась лишь подражанием. То же касается и поэзии. Символизм

китайской лирики этого периода очень сложен. Она стала уделом ученых. Поэтому, чтобы ее читать, надо было знать множество условных образов. Например, если поэт упоминал одинокого гуся, значит, речь шла о бесприютном скитальце. Если писал о дожде и облаках — речь шла о свидании. Источником этого образа стала легенда, повествующая о том, как к князю во сне явилась фея горы Ушань и поделила с ним ложе. Уходя, она сказала: «Я рано бываю утренней тучкой, а вечером поздно иду я дождем».

По-настоящему минский гений проявился в таком виде искусства, как драма, и особенно в создании совершенно нового литературного жанра — прозаического романа. Надо сказать, что династия Мин стимулировала развитие как «высоких» жанров (в драматургии это прежде всего историческая драма «Дворец бессмертия» Хун Шэна; романтическая история о любви, побеждающей смерть, в «Пионовой беседке» Тан Сяньцзу), так и «низких». Наряду с литературой на «высоком» книжном языке вэнъянь появляются и произведения на разговорном бэйхуа. На основе устных театральных жанров в XVI–XVII вв. произошло второе рождение жанра городской повести. Но если в эпоху Сун авторами были люди простые, то теперь сюжеты обрабатывались талантливыми и образованными литераторами. Наиболее популярны были собрания повестей Фэна Мэнлуна, изданные в 1621–1627 гг., и Лина Мэнчу. Повести сохранили черты фольклорно-сказового характера: стихотворные зачин и заключение, сказовые обороты, пословицы. Особенной чертой подобных повестей является непредсказуемость событий, нарушение обыденной логики жизни.

Наряду с характерными для средневековья рассказами о чудесном и волшебном разрабатывались и авантурные сюжеты, характерные для европейского плутовского романа, любовно-эротические темы, напоминающие «Декамерон», и судебные повести, предвещающие европейский жанр детектива. Много подражаний вызвал также фантастический роман-эпопея «Путешествие на Запад» — обработанные легенды о путешествии монаха в Индию.

Но, как мы уже сказали, вершиной культурного достижения эпохи Мин был роман. И одна из захватывающих литературных загадок этого времени связана с популярнейшим романом «Цветы сливы в золотой вазе».

В самом конце XVI и в первые годы XVII столетия образованная публика Великой империи Мин, как официально именовался тогда Китай, зачитывалась новым и необычным романом. Произведение это создавалось в течение нескольких лет и было завершено к 1596 году. Достаточно долго роман ходил по рукам в рукописи. Им зачитывались, обменивали одну его часть на другую. Он расхвалился в списках и за большие деньги, несмотря на то что к тому времени в Китае книги печатались тиражами в 2–3 тыс. экземпляров. До наших дней сохранилось рекордное количество его рукописных копий, хотя он состоит из 100 глав и порядка миллиона иероглифов. Впервые он был отпечатан с деревянных досок около 1610-го. Второе издание появилось после 1617 года. Именно оно донесло до нас наиболее раннюю версию романа.

Называлось это произведение «Цзинь пин мэи» — «Цветы сливы в золотой вазе». Это был эротико-бытописующий роман, наиболее оригинальный, самый загадочный и скандально знаменитый из великих романов средневекового Китая. «Цзинь пин мэи» входил в четверку китайских великих классических романов³⁵ до создания «Сна в красном тереме». Это первый китайский роман реалистического свойства, да еще и с эпизодами настолько откровенными, что некоторые считают их близкими к порнографии. Он считался настолько неприличным, что полная публикация его запрещена в Китае до сих пор.

Как бы предуведомляя своим появлением о «конце прекрасной эпохи» Мин, «Цзинь пин мэи» явился первым в Китае авторским романом, т. е. представил собою первый вполне

³⁵ Четыре классических романа — устойчивое наименование для четырех наиболее знаменитых романов китайской литературной традиции: «Троецарствие» (XIV в.); «Речные заводи» (ок. XV в.); «Путешествие на Запад» (XVI в.); «Сон в красном тереме» (XVIII в.).

оригинальный образец высшей формы литературного творчества, странным, даже мистическим образом совпавший по времени появления на свет с произведениями таких гигантов новоевропейской литературы, как Шекспир и Сервантес. И так же, как с этими славными именами, с ним связана проблема авторства. Имя свое автор романа скрыл под до сих пор не разгаданным псевдонимом Ланьлинский Насмешник (Ланьлин сяо сяо шэн).

Роман читался на одном дыхании, весело, псевдоним автора — Ланьлинский Насмешник — также побуждал к веселью. Дело в том, что Ланьлин — это уезд в восточной провинции Шаньдун, славившийся своим вином. Для любого китайца ланьлинец — прежде всего веселый пьянчужка, остро слов, дерзкий во хмелю насмешник.

Вообще, этот псевдоним сплошным покровом окутывают легенды. Вот одна из них.

Некто принес превосходную рукопись издателю. Тот потребовал указать фамилию и имя автора. Однако писатель в ответ только молчал и улыбался. «Вы лишь смеетесь и ничего не отвечаете!» — начал сердиться издатель. Тогда незнакомец взял кисть и написал на титульном листе — «Насмешник». Его собеседник не унимался: «Припишите хотя бы откуда вы родом!» Автор глянул в окно, увидел вывеску гадалышки из Ланьлина и, недолго думая, поставил название этого уезда перед псевдонимом. Так родился великий и таинственный Ланьлинский Насмешник.

С одной стороны, безымянного автора называют «знаменитым мужем» (мин ши) своего времени и «почтенным ученым», или «старым конфуцианцем» (лао жу), и среди его возможных создателей фигурируют крупнейшие литераторы Китая XVI–XVII вв. Так, некоторые современники считали, что книга написана неким удалившимся от мира мудрецом. В своем романе, высмеивая могущественных царедворцев XVI в. Янь Суна и его сына Янь Шифаня, этот ученый муж показывает разложение императорского двора, моральное падение правящего класса. Согласно другой легенде, ученый муж, живший на положении гостя-приживала в доме богача «из стольного града», описал нравы этой городской усадьбы. Отсюда и обличительная направленность этой «энциклопедии быта».

А с другой стороны, высказывается и прямо противоположное мнение — о неизвестном авторе, представителе низов общества, и в качестве претендента на авторство называется простолюдин, слепой сказитель Лю Шоу (Лю Девятый).

Но все же большинство литературоведов считает, что автора романа надо искать именно среди наиболее одаренных писателей конца XVI века. Дело в том, что роман «Цветы сливы в золотой вазе» не возник из ниоткуда, он посвящен событиям, которые связаны с сюжетом другого великого романа «Речные заводы» («Шуй-ху чжуань», XIV), принадлежащего перу Ши Найяня. В «Речных заводах» действие происходило с девятью сотнями персонажей в 1112–1127 гг., в эпоху Сун (X–XIII вв.), когда имел место расцвет традиционной китайской культуры. Именно этот взлет Н. И. Конрад квалифицировал как Ренессанс и отметил, что в эпоху Мин «эта культура дошла до предела в своем развитии». Роман «Цветы сливы в золотой вазе» был написан в момент этого пика, не зря в нем есть отсылки к сунским «Речным заводам», и этот культурный момент обусловил характерное для «Цзинь пин мэй» органическое соединение черт классицизма и декаданса.

Несмотря на то, что в этот период творили такие экстравагантные мыслители и писатели, как Ван Гэнь (1483–1541), Хэ Синьинь (1517–1579), Ли Чжи (1527–1602), которых публично называли безумцами и развратниками, и царило максимальное интеллектуальное разнообразие, даже некоторые «высоколобые» поклонники «Цветов сливы в золотой вазе», старые китайские эрудиты, столкнувшись в начале XVII в. с неопубликованной рукописью романа, отказывали ему в праве быть напечатанным, прятали под сукно (как Шэнь Дэфу, 1578–1642) или даже предлагали сжечь (как Дун Цичан, 1555–1636), считая абсолютно неприличным. Официально «Цзинь пин мэй» был включен в список запрещенных книг при следующей, маньчжурской династии Цин (1644–1911). А в 1869 г. генерал-губернатор провинции Цзянсу запретил публикацию не только самого романа, но и его продолжений, и этот запрет действует до сих пор.

Хотя всем современным китайцам известно сочетание из трех иероглифов, образующих

название скандально известного романа («Цзинь пин мэй»), мало кто держал этот роман (а не его переделку или адаптацию) в руках. При этом на сегодняшний день по поводу «Цзинь пин мэй» написана целая научно-исследовательская библиотека. Достаточно сказать, что ему посвящены уже несколько специальных словарей. Однако доступ к полному, некупированному тексту романа в КНР ограничен не только для широких кругов читателей, но и для многих специалистов. В 1957 г. в Пекине было перепечатано тиражом 2 тыс. экземпляров старейшее издание 1617 г., ставшее одним из раритетов спецхрана. В 1989 г. в Пекинском университете был выпущен репринт более позднего издания периода Чун-чжэнь (1628–1643), который поступил в закрытую продажу, но, во-первых, по невероятной цене, примерно равной 150 долларам США, что тогда составляло несколько средних месячных зарплат, и, во-вторых, только для профильных специалистов, т. е. литературоведов и филологов, с ученым званием не ниже профессорского.

Так кто же все-таки автор этого удивительного произведения? Установление авторства осложнено тем, что до сих пор не найден автограф «Цзинь пин мэй». Зато на сегодняшний день специалисты располагают образцами полутора десятков его различных изданий, увидевших свет в период между 1617 г. и концом XVII столетия. Приблизительно за четыре века своего существования, несмотря на запреты, «Цзинь пин мэй» был издан в Китае не менее сорока раз. К этому можно добавить список переводов на десяток с лишним иностранных языков, открытый маньчжурским переводом в 1708-м, который осуществил брат императора Канси (1662–1722).

Но большинство исследователей считают, что под псевдонимом «Ланьлинский Насмешник» творил писатель и историк Ван Шичжэнь. Вот как об этом говорит легенда. Крупный минский сановник загубил честного, ни в чем не повинного военачальника: отец Ван Шичжэня был убит Янь Шифанем — сыном могущественного сановника при императоре Чжу Хоуцуне. Сын погибшего, желая отомстить за отца, решил отравить вельможу. Зная о пристрастии злодея к чтению, он обещал сановнику принести увлекательный роман в рукописи. Поскольку Янь Шифань был любителем литературы с необычными сюжетами, то Ван Шичжэнь написал роман, соответствующий его вкусам и изобилующий эротическими сценами порой самого неприличного содержания. Когда тот поинтересовался его названием, мститель, глядя на стоящую рядом золотую вазу с цветущей веткой дикой сливы, ответил: «Цзинь пин мэй» — «Цветы сливы в золотой вазе».

Закончив рукопись, автор пропитал ее страницы мышьяком: его заклятый враг имел привычку, перелистывая страницы, подносить пальцы ко рту, а потом продал рукопись Янь Шифаню. Получив роман, сановник не мог от него оторваться. Забыв обо всем на свете, он читал день и ночь. С каждой перевернутой страницей увлеченный читатель отправлял в рот крохотную дозу мышьяка. К утру роман был дочитан до конца. И вот тут вельможа почувствовал, что его язык одеревенел. Схватив зеркало, он увидел, что тот почернел. Несчастный все понял, но было уже поздно.

Как мы помним, о подобном оригинальном приеме писал Александр Дюма в романе «Королева Марго»: коварная Екатерина Медичи хотела извести ненавистного Генриха Наваррского и пропитала раствором мышьяка страницы книги, предназначенной ему. Правда, отравленный фолиант попал совсем не в те руки, но это уже, как говорится, совсем другая история.

Помимо Ван Шичжэня, авторство романа приписывают еще более чем восьмидесяти именитым литераторам той эпохи, наиболее известными из которых являются Цзя Сяньцин, Ту Лун, Ли Кайсянь, Сюй Вэй, Ван Чжидэн, Тан Сяньцзу, Ли Юй, Ли Чжи, Сюй Вэй, Шэнь Дэфу, Фэн Мэнлун, Сэ Чжэнь, Ли Сяньфан и др.

Жанровая квалификация «Цзинь пин мэй» как романа достаточно условна. Он также содержит огромную массу поэтических текстов (числом более тысячи), переходящих в ритмическую прозу, драматических диалогов, сопровождаемых необходимыми ремарками.

Выражаясь современным языком, можно назвать этот роман первой «мыльной оперой» в сто серий, т. е. глав. Большинство приводимых в «Цзинь пин мэй» стихотворений

предназначены для исполнения под музыку, их сопровождают ссылки на соответствующие мелодии. Более того, указание на песенный жанр «цы» содержится в самом названии древнейшего и наиболее полного издания романа — «Цзинь пин мэй цы-хуа». Причем этот многослойный текст одновременно способен играть роль научного справочника практически по всем социально-экономическим и культурно-бытовым аспектам жизни китайского общества эпохи Мин.

Бросив вызов господствующей традиции, автор написал книгу не о мифологических либо исторических событиях, а о повседневной жизни пройдохи-нுவориша, которую тот проводит, бражничая в обществе своих шести жен и многочисленных наложниц. Несмотря на распутство, которое царит в этом вертепе, одна из его жен строго придерживается добродетели, а ее первенец становится буддийским монахом, дабы искупить грехи отца.

Главный «герой» романа Ланьлинского Насмешника — Симэнь Цин. Это богатый выскочка, бездельник, мот, гуляка, завсегдатай публичных домов, бражник и домашний деспот. Полуграмотный Симэнь Цин не умеет самостоятельно написать ни одного документа. Тем не менее за солидную взятку он получает должность судейского пристава. Затем он обретает почетное звание чиновника пятого ранга. Торгаш и ростовщик становится помощником тысяцкого императорской гвардии — за деньги можно добиться многого! Он устраивает пышные приемы для приезжих важных сановников. Слитки серебра и дорогие подарки открывают ничтожному прожигателю жизни дорогу к власти, к почестям, к славе. Как сановник, он и сам берет взятки, окупая эти затраты. Прорвавшийся в высшее общество выскочка ведет себя, как мольеровский «мещанин во дворянстве». Купив себе право носить знак высшего слоя — чиновный пояс, он стремится перещеголять столичных сановников и заказывает себе восемь поясов. Для него чин очень важен: он — источник почестей, взяток и гарантия сохранения нечестно добытого богатства.

Почти все действие романа разворачивается в доме Симэнь Цина. Это целая городская усадьба, своего рода «квартал» со множеством одноэтажных построек и внутренних двориков. Отсюда главный герой отправляется либо в храм, либо в публичный дом, либо к сводне, либо к очередной любовнице, либо просто на поиски очередного «весеннего» приключения. Симэнь Цин — любитель выпить. Но главное для него не вино, а женщины. Погоня за плотскими наслаждениями — цель его жизни. Ему недостаточно шести жен и целого «букета» молоденьких служанок. Его второе прибежище — публичный дом. Здесь он предается утехам с «цветочными девушками», певичками и прислужницами. Но и этого мало: «герой» забавляется с чужими женами, молодыми вдовами и похотливыми искательницами приключений.

У Симэнь Цина безграничная власть над женами. Будучи не в духе, он издевается над ними, овладевает ими в самой грубой и бесчеловечной форме. Своих жен Симэнь Цин нещадно избивает, как и служанок. Иногда доведенные до отчаяния женщины кончают с собой. Ни одна из жен Симэнь Цина не чувствует себя счастливой в его богатой городской усадьбе.

Подробно и красочно Ланьлинский Насмешник рассказывает о любовных похождениях своего «героя». Он смакует интимные подробности. Но... «Дни того, кто в распутстве погряз, сочтены. Выгорит масло — светильник угаснет, плоть истощится — умрет человек».

Возмездие неотвратимо и для главного героя, и для его семьи. Этот распутник и кутила умирает от истощения в тридцать три года. Самоубийством кончает его дочь. Насильственная смерть настигает ее мужа — блудодея. Отравившая своего первого мужа пятая жена главного героя гибнет от карающего меча. В двадцать девять лет погибает одна из ведущих героинь романа — красавица Чунмэй. После смерти Симэнь Цина его жены разбредаются кто куда...

Некто Гугу (аноним) в предисловии к маньчжурскому переводу романа писал: «Вот, скажем, Симэнь Цин удумал, как зельем извести У Да, но умер сам от тех „весенних снадобий“, что Цзиньянь, его жена, ему дала. Сама же Пань Цзиньянь погубила двух мужей, однако в конце концов была зарублена мечом У Суна. Симэнь Цин блудил с чужими

женами, а в то же время зять его и слуга поганили его жен и служанок. У Юэнян за спиной супруга привечала зятя и пускала его во внутренние залы, а тот, пользуясь моментом, блудил с прислугой... Все эти дурные нравы и привычки воплотились в книгу, которая служит нам запретным уроком — впредь на целых десять тысяч поколений».

«Цзинь пин мэй» — яркое свидетельство рождения в Китае особого типа романа, произведения о частной жизни человека, о нравах и быте. Ученые считают, что это «новая традиция нравописания», «зеркало эпохи», «открытие жанра бытового сатирического романа», хотя некоторых китайских литературных критиков шокирует обилие сексуальных сцен и «непристойных» описаний.

И в завершение разговора о «Цзинь пин мэй» стоит сказать, что загадку содержит и заглавие книги. Хотя, как это нередко бывает в китайской литературе, оно не единственное. Он известен также под заглавиями «Первая удивительная книга», «Четвертая из четырех великих удивительных книг», «Один из восьми литературных шедевров», «Зерцало многоженства» и др. Но, разумеется, его главное имя — таинственно-многозначное «Цзинь пин мэй», которое трактуется по-разному. Одни видят в нем своеобразный натюрморт: в золотой (цзинь) вазе (пин) красуется веточка сливы (мэй). Цветущая ветка зимней сливы служит в Китае традиционным украшением дома в Новый год по лунному календарю. Это обычный символ праздника, как у русских верба — вестница весны. Другие находят в названии аббревиатуру имен трех героинь — Цзинь-лян, Пин-эр, Чуньмэй. Третьи усматривают анаграмму с эротическими намеками — соединение мужского и женского начал. Четвертые видят обозначение трех главных искушений человека — богатства (цзинь), вина (пин) и сладострастия (мэй). У каждой из этих версий есть весьма убедительное обоснование.

В самом тексте романа можно усмотреть некоторые лексические основания для трактовки этого его названия как аббревиатуры имен трех героинь — Цзиньянь, Пиньэр и Чуньмэй. Например, в завершающем весь текст стихотворении Пиньэр и Чуньмэй обозначены биномом Пин-Мэй. Данная интерпретация заглавия «Цзинь пин мэй» была изложена еще в 1614 г. Юань Чжундао на основании прочтения половины неопубликованной рукописи. Такая же точка зрения отражена в предисловии Гостя, Играющего Жемчужиной из Восточного У (Дун У нун чжу кэ, по некоторым предположениям — Фэн Мэнлуна), входящем в самое раннее издание романа (1617). Согласно автору предисловия, эти три героини выделены заглавием как олицетворения порока, греха и разврата.

Имя Пань Циньянь — прозрачная реминисценция исторического анекдота. Правитель династии Ци — Дунхунь-хоу (498–501) приказал устлать землю изготовленными из золота лепестками лотосов, чтобы на них танцевала его фаворитка Пань-фэй. При этом он восторженно восклицал: «Каждый ее шаг рождает лотос». Отсюда пошло выражение «золотой лотос» (цзинь лян) как обозначение забинтованной женской ножки. Последняя в традиционном Китае считалась одним из наиболее привлекательных сексуальных объектов. Прямое значение имени Пиньэр — «пузырек, бутылочка» — совершенно явно связано с символикой женского лона, женского начала вообще и неизбежной греховодностью этого «сосуда» зла, наделенного отверстием, ведущим в ад. Наконец, в паре Чунь-мэй иероглиф «чунь» — «весна» — один из главных терминов, определяющих всю эротическую сферу со всеми ее непристойностями, а «мэй» — двойственный символ как романтического зарождения чувственности — цветущая весной слива, так и позорного завершения эротической невоздержанности — «цветущий» шанкрами сифилис.

Таким образом, три полных женских имени способны символически передать идею чрезвычайной сексуальной распущенности, ставшей смертным грехом. Однако кажется, что иероглифическая триада «цзинь, пин, мэй» призвана обозначить не три разновидности или стороны одного порока, а три различных порока, т. е. корыстолюбие, пьянство и сластолюбие. Определенным подтверждением этому может служить использование в качестве поэтического эпиграфа к «Цзинь пин мэй» «четырёх романсов о пристрастиях»: Пьянство, Похоть, Алчность, Спесь.

Итак, Ланьлинский Насмешник создал едкую сатиру на общество Китая конца династии Мин. Не расцвет искусств и ремесел, а падение нравов и разложение правящей верхушки живописует он. В Поднебесной разрушаются моральные устои, зато растет могущество денег, процветает ростовщичество. В фарфоровых лепестках изящной вазы не цветет, а скопище нечистот, прекрасная эпоха далеко не столь прекрасна, как кажется...

К досаде властей произведение Ланьлинского Насмешника оказалось не просто выдающимся бытовым романом, но и произведением социально-обличительным. Власти бесило, что анонимный автор остается мистификатором во всем. Так, действие своего романа он относит к началу XII века, то есть к эпохе династии Сун, а описывает жизнь и ее реалии времен империи Мин конца XVI — начала XVII века.

Сразу же по выходе книги в свет власти объявили ей войну. Роман оказался под строжайшим запретом, а его тиражи уничтожались. Начиная с 1687-го и по 1736 г. он особыми указами запрещался семь раз! Его нельзя было печатать, продавать и держать дома. Нарушителям грозило суровое наказание. Между тем победное шествие романа продолжалось. Гонения на него прекратились лишь в XX столетии. Но публикация полного текста этого китайского «Декамерона» на его родине, как уже говорилось, до сих пор запрещена, хотя роман давно объявлен классическим произведением, переведен на все основные языки мира, стал гордостью мировой литературы. Уже современники Ланьлинского Насмешника считали его роман «неофициальной классикой». Позднейшие исследователи называли его «эпохальным» и «великим». А сам автор по праву занял почетное место в ряду таких мастеров слова, как Дж. Боккаччо, Ф. Рабле и Дж. Чосер.

В Китае увековечить себя означало не столько оставить о себе вещественный памятник, сколько прославить свое имя, «записанным на бамбуке и шелке». Но китайское искусство никогда напрямую не следовало интересам религии, философии или политики. Если религия и философия — это искусство жизни, тогда жизнь — искусство. В учениях древних философов Лао-Цзы и Конфуция утверждалось, что характер искусства не определяется материальными условиями жизни, а напротив — художественное мироощущение учит труду, философии, морали и праву (отдельного понятия «художественность» в Китае не существовало, оно растворялось в жизни). По этой причине к традиционному китайскому искусству неприменима европейская категория морфологии искусства — разделения искусства на роды и виды, станковые и прикладные, изящные и технические, или художественные ремесла. В Китае, как и в традиционном искусстве Японии, все виды искусства — одновременно станковые и прикладные, изобразительные и декоративные.

Само латинское слово «декор» или наименование «китайское декоративное искусство» здесь совершенно неуместно. К примеру, в искусстве Китая вообще отсутствует станковая картина в раме — одно из главных достижений европейских художников. Китайский мастер (живописец, график, каллиграф, поэт и философ одновременно) расписывает стены, шелковые свитки, бумажные ширмы и веера. Китайская традиция не знает разрыва между рациональным и экспрессивным, чувственным началом творчества, «идейным» и «безыдейным» искусством, реализмом и формализмом — тех бед, которые несет с собой европейское возвеличивание человека. Поэтому в Китае не было отдельных художественных направлений — классицизма и романтизма, борьбы идеологических движений. Существует традиция, основанная на вдумчивом созерцании природы, а стили различаются не по амбициям художников, а по состоянию изображаемого пейзажа: «бегущий поток», «бамбуковый лист на ветру», «небеса, прояснившиеся после снегопада». Существовали стили «угловатой кисти» и «разбрызгивания туши». В теоретических китайских трактатах по живописи говорится о восемнадцати видах контурных линий и шестнадцати видах мазков в изображении гор. Отстраненность личности художника определяет еще одну важную особенность традиционной китайской эстетики: мастер не размышляет о бренности своей жизни, а созерцает и эстетизирует бренность материальных вещей. Ценность приобретает незавершенная форма или патина времени, в сравнении с которой осмысливается символика «Восьми Бессмертных» и «Восьми драгоценностей». Любой обыденный предмет имеет

символическое значение (такое отношение к вещам может быть только условно соотнесено с европейским понятием декоративности). Поэтому произведения традиционного китайского искусства нарядны и красочны, но не кажутся вычурными.

Эзотеризм эстетики, философии и искусства жизни неизбежно вел страну к изоляции от внешнего мира. С III в. до н. э. Китай отгородился с севера Великой Китайской стеной, тогда же появилось название «внутренний Китай».

В Пекине также имеется свой Внутренний, или Запретный, город. По географическому положению Китай — не континентальная, а приморская страна. Но имея в XIV–XV вв. военный флот, китайцы постепенно отказались от морских путешествий. Они оказались ненужными. Поразительно, но изобретенный китайцами в X веке порох попал в расположенную рядом Японию только в XVII в. с помощью голландских мореплавателей! Такова судьба и многих других изобретений. Китай замкнулся в себе (а в 1757 г. страна была официально закрыта для иностранцев) и со стороны казалось, что он находится в состоянии неподвижности. Поэтому периодизация китайского искусства также весьма своеобразна — счет идет не по годам, а по царствующим династиям, причем их смена не означает поступательного развития. Главным достоинством в искусстве в Китае всегда считалось повторение работы старых мастеров, верность традиции. Китайское искусство характерно и особым отношением к материалу, к его природным свойствам, тщательностью обработки и ясностью, чистотой технического приема.

Достаточно условно, удовлетворяя потребность в аналогиях с историей европейского искусства, эпоху Тан (VII–X вв.) можно сравнить с ранним средневековьем, Сун (X — XIII вв.) назвать эпохой классического китайского искусства (позднее средневековье), Мин (XIV–XVII вв.), хронологически соотносимое с европейским Возрождением, более подходит под определение периода маньеризма и академизма.

И если литература и живопись эпохи Мин оцениваются иногда совершенно противоположным образом, то фарфор и керамика этого периода считаются своего рода совершенством и уж во всяком случае не уступают подобным произведениям искусства эпохи Тан. Также высокого уровня развития достигает и архитектура. Правление Чэн-цзу, несмотря на ведшиеся лично императором пограничные войны, было отмечено строительством городских стен и укреплений. Мощные и высокие стены были характерной чертой каждого, даже небольшого города в начале Мин. Да и сама Великая стена, особенно в своей восточной части, была восстановлена при Мин, ибо прежняя за столетие господства кочевников пришла в полный упадок, ведь тогда надобности в ней просто не было. Построенный Чэн-цзу Пекин с великолепными дворцами является самым ярким свидетельством его власти и уровня цивилизации Китая. Город фактически построили заново, ибо столица монгольской династии была столь значительно переделана, что от прежних стен осталась лишь небольшая часть да Башня Колокола. Кроме того, по мнению многих историков, именно в эту эпоху получило небывалый толчок искусство ландшафтного дизайна — сады и парки эпохи Мин поистине вошли в историю.

ДОМ И САД — МИР В МИНИАТЮРЕ

Возможно ли превзойти сады и парки минской эпохи? Наиболее ранние из сохранившихся до наших дней садов относятся по времени сооружения как раз к эпохе Мин (1368–1644). С этого периода они дошли до нас без существенных изменений. Это послужило основанием для довольно распространенного мнения о том, что расцвет садового искусства приходится на период правления династии Мин.

Однако образцы искусства предшествующих эпох (в изображениях и описаниях) и последующих эпох (наяву) являют примеры того, что садово-парковое искусство непрерывно совершенствовалось на протяжении всего своего многовекового развития. Правомерно ли говорить о каком-либо необъяснимом и удивительном феномене совершенства садоводства и ландшафтного дизайна в эпоху Мин?

Китайские исследователи считают, что история садов Китая насчитывает более трех тысячелетий. Это вполне вероятно, ведь, начиная с середины 2 тыс. до н. э., в Китае было развито строительство пышных дворцов, храмов и гробниц, вокруг которых могли устраиваться первые сады. Так, император династии Цинь Ши-Хуанди, при котором была в основном построена Великая Китайская стена, известен также как владелец огромного парка, а у императора Ханьской династии Ву-ди (140—87 гг. до н. э.) был сад с искусственными гротами, ручьями и дорожками. В этом саду росли декоративные деревья и кустарники. Сады представляли собой участки естественной природы, выделенные из окружающего ландшафта (так называемые «парки красивых мест» — бо-дар-чу). К сожалению, наиболее древние культурные ландшафты не сохранились, но подходы к выбору их географической основы и способы достижения художественной выразительности были сохранены и воплотились в более поздних ансамблях. За всю историю своего существования парки Китая менялись, они были и монументальными, и миниатюрными, «как лоб кошки». В садах и парках строилось множество сооружений: павильоны, беседки, пагоды, галереи, стены, мосты различной высоты, ограды с дверями и декоративными окнами, балюстрады и аллеи, для мощения которых применялись известковые камни, мраморные плиты, мозаика. Зачастую на дорожках и площадках выполнялись рисунки птиц и животных.

В минскую эпоху садово-парковое искусство действительно достигло своего расцвета. Во всяком случае оно стало как никогда «массовым» — любимым развлечением верхов китайского общества (многих императоров сегодня помнят не по их военным подвигам или государственным делам, а по названиям их парков и садов). Сады стали подлинным средоточием культурной жизни, излюбленным местом игр, прогулок, музицирования, чтения, занятия живописью, ученых бесед, встреч литераторов и художников. Надо сказать, что сад в китайском понимании — это не просто участок земли с растениями, а целый мир, вмещающий жизнь человека, мир в мире и, следовательно, особый мир, мир игровой, поскольку, как заметил философ Й. Хейзинга, «игра всегда протекает в особо выделенном, замкнутом пространстве». Для человека эпохи Мин сад был не только прообразом символических миров традиции: мира «древних мудрецов», блаженной страны Неба, но также и местом, хранившим память о событиях личной жизни. Немало ученых людей совершали паломничества с намерением посетить знаменитые сады и разгадать секрет их очарования, воспетого в поэмах, романах, картинах, легендах. Именно сады, а не дома часто выступают местом действия в литературных произведениях той эпохи. И это вполне объяснимо.

С чем трудно не согласиться, так это с тем, что именно в минскую эпоху четко выкристаллизовалось взаимоотношение Дома и Сада как философских систем, как символов, как обобщений — внутреннего и внешнего, инь и ян, традиции и свободы.

Правила и традиции, существовавшие в китайской архитектуре, очень древние, еще более древние, нежели в прочих искусствах. Основные из них сохранили свое значение на протяжении всего периода средневековья и образовали совершенно особый, непохожий на другие страны торжественный и вместе с тем необычайно декоративный художественный стиль, который отразил жизнелюбивый и одновременно философский дух, свойственный в целом искусству Китая. Сады Дальнего Востока, может быть, лучше других видов искусства отражали основы миропонимания человека-буддиста, образ его мышления. Религиозная философия формировалась здесь совместно с более ранними верованиями, обожествляющими силы природы. Система символов, знаков и образов в Китае складывалась под непосредственным влиянием сложных и многоплановых религиозно-философских систем. Основой многовековых взаимоотношений между природой и человеком является абсолютизация красоты природы и подчинение деятельности человека ее законам.

Правда китайского «творца изящного» была не откровением, ниспосланным богами, и не разновидностью знания, а самой «жизнью, как она есть», переживанием ее неоспоримой подлинности, и для того, чтобы понять эту правду, нельзя не приглядеться внимательнее к

тому, каким был его «жизненный мир», и прежде всего жилище китайца. Системы, существовавшие в средневековом Китае, оказали влияние на понимание связей между природой и человеком. Люди рассматривали архитектуру и садоводство, как сложное и многогранное искусство сочетания деятельности человека и законов природы.

Действительно, что такое традиционный китайский дом (что ныне, что в средневековье — общие принципы одинаковы)? Дом человека... Нет понятия более емкого, многозначительного и, главное, более убедительно связывающего различные образы мира и человека, различные стороны быта. Символизм китайской культуры, как и других традиционных культур, сообщает о значении Дома как Мира. Существует параллель между домом и всем мирозданием. Но дом в Китае есть нечто большее, чем просто символ мира. Он есть не просто знак Неба, а знак, напоминающий об основном качестве Неба — пустоте, несущей в себе великую открытость бытия. Поэтому подлинным вместилищем жизненного мира китайца предстает не столько даже дом как таковой (крыша и стены), сколько сад или, точнее, нераздельное единство дома и сада, пространство встречи внутреннего и внешнего, или, как сказали бы в Китае, «странствия» духа — место, где человек выходит вон себя и все же возвращается к себе. Китайская архитектура сливается с природой.

Нужно заметить, что с самых давних времен архитектура китайских городов отличалась системностью, предсказуемостью и строгим контролем над человеческой деятельностью. Расположение, масштаб и структура построек подчеркивали исключительную значимость каждого строения; стены и ворота тщательно контролировали доступ. Архитектура была своего рода точно регламентированным визуальным языком, который легко читался всеми жителями.

С другой стороны, сады в Китае были противопоставлением такому порой слишком жесткому регламенту. Сады всегда символизировали собой мир, который лежит вне социальных отношений и олицетворяет другой, гораздо более широкий взгляд на философию. Если в городах господствовало конфуцианство, ориентированное на упорядочение социальных групп, то для садов характерен даосизм, проповедовавший личный, свободный опыт каждого. Живущий в гармонии с Природой человек наделялся умственным здоровьем и физическим долголетием.

Основополагающая идея китайской цивилизации — идея неразрывного единства человека и природного мира, личности и общества, преемственности и стабильности — полностью проявляется в архитектурной традиции. Традиционный китайский дом всегда предстает вписанным в единый вселенский порядок. В китайском языке иероглиф «жилище» на самом деле обозначает «выбор места». Если этот выбор сделан правильно, то в доме будет хорошо и уютно, а обитатели, поколение за поколением, будут процветать. Для древних китайцев дом был даже наглядной иллюстрацией общественного устройства. «Всемогущий государь подобен залу, его подданные — ступени, а простолюдины — основание дома», писал древний историк Бань Гу. В китайском доме целостность и преемственность культурного уклада воплощаются в форме мебели, конструкций дома, устройстве разных помещений, сюжетах живописи и резьбы, материалах и безусловно в планировке территории вокруг «выбранного места» жилища — сада.

Дом немислим без сада, а сад без дома. Можно даже сказать, что сад в понимании средневекового китайца был более важным объектом, ведь дом, построенный из легких материалов, можно было «собрать» или «разобрать» за небольшое время, или перенести на другое место и построить там, а чтобы вырасти деревьям и кустарникам, чтобы сад приобрел законченный облик — нужны многие десятилетия и даже века.

Для китайцев процесс создания сада означает «выкапывание водоемов и сооружение гор».

Здания в саду были менее ограничены общими законами архитектуры, они строились так, чтобы ни одно из них не было похоже на другое. Конечно, архитектура в садах мало чем отличалась от той, которую можно было увидеть вне сада, но каждое здание в саду соотносилось с общей концепцией и идеей и имело строго определенные функции, зачастую

не связанные с его прямым назначением.

Так, с верхних открытых террас человек мог любоваться широкой перспективой сада и даже открывающимися за оградой видами окружающего пейзажа. На языке символов приподнятая над землей терраса как бы приближала человека к облакам, обозначающим в китайском даосизме приют бессмертия и вечности. И на этом благородном возвышении обычно размещалась библиотека хозяина дома, являющаяся источником мудрости, к которой восходит человек, приближаясь к небу.

Зачастую строения не имели сплошных стен, а вместо этого огораживались лишь плетеными экранами, позволяющими видеть сад. Практически всегда на приподнятых террасах строились выходявшие на пруд элегантные веранды — место, откуда открывался прекрасный вид на сад, а сами эти веранды становились центром композиции. По контрасту с этими постройками сооружалось множество простых небольших строений, зачастую обозначающих периферию сада, размещенных вдоль дорожек и тропинок, которые то появляются, то исчезают из поля зрения. Иногда в садах даже строили так называемые архитектурные «лодки» — одно или несколько зданий, объединенных в форме лодки, обычно размещаемые по кромке воды.

Архитектура эпохи Мин воплощала различные формы выражения общих идей и представлений о мире, сложившихся еще в глубокой древности. Мироззрение и мироощущение китайцев существенно отличается от европейского. Как уже говорилось выше, в этой стране не было последовательного развития и смены художественных направлений и стилей, как в европейском искусстве. Само понятие истории не имеет в Китае признаков «длительности», а искусство — эволюции. Художественные направления не следуют одно за другим, а «стили» и «школы» связываются не с различиями творческих методов, а с техническими приемами и материалами. В Китае «мы застаем необычайно устойчивый, до мелочей продуманный и эстетически переработанный быт, цельное и последовательное мирозерцание, сложный, но прочный сплав художественных стилей... Стилистическое единство китайского искусства — это результат не только глубокого проникновения китайских мастеров в природу вещей, но прежде всего их искреннего и безупречного доверия к жизни во всем ее разнообразии», — пишет В. В. Малявин.

В то время как в западноевропейской цивилизации рождался рационализм, в ближневосточной — мистицизм, в Центральной Азии формировалась особая культура следования течению жизни. В Китае «мерой всех вещей» оказался не человек, а природа, которая бесконечна и поэтому непознаваема. В искусстве происходило не отражение жизни, а ее продолжение, например, в движениях кисти и мазках туши. Предметом китайского искусства становился не образ человека-героя и не духовные идеалы, а жизнь природы. Отсюда особенный эстетический вкус и художественный такт традиционного искусства Китая.

В древних верованиях китайцев обожествлялись любые объекты природы: деревья, камни, ручьи, водопады. Религия считалась искусством жизни, а созерцательное мироощущение требовало полного и смиренного слияния с природой. Мудрецы Востока любят повторять, что если для деятельного европейца, обуреваемого идеей покорения природы и демонстрации силы, нет большего удовольствия, чем забраться на вершину высокой горы, то для китайца наибольшее счастье — созерцать гору у ее подножия.

Природа диктовала и строительные приемы. Так из-за обилия дождей в Китае издавна применялась высокая кровля с крутыми скатами. Дом в несколько ярусов с крышами одна над другой свидетельствовал о знатности владельца. Применяя выгнутые стропила, китайцы создавали оригинальные формы криволинейных скатов с приподнятыми углами. Под стропила подводились короткие бруски дерева, создававшие ступенчатые выступы-консоли. К ним крепились доски с резным орнаментом и силуэтами драконов. Дерево покрывали ярко-красным или черным лаком с позолотой и инкрустацией перламутром.

Китайские пагоды не выглядят искусственной постройкой, а органичны в единстве с окружающим пейзажем; они вырастают из земли так же просто и естественно, как деревья,

цветы или грибы после дождя. Силуэты храмов похожи на формы гор или пологих холмов, на склонах которых они находятся. Вся эта красота — не столько строительство в европейском смысле слова (как способ укрытия от стихии), а напротив — создание средствами искусства наилучших условий для созерцания природы.

Китайские зодчие никогда не использовали при строительстве жилых домов камень, а только легкие материалы, но хрупкие и податливые: дерево, черепицу, глину. Другой важной деталью зодчества было преобладание горизонтальных линий. Строения в старом Китае в подавляющем большинстве были одноэтажными. Большое значение придавалось элементам, которые очерчивали именно физические пределы здания. Одним из таких элементов наряду с высокой, выступающей далеко за периметр стен крыши, была прямоугольная платформа, на которой стоял дом.

Один из важных принципов конструкции китайских домов состоит в многократном повторении отдельных, сравнительно небольших по размеру секций. Строительство методом наращивания сегментов позволяло китайским зодчим сохранять соразмерность здания.

Теперь обратимся к китайскому саду. Весьма древние корни имело представление о саде как о «блаженном месте» — царстве вечного довольства и счастья. Подобный садрай древние китайцы наделяли признаками весьма сходными с теми, которыми обладал сад в античной и средневековой литературе Европы: мягким климатом, изобилием воды и пищи, пышной растительностью, богатой фауной.

Позднее в дворцовых парках правителей древнекитайских империй мотив сада-модели мироздания и сада-райской обители переплелись. Известно, что в эти парки свозили камни, растения и зверей со всех краев света, в них имелось «тридцать шесть дворцов и павильонов» (тоже символическое число) и даже миниатюрные копии реальных озер, гор и дворцов правителей завоеванных стран. Дворцовые парки, очевидно, рассматривались в древности как микрокосм и необходимый атрибут вселенской власти императора. Недаром животных расселяли в разных частях парка в зависимости от районов их обитания на Земле. В парках сооружались «божественные горы» — обители бессмертных небожителей. Склоны искусственных холмов засеивали «волшебными» травами и грибами, на вершинах устанавливали медные зеркала для сбора росы — нектара богов — и даже воздвигали бронзовые статуи небожителей. Все это делалось не для забавы, а ради того, чтобы привлечь ко дворцу обитателей небесных чертогов, используя закон симпатической магии: подобное притягивает подобное. Как правило, в композициях парка доминировало озеро с искусственной горой. Сочетание «гор» и «вод», напоминавшее о Мировой горе и Мировом океане, осталось в традиции дворцовых парков Китая простейшим и самым устойчивым символом мироздания.

С течением времени древняя космологическая символика сада трансформировалась. В результате доисторическая мифология отошла на задний план, а на передний вышла эстетика. Былой космологический символизм садов оказался урезанным до сочетания рукотворных «гор» и «вод», что свидетельствовало об осознании выразительности художественного образа и, следовательно, о понимании того, что не нужно буквально воспроизводить реальные вещи. Миссия сада как системы магических ритуалов воплощалась уже не столько в его топографии и декоре, сколько в отдельных постройках — буддийских и даосских святилищах.

Любопытно, как с исторической точки зрения классический сад Китая стал плодом трансформации древней космологической символики. Как в результате такой трансформации представление о парке как прообразе рая или, шире, райской полноты бытия, райского изобилия постепенно меняло прежнюю мифологическую значимость на символическую и эстетическую.

Затрагивая тему китайского сада, мы неизбежно сталкиваемся с таким специфическим явлением китайской культуры, как геомантия, именуемая в Китае фэн-шуй. Еще до нашей эры китайцы осознали, что основой гармоничного общества является подчинение законам

Вселенной. Изучение этих законов, их систематизация позднее были сформулированы как законы фэн-шуй — правила и принципы, регулирующие взаимодействие человека с природой, которые стали вновь популярными в современном мире.

До сих пор наше представление о влиянии фэн-шуй на китайскую культуру неполно. Проблема заключается в том, что фэн-шуй как отдельное явление трудно вычленишь из всего пласта культурной жизни Китая. В то же время многие специфические черты китайской традиции обусловлены именно влиянием фэн-шуй, которое настолько глубоко вошло в жизнь китайского общества, что стало формировать особенности его культуры и мировоззрения, что, естественно, отражалось и в искусстве.

В самом общем виде фэн-шуй можно было бы охарактеризовать как учение о влиянии энергии, излучаемой различными ландшафтными формами земной поверхности, на жизнедеятельность человека. Все многообразие их взаимодействия формирует энергетическую конфигурацию пространства, того самого, в котором живет и действует человек и с которым он, согласно мировоззренческим принципам Китая, находится в неразрывной связи. То есть исходными в фэн-шуй являются представления о великой триаде: Небо — Земля — Человек, определявшей специфику взаимоотношений человека и природы в Китае. Поскольку мир в целом виделся как единый живой организм, освоение принципов управления энергетическими особенностями пространства давало возможность воздействия на события отдельной человеческой жизни или общества в целом.

Китайский сад в этом смысле воплощает в себе идею единства мира и человека. Исторические корни этого представления можно найти в глубокой древности. Уже в одном из древнейших канонов «Книге песен» встречается упоминание о «радостях парка» и геомантии.

Фэн-шуй — законы гармонии и баланса. Причем речь идет не только о гармонии между элементами сада, но и о гармонии между садом и людьми. Можно сказать, что китайский сад — это проекция души его хозяина. И это делает каждый такой сад неповторимым произведением искусства.

Применительно к садово-парковому искусству фэн-шуй ставил целью выстроить окружающее пространство таким образом, чтобы реализовать потенциал человека как элемента великой триады, определяя структуру и внешний вид сада.

В данном случае мы сталкиваемся с представлениями о том, что творчество человека делало его причастным к природе Неба и Земли, включая в круговорот Вселенной (в китайском понятии выраженного парами тянь-ди — Небо и Земля). Творческая активность человека сближала его с Небом и Землей.

Надо сказать, фэн-шуй — весьма «практическая» магия. Поэтому при строительстве жилых домов обязательно придерживаются правил традиционной китайской геомантии. При строительстве домов большое внимание уделяется также и древней китайской натурфилософии, базирующейся на инь и ян, т. е. любое строение, независимо от его проекта и назначения, должно быть в рамках полярного первоначала, к примеру, каждое строение на переднем плане должно быть ниже последующих. И в северных, и в южных районах страны жилища и постройки любого размера включают дом-помещение и двор-пространство. Дом — это ян, реальное, существующее, а двор — это инь, т. е. пространство. По теории неразделимости и взаимодействия инь — ян, с научной точки зрения, положительно разрешены такие существенные житейские проблемы, как солнечное освещение, естественный воздухообмен, отопление, термическая защита, световое отражение, звукоизоляция и т. д., что позволяет этим жилищам выдержать палящие лучи солнца, проливные дожди и сильные бури. Древняя китайская натурфилософия является хорошим обоснованием строительства домов и садов.

Сады Китая можно разделить на шесть условных типов: сады при императорских дворцах; императорских гробницах; храмах; сады естественных пейзажей; сады ученых (созданные для прогулок ученых и философов и призванные «настраивать их мысли на

спокойный и возвышенный лад») и домашние сады (небольшие садики около частных домов, окруженные сплошной стеной из камня или бамбука).

В Китае традиционно устраивались сады при императорских дворцах и дворцах китайских вельмож, это были парадные сады или даже парки. Они создавались как величественный и умиротворяющий фон для созерцания и медитации. Садоводы старались скопировать самые впечатляющие особенности окружающего ландшафта, которые в меньших масштабах воссоздавались за садовой оградой. Посадки деревьев и кустарников были строго симметричными, тщательно подстриженными и стилизованными, каждая деталь что-нибудь символизировала. Многие из таких садов сегодня являются знаменитыми местами паломничества туристов. Свободная планировка этих садов сочетается со строго симметричными композициями зданий. Здания вписаны в искусно обработанный природный ландшафт, включающий озера и возвышенности.

Главная задача создателя парка заключалась в нахождении исходного обзорного пункта, с которого открывался бы самый красивый пейзаж. Менее значительные композиции группировались вокруг главной и были ей подчинены. Наиболее выразительные элементы ландшафта отмечались характерными изогнутыми мостиками, беседками, пагодами, зигзагообразными лестницами, выкрашенными в яркие цвета (красный, изумрудно-зеленый, желтый).

Китайский сад ученых — это сад с лабиринтом дорожек для многочасовых прогулок ученых и философов. Он призван настраивать их мысли на спокойный и возвышенный лад. По свидетельству самих китайцев, в садах ученых, или садах литературы, лучше всего воплощено мировоззрение китайского сада. Здесь нет официальной парадности. Все создано для отдыха и глубоких размышлений: небольшие озера с высокими арочными мостиками, павильоны с черепичными крышами, небольшие пагоды, композиции из естественного камня. Сад ученых отличается скорее скромной, тонкой элегантностью, нежели роскошью и величиной. Ярко-красный цвет деревянных построек создает контраст по отношению к зелени окружающей природы и белым поверхностям стен.

Китайский домашний сад (это небольшой садик около частного дома) окружен сплошной стеной из камня или бамбука, в Северном Китае его традиционно заменяют на хвойные растения.

Кроме того, как уже говорилось, существовали также сады естественных пейзажей, где даже маленький фонтанчик маскируется под ручеек, бегущий среди скал. Здесь человек не вмешивался в природу, а любовался ее красотой.

Китайский зодчий похож на художника. Он подбирает место и вписывает один объект в другой, стараясь не нарушать природной гармонии. Он никогда не построит здание, если оно не будет сочетаться с окружающей природой. Один из художников-пейзажистов в своем поэтическом трактате о живописи передал то ощущение естественной взаимосвязи архитектуры и пейзажа, которое свойственно эпохе Мин: «Верх башни храмовой пусть будет у небес: не следует показывать строений. Как будто есть, как будто нет. Когда на ровном месте высятся храмы и террасы, то надо бы как раз, чтоб ряд высоких ив стал против человеческих жилищ; а в знаменитых горных храмах и молельнях достойно очень дать причудливую ель, что льнет к домам иль башням. Картина летом: древние деревья кроют небо, зеленая вода без волн; а водопад висит, прорвавши тучи; и здесь, у ближних вод — укромный тихий дом».

В эпоху средневековья садовое искусство Китая непрерывно совершенствовалось. На рубеже XI–XII вв. ученый Ли Гэфэй насчитал в Лояне, тогдашнем оплоте традиции «людей культуры», 19 садов, славившихся своими красотами. Спустя полтора столетия литератор Чжоу Ми сообщает о 36 знаменитых садах в тогдашней столице Китая — Ханчжоу, но подлинного расцвета искусство сада достигло в благодатной Цзяннани. В Сучжоу к началу XVII в., по данным местной хроники, насчитывался 271 сад, достойный упоминания. В последние десятилетия минского царствования литератор Ци Баоцзя из города Шаньинь в Чжэцзяне только в своем родном уезде посетил и описал без малого две сотни садов. К тому

времени сады наряду с антиквариатом давно уже стали главным атрибутом «изящного» быта и средоточием общественной жизни ученой элиты, ибо сад наилучшим образом совмещал качества публичности и интимности. Сама «страстная влюбленность» в сады, как и прочие проявления пристрастия к атрибутам «изящного» образа жизни, оправдывали репутацию «человека культуры» и тем самым служили самоопределению «высшего света» империи. В позднеминский период появился и классический труд по садоводству — трактат Цзи Чэна «Устройство садов» (1634).

Классический сад минского Китая — частный Сад Ученого Мужа — вырос прежде всего из хозяйственного двора в усадьбах служилой знати. Огромную роль в его развитии сыграла идея «уединенного покоя», отшельничества, понимаемого не как образ жизни, а скорее как состояние духа. Внимание к естественным свойствам вещей заслонило в нем прежние космологические аллегории. Эта любовь к непритязательной красоте природы подкреплялась всегдашним неприятием ученой элитой Китая роскошных и дорогостоящих парков. Сад стал владением ученого, готового вслед за древними мудрецами «вольно скитаться душой».

Среди садов минской эпохи все рекорды миниатюрности побил сохранившийся в Сучжоу и поныне Сад в Поддесятины, где на пространстве в 10 м² воспроизведены все основные элементы китайского природно-культурного универсума: тут есть крошечное озеро с сосной на берегу, беседка для созерцания пейзажа, цветы, камни, дорожки и даже мостик.

Традиции императорских и частных садов развивались в тесном взаимодействии, и их нельзя противопоставлять друг другу. Созданием императорских парков занимались мастера из числа ученых мужей, многие же атрибуты царских садов — искусственные горы, экзотические растения и камни — со временем перекочевали в частные сады, потеряв былую претенциозность, но обретя новые эстетические качества.

Различные виды садов можно уподобить вариациям одной темы, разным тональностям единой духовной атмосферы. О китайских садах сказано, что их «двух одинаковых не отыскать во всей Поднебесной». В них обсаженные жасмином пагоды, беседки, мостики и знаменитые китайские фонарики, и ошеломляющий пьянящий запах пиона. С другой стороны нельзя не отметить, что без журчания воды пионы, наверное, пахли бы по-другому. Поэтому китайский сад — это сочетание воды, земли, растений и ограды.

Единым для всех религиозно-философских учений Китая (и конфуцианства, и даосизма) было осознание человека как части Вселенной. Китайцы знают, что сад как ничто другое призван дарить радость и умиротворять. Для этого чувства, порождаемого садовой гармонией, во времена Конфуция было придумано специальное слово — «лэ». Лэ — садовая радость, в которой отражаются и запах пиона, и журчание ручья. А также изгиб мостика и аромат жасмина.

Каждый сад уникален, но своей уникальностью он сообщает о неисчерпаемой полноте природы и сам воспроизводит эту полноту. Китайские сады могут удивлять безудержной игрой фантазии или, наоборот, целомудренной сдержанностью, но они всегда вызывают к одному и тому же — к опыту сокровенной «сердечной правды» жизни. Более того, миниатюрная садовая композиция скромного ученого убедительнее свидетельствует о присутствии этой символической реальности, нежели роскошный, слишком откровенный в своих претензиях сад богатого вельможи. Классический китайский сад есть именно воплощение «порождающей формы» бытия, самого «зародыша Мира». Он призван «на крошечном пространстве явить беспредельный вид», среди многолюдья и шума людского быта внушить «покой далеких вершин».

В отличие от древних цивилизаций Ближнего Востока, в Китае практически не сохранились архитектурные памятники далекого прошлого. Древние китайцы строили из дерева и глиняных кирпичей, а эти материалы недолговечны. Города, состоявшие из легких деревянных построек, сгорали и разрушались, пришедшие к власти правители уничтожали старые дворцы и возводили на их месте новые.

От феодальной эпохи и даже от Хань не дошло до нас никаких сооружений, за исключением скрытых под могильными курганами гробниц. Великая Китайская стена, построенная Цинь Ши-Хуанди, так часто ремонтировалась, что весь ее верхний слой создан намного позднее. На месте танских дворцов Чанъани и Лояна остались лишь бесформенные холмы. Первые буддийские постройки, такие как монастыри Баймасы в Лояне и Даяньсы, недалеко от Чанъани, находятся и теперь на прежнем месте, однако и они часто перестраивались. В целом, за исключением некоторых танских пагод, существующие сооружения являются минскими творениями.

Отчасти этот пробел восполняют письменные источники и археологические находки (особенно открытие ханьских глиняных жилищ и барельефов, изображающих здания). Эти находки показывают характер и стиль ханьской архитектуры, ведь создаваемые «модели» должны были обеспечить душе усопшего существование в загробном мире, ничем не отличающееся от земного. На барельефах изображены классические дома той эпохи, кухня, женская половина и зал для приема гостей.

Глиняные образцы доказывают, что, за небольшими исключениями, и по планировке, и по стилю ханьская домашняя архитектура похожа на современную. Ханьский дом, как и его нынешний потомок, состоял из нескольких дворов, по бокам которых находились залы, поделенные, в свою очередь, на меньшие комнаты. Высокая и крутая крыша покоилась на колоннах и покрывалась черепицей, хотя характерные загнутые концы крыш ранее были менее изогнутыми. Это существенное изменение, хотя полностью опираться на «глиняные свидетельства» тоже не стоит.

В мелких чертах и деталях орнамента глиняные дома из ханьских захоронений тоже весьма похожи на современные образцы. Главный вход защищен «ширмой от духов» (ин би) — стеной, построенной прямо напротив главного входа, чтобы внутренний двор не был виден снаружи. Она должна была преграждать вход в дом злым духам. По китайской демонологии, духи могут двигаться только по прямой, поэтому подобная уловка представлялась весьма надежной. Как свидетельствуют ханьские находки, подобные верования и обычаи строительства стены, защищающей от духов, были распространены уже как минимум в I в.

Тип дома не претерпел серьезных изменений, в первую очередь, потому, что он идеально соответствовал социальным условиям китайской жизни. Китайский дом предназначался для большой семьи, каждое поколение которой жило в отдельном дворе, что обеспечивало как необходимую разделенность во избежание возможных раздоров, так и достижение идеала единства под покровительством главы семьи. Поэтому все дома, и большие, и маленькие, спланированы именно так. От крестьянских жилищ с одним двором до огромных и просторных дворцов, называемых «дворцовыми городами», везде сохранялась одна и та же планировка.

Глиняные «образцы» и барельефы дают некоторое представление и о более богатых ханьских домах, но о великолепии императорских дворцов мы можем узнать только из письменных источников. Обнаружено место, на котором находился дворец Цинь Ши-Хуанди в Сяньяне (Шэньси), однако раскопки там еще не проводились. Сыма Цянь дает описание этого дворца в своем труде. Несомненно, что оно, хотя и написанное сто лет спустя после падения династии Цинь и разрушения Сяньяна, достаточно достоверно изображает его: «Ши-Хуан, полагая, что население Сяньяна велико, а дворец его предшественников мал, начал строить новый дворец для приемов в парке Шанлинь к югу от реки Вэй. Первым делом он построил главный зал. С востока на запад он был 500 шагов, с севера на юг 100 шагов. В нем могли уместиться 10 тыс. человек и быть подняты штандарты 50 футов в высоту. Вокруг по возвышенности была проложена дорога. От входа в зал прямая дорога шла к горе Наньшань, на гребне которой была сооружена в виде ворот церемониальная арка. От дворца в Сяньян через реку Вэйхэ была проложена мощеная дорога. Она символизировала мост Тяньцзи, который идет через Млечный Путь к созвездию Инчжэ».

Сыма Цянь также говорит, что по берегам реки Вэйхэ Ши-Хуанди построил копии

дворцов всех завоеванных и поверженных им владык. В этих дворцах находились наложницы и богатства завоеванных правителей, все было подготовлено к приезду императора. Не довольствуясь этими роскошными апартаментами, Ши-Хуанди построил в окрестностях Сяньяна еще несколько летних дворцов и охотничьих поместий и соединил их тайными дорогами и ходами, так, чтобы он мог незамеченным оказаться в любом из них.

А вот история, рассказанная Чжуан-цзы за два столетия до Ши-Хуанди, свидетельствует, что дворцы правителей того времени были достаточно незатейливыми. Это история о поваре князя Вэньхуэй-вана, который применил даосские принципы в домашнем хозяйстве, когда разрезал тушу вола. Князь, восхищенный его искусством, наблюдал за ним из залы своего дворца. Раз так, то повар готовил мясо на главном дворе перед залом для аудиенций. Дворец князя очень напоминает, таким образом, дом зажиточного крестьянина. Даже если Чжуан-цзы придумал рассказ ради морали, очевидно, что для людей той эпохи не казалось таким уж невозможным, чтобы князь наблюдал за домашним хозяйством прямо из зала для приемов.

Быть может, описание дворцов Ши-Хуанди и не лишено преувеличений, но несомненно, что при империи архитектура получила новый импульс к развитию, и здания строились в неведомых прежде масштабах. Ши-Хуанди нашел дворец своих предков слишком маленьким и построил еще один, соответствующий его власти и честолюбию. Копии дворцов покоренных им правителей были, конечно, более скромными.

КИТАЙСКИЙ ГОРОД: ВЕЛИКОЛЕПИЕ, ПОЛНОЕ СМЫСЛА

Логическая ясность ощущается и в архитектуре китайских городов, и в планировке городских ансамблей. Традиционный китайский город в точности повторяет космогоническую структуру мироздания.

Космогоническую (и мифологическую) карту Китая символизируют «Пять Дворцов» в которых правят Пять Драконов (иногда Пять Тигров). Четыре из них символизируют стороны света: Красный Дракон (Красный Тигр) правит на юге (который помещается в верхней части карты), в его ведении лето и стихия огня. Черный Дракон (Черный Тигр) управляет севером, повелевая зимой и стихией воды. Синий Дракон (Синий Тигр) — востоком, весной и растительным миром. Белый Дракон (Белый Тигр) — западом, осенью и стихией металлов.

Пятый, самый главный, Желтый Дракон (Желтый Тигр) — Император, он находится в середине мира и повелевает четыремя другими. Дворец Желтого Дракона — Божественного Императора Хуанди — божество центра, фактически верховное небесное божество и первый император Поднебесной. Также Четыре Дракона символизируют природные стихии, а Срединный Император является их повелителем и координатором. Как мы помним, именно Хуанди изобрел и подарил людям многие инструменты и технологии, одежду и письмо. Эта концепция пяти стихий собственно и легла в основу того, что мы называем фэн-шуй.

Дракон — вообще знаковое для Китая животное. Он является символом власти и ее атрибутом. Так, мифические цари Китая, по преданию, держали в прудах своих парков двух драконов. Реальные же правители древнекитайских царств населяли дворцовые парки жертвенными животными и редкими зверями.

Сохранившиеся до наших дней деревянные городские сооружения построены не ранее XV–XVII веков. Именно тогда, после изгнания монголов, началось усиленное строительство и восстановление разрушенных городов. С этого времени столицей Китая становится Пекин, в котором и по сей день сохранились многие из архитектурных памятников древности. Кстати, Пекин — по-китайски Бэйцзин (Северная столица) — существует уже более 3 тыс. лет. Когда же он стал столицей, то превратился в мощную крепость. Массивные кирпичные стены (до 12 м высотой) с монументальными башенными воротами окружали ее со всех сторон. Но симметрия и четкость плана не вносили в облик Пекина сухости или монотонности. В Пекине улицы расположены в виде сетки. Техника симметрии китайской

планировке города тоже присуща и не изменена со временем. Искусственно вырытые озера симметричны друг другу. Дома в Пекине выстроены фасадом на юг, а с севера на юг идет магистраль, завершающаяся у северной границы города. Огромные крепостные стены с могучими каменными надвратными башнями и воротами в виде длинных туннелей замыкали город со всех сторон. Каждая пересекающая город магистральная улица упиралась в подобные ворота, расположенные симметрично друг против друга. Древнейшая часть Пекина называется Внутренний город, она, в свою очередь, отделена от расположенного к югу Внешнего города стеной и воротами. Однако общая магистраль связывала обе части столицы. Все главные сооружения выстроены по этой прямой оси. Таким образом, все огромное пространство столицы было объединенным, организованным и подчиненным единому замыслу.

Основным ансамблем, расположенным в центре Внутреннего города, был огромный Императорский город, растянувшийся на многие километры, замкнутый кольцом стен с могучими воротами. Внутри него располагался Запретный город (сегодня превращенный в музей), также обнесенный стенами и окруженный рвом с водой. Это и был императорский дворец, куда могли попасть только избранные. Дворец представлял собой не одно здание, он разделялся на несколько частей. Широкие площади, мощенные светлым камнем, изогнутые каналы, закованные в белый мрамор, яркие и торжественные павильоны, поднятые на террасы, раскрывали свое сказочное величие перед взором тех, кто, пройдя сквозь ряд массивных крепостных ворот, начиная от ворот Тайхэмэнь («Ворота небесного спокойствия»), проникал в пределы дворца. Парадная часть ансамбля состояла из анфилады площадей, соединенных друг с другом лестницами, воротами, павильонами. Весь же Запретный город с многоцветными крышами дворцов, тенистыми садами и двориками, коридорами и беседками, бесчисленными переходами и боковыми ответвлениями представлял собой своеобразный город в городе, в глубине которого прятались покои императорских жен, увеселительные сооружения, театральная сцена и многое другое.

Весь Запретный город, окруженный садами и парками, это целый лабиринт с бесчисленным количеством боковых ответвлений, в котором узкие коридоры выводят в тихие солнечные дворы с декоративными деревьями, где парадные здания сменяются в глубине жилыми постройками и живописными беседками. По основной оси, пересекающей весь Пекин, расположены в строгом порядке самые значительные постройки, выделяющиеся среди остальных зданий Запретного города.

До сих пор сохранился дворцовый ансамбль Гугун, служивший императорской резиденцией при династиях Мин и Цин. Эта резиденция известна также под названием «Пурпурный запретный город» — Цзы цзинь чэн. (О нем см. главу «Загадки Запретного города».)

При династиях Мин и Цин дворец Гугун служил политическим центром Китайской империи. Императоры этих династий, жившие в этом дворце более пятисот лет, не занимали все время одни и те же апартаменты. По своей прихоти или же уверовав в то, что та или иная часть дворца является несчастливой, они перебирались в другое место, а порой вообще покидали и опечатывали покои своих предшественников. Дэрлин, одна из принцесс, приближенных к Цыси, рассказывала, как однажды вдовствующая императрица совершала обход и увидела здания, которые были заперты и не использовались так долго, что из-за травы и кустов к ним невозможно было подойти. Ей сказали, что никто не помнит, почему этот дворец оказался заброшенным, но высказали предположение, что один из членов императорской семьи когда-то умер здесь от инфекционной болезни. Никто из дворца никогда не посещал покинутые апартаменты.

Храмы Пекина также располагались большими комплексами. Величественный Тяньтань («Храм неба»), возведенный в 1420–1530 гг. во Внешнем городе, состоит из ряда зданий, выстроившихся друг за другом на обширном пространстве и окруженных кольцом зелени. Это два храма и беломраморный ступенчатый алтарь, на котором совершались

жертвоприношения. Грандиозный храмовый ансамбль был связан с древнейшими религиозными обрядами китайцев, почитавших небо и землю как дарителей урожая. Это отразилось и в своеобразии архитектурного замысла. Круглые террасы алтаря и синие конические крыши храмов символизировали небо, тогда как квадратная в плане территория ансамбля — землю.

Неотъемлемая часть китайского градостроительства — городская стена. Каждый китайский город был окружен стеной. Тесная связь понятия «стена» с понятием «город» выразилась в том, что они обозначались одним и тем же словом «чэн». Естественно, что к городским стенам, придававшим городу его статус, относились с предельной тщательностью и вниманием. Поэтому городские стены в Китае — совершенно уникальный тип архитектурных сооружений. Пожалуй, они более внушительные и прочные, чем где бы то ни было еще в мире.

Искусство возведения стен достигло своего совершенства на севере, где нападения кочевников были более частыми. Стены Пекина, построенные в начале XV в. при династии Мин, вполне заслуженно пользуются всеобщей известностью. Такие же высокие и крепкие стены можно встретить повсюду в северо-западных провинциях, а особенно в Шэньси, где они окружали каждый уездный город. Современные стены большей частью тоже построены при Мин. После изгнания монголов китайские императоры этой династии сочли необходимым восстановить городские укрепления в северных провинциях, пришедшие в упадок за время господства кочевников на севере.

В планировке городов и фортификаций, как и в архитектуре, можно проследить два стиля: северный и южный. На севере, где у строителей было много свободного пространства и ровных площадей, города строились в форме прямоугольника. Город делился на четыре части двумя прямыми, пересекающимися в центре улицами. За исключением самых больших городов, в стенах было лишь четверо ворот, по одному с каждой стороны. На пересечении двух главных улиц находилась смотровая башня с четырьмя воротами, чтобы в случае бунта или беспорядков каждую улицу можно было изолировать от остальных. В венчавшей ворота трехэтажной, наподобие пагоды, башне располагались воины, здесь же находился и огромный барабан, выполнявший роль городских часов. В него ударяли через определенные промежутки времени. Расположение ворот и двух главных улиц отличали правильность и симметричность.

На севере городские стены возводили, чтобы спастись не только от врагов, но и от наводнений. В основе стены лежал толстый слой твердой глины, который с внешней и внутренней сторон обкладывался очень большими кирпичами, в толщину достигавшими 20–25 см. Верх стены также выкладывался кирпичами. Стены строились усеченными кверху; если в основании толщина достигала 12,5 м, то наверху она была не более 6,5–7,5 м. Высота стен была различной, но в городах Шаньси, Пекине и Чанъани она достигала 19 м. На расстоянии 70—100 м от стены строились бастионы, периметр верхней части которых доходил до 12–13 м. У подножия бастионов проходил ров; между рвом, стеной и башнями оставалась полоска незанятой земли. По всем четырем углам стены и над воротами сооружались башни. Угловые башни укреплялись с внешней стороны кирпичами и имели бойницы для стрельбы. Башни над воротами, похожие на трехъярусные пагоды, только прямоугольной формы, чаще всего строились из дерева и покрывались черепицей. В этих башнях, весьма ярко характеризовавших городскую архитектуру, жили солдаты, сторожившие ворота, а во время войны они служили постом для стрелков и лучников.

Башни над воротами Пекина имеют высоту 99 китайских футов. Согласно китайским верованиям, на высоте ста футов обычно летают духи, поэтому башни специально были спроектированы так, чтобы достигать максимальной высоты и при этом избегать встречи с потусторонними силами.

Ворота главных городов обычно защищали полукруглые внешние укрепления, в которых под прямым углом к открытым главным воротам находились внешние ворота. Таким образом, если на внешние ворота нападали, главный проход оставался защищенным.

Предместья за внешними воротами также окружались насыпной, не укрепленной кирпичами стеной, скорее для того, чтобы уберечься от грабителей, чем чтобы оборонять город.

До появления современной артиллерии стены оставались практически неразрушимыми. Их толщина обрекала на неудачу любую попытку подорвать или разбомбардировать их. Взобраться на такие высокие стены также было делом очень трудным и опасным. Защищенный город мог противостоять нападению огромной армии, и китайская история полна рассказов о знаменитых осадах и героической обороне. Сломить сопротивление скорее могли блокада и голод, ибо город зависел от поставок продовольствия из деревень.

Городские стены на севере и северо-западе Китая во всех отношениях превосходили укрепления южных городов. На юге лишь немногие города могли строиться симметрично и с размахом, что обуславливалось как высокой ценностью земли, на которой можно было сеять рис, так и неровной, отличной от северных равнин поверхностью. Поэтому здесь улицы, как правило, узкие и петляющие, стены низкие, хотя нередко каменные, ворота неширокие. Колесный транспорт на юге не был распространен. На улицах было полно навьюченных мулов, паланкинов, носильщиков и тачек, поэтому необходимости строить широкие проходы не было. В Кантоне, например, по многим улицам могли пройти рядом лишь два человека. Ведь основным транспортным средством на юге была лодка, и по суше в город приезжали лишь из предместий. Кроме того, юг не столь часто подвергался нападениям, поэтому и укрепления уделяли меньше внимания.

Но вернемся в Запретный город. Хотя личные покои здесь были обширны и разнообразны, императоры сочли летний городской воздух слишком нездоровым. С самых древних времен двор на лето переезжал в специальные загородные резиденции. Их строительство вызвало к жизни новый, менее официальный архитектурный стиль.

У Цинь Ши-Хуанди, как уже говорилось, в окрестных парках было много летних дворцов, служивших в то же время и охотничьими поместьями. Его примеру следовали ханьские и танские императоры, а особенно неугомонный строитель Янь-ди, второй император Суй. Хотя от их дворцов и парков не осталось и следа, сделанные историками описания показывают, что они планировались точно так же, как и Юаньминюань, сооруженный Цянь-луном в десяти милях от Пекина обширный парк с многочисленными дворцами и павильонами, разрушенный английскими и французскими солдатами в 1860 г. Современный Летний дворец, восстановленный Цыси в 90-х годах XIX в., лишь слабо напоминает оригинал.

Если в официозных «императорских городах», последним из которых был Запретный город в Пекине, преобладали сплетенные в симметричной гармонии пышность и строгость, в «летних дворцах» господствовали изящество и обаяние. Если холмов и озер не было, то их создавали, не считаясь с затратами, чтобы присутствовали все формы пейзажа на любой вкус. Деревья специально сажали или пересаживали, как это было при суйском Ян-ди, повелевшем издалека на специальных повозках доставить уже большие деревья. Великолепные ландшафты имитировали полотна живописцев.

Среди лесов и ручьев, на берегах озер и склонах холмов строились гармонично связанные с окрестностями павильоны. Казалось бы, они рассыпаны беспорядочно, но на самом деле по тщательно продуманному плану. Каждый из них был снабжен всем необходимым, так что император мог по своему желанию отправиться в любой из них и найти все подготовленным к его появлению. Роскоши императорских дворцов старались следовать, в меньших, правда, масштабах, и в городских, и в загородных домах богатых семей. Никто за исключением, быть может, англичан не смог обойти китайцев в искусстве создания садов и загородных резиденций. Китайцы, несмотря на свои большие и населенные города, всегда были тесно связаны с сельской жизнью, всегда любили естественную красоту. С древнейших времен в Китае бытовала убежденность в высоком очищающем нравственном смысле пребывания в уединении среди гор. Даосские мудрецы жили на лесистых склонах высоких гор и отказывались сойти вниз, даже если сам император предлагал им высшие почести. Многие выдающиеся ученые и поэты годами жили в глубинке, лишь изредка

посещая города. Столь характерное для европейцев чувство ужаса перед дикой природой китайцам было неведомо.

КИТАЙСКОЕ ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Китай по праву называют «шелковым царством». История китайского шелка насчитывает более 5 тыс. лет. Впервые здесь начали изготавливать великолепные изделия из нитей, выделяемых личинкой шелкопряда для создания кокона, вышивать прекрасные тонкие узоры, а также создавать ткацкие станки. Именно шелк навел первый мост между Китаем и Европой, а Великий шелковый путь стал символом культурного и экономического диалога Востока и Запада. Шелк — важная составная часть китайской культуры, вклад китайского народа в развитие человеческой цивилизации.

Начало разведению шелковичного червя было положено, как полагают, в III в. до н. э. Согласно легенде, идея посадки шелковицы и выращивания шелколичных червей принадлежала супруге мифического Желтого императора — Хуанди. Но, по всей вероятности, шелк появился уже в эпоху неолита. Так, в Аньяне были обнаружены фрагменты шелковых тканей, в которые были завернуты бронзовые изделия периода Шан, относящиеся ко второй половине II тысячелетия до н. э. В течение веков шелк играл роль денег. Гражданским и военным чиновникам, как и послам иностранных держав, часто платили (или их одаривали) рулонами шелка. Драгоценный материал, следуя «шелковым путем», попадал на Средний Восток и в Римскую империю. За огромный период времени китайцы далеко опередили все другие народы как в разведении шелколичных червей, так и во всех других процессах производства шелка вплоть до продажи тканей. От эпохи Воюющих Царств сохранились шелка с геометрическим орнаментом, найденные при раскопках в Чанша, и богатая парча из других раскопок. При Ханях производство шелка достигло такого размаха, что мы обнаруживаем его образцы далеко за пределами Китая — в захоронениях Ноин-Ула (Монголия), в Лоулани (Центральная Азия), в Пальмире (Сирия), иначе говоря, примерно в начале, в середине и в конце Великого шелкового пути. Находки доказывают существование уже в ту эпоху различных видов тканей и многообразной и развитой текстильной техники, производившей узорчатый шелк «дама», муар, пике, газ, ковровую ткань — «кэсы», вышивки по шелку. Мотивы узоров характерны для Китая: перекрещивающиеся ромбы, сетка, полосы стилизованных облаков, животные, тао-те, драконы и другие фантастические чудовища. Встречаются растительные мотивы, ветки с листьями. За исключением дама и газа, ткани всегда многоцветны и отличаются сочными красками. При раскопках в провинции Синьцзян были обнаружены ханьские зеленые шелковые ткани, расшитые многоцветным растительным и звериным узором.

Китайцы удерживали монополию на изготовление шелковых тканей примерно до 200 г. до н. э., пока секрет его производства не стал известен в Корее и Японии. На Западе (в частности, в Византийской империи) эти сведения стали известны лишь в VI в. от Рождества Христова. Таким образом, китайцы намного опередили западные страны, которые готовы были покупать их продукцию на вес золота, ибо между товаром и покупателем стояло много посредников, что увеличивало его стоимость. Из сочинений греческого географа Дионисия Перигета, возможно, современника римского императора Адриана, мы узнаем, как высоко ценили римляне китайские шелка: «Серы создают драгоценные одежды из узорчатых тканей, чьи краски подобны полевым цветам, а тонкость соперничает с паутиной». Добавим, что китайцы прекрасно перерабатывали и шерсть. Доказательством служит женская домашняя туфля из желтовато-белой ковровой шерстяной ткани, верх ее выткан многоцветными геометрическими узорами (находка Стейна в Астане, Центральная Азия — одна из точек на Великом шелковом пути).

Последующая эпоха малоизвестна, хотя она вовсе не была менее продуктивной. Так, например, мы знаем, что в период Вэй император Мин-ди послал в дар японской императрице пять рулонов парчи с драконами, вытканными на малиновом фоне.

Танское время среди других своих достижений блистает и шелкоткацким искусством. От него сохранились образцы: экраны с растительным орнаментом, выполненным разновидностью батиковой набивки (Япония, сокровищница Сесоин), кусок шелка-броше с яркими цветами и вышитое знамя с буддийскими мотивами (Лондон, Британский музей), фрагмент набивного шелка с рисунком, изображающим единорога цилинь (Гарвард, Музей Фогг). На одном из образцов, привезенных Пеллио из Дуньхуана, выткано изображение молодой женщины, стоящей на ковре. При раскопках в провинции Синьцзян недавно обнаружили кусок парчи, вытканной синим, зеленым и красным по желто-оранжевому фону: в круглом медальоне изображены симметричные пары животных: такой мотив говорит о персидском влиянии.

Со времени периода Мин сохранились шелковые ковровые панно «кэсы», найденные в Центральной Азии и находящиеся в Британском музее и берлинских музеях. Кэсы выполнялись техникой, близкой европейским шпалерам, и существовали уже при Хань. Они поражают своей изощренностью: если самые тонкие шпалеры насчитывают 22 уточные нити на один сантиметр, то в кэсы это число могло доходить до 116. Этого так и не смогли повторить европейцы. Кэсы продолжали производиться и при последующих династиях.

В сунский и юаньский периоды продолжается активный вывоз шелка и в Японию, и на Ближний Восток, и на Запад. Описывая китайские города, Марко Поло не устает повторять: «Повсюду большое изобилие шелков». От династии Юань сохранились ткани, декорированные иероглифами; они были обнаружены в Фустате близ Каира и в Асьюте. А в 1304 г. папа Бенедикт XI был похоронен в Перудже в одежде из золотой парчи с вытканными гирляндами лотосов.

На китайской шелковой ткани часто можно увидеть различные узоры, которые имеют символическое значение и как декоративное украшение занимают важное место при выборе шелка. Разнообразные узоры символизируют в основном 4 пожелания: счастье, богатство, долгая жизнь, радость. Они приносят благосостояние, сбор богатого урожая, благополучие, здоровье, жизненные радости.

Но шелк — это не только сырье для одежды, это и шедевры живописи и вышивки на шелке, расцвет которой как жанра пришелся на эпоху Мин. Китайские художники охотно рисовали пейзажи на шелке. В некоторых картинах поражает одна особенность: например, на фоне величественных гор фигурки людей чрезвычайно малы. Почему? — ломали головы европейцы. Эта несоразмерность вытекала из даосского мировоззрения художников. Согласно философии даосизма, человек незначителен по сравнению с первопричиной мира — Дао, воплощенной в величественных явлениях природы.

Распространявшийся в странах Юго-Восточной Азии с V в. до н. э. буддизм также внес свою лепту в загадки китайского искусства. Что зашифровано в дивных пейзажах на шелке и рисовой бумаге?

Буддизм способствовал укреплению в Китае пантеистического мировоззрения. Поэтому центральное место в китайском искусстве занимает пейзаж — изощренная техника рисования кистью и тушью гор, водопадов, растений. Традиционный жанр китайского пейзажа так и называется: шань-шуй («горы-воды»). Гора (шань) олицетворяет ян (светлый, активный принцип природы), вода (шуй) — инь (женственный, темный и пассивный). Философия китайской пейзажной живописи раскрывается во взаимодействии этих двух начал, которое передается взглядом на пейзаж сверху, с высокой точки зрения, чередованием планов: горных вершин, полос тумана, водопадов.

Философия китайского пейзажа изложена в знаменитом трактате живописца Го Си (ок. 1020 — до 1100) «О высокой сути лесов и потоков». Объектом изображения в этом виде искусства является даже не сам пейзаж в европейском смысле этого слова, а неуловимо меняющееся состояние природы и переживание этого состояния человеком — этаким китайский импрессионизм. Поэтому сам человек, даже если он изображается в пейзаже, никогда не занимает в нем главного места и выглядит маленькой фигуркой, сторонним наблюдателем. Настроение опозитивированной реальности передается двумя «манерами»:

гунби (*китайск.* «тщательная кисть»), основанной на тончайшей графической проработке деталей и ясности линий, и сеи (*китайск.* «выражение мысли») — манере, отличающейся живописной свободой, размытыми туши, которые создают ощущение «рассеянной перспективы», полос тумана и бесконечных далей.

Определенное своеобразие придавали китайской живописи на шелке текстовые пояснения к картинам. Эти иероглифические тексты были обычно очень краткими, выразительными и содержали образные формулы старинной китайской мудрости. Их выполняли тушью очень тонкими кисточками, специально предназначенными для каллиграфических надписей. Рисунок и текст в китайской живописи на шелке всегда были настолько связаны по смыслу, что воспринимались зрителем как единое целое.

Пейзажи школы вэнь-жэнь-хуа (*китайск.* «живопись людей письменной культуры») дополнялись самой изысканной каллиграфией — поэтическими и философскими надписями-загадками, прямо не раскрывающими содержание, но создающими «выражение мысли», а также тибями — эпиграммами. Они пишутся поклонниками художника в разное время на свободных участках изображения.

Китайская живопись отличается от европейской еще и тем, что с помощью названия, записанного иероглифами, художник передает нюансы, которые влияют на восприятие рисунка. Например, на пейзаже может быть надпись: «Весною озеро Сиху совсем не то, что в другие времена года». Подобное название трудно представить в европейской живописи — это звучало бы, как «Весна на озере Сиху» или «Озеро Сиху весной».

Непрерывным украшением кабинета ученого минской эпохи была чаша, покрытая лаком цвета «жженого пурпура». Красным или черным лаком покрывались также столы и многие другие предметы мебели.

Производство лаковых изделий в Китае имеет древнюю традицию. Его особое место в художественной культуре страны обусловлено уникальными свойствами исходного материала — сока лакового дерева. Этот природный полимер, затвердевая, дает очень прочное и красивое покрытие.

Кора лакового дерева, растущего в Центральном и Южном Китае, выделяет через надрезы млечный сок, который загустевает во влажном воздухе, высыхает и приобретает коричневый цвет. Сухой слой такого лака непроницаем для влаги, кислоты, устойчив к ударам и царапинам, а потому служит идеальной защитой для многих материалов — дерева, бамбука и даже папье-маше. Лак практически не разрушается растворителями, используемыми в повседневной жизни. Он стоек к воздействию влаги, высокой температуры, не подвергается разрушению насекомыми. С эпохи неолита именно его защитные свойства использовались для сохранения предметов из дерева, бамбука, ткани и других материалов. Вместе с тем лаковая поверхность выглядела эффектно — изделия приобретали легкий блеск.

Позже, начиная с периода Чжоу (1027—256 гг. до н. э.), лакированную поверхность стали украшать росписью. В это же время лак начали смешивать с золотом. Дошли легенды о том, что на востоке Китая во время династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) умели изготавливать лаки исключительной красоты. В этот период применение лака еще более увеличилось. Появились первые образцы лаковой живописи на утвари, шелке, бумаге. С периода Тан (618—907) известны лаковые предметы, инкрустированные золотом, серебром и перламутром. Тогда же делаются первые попытки резьбы по лаку, которая в следующий период Сун (960—1279), занимает ведущее место в лаковом производстве. Трудоемкая техника изготовления лаков, их высокая стоимость с самого начала производства сделали их предметом роскоши, принадлежностью императорского двора, домов знати и состоятельных людей.

Использование лака регламентировалось официальным уставом. Технологические секреты лакирования китайские мастера не раскрывали. Но постепенно, несмотря на все меры предосторожности, секреты лаков стали известны в странах Юго-Восточной Азии, что происходило одновременно с распространением буддизма. К тому же китайские лаки и

лакировщики попадали в соседние страны в ходе военных конфликтов и посредством торговых контактов.

Лаки были не только предметом роскоши: лаковые покрытия увеличивали срок службы предметов во влажном тропическом климате. С течением времени лаковые техники усложнялись, появлялись все новые и новые; количество компонентов в составах увеличивалось. К настоящему времени сохранились сведения о большом количестве лаковых техник, в которых красочная поверхность представляет собой композицию из большого количества слоев. Некоторые лаки насчитывают до 200 слоев различных составов, схожих между собой только тем, что пленкообразователем их является урушиол.

Каждая операция по обработке сока, каждый состав, операция нанесения или обработки поверхности имела свое название. Чаще всего использовали черные и красные лаки, иногда нанесенные на слои лаков других оттенков. Технология лакирования строго соответствовала канонам, предписывающим выполнять в каждом конкретном случае только ту или иную операцию, будь то архитектурные детали, гробницы, храмовая скульптура. Нам будет понятно строгое следование канонам буддийского ремесленника и лакировщика при изготовлении предметов культа, если мы вспомним строгое исполнение иконописцами православных уставов при написании иконы. Иконописец не мог изменить последовательность операций при изготовлении левкаса, освящая каждый этап своей работы; также восточный ремесленник не мог «случайно перепутать» последовательность нанесения различных по составу лаковых слоев. Вырезанную из дерева заготовку Будды мастер уже называл «сущностью», и процесс окрашивания был, по существу, «проявлением» из дерева божества. Для верующего человека было естественным и непреложным, что тело божественной сущности Будды должно быть только золотым. Именно поэтому цветные лаковые слои одежд Будды находятся поверх золотого покрытия. (Часто, не учитывая сакральный смысл предмета, при атрибуции произведения этот факт приводили в качестве аргумента позднего восстановления предмета и удаляли авторские слои одежд при реставрации.)

Веками мастера интуитивно, путем проб и ошибок, улучшали и изменяли технологию и модифицировали составы для лакирования. Фундамент лаковой индустрии Китая династии Мин (1368–1644) составляли трактаты, посвященные производству лаков, — «Ко Ку Жо Лун» (1388), «Ching pi — ang» (1595) и «Hsinshihlu». Последний написан в XVI в. лакировщиком Гуан Ченом, а при переписке в 1625 г. дополнен предисловием мастера Юн Мина. Из этих работ ясно, что в правление императоров Юнлэ (1403–1424) и Сюаньдэ (1425–1435) были изобретены превосходные составы этих лаков. Хорошо известны произведения искусства того времени, изготовленные с использованием резных лаков. Длительный процесс нанесения на дерево, металл или бумажную массу сока лакового дерева позволял резчикам использовать слоистость фактуры для выявления сложных светотеневых эффектов, бархатистости фона. Поэтому резные лаки периода Мин отличались особой гладкостью и сочностью узоров, крупным рисунком растений и цветов. Они имеют отчетливый рисунок, в них нет большого количества мелких деталей, которые характерны для позднейшей лаковой продукции Китая; цвет их значительно глубже и богаче, чем у предметов XVIII в. Во время династии Мин в Пекине стали изготавливать также расписные лаки. Изделия инкрустировали перламутром.

Удивительные лаковые техники минской эпохи породили огромное желание повторить их. Но тщетно — китайские мастера хорошо хранили свои секреты. В европейском искусстве пытались имитировать восточные лаки, применяя разнообразные составы и техники. Но ни один из заменителей не обладает уникальными свойствами натурального китайского лака, и никакая лакировочная техника из разработанных в других частях света несравнима с качеством минских лаков.

Теперь обратимся к еще одному уникальному явлению китайского искусства — фарфору.

Долгое время китайцы называли фарфор «подражанием нефриту». Дело в том, что в

древности именно нефрит был основным материалом, из которого делали «благородную» посуду. Конечно же, нефритовые чаши стоили очень дорого, и поэтому изобретение фарфора было настоящей находкой. Новая посуда была более доступна, сам материал намного легче поддавался обработке, а главное, изделия из него выглядели ничуть не хуже нефритовых, чего нельзя было сказать об обычной керамике.

Прообразом фарфора ученые считают керамику «цинци», которую китайцы делали еще 4200 лет назад. Китайцы открыли секрет «белого золота», когда обнаружили, что смесь каолина — так называемой «фарфоровой земли» и «фарфорового камня» — горной породы, состоящей из кварца и слюды, обладает особыми свойствами. Из брикетированного порошка «фарфорового камня» — пе-тунтсе — и каолина, который придавал будущему изделию белизну, и делали собственно фарфоровую массу.

Минские знатоки особенно ценили вазы сунской эпохи из Цзюньчжоу (провинция Хэнань), отличавшиеся голубым или розово-пурпурным оттенком. Изысканному вкусу удовлетворяли и сосуды с зеленовато-голубой или красноватой глазурью, испещренной трещинками, словно потрескавшийся лед. Наибольшей же популярностью в минское время пользовался фарфор с росписью кобальтом по белому фону, а также сочетания синего и желтого, зеленого и желтого цветов. Вообще качество фарфора и росписи при Минской династии заметно улучшилось, гораздо более разнообразными и приближенными к повседневной жизни стали и сюжеты изображений на фарфоровых изделиях. Вазы должны были иметь узкое горлышко и толстое дно, чтобы из них «не выходил дух». Подбор цветов для ваз тоже всецело определялся особенностями обстановки и времени года. Ту Лун советует для этого использовать «высокие вазы и цветы с большими стеблями, ибо сие радует взор». Однако же в скромном кабинете ученого следует держать «низкую вазу и маленькие цветы». В вазу полагалось ставить два-три цветка, а пышные букеты слыли верным признаком дурного вкуса.

Именно тайну сырья, из которого восточные умельцы создавали настоящие произведения искусства, столь долго и безуспешно пытались разгадать европейцы. Фарфор ценился на вес золота. Ювелиры вставляли его в драгоценные оправы, да и просто черепки дамы носили на золотых цепочках. Фарфор хранился в монастырских сокровищницах и был предметом гордости аристократов.

Китайских мастеров пытались задобрить и даже подкупить, но не тут-то было. Например, французский монах-иезуит д'Антреколль даже удостоился чести посетить императорскую фарфоровую мануфактуру. О чудесах, увиденных патером в Поднебесной, пишет Е. Данько, автор книги по истории фарфора «Китайский секрет»: «Когда судно под вечер, после многодневного пути, обогнуло последний речной мыс, и в полукруге высоких гор глазам открылся город, отцу д'Антреколлю показалось, что он видит большой пожар или гигантскую печь с бесчисленными отдушниками, из которых вырывались огонь и дым. Это пылали печи, где обжигался фарфор. Их было три тысячи. Город казался объатым пламенем.

...Двор богдыхана требовал каждый год: 31 тыс. блюд, 16 тыс. тарелок с синими драконами, 18 тыс. чашек с цветами и драконами, 11 200 блюд с написанными словами: „фу“ — счастье и „чеу“ — долгая жизнь. В приказах богдыхана по фабрикам говорилось, что посуда для двора должна быть голубая, как небо после дождя в промежутках между облаками, блестящая, как зеркало, тонкая, как бумага, звонкая, как гонг, гладкая и сияющая, как озеро в солнечный день. Все это исполняли фабрики Кин-течена. Рабочие умели делать удивительные вещи: посуду белую, как цветы яблони, посуду лиловатую, как аметист, и еще красную матовую посуду, похожую на коралл, всю в резных узорах. Они делали фонари, расписанные пурпурными пионами, которые чудесно светились, если внутри зажечь огонь. Другие фонари — в виде рыб и драконов с горящими глазами.

Д'Антреколль видел там один фонарь — большую фарфоровую кошку с горящими глазами. Он рассказывал в письмах, что крысы боялись ее больше, чем живых кошек. Еще там были коробочки с кружевными фарфоровыми стенками, в которые сажали пойманных бабочек. Были чашки, у которых сквозь дырочки в первой — кружевной — стенке виднелась

вторая — сплошная. На ней были нарисованы горы, дома и китайки с корзинами цветов. Из таких чашек можно было пить какой угодно горячий чай, не обжигая руки, потому что от кипятка нагревалась только внутренняя, сплошная стенка, а кружевная оставалась прохладной. Некоторые чашки были с таким фокусом, что когда вы начинали пить, вода вдруг бурлила и брызгала вам в нос. А однажды мандарин показал д'Антреколлю чудесную белую чашу. Когда в нее наливали воду, на ее стенках появлялись, словно выплывали, голубые рыбы. Выливали воду — чаша опять становилась белой. Но больше всего славилась в Китае фарфоровая нанкинская башня. Ее девять этажей поднимались вверх на 80 м. Стены были выложены белыми фарфоровыми плитками. Плитки у окон и дверей были желтые и зеленые. На них извивались выпуклые драконы. На острых выступах башни висели фарфоровые колокольчики. Их было восемьдесят штук. Они нежно звенели от дуновения ветра».

Несмотря на оказанное доверие, д'Антреколль получил о производстве фарфора лишь самое общее представление.

Конечно, фарфор экспортировался не только на Запад, но и на Восток, который тоже мечтал превзойти китайских мастеров. Первыми освоили производство фарфора японцы. Это произошло около 1500 г. Но японский фарфор, несмотря на богатство росписи, был гораздо худшего качества.

Европейские монархи считали разработку вожделенной технологии делом государственной важности. Так, ученый Иоганн Бетгер, решивший, наконец, эту задачу, вынужден был бежать от прусского короля Фридриха I, так как опасался за свою свободу. Но знаменитый химик попал из огня да в полымя — он оказался пленником саксонского курфюрста и польского короля Августа Сильного. Уже в неволе Бетгер и догадался, что белая шнорровская земля, которую саксонские парикмахеры использовали в качестве пудры для париков, и есть каолин. Осталось сделать еще один шаг: соединив ее с алебастром, Бетгер получил самый настоящий фарфор, известный теперь, как мейсенский.

Арестован за нерадение был и Дмитрий Виноградов, который по поручению императрицы Елизаветы пытался наладить производство фарфора в России. Его опыты были окружены ореолом таинственности: записывая результаты, ученый был обязан пользоваться шифром. Немало времени прошло, пока Виноградову попался подходящий образец глины. Это была белая оренбургская глина, которая в смеси с гжельской «черноземкой» дала, наконец, при обжиге долгожданный результат.

Одна за другой появлялись в Европе мануфактуры по производству фарфора. До сих пор знатокам хорошо известны марки «Веджвуд» или «Споуд». Но китайский фарфор так и остался непревзойденным чудом — хрупким и изысканным. Любители фарфора особо ценят изделия эпохи Мин: его легкие пропорции, тонкие полупрозрачные стенки и великолепную роспись.

Еще одной ценной реликвией любого китайского дома минского времени были древние изделия из яшмы и нефрита, — скипетры, печати, диски, украшения, чей затейливый узор, гладкая поверхность, дымчатая глубина и прочие приятные свойства выражали добродетели возвышенного мужа. Как воплощение «высшего ян» и «семени дракона», яшма и нефрит наделялись магическими свойствами. Минские авторы различают восемь разных сортов яшмы и нефрита, из которых самой ценной считалась яшма «белая, как бараний жир». Несколько уступала ей по качеству яшма цвета «льда» или «рисовой каши». Большое значение придавалось и узорам яшмы, коих китайские коллекционеры различали более трех десятков видов. Законодатели утонченного вкуса упоминают о предметах из белой и желтой яшмы — печатях, прессах, подлокотниках и т. п.

Нефрит и жадеит относятся к минералам, которые благодаря их мягкому блеску и богатейшей гамме окраски очень высоко ценятся в Китае. С глубокой древности под общим названием «жад» они почитались как священные камни. Жадеит ценится на мировом рынке выше, чем нефрит, из-за большей прозрачности, повышенной плотности и твердости, а также потому, что в природе встречается очень редко (в Китае главным образом на юге). В истории

материальной культуры и на потребительском рынке эти минералы практически неразличимы. Нефрит завоевал особенно большую популярность среди китайцев в синскую эпоху и до XVIII в. Для него характерны разные оттенки зеленого цвета (но без светящейся и искрящейся зелени жадеита). Встречается также белый, желтый и почти черный нефрит.

Самые ранние находки изделий из нефрита относятся к культуре Хемаду эпохи неолита (около пятого тысячелетия до н. э.). Эти изделия, по всей вероятности, имели ритуальное значение. Спустя столетия тела умерших высокопоставленных чиновников заворачивали в плащи, сделанные из двух тысяч тончайших пластинок нефрита, скрепленных золотой проволокой. Начиная с XI в. в религии даосизма распространяется поклонение «нефритовому» императору как высшему божеству.

В эпоху Мин наблюдается особый расцвет техники обработки этого камня, который популярен до наших дней. Круглый диск, символизирующий небесный свод, до сих пор носят в Китае как талисман, а браслеты из нефрита, как полагают, защищают от ревматизма. В современном Китае в мастерских по обработке нефрита используется до тридцати его разновидностей.

СЕКРЕТЫ КИТАЙСКИХ МОНАХОВ

Последователи древних учений, мудрецы и мистики, хранители магических практик и тайных знаний, даосские и буддийские монахи в Китае веками оберегали свои секреты от непосвященных. Так что же представляли собой их религиозные учения?

Даосизм — это исконно китайская религия. Он появился во II в. н. э., когда Китаем правил император Шуньди династии Восточная Хань. Основой этого учения считается книга «Дао де цзин», автором которой называют Лао-цзы.

Кем же на самом деле был Лао-цзы? Этот вопрос до сих пор открыт. Некоторые считают, что Лао-цзы был современником Конфуция.³⁶ О том, что он встречался с Конфуцием (ок. 517 г. до н. э.) пишут такие авторитеты, как историк Сыма Цянь и философ Чжуан-цзы. Другие считают, что он жил на сто лет позже.

По легенде, Лао-цзы родился седым, поэтому и прозвали его Старый ребенок. В чем же суть его учения, сочетающего мудрость старца и детскую восторженность восприятия мира?

Дао обычно переводят, как «путь» или «метод». Однако понятие Дао на самом деле практически непереводаемо на русский язык. Что же такое Дао с точки зрения китайца? Горизонтальная линия иероглифа, который обозначает это слово, символизирует весь мир, два штриха над ней свидетельствуют о том, что всё в мире состоит из двух начал — инь и ян, справа внизу начертано «Я сам». В целом правая часть иероглифа означает «голова», а левая — «идти», «движение».

Дао господствует везде и во всем, всегда и безгранично. Его никто не создал, но все происходит от него. Невидимое и неслышимое, недоступное органам чувств, постоянное и неисчерпаемое, безмянное и бесформенное, оно дает начало, имя и форму всему на свете. Даже великое Небо следует Дао. Познать Дао, следовать ему, слиться с ним — в этом смысл, цель и счастье жизни. Считалось, что мудрецы, постигшие законы Дао, не только достигают блаженства, но и владеют магией. Самые достойные из них бессмертны. Они могут становиться невидимыми, находиться сразу в нескольких местах, летать, проходить сквозь скалы и стены. По легендам, даже внешне они могли отличаться от других людей: у них были двойные зрачки; тело, покрытое рыбой чешуей, шерстью или перьями.

Постигать Дао можно по-разному. Сначала даосы жили в миру, но с VI в. под влиянием буддизма стали организовывать монастыри. Кроме монахов и монахинь, были также жрецы, жившие, как простые миряне и бродившие по стране, сельские проповедники. И сегодня в

³⁶ Конфуций — китайский философ, историк и государственный деятель, основатель китайской государственной религии — конфуцианства, которое представляет собой философию морали, облаченную в религиозную форму. Практики монашества в конфуцианстве не было, поэтому в этой главе мы ее не рассматриваем вообще.

Китае насчитывают полторы тысячи даосских храмов и монастырей и более 25 тысяч даосских монахов и монахинь.

Буддизм проник в Китай в I в. до н. э., а с IV в. началось его победное шествие по стране. Буддизм стал самой влиятельной религией в Поднебесной. Однако в Китае буддийская доктрина под влиянием даосизма видоизменилась. В итоге появился так называемый чань-буддизм, который распространился по всей стране.

По легенде, чань-буддизм возник в Китае после того, как туда переселился из Индии в начале VI в. знаменитый двадцать восьмой буддийский патриарх Бодхидхарма. Император У-Ди, который покровительствовал буддизму, принял Бодхидхарму при дворе, но вскоре разочаровался в нем. Индийский мудрец заявил, что все деяния, которые У-Ди совершил ради укрепления в Китае буддийской веры — постройка храмов и монастырей, щедрые пожертвования, перевод с санскрита буддийских текстов — прах и суета. Патриарх покинул императора вместе с группой последователей. Они-то и стали изначальным ядром секты чань.

Слово «чань» — это искаженное индийское «дхьяна». В индуизме и буддизме «дхьяна» — это сосредоточенное созерцание, или медитация. Чань-буддисты связывают дхьяну с практикой сатори — неожиданного просветления. Когда наступает просветление, сознание преобразуется, и в нем обнаруживается мудрость Будды.

Чань очень отличается от традиционного буддизма махаяны. Он не призывает стремиться к нирване, ибо истина и Будда всегда с человеком, они вокруг него, надо только уметь их найти. Истина и Будда — в великолепии природы, в радости труда, во всем, что окружает человека. Здесь, безусловно, сказывается влияние даосизма, не отрицавшего, в отличие от буддизма, земных радостей — наслаждения формой, звуком, запахом, вкусом, осязанием. Однако, в отличие от даосизма, чань-буддизм не признавал сексуальных наслаждений.

Чань призвал освободиться не только от обязанностей и привязанностей, но также от власти каноников и авторитетов. «Встретишь Будду — убей Будду» — это знаменитая фраза мастера чань-буддизма И-сюаня (IX в.).

К познанию стороннику чань полагалось идти не рациональным, а интуитивным путем. Существовали особые практики, призванные стимулировать достижение состояния просветления. Во-первых, резкие окрики, толчки или даже удары, которые неожиданно обрушивались на погруженного в транс человека. Во-вторых, чтение гуньань (нам это слово больше знакомо в японской транскрипции — «коан»), содержащих парадоксы, нерешаемые логическим путем, например, «Удар двумя руками — хлопок, а что такое хлопок одной ладонью?» Практиковался диалог между учителем и учеником, состоящий из коротких фраз, в которых смысл был неважен, а значение имел внутренний смысл общения: учитель развивал умение ученика настраиваться на контакт с мастером. Чань требовал передачи учения от сердца к сердцу.

Итак, в Китае до сегодняшнего дня множество людей становятся монахами, даосскими или буддийскими. Это говорит о том уровне почитания, которым окружены эти священнослужители. Чем же заслужили эти монахи такой почет и уважение среди жителей Поднебесной? Нам кажется, что не только своей религиозностью и высокой моралью. С древности им также приписывали владение некой тайной силой, делавшей их практически всемогущими, а иногда — как поговаривали — и бессмертными.

АСТРОЛОГИЯ И ГАДАНИЕ

Древние китайцы, в особенности даосы, прекрасно разбирались в астрологии. Поначалу астрологи предсказывали будущее государства. Они были должностными лицами при дворе. А вот индивидуальные предсказания астрологи начали делать с начала нашей эры. Они определяли, как может сложиться судьба того или иного человека, к каким заболеваниям он склонен.

Астрология не была оторвана от других областей знаний. Например, давая имя новорожденному, астролог мог изучить не только расположение звезд, но и линии на руках ребенка. Тогда шансы на то, что имя будет защищать его от несчастий, повышались. В свою очередь астрологией интересовались мастера фэн-шуй,³⁷ особенно представители так называемой компасной школы. Сначала мастер изучал гороскоп заказчика и лишь потом, вооружившись знанием не только астрологии, но и нумерологии, с помощью специального компаса фэн-шуй ориентировал будущую постройку относительно сторон света, определял ее размеры, расположение комнат каждого из членов семьи, а также решал, когда именно лучше начать строительство.

Конечно же, даосские монахи владели множеством различных техник гадания — ведь, как и каждый народ, китайцы жаждали знать свое будущее. Но вот парадокс: в представлении китайцев будущее могло быть интересно даже мертвецам. Так историки почерпнули немало сведений из гадательных текстов, помещавшихся в особые бронзовые сосуды. В этих сосудах содержались и рассказы о том, сбылись ли эти предсказания, и каким именно образом. Анализ некоторых текстов свидетельствует о том, что эти послания предназначались отнюдь не потомкам, а предкам. Китайцы общались с предками, используя особый письменный язык со своими строгими правилами.

Этот ритуал считался настолько важным, что тексты составлялись во всех провинциях, затем отправлялись в столицу Поднебесной, где хранились в центральном архиве. Из множества разрозненных текстов составлялся единый текст. Гадатель не имел права допустить неточность — предки должны были знать чистую правду. Даже жизнь самого гадателя была ничтожна в сравнении с соблюдением установленных правил изложения событий. Вот как Фань Вэнь Лань повествует о событиях, произошедших в 548 г. до н. э.: «Сановник из княжества Ци, Цуй Чжу, убил циского правителя. Главный историограф сделал запись: „Цуй Чжу убил своего князя“. Цуй Чжу разгневался и убил историографа за такую запись. Тогда два его брата повторили эту запись в хронике, и тоже были убиты Цуй Чжу. Когда же и последний, оставшийся в живых брат историографа написал эту же фразу, Цуй Чжу уже не решился его убить».

Какие же гадательные практики традиционно использовались в Китае? Конечно, не обошлось без хиромантии. Древние китайские врачеватели верили в то, что часть всегда содержит целое, они считали важным для диагностики любую часть тела — информацию хранили уши, лицо, глаза, нос и, конечно же, руки, ладони и ногти. По виду какой-либо одной части тела медики могли определить состояние другой и даже всего организма в целом. Изучая человеческие ладони, китайские маги научились видеть в их линиях скрытые знаки.

Упоминание о диагностике по рукам встречается уже у легендарного императора Хуанди, который считается предком всех китайцев. Ему приписывается авторство самого древнего медицинского сочинения — «Трактата Желтого Императора о внутреннем». В одном из разделов трактата содержится описание физиологии и анатомии человека, техники иглоукалывания, а также упоминаются различные знаки, замеченные на руках человека.

В одном источнике середины III тысячелетия до н. э. встречается фраза, выглядящая на современный взгляд довольно забавно: оказывается, не что иное, как линии на ладони императора «сформировали характер, достойный похвалы». Даосская хиромантия была целой наукой, учитывающей как размер и форму руки, длину и искривление пальцев, так и линии и знаки на ладони. Даосы выделяли три главные линии: линию Небес (линия сердца), линию Человека (линия головы) и линию Земли (линия жизни). Если все эти линии были хорошо сформированными, четкими и неломаными, то человека непременно ожидали счастье и богатство. Даосские хироманты искали на левой руке признаки удачи и почестей, а

³⁷ Фэн-шуй — это искусство преобразования окружающего пространства (обустройство жилища, ландшафта вокруг него и т. д.) с целью его благоприятного воздействия на человека — в отношении его здоровья, благосостояния и других жизненных аспектов. Дословно в переводе с китайского «фэн» означает «ветер», «шуй» — «вода».

на правой — признаки богатства.

Но самыми известными хиромантами и физиогномистами в Китае считались индусы. Так знаменитый Да Мо, он же Бодхидхарма — основатель чань-буддизма, прославился умением читать судьбу людей по рукам. Известны были и два других индийских монаха, Ати Гупта и Пунья Даса, жившие приблизительно в 500–600 годах.

О буддийских монахах-тантристах в Китае говорили, что они умеют по рукам определять прошлое человека, настоящее и будущее, проводить диагностику предрасположенностей к различным заболеваниям, описывать характер человека и его индивидуальные черты. Монахи не спешили делиться секретами — свои труды они писали тайными знаками, непонятными непосвященным. Кстати, и сегодня в Китае можно найти монахов, владеющих этими эзотерическими знаниями. Поэтому неудивительно, что интерес к хиромантии в этой стране не угас и в наши дни. Она до сих пор остается важным элементом диагностики. Неравнодушен к китайской хиромантии и Запад — множество работ европейских хиромантов XIX–XX веков основано на тысячелетнем опыте китайских ученых и монахов.

Еще один способ гадания предоставляет собой знаменитая «Ицзин», или «Книга перемен». Для китайцев это бесценная реликвия стоит на первом месте среди классических книг Китая. Конфуций, которого считают ее автором, говорил о ней так: «Если бы мне удалось продлить жизнь, то я отдал бы пятьдесят лет на изучение Перемен, и тогда бы смог больше не совершать ошибок».

Постичь смысл таинственной и мудрой «Книги перемен» способен далеко не каждый. Но главная идея, заложенная в ней, достаточно проста — это идея изменчивости. Согласно «Книге перемен» весь мировой процесс представляет собою чередование ситуаций, в основе которых лежит взаимодействие и борьба сил света и тьмы, напряжения и податливости, мужского и женского начал. Каждая ситуация символически выражается одним из знаков, изображаемых чертами. Черты составляют определенный знак — гексаграмму. В «Книге перемен» описаны 64 гексаграммы, каждая из которых состоит из шести горизонтальных черт — «яо». Черта может быть как сплошной (что соответствует мужскому началу ян), так и прерывистой (что соответствует женскому началу инь). Считается, что нижняя триграмма (три нижние черты) относится к внутренней жизни, к наступающему и создаемому, а верхняя — к внешнему миру, к отступающему, разрушающемуся.

Обращающийся к «Книге перемен» должен совершить ряд довольно сложных случайных процедур, используя монеты или веточки тысячелистника, а затем найти в книге соответствующую гексаграмму. Расшифровка этой гексаграммы покажет, несет ли деятельность этого человека несчастье или счастье, гармонично ли он вписывается в реальный мир, как на него влияет его окружение. «Книга перемен» с древности подсказывала человеку, как правильно распорядиться внутренними силами — настоящими силами, способными провоцировать жизненные перемены.

В ПОИСКАХ ЭЛИКСИРА БЕССМЕРТИЯ

Как мы помним еще из школьной истории, человек всегда жаждал бессмертия. Так появились алхимики — люди, которые посвятили свою жизнь поискам эликсира бессмертия.

Китайская алхимия, по мнению многих исследователей, — самая древняя на планете. Доказано, что алхимией в Китае занимались уже во второй половине I тыс. до н. э. Большой частью алхимиками были даосы. Даосская алхимия представляла собой сплав философских идей, религиозных верований, магических ритуалов, научных достижений и практических (медицинских, фармакологических, диетологических и др.) приемов.

Китайскую алхимию принято делить на внешнюю и внутреннюю, но цель их была одна — обретение бессмертия. Для даосов достичь бессмертия было особенно важным, так как их учение не признавало реинкарнации (переселения душ). Даосы считали, что тело — это единственно возможная оболочка, без которой душа (а точнее души, которых, как полагали

даосы, у человека было десять) не могут существовать. После смерти физического тела души рассеивались в пространстве и никакого способа собрать их воедино не было. Души объединяло тело и только тело, и собственно личность без него погибала. Значит, рассуждали даосы, тело необходимо увековечить.

Внешняя алхимия исходила из того, что бессмертия можно достичь, принимая медикаменты (эликсиры или пилюли), приготовленные особым образом. Внутренняя алхимия полагала, что бессмертие достигается за счет определенных процессов в организме, и эти процессы можно активизировать с помощью особых упражнений и медитаций.

В отличие от европейских алхимиков, искусственно полученное золото интересовало даосов только в качестве компонента животворных снадобий — обычное золото считалось в этом случае неэффективным. Вообще китайских алхимиков больше всего интересовали вещества, обладающие какими-либо необычными свойствами. Поэтому золото привлекало их тем, что этот металл не был подвержен коррозии и не тускнел. Сера была в их представлении горючим камнем, а ртуть они воспринимали совершенно правильно — как жидкий металл. Красная киноварь, благодаря своему цвету, в соответствии с принципами симпатической магии ассоциировалась с кровью. Поэтому редко какой рецепт эликсира молодости обходился без этого вещества.

Идея о том, что бессмертие можно обрести, приняв особое средство, уходит корнями в мифологию. Но в мифологии им владели (или его готовили) сверхъестественные силы. Представление о том, что люди могут каким-то образом синтезировать эликсир или особую пилюлю сами, появилось позже.

В даосской мифологии таким волшебным снадобьем владеет богиня Сиванму. Она живет в горах Куньлунь, где растет дерево (или даже целый сад деревьев) бессмертия. Горы Куньлунь находятся на крайнем западе, причем они настолько высоки, что пронзают несколько нижних небес. Чтобы попасть в эти горы, надо преодолеть множество преград. Сначала надо пройти через пустыни, где зимой царит леденящий холод, а летом — испепеляющий зной. Потом — через крутые горы, за которыми начинаются соляные болота. И лишь тогда обессиливший путник придет к величественным отрогам Куньлунь. Высоко-высоко в этих горах находится великолепный город, окруженный стенами, на которых высятся нефритовые башни. В нем живет могущественная богиня Сиванму — Владычица Запада. Она — богиня бессмертия и царица всех бессмертных. Лишь одни ворота ведут в этот дивный город — небесные художники сделали их из небесного золота и украсили огромной жемчужиной, которая сверкает так ярко, что свет ее виден за много сотен верст.

В чудесном городе есть сады, где растут особые персики, отведав которых можно стать бессмертным. Девять тысяч лет зреет такой плод (вместо плода в других вариантах мифа фигурирует волшебный напиток, которым тоже владеет Сиванму). Однако эликсиром надо пользоваться с осторожностью: бессмертие — не всегда счастье. Об этом свидетельствует участь прекрасной У Чаньэ.

Когда-то она была бессмертной и жила на небесах вместе со своим мужем — стрелком И. Но однажды случилась беда — над землей взшло сразу десять солнц. Началась страшная засуха. Днем люди боялись покидать свои дома из-за палящего зноя. Так продолжалось, пока молитвы несчастных не достигли ушей верховного владыки Дицзюаня. Он решил отправить стрелка И на землю, чтобы он навел порядок. Верховный владыка снабдил стрелка луком с удивительно прочными и острыми стрелами. И тот выполнил свою задачу — его стрелы достигли цели: лишь одно солнце, несущее людям тепло и свет, осталось на небосводе. Кроме того, И избавил землю от множества страшных чудищ, творивших зло. Пора было возвращаться на небо, но Ди-цзюань горевал о своих детях-солнцах и не захотел принять стрелка И и его жену обратно.

У Чаньэ сердилась на мужа за то, что, разделив его участь, стала смертной. Горевал и он сам. Поэтому стрелок И отправился в обитель Сиванму и уговорил ее помочь. Он получил из рук Сиванму тыкву, наполненную до краев волшебным напитком. Богиня объяснила И, что выпив снадобье в одиночку, он может стать богом и вознестись на небо. А если

разделить порцию на двоих, он и его жена будут бессмертны на земле.

Но У Чаньэ не хотела оставаться на земле. Она решила выпить чудесное средство сама, украла тыкву у мужа и приняла эликсир. Она стала богиней. Но вскоре пожалела об этом. В одном варианте мифа У Чаньэ вынуждена была жить в одиночестве в холодном дворце на Луне. Компанию ей составлял только белый заяц. Он был занят тем, что толоч в ступке ингредиенты для эликсира бессмертия. У Чаньэ все чаще вспоминала своего мужа и даже человеческий мир, который так не любила, когда была земной женщиной. Но У Чаньэ уже ничего не могла поделать — она была обречена жить в лунном дворце вечно. Заяц знал, какое снадобье поможет У Чаньэ вернуться на землю, но у него не было времени его сделать. Заяц должен был готовить волшебное зелье, чтобы поддерживать жизнь огромного дерева, растущего перед входом во дворец. Так эликсир бессмертия навечно стал для У Чаньэ проклятием.

В другом варианте, приняв эликсир, она побоялась лететь в небесный дворец к другим богам — ей не хотелось слышать насмешки и осуждение, к которому она сама дала повод, предав мужа. У Чаньэ решила какое-то время пожить на Луне. Прилетев на Луну, она вдруг почувствовала, что ее тело изменилось: голова срослась с туловищем, глаза выпучились, рот увеличился, а кожа покрылась бородавками — У Чаньэ превратилась в жабу. В полнолуние, как считали китайцы, на Луне можно увидеть силуэт этой жабы.

Китайцы верили, что удивительное долголетие и бессмертие недоступно простым жителям Поднебесной, но существуют страны и острова, жители которых бессмертны. Конечно же, эти земли — их населяют великаны, карлики, люди с рыбьими туловищами и человеческими лицами и т. п. — находятся далеко от Китая.

Особенно знаменитыми были земли бессмертных. Это пять священных гор: Пэнлай, Дюйюй, Юаньцзяо, Фанху, Инчжоу. Считалось, что эти горы плавают в Восточном море. Каждую из них поддерживают три огромных черных черепахи. На вершинах удивительных гор возвышаются золотые дворцы с лестницами из белого нефрита. На склонах растут нефритовые и жемчужные деревья. Их плоды имеют чудесный вкус и даруют бессмертие. А на одном из этих островов есть волшебный источник. Воду в нем заменяет вино цвета нефрита. Тот, кому посчастливилось отведать этого вина, тоже становится бессмертным.

В надежде продлить свою жизнь китайские императоры древних царств Чжоу и Янь даже снаряжали экспедиции в эти легендарные земли. Наивную веру в существование волшебных островов продемонстрировал даже знаменитый император Цинь Ши-Хуанди. Этот владыка Поднебесной настолько боялся смерти, что запретил даже упоминать о ней. Панический страх быть убитым заговорщиками настолько овладел императором, что каждую ночь он менял спальню. Решение ночевать в тех или иных покоях Цинь Ши-Хуанди принимал спонтанно. Никому из приближенных заранее не сообщалось, где именно император пожелает приклонить голову.

Цинь Ши-Хуанди был знатоком древних рукописей. Легенды об островах бессмертных были ему знакомы. В те времена доверие к тексту было абсолютным, поэтому император снарядил экспедицию к горе Пэнлай. Во главе экспедиции он поставил моряка по имени Синь Ши. Поиски волшебных плодов закончились неудачей. Однако император не отчаялся. Вскоре по его приказу к загадочной обители бессмертных отправился Сюй Фу. Этот человек был алхимиком — вера в волшебные плоды спокойно сочеталась у него с убеждением, что эликсир можно приготовить с помощью науки. По легенде, китайские корабли вместо горы Пэнлай пристали к берегам Японии. Не найдя бесценных плодов, Сюй Фу предпочел не возвращаться на родину, где его ждал гнев разочарованного императора. Он остался в Японии навсегда и стал государем земли Кии. О том, что Сюй Фу нашел приют в каких-то плодородных краях и стал местным правителем, говорит и знаменитый китайский историк Сыма Цянь.

Не получивший желанных плодов, Цинь Ши-Хуанди все же не терял надежду. День и ночь в особых покоях даосские монахи занимались поисками ингредиентов для пилюли бессмертия.

Когда же Цинь Ши-Хуанди умер, придворные оказались в затруднительном положении. Поскольку их повелитель пожелал жить вечно, они предпочли оставить тело покойного в тронном зале за ширмой и управлять страной от его имени, делая вид, что тот еще жив. Прошел почти месяц, пока сановники решились наконец похоронить императора.

А поиски волшебных островов продолжались. Через сто лет после Цинь Ши-Хуанди до чудесных земель пытались добраться моряки, отправленные ханьским императором Ся-у.

Пилюли бессмертия тоже оставались популярными. Их принимал ханьский правитель У-ди (140—87 гг. до н. э.). Жертвой эликсира бессмертия пал Ли Чунь (820 г.) — император династии Тан. Эликсир, который он принимал, по-видимому, содержал ртуть, которая вызывает психические отклонения. Мудрый правитель Ли Чунь начал понемногу сходить с ума. Один из министров попытался образумить императора, объясняя, что алхимики, вертящиеся вокруг его трона — всего лишь мошенники, алчущие наживы. Но Ли Чунь к тому времени уже утратил остатки здравого смысла. Министр, дерзнувший предупредить владыку об опасности, лишился должности, а император продолжал пить яд. В конце концов окончательно спятившего Лин Чуна убили дворцовые евнухи.

Но мистики и романтики — а иногда и шарлатаны — даосы не теряли надежду осчастливить человечество божественным эликсиром, изобретение которого было бы венцом их искусства.

Подробный анализ методов внешней алхимии (т. е. изготовления пилюль и эликсиров) представлен в трактате Гэ Хуна «Баопу-цзы». Как пишет этот ученый, трудность получения эликсира заключалась в получении предельно чистых веществ, соблюдении технологии выплавления пилюли, выбора времени начала алхимических процессов и правильных методов принятия пилюли. Гэ Хун рассматривает рецепты эликсиров с использованием многочисленных веществ и минералов, а также рассказывает поучительные истории из жизни магов.

Приготовление эликсиров бессмертия было популярно вплоть до III–V веков. Внутренняя алхимия постепенно вытеснила внешнюю. Так, когда в XII в. Чингисхан попытался прибегнуть к услугам даосского монаха, он получил совсем не то, что ожидал.

Услышав о том, что некий Чанг Чунь владеет секретом вечной молодости и сам живет уже триста лет, Чингисхан отправил в Китай гонца, чтобы тот доставил мага в Самарканд. Прибывший Чанг Чунь разочаровал «хана, великого, как океан»: вместо того чтобы напоить владыку эликсиром бессмертия, даос прочел ему лекцию о пользе умеренности и воздержания.

Несмотря на то, что китайские алхимики так и не нашли эликсир бессмертия, нельзя сказать, что их деятельность прошла бесследно. Они открывали новые технологии в производстве стекла и фарфора, в металлургии и сельском хозяйстве. Секретами столь приземленного свойства они не брезгали делиться с ремесленниками, которые с радостью использовали сулящие прибыль новшества. К тому же даосские алхимики были и искусными врачами — они знали толк как в медицине, так и в фармакологии.

Пребывая в постоянной заботе о своем здоровье и долголетию, даосы изобрели, как им казалось, квинтэссенцию земного и небесного. В этом веществе, по мнению даосов, соединялись воедино все стихии, составляющие Вселенную: сила воздуха, мощь земли, живость огня и изменчивость воды. Конечно, это вещество должно было обладать чудесными свойствами. Однако действительность показала, что использовать это вещество для продления жизни невозможно, а вот для ее сокращения — пожалуйста. Созданное вещество в дальнейшем пригодилось не медикам, а военным. Речь идет о порохе.

ТАЙНЫ «ОГНЕННОГО ЗЕЛЯ»

По-видимому, на открытие пороха повлияла цепь случайных событий. Об этом может свидетельствовать письмо одного китайского алхимика: «Сегодня в своей комнате для

составления смесей погиб Шин-Ру, один из умнейших людей нашего времени. Ужасные компоненты, вызвавшие пожар, включали серу, селитру и древесный уголь. Я был потрясен этим случаем. Это был не обычный пожар раздуваемый ветром, а внезапный взрыв, уничтоживший все. Вскоре после этого события ко мне прибыл посыльный, сообщивший, что подобный взрыв убил группу ученых в близлежащей деревне и уничтожил дом, в котором они жили. Какое зло мы выпустили в этот мир!»

Аналогичное свидетельство случайности изобретения пороха можно найти в трактате «Тайное Дао подлинного происхождения вещей». Автор предупреждает несведущих, что далеко не каждая попытка изготовить эликсир молодости безопасна. Он пишет об алхимиках, которые нагрели вместе серу, сульфид мышьяка и селитру с медом (высушенный мед служил источником углерода). В результате этого эксперимента «появились дым и пламя, так что их руки и лица были обожжены, и даже дом, где они работали, сгорел дотла».

Китайцы называли порох «хо яо» — «огненное зелье». В состав пороха входили сера, селитра и древесный уголь. Объем газов, который выделяется при горении этой смеси, больше объема самой смеси во много раз. При этом газы выделяются практически мгновенно и расширяются под воздействием тепла, от этого и происходит взрыв. Однако китайские алхимики давали совсем другое объяснение. По их мнению, дело было в том, что селитра «чрезвычайно негативна и обладает лунными качествами инь», в то время, как сера «чрезвычайно позитивна и обладает солнечными качествами ян». Поэтому когда «два этих сверхприродных элемента, инь и ян, встречаются в очень тесном пространстве, то последующий взрыв ошеломит любое существо и уничтожит все вокруг».

Уже в древности китайцы нашли применение для этого изобретения алхимиков — начали делать фейерверки. В этом искусстве китайцы были на диво изобретательны. Так, например, когда в 1264 г. император Лицзян чествовал свою мать, использовались так называемые «земляные крысы» — трубочки, которые двигались по земле. Одна из них даже попала на ступеньки трона.

А вот когда китайцы начали использовать порох в качестве оружия, мы до сих пор не знаем. Некоторые исследователи сомневаются даже в том, что он вообще был изобретен в Китае: «Как часто случается, при медленном развитии идеи изобретатель пороха затерялся в массе противоречивых свидетельств. В течение многих лет заслуга изобретения пороха приписывалась китайцам, главным образом на основании утверждений, сделанных миссионерами-иезуитами в XVII и XVIII столетиях. Эти люди испытывали громадное уважение к древности китайской культуры, но обладали в рассматриваемой нами области весьма незначительными реальными познаниями».

Буквальный перевод свидетельств говорит о творимых человеком громах и молниях, однако этим преувеличенным описаниям лучше всего соответствует использование «греческого огня» и тому подобных зажигательных смесей. Если порох был известен в Китае в 85 году н. э., как это утверждает Мюллер, автор опубликованного в 1780 г. «Трактата об артиллерии», то непонятно, почему в источниках той эпохи отсутствуют более определенные доказательства этого факта. Уильям Карман в книге «История огнестрельного оружия с древнейших времен до XX века» отмечает, что некий Джованни де План Карин, отправленный с посольством к великому хану, подробно описывал применявшееся в 1246 году во время продолжительных войн между китайцами и монголами оружие. Он рассказывал о механической «артиллерии» типа баллист и гигантских пращей, о «греческом огне» и тому подобном, но совершенно ничего не говорил о чем-либо, напоминающем порох. Другие путешественники, такие как Марко Поло, также о нем не упоминают.

Существует несколько гипотез о том, кто и когда на самом деле сделал это важнейшее открытие:

- порох был изобретен до 1500 г. до н. э. в Индии. В I в. до н. э. секрет его изготовления попал в Китай и Аравию, а в VI в. н. э. в Византию;
- порох был изобретен в 300 г. до н. э. в Китае, и в I в. до н. э. секрет его изготовления попал в Индию и Аравию, а в VI в. н. э. в Византию;

• порох был изобретен в I–III в. н. э. в Индии и Китае. В VI–VIII вв. секрет его изготовления попал в Византию, а после начала монгольской (правильнее китайской) экспансии в XII–XIII вв. в Аравию и Европу. Наиболее рациональной представляется точка зрения Джека Келли, которую он излагает в книге «Порох. От алхимии до артиллерии: история вещества, которое изменило мир». Он все-таки склонен отдать пальму первенства в изобретении пороха китайцам. Существующие противоречия он объясняет терминологической путаницей: «Представление о мирном характере отношений жителей Поднебесной с порохом отчасти объясняется западными предрассудками по поводу характера китайцев. Кто-то считал их дилетантами, которые случайно наткнулись на секрет пороха, но не смогли оценить его возможности, кто-то воображал, что эти мудрецы сознательно отвергли его разрушительные возможности».

Путаницу вносила и устоявшееся представление, будто изобретение пороха в Китае относится еще к 100 году до н. э. Однако это не так. Новым изобретениям часто присваивают имена уже известных технологий. Шумовые эффекты — „мини-взрывы“ китайцы практиковали издревле. Для этого в костер бросали стебли бамбука, которые разрывались с оглушительным треском. Грохот, по мнению китайцев, должен был отпугнуть злых духов. Китайским словом, обозначавшим взрывающийся бамбук, стали называть пороховую пиротехнику — от зажигательных стрел до ракет. Поэтому и было ошибочно решено, что они очень древнего происхождения. Неправильная датировка — на тысячу лет раньше, чем на самом деле, — создавала впечатление, что китайцам понадобились столетия, чтобы пройти путь от открытия пороха до разработки огнестрельного оружия».

Дж. Келли приводит множество фактов применения огнестрельного оружия в Китае. Так, например, в 1044 г. во время правления династии Сун во время войн с варварами император Жэньцзун получил доклад «Об основах военного дела». В нем речь шла об использовании пороха в зажигательных и дымовых бомбах. Такие бомбы предлагалось использовать для поджога и отравления.

К 1083 г. китайцы умели изготавливать пороховые огненные стрелы: к древку привязывался комок пороха, завернутый в бумагу. Перед тем, как пустить стрелу, лучник поджигал пробку, торчавшую из пакета.

Использовались и катапульты, метавшие пороховые зажигательные снаряды. Еще одна разновидность зажигательных снарядов цеплялась крючьями к зданиям.

Император Жэньцзун, понимая стратегическую важность пороха, запретил вывоз серы и селитры из Китая и частную торговлю этими веществами.

В 1162 г. во время осады столицы империи Сун чжурчжэнями для устрашения врага использовались уже разрывные бомбы.

В 1231 г. чжурчжэни, уже покорившие Северный Китай, в свою очередь оборонялись в Кайфыне от монгола Удегея. Техника совершенствовалась — снаряды, которые они использовали, были железными.

Как производство, так и использование снарядов в те времена было делом опасным: ведь бомба могла разорваться раньше, чем долетит до противника. Ужасные бомбы носили устрашающие названия: «бомба, падающая с небес»; «бомба силой в десять тысяч врагов»; «магическая шаровая молния, сжигающая врагов и застилающая взор»; «сжигающая кости дробящая масляная бомба».

В XIII в. появились прототипы ружей и пушек — трубки, «плевавшие» стрелами, осколками битого фарфора и металла и даже свинцовыми ядрами. А в середине этого же века китайцы научились делать ракеты с зажигательными зарядами. Так за несколько столетий после открытия пороха китайское оружие эволюционировало от зажигательных снарядов до разрывных бомб, огнестрельного оружия и ракет.

ТЕЛО: ТЕМНИЦА ИЛИ ДОМ?

Внутренняя алхимия была особенно распространена в эпохи Тан и Сун. Многие

исследователи считают, что поскольку пик ее популярности пришелся на этот период, то и появилась она намного позже алхимии внешней. Однако отдельные элементы внутренней алхимии были известны еще до Ханьского периода. Поэтому ряд ученых считает, что внутренняя алхимия практиковалась с древнейших времен и существовала параллельно внешней.

Постепенно внутренняя алхимия начинает использовать опыт внешней. Сочинения по внешней алхимии переосмысливаются. Минералы и вещества — золото, серебро, киноварь, ртуть — и процессы плавления трактуются теперь как символы, указывающие на организм человека. Считалось, что внешняя алхимия потерпела крах, поскольку в древних сочинениях имелись ввиду не настоящие минералы и вещества, а определенные субстанции или энергии, которые перемещаются в теле человека.

Но цель алхимии осталась прежней — достижение бессмертия.

А как же пилюля бессмертия? Оказывается, ее можно вырастить в себе.

В организме человека, как полагали даосы, есть три так называемых «даньтяня» — области, где происходят самые важные процессы. В верхнем даньтяне — он расположен в голове — происходит работа с духом (шэнь). Шэнь считается правителем человека. Он контролирует его добрые и злые поступки. В среднем даньтяне, который находится в сердце, происходит работа с энергией ци. Наиболее точно ци можно определить, как «жизненную силу», это одно из ключевых понятий китайской мистики и философии. Нижний даньтянь находится в животе, ниже пупка. Здесь происходит работа с эссенцией (цзин). Цзин — это семя. Причем, как это ни парадоксально, как мужское, так и женское — даосы полагали, что женское семя тоже существует.

В нижнем даньтяне, собственно, и выращивается «пилюля» — зародыш, который вскармливается и развивается в течение определенного (в разных трактатах разного) времени. Когда зародыш вырастает, адепт перемещает себя в зародыш и вылетает через макушку. Теперь адепт обладает бессмертным «телом», в которое он переместил все свои десять душ. Поскольку ему не грозит смерть, души будут всегда оставаться вместе, и личность адепта не разрушится. Даосы предполагали, что именно так поступил Лао-цзы. Как мы уже писали, по преданию, он родился седым, а его имя переводится как «старый ребенок». Кроме того, считалось, что его матушка Ли вынашивала его восемьдесят один год. Матушка Ли, решили даосы, и есть сам Лао-цзы.

Что же мешает любому человеку вырастить зародыш бессмертия?

Проблема в том, что во всех трех даньтянях живут так называемые «черви». Старый синий червь живет в верхнем. Белая барышня — в среднем, Кровавый труп — в нижнем. «Черви» причиняют вред и сокращают жизнь человека, в теле которого обитают. «Червям» выгодна смерть хозяина, так как чем раньше он умрет, тем раньше они освободятся, станут призраками и выйдут на волю.

Кроме того, тело человека в представлении даосов населяли полезные духи: тридцать шесть тысяч таких духов были связаны с конкретными органами и определенными частями тела. Человек продолжал жить, пока эти духи обитали в его теле. Понятно, что трех «червей» надо было истощить, а затем и избавиться от них. В то же время тридцать шесть тысяч духов следовало к себе расположить. Даосские тексты предписывали для этого совершать добрые дела, вести праведную, чистую жизнь. Необходимо было также особым образом «питать» тело, дабы духи не покинули его. Строго рекомендовалось не давать хода эмоциям.

Среди физических средств, которые рекомендовали даосы для достижения бессмертия, были диета, гимнастика, которая иногда сопровождалась приемом лекарств, массаж. Очень важными считались дыхательные упражнения. Именно они позволяли регулировать внутренние процессы в организме, поскольку дают возможность управлять потоками энергии ци, которая, как и кровь, циркулирует по организму. Китайская дыхательная гимнастика так и называется цигун. (Гун — сокращение от слова «гунфу». Гунфу — это учеба или тренировка, которая требует больших затрат сил и времени.) Термин «цигун» появился в эпоху Цинь (265–420). Впервые он встречается в трактате Сюй Сюня «Цзин-мин

Цзун-цзяо лу» («Записки о пресветлом учении патриархов»). Но это не означает, что система цигун не была известна ранее. Подобные практики существовали, но просто имели другие названия.

Почему же, чтобы управлять ци, надо делать именно дыхательные упражнения? Конечно, речь идет не просто об усвоении кислорода. Ци часто переводят, как «воздух» или «дыхание», однако это не совсем корректно. Ци — это энергия, «жизненная сила», которая пронизывает все мироздание. Для того, чтобы черпать ее и помогать циркулировать в организме, надо не просто правильно дышать но и, что очень важно, правильно при этом двигаться.

Надо еще и правильно думать, поскольку управлять ци помогает мыслительное усилие.

Для того, чтобы «выращивание зародыша» стало возможным, даосы рекомендовали не тратить эссенцию цзин — семя. Однако это вовсе не означает, что даосы рассматривали секс как нечто грязное и греховное. Интимные отношения считались естественными, а целомудрие — противным природе, поскольку все в мире относится либо к мужскому началу ян, либо к женскому — инь.

В китайском обществе, где доминировала конфуцианская мораль, семейные отношения и продолжение рода вообще считались обязанностью. Даосизм в свою очередь не запрещал своим последователям-мирянам иметь семью и детей. Китайская культура вообще считает половую жизнь очень важной для человека, мудро полагая, что без нее невозможно ни личное счастье, ни здоровье, ни спокойствие в семье. Человек, сексуальная жизнь которого неблагополучна, нездоров духовно — его разум одержим лишь одним желанием. В обществе, где много таких людей, не бывает спокойствия. Более того, государство и общество нуждаются в росте народонаселения — нужно постоянно пополнять ряды воинов, землепашцев, чиновников, торговцев.

С другой стороны, ученые считают, что понятие о семени, как о веществе, растрата которого смертоносна, свойственно большинству культур. И каждая культура вырабатывает свои механизмы борьбы с его растратой. Обычно это безбрачие, но в Китае к этой проблеме подходили иначе. Даосы искали путь, который позволял сделать половую жизнь максимально интенсивной и в то же время «сохранять» семя.

Вредной считалась и растрата других «эссенций», например слюны. Существовали разного рода практики, позволяющие возвращать выделяемые человеком вещества назад в организм. Одни мистики занимались перегонкой мочи, другие практиковали поглощение плаценты. Однако самой распространенной техникой было возвращение семени. «Книга бессмертных» подробно описывает эту технику: «Существует метод возвращения семени ради питания мозга: при совокуплении, когда семя приходит в движение и вот-вот готово извергнуться, следует быстро зажать член указательным и средним пальцами левой руки между мошонкой и задним проходом. Сильно сдавить его, одновременно делая глубокий выдох и скрежеща зубами; повторить несколько десятков раз (чтобы лучше сосредоточиться). Не задерживать дыхание. В результате сперма не может выйти, но возвращается по нефритовому стеблю назад и подымается по позвоночнику в мозг». В то же время мастурбация с последующим возвращением семени не считалась полноценной. Дело в том, что не менее важным, чем собственно сохранение семени, было, как полагали даосы, соединение инь и ян, а для этого было необходимо совокупление с женщиной.

К выбору партнерши следовало относиться с осторожностью. Существенным был возраст — самыми «полезными» считались молодые девушки. Женщины «за тридцать» — непригодными. Не подходили и женщины, у которых уже были дети. Некоторые авторы даосских сочинений считали важным, чтобы партнерша была красива.

При этом важным условием было также удовлетворение женщины. Китайская эротология знала самые изощренные ласки, а сама даосская техника задержки семяизвержения позволяла продлевать половой акт. Врач VII века Ли Тун Сянь писал в трактате «Тун Сянь-цзы»: «Мужчина должен развивать способность к задержке эякуляции до полного удовлетворения партнера... Мужчина должен открыть и развить свою

собственную идеальную частоту эякуляции, и она не должна превышать 2–3 раз за 10 сношений». Однако женщина не рассматривалась, как равноправный партнер. В первую очередь мужчина заботится не о ее удовольствии, а том, чтобы получить драгоценную женскую субстанцию инь, при этом не поделившись ян.

Тем не менее даосы не отрицали, что даосские сексуальные практики могут помочь достичь бессмертия и женщине. В «Ле сянь чжуань» («Жизнеописания выдающихся бессмертных») повествуется о некой Нью Цзи, которая торговала вином: «Случилось одному бессмертному, проходя мимо ее дома, выпить ее вина; в залог уплаты он оставил ей „Книгу чистой девы“ в пяти свитках. Открыв и познакомившись с его книгой, Цзи нашла в ней советы относительно питания жизненного принципа и интимного союза. Цзи тайком переписала главные из них, а затем, устроившись в отдельном доме, стала добрым вином залучать туда молодых парней и оставлять их ночевать, дабы на практике испытать книжные предписания. Так продолжалось 30 лет, лицо ее все молодело, словно было ей только 20. После многих лет появился тот же бессмертный. Он шутливо заметил Цзи: „Без учителя похищающий дао даже с крыльями не улетит“. Тогда она оставила семью и последовала за бессмертным. Никто не может сказать, куда они ушли». Само собой разумеется, что партнерш, которые сами практикуют техники, направленные на достижение бессмертия, мужчинам рекомендовалось избегать.

Важным считался день, в который происходит соитие. Так, например, нельзя было практиковать дао любви в последние дни лунного месяца или в пятнадцать дней, которые предшествовали зимнему и летнему равноденствию. Даосы придавали значение даже погоде: соитие запрещалось во время ливней, сильного ветра, грозы. В трактатах есть и курьезные на взгляд современного человека советы. Так, например, патриарх Пэн-цзу запрещал заниматься сексом во время землетрясений. Рельеф местности тоже играл роль. Существовал запрет на соитие возле рек и гор. Неприемлемым считался секс возле алтаря бога земли. Не подходило и место, где был очаг. Не следовало практиковать секс с целью омоложения и достижения бессмертия в состоянии опьянения или после плотной еды. Сильные эмоции — гнев, страх, радость, грусть — тоже считались помехой.

В период правления династии Тан (618–907) даосизм испытал сильное влияние буддизма. Традиция пестования жизненности была чужда буддизму. В отличие от даосов, буддийским монахам было не просто запрещено прикасаться к женщине, но даже смотреть на нее. Это связано с тем, что земные привязанности, в том числе к женщине, как считают буддисты, мешают достичь нирваны. Существует притча, которая хорошо показывает, насколько опасен для буддийского монаха контакт с женщиной. Как-то раз, направляясь по своим делам, два буддийских монаха увидели на берегу небольшой речушки прекрасную девушку. Она боялась перейти речку вброд и очень нуждалась в помощи. Сердце одного из монахов дрогнуло. Нарушив запрет, он взял девушку на руки и перенес на другой берег. Попрошавшись с незнакомкой, монахи продолжали свой путь. Второй монах был недоволен, он размышлял, не совершил ли его товарищ ошибки, пожалев прелестницу. В конце концов он не выдержал: «Зачем ты перенес ее? Ведь нам нельзя прикасаться к женщине!» — воскликнул он. Первый монах был абсолютно спокоен. «Да, я перенес ее и оставил на берегу, а ты все еще несешь ее с собой», — отвечал он. Для буддиста более важно то, что происходит в его голове, чем в его теле, но соблазн тела искушает и дух.

Но представление о сексе, как о чем-то необходимом, полезном и помогающем обрести бессмертие, сохранились у даосов даже тогда, когда именно под влиянием буддистов в VII в. у даосов появился институт монашества. Сексуальные практики остались не только в миру, но и в монастырях. Так, например, вплоть до XII века в даосских монастырях практиковались оргии, восходящие к празднествам, которые назывались «истинное искусство уравнивания воздуха» (чжун ци чжэнь шу) или «соединение воздуха» (хэ ци, хунь ци). Эти ритуальные оргии проводились, как ни странно это звучит для человека западной культуры, с целью очищения и избавления от греха.

Исторические сочинения рассказывают о монахах-завсегдатаях публичных домов. В

крупных городах некоторые куртизанки специализировались в даосских эротических приемах.

Даосский секс как практика омоложения и оздоровления организма популярен до сих пор. Однако против даосского секса активно протестуют современные медики — по мнению большинства врачей, забавы древних китайцев чреваты проблемами со здоровьем. Да и сами даосы еще в древности предупреждали, что заниматься такими сексуальными практиками можно далеко не всем — важнейшую роль играет возраст и состояние организма.

И тем не менее, стоит сказать несколько слов в защиту не практик как таковых, а самого отношения к сексу, который даосы, в отличие от буддистов или христиан, не признавали греховным. Автор популярных современных книг, посвященных даосским сексуальным практикам, Йолан Чжан во всех бедах современного человека винит неправильное отношение к любви и сексу. Это трудно не признать справедливым, с точки зрения психоанализа он абсолютно прав. Присущее даосам отношение к сексу как к процессу, необходимому для физического и психологического здоровья, подкупает так же, как и наличие еще две тысячи лет назад добротной литературы о сексе или отсутствие в Древнем Китае садизма и мазохизма.

Конечно, современный человек, даже практикующий дао любви, уже не думает о бессмертии. Даосизм постепенно менялся. Представления о бессмертии сблизились с буддийскими. А буддизм говорил, что бессмертие тела не имеет смысла, ведь сознание крутится в бесконечном цикле перерождений. Даосы больше не боялись смерти. Постепенно угасают школы, основной целью которых было достижение бессмертия. Но исчезла ли вера в то, что бессмертие возможно? И перестали ли о нем мечтать? Трогательные истории об умершей возлюбленной, вернувшейся в этот мир, или покойном учителе, который пришел, чтобы вовремя дать добрый совет, были популярны в народе, но постепенно люди перестали принимать их всерьез. Так в начале XVIII века Пу Сун Лин, автор знаменитой книги «Монахи-волшебники», долго извиняется перед читателем за то, что собирается поведать ему подобную чепуху, и лишь потом рассказывает историю.

ЛЕКАРСТВО ОТ СЕМИДЕСЯТИ ДВУХ ЯДОВ

Даосским монахам не удалось создать эликсир бессмертия, но волшебный напиток, дарующий людям бодрость уже несколько сотен лет, в Китае все-таки изобрели.

По одной из версий, целебные свойства чая открыли буддийские монахи. Именно они первыми стали культивировать это растение при монастырях.

Существует и легенда о появлении чая. Она связывает появление чая с буддийским патриархом Дарумой, который проповедовал и жил в Китае в V в. Дни и ночи Дарума не смыкал глаз — все время он проводил в молитвах и размышлениях. Но однажды он все же заснул, нарушив обет. Проснувшись, проповедник вознегодовал на себя, отрезал веки, закрывшие глаза, и бросил их наземь. На том месте, куда они упали, вскоре вырос куст чая. Патриарх первым вкусил напиток бодрости, приготовленный из листьев этого куста, и завещал пить чай потомкам. (Любопытно, что слова «чай» и «веки» в китайском языке обозначаются одним и тем же иероглифом.)

Еще одно предание гласит, что чай открыл в незапамятные времена Божественный Земледелец — Шень Нун, которого почитают ныне как отца фармакологии и бога медицины. Шень Нун собирал и изучал разные травы, при этом испытывая их на себе. Ему было очень удобно наблюдать за их действием, так как его живот был прозрачным. Как-то раз он нашел дерево с нежно-зелеными листьями, терпкими на вкус и источавшими дивный аромат. Конечно, это был чай. Вскоре чай пригодился Шень Нуну. Божественный Земледелец использовал его в качестве противоядия, когда из ста попробованных им трав 72 оказались ядовитыми, поэтому чай называют иногда лекарством от 72 ядов.

О том, насколько была распространена культура чая в Китае, известно из документов, оставленных путешественниками-арабами. Заморские гости подробно описали и напиток, и

саму церемонию чаепития. Со временем этот напиток стали употреблять не только в императорских дворцах. Чай стал очень выгодным товаром. А вот способ его выращивания и производства китайцы долго держали в секрете.

Вначале чай был сакральным, ритуальным продуктом. Потом его стали употреблять как лекарственное средство. Китайцы заметили, что чай не только утоляет жажду, но и повышает сопротивляемость организма, снимает усталость, стимулирует обмен веществ, нормализует деятельность пищеварительной системы, обладает противовоспалительным действием и многое другое. Китайцы верят, что любой качественный чай помогает «от тьмы болезней».

Еще позже чай стали использовать как напиток, сначала, как мы уже говорили, при китайском императорском дворе, потом по всему Китаю, а затем и по всему миру. Из Китая чай попал в страны Юго-Восточной Азии. Потом по Великому шелковому пути путешественники привезли его в Европу. Вначале чай здесь был диковинкой и стоил невероятно дорого. Тем не менее он становился все более популярным. Особенно полюбился согревающий напиток жителям Туманного Альбиона. В Россию чай впервые попал в 1638 г. при царе Михаиле Федоровиче, но всеобщую любовь завоевал лишь в XIX в., когда в моду вошли семейные чаепития с медом и сладостями.

А для китайцев чай всегда был не просто напитком. Самое известное сочинение, посвященное чаю, — это «Книга чая», или «Ча-цзин», принадлежащая перу буддийского монаха по имени Лу Юй (VII в. н. э.). Лу Юй систематизировал знания о чае во всех областях его применения.

Большим любителем чая был император Цянь Лун (1736–1796). Ему принадлежит знаменитая фраза: «Государь даже один день не может обойтись без чая». Цянь Лун серьезно занимался изучением различных сортов чая, разнообразной чайной посуды, качеств воды. Император даже написал стихотворение, в котором выразил свое впечатление от чайной плантации в местности Шифэн: «Созерцая сбор чая, пишу песню».

Китай — родина знаменитой чайной церемонии. Так что же такое чайная церемония как таковая? И чем она отличается от чаепития, медитации или чайной терапии?

Культура употребления чая в Китае удивительно многогранна и включает в себя множество разных школ. Важно все: технология сбора, способ обработки чайного листа и производства чайной посуды. Эта поистине живая традиция выработала множество способов заваривания чая. Каждый из них предназначен для той или иной цели.

Появилось не только чаепитие на каждый день, но и изысканные варианты для исключительных случаев. Именно их на прозаичном и вечно спешащем Западе стали именовать «церемонией», поскольку такие чаепития рождали в человеке особые возвышенные и даже торжественные чувства. По-китайски же это чайное действие называется гун-фу-ча — «высшее мастерство чаепития». Для гун-фуча пригодны только улунские (бирюзовые) чаи.

Секрет чайной церемонии в том, что она соединяет людей в некоем совместном ритуализованном действе. Считается, что энергия чая придает ясность мыслям и четкость движениям. Люди искусства любят чайное действие за то, что оно настраивает на возвышенно-поэтический лад. Беспокойных оно успокаивает, а уставших бодрит. Чай исцеляет душу и тело, проблемы и заботы уходят, в душе воцаряется мир и покой. Можно сказать, участники церемонии «дышат в ритме чая» — взаимодействия листа чайного дерева, правильно приготовленной воды, огня, посуды и почтительного внимания к мелочам.

Как же проходит знаменитая чайная церемония? Сначала заваренный чай наливают в кувшинчик через ситечко. Из кувшинчика разливают по высоким чашечкам (они называются вэнсябэй). Важно, чтобы у всех был чай одинаковой крепости, поэтому все чашечки сначала заполняются примерно на четверть, потом еще на четверть и еще. В итоге все высокие чашечки должны быть заполнены на три четверти. Потом их накрывают, как крышкой, питьевыми чашками — чабэй. Получаются этакие «грибки», которые нужно перевернуть. Опытные участники церемонии умеют совершать эту сложную манипуляцию одной рукой.

Когда чашки перевернуты, высокие вынимают из низких и переливают в них чай. Но высокие чашки тоже не спешат отставить в сторону — ведь в них концентрируется аромат чая, который, собственно, и нужно вдыхать, по традиции засовывая нос в чашку. Из питьевой чашки чай пьют маленькими глоточками. Следующий шаг: снова нюхают вэнсябэй и пьют из чабэй, пока чай не закончится. Когда чай выпит, всё начинают сначала. Вся процедура чаепития повторяется до тех пор, пока чай не потеряет свой вкус и аромат.

Современные китайцы, в отличие от кофеманов-европейцев, пьют чай несколько раз в день. Самый дорогой чай выращивают в провинции Фуцзянь. Это чай от пяти чайных деревьев, возраст которых около пятисот лет. Эти деревья растут высоко в горах, на самом обрыве, поэтому собрать такой чай весьма непросто. История умалчивает о том, кто же посадил эти деревья.

В Китае истинные ценители не пьют чай моложе 15 дней — считается, что он очень сильный и поэтому «опьяняет». Не ценится также чай старше нескольких месяцев, так как он потерял жизненную силу: «Чай не вино, чем старше, тем хуже».

Китайцы утверждают, что свежий чай на ощупь «мягкий и живой», в то время как старый — сухой и легко растирается в порошок. Свежий чай при заваривании дает яркий чистый аромат и не имеет посторонних запахов.

Первый чай собирают в апреле. Собирая чай, китайцы срывают самые молодые листья — по два-три с вершины каждого куста. Этот чай называется цветочным. Традиционно считается, что весной более полезен цветочный чай. Летом лучше пить зеленый, осенью — улунский. А вот зимой можно иной раз побаловать себя черным (красным). Китайцы верят, что, если правильно пить чай, можно разбогатеть.

Даосские монахи, в отличие от буддийских, считаются «отцами» совсем другого напитка. Это они научились гнать спирт и изготавливать крепкие алкогольные напитки еще в XII веке. Об этом свидетельствует находка археологов в провинции Хубэй — самый древний в Китае самогонный аппарат. Конечно, монахи преследовали иную цель, с помощью аппарата они изготавливали целебные бальзамы и настойки.

МОНАХИ-ВОИНЫ

Термин «ушу» в переводе с китайского означает «боевая техника», или «воинское искусство». Этот термин существует с начала XX века, а раньше использовались термины другие, например «цзицзи» («техника ударов»), «цзи-цяо» («техническое искусство»), «цзиюн» («герой техники»), «цюаньшу» («кулачная техника»), «цюаньюн» («кулачные герои»). Последнее из этих названий (цюаньюн) — самое древнее, оно упоминается в «Книге песен» («Шицзин»), датируемой XI–XII вв. до нашей эры.

Безусловно, самый «раскрученный» монастырь, в котором практиковали ушу, конечно, Шаолинь. Благодаря Голливуду и Брюсу Ли, о нем знают все от мала до велика.

Шаолинь расположен недалеко от города Лояна в живописной горной долине. Само собой разумеется, его посещают толпы туристов. Не чуждый коммерции, монастырь, тем не менее, все-таки скрывает кое-что от посторонних глаз. Так, например, туристов не пускают к статуе Будды, возвышающейся на одной из горных вершин.

Недалеко от монастыря расположена обитель великого китайского поэта Ли Бо, которого другой знаменитый актер, Джеки Чан, считает родоначальником особого стиля кунг-фу под названием «Пьяный дракон».

Еще одна его достопримечательность — Лес пагод. Двести сорок шесть каменных пагод, которые и составляют этот «лес», посвящены самым выдающимся монахам — мастерам кунгфу, — жившим в монастыре Шаолинь в разное время. На современных пагодах изображены корабль, поезд, автомобиль и ноутбук — монахи Шаолиня отнюдь не дикари и стараются не отставать от жизни.

Кто же придумал шаолиньское ушу?

Сразу за главными воротами туристы могут увидеть золоченую статую под стеклом.

Этот добродушный улыбчивый толстяк, позднее обожевленный, был когда-то бродячим монахом из Индии. Китайцы произносили его имя, как Бато, и дали ему прозвище Милэ Фо, то есть Счастливый Будда. Это отец знаменитого монастыря. В 495 г. по приказу императора Вэй Сяовэя он основал на склоне горы Шаошишань небольшую буддийскую обитель, которую назвали Шаолинь, что означает «Стоящая в лесной чаще».

Но шаолиньское ушу по легенде появилось благодаря другому человеку — двадцать восьмому буддийскому патриарху Бодхидхарме, основателю чань-буддизма. Он пришел в Шаолинь в VI в. Здесь Бодхидхарма нашел подходящую пещеру и погрузился в медитацию. Целых девять лет он пребывал в медитации, и его тень осталась на камне, который до сих пор хранится в монастыре. Проведя в неподвижности девять лет, Бодхидхарма больше не мог ходить — его ноги атрофировались. Чтобы восстановить мышцы, он разработал специальные упражнения, подражающие движениям животных. Так и родилось шаолиньское ушу.

От Бодхидхармы ведут свое происхождение многочисленные чаньские военно-прикладные дисциплины, которые составили в конце концов так называемые «72 воинских искусства». В древнем трактате говорится: «В парчовом мешочке хранятся 72 драгоценных искусства. Восемнадцать из них — трактат кулачного боя, в других восемнадцати описываются методы владения оружием. Остальные посвящены овладению ци, упражнениям на твердость и мягкость, приемам захватов...».

Бодхидхарма предписал монахам сочетать физические упражнения с практикой молчаливого созерцания. Медитация считалась необходимой частью занятий, поскольку монах должен был достичь эмоциональной нейтральности. Буддисты считали, что причина всех человеческих страданий кроется в наличии семи страстей и шести желаний. Под семью страстями они понимали радость, гнев, печаль, страх, любовь, ненависть и вожеление. В желаниях виноваты шесть корней: ими являются глаза, уши, нос, язык, тело и ум. Буддисты воспитывают в себе также состояние отделенности от четырех пустот: земли, воды, огня и ветра. Они верят, что такая практика обеспечит им возможность сохранять независимость духа, а это, в свою очередь, поможет им вырваться из цикла непрерывных перевоплощений.

Также Бодхидхарме приписывают авторство знаменитого трактата «Ицзинь-цзин». По свидетельству автора одного из предисловий к этому трактату — травника Ли Цзина — дело было так:

«Во времена вэйского императора Сяомина в годы Тай Хэ великий учитель Да Мо прибыл в Вэй из Лян и сидел лицом к стене в Шаолиньском монастыре. Однажды он обратился к своим ученикам и сказал: „Почему бы вам не описать то, что вы знаете, а я расскажу вам о том, чего вы достигли“. Тогда каждый из учеников описал, что он практиковал. Учитель сказал: „Вы овладели моей кожей, вы овладели моим мясом, вы получили мои кости“. Одному Хуэйкэ он сказал: „Ты получил мой костный мозг“...».

Через 9 лет постижение было достигнуто, он умер и был похоронен у подножия горы Медвежье Ухо. Как говорится, «оставил свои туфли и ушел». Позднее ветер и дождь разрушили стену, перед которой он сидел. Шаолиньские монахи стали ремонтировать ее и обнаружили металлическую шкатулку. Шкатулка не была запечатана или заперта, но сотни способов не помогли ее открыть. Один из монахов сообразил, в чем дело, и сказал: «„Все дело в прочности клея. Нам следует воспользоваться огнем“». После этого шкатулка была открыта. Оказалось, что шкатулка была залита воском, из-за которого и не открывалась. Из этой шкатулки и достали монахи „Ицзинь-цзин“».

Как явствует из самого названия «Трактат об изменениях в мышцах», основная цель практики, рекомендуемой Бодхидхармой, состоит в активизации, развитии и укреплении слабых и дряблых мышц, а также в улучшении эластичности сухожилий, что при постоянном самоконтроле приводит к слиянию в гармоничном единстве физической силы и духа. А это в свою очередь помогает поддерживать здоровье и замедляет старение физического тела.

Однако есть и другая версия появления трактата: и сам трактат, и предисловия к нему

были написаны в 20-х годах XVII в. Его множество раз переписывали от руки и к XIX в. он стал широко известен в Китае. Затем он попал в Шаолинь, где был отредактирован и принял тот вид, в котором известен сейчас.

Как же жили монахи в этом легендарном монастыре?

Жизнь Шаолиня была подчинена строгим правилам. Монахи вставали очень рано — в пять часов утра. После утреннего туалета они приступали к медитации, которая продолжалась обычно два часа и символизировала девятилетнее сидение Бодхидхармы у стены. Медитировали они во дворе монастыря, причем независимо от времени года, борясь как с холодом, так и со сном. Но спать им, конечно, не полагалось, поэтому несколько старших монахов в это время прохаживались между своими отрешенными братьями и бдительно следили за тем, чтобы их отрешенность не перешла в дремоту. Если же кто-то проявлял слабость и все же засыпал, его будили двумя ударами палок по плечам. Ударами палок наказывали и за посторонние мысли во время медитации. Монах, которого таким образом наставили на путь истинный, должен был поклониться и поблагодарить братьев за заботу. (Существовало даже поверье, что встретив человека в одежде шаолиньского монаха, нужно непременно ударить его. Если это настоящий монах, то все равно промахнешься, если попался новичок, то он будет только благодарен за науку, а если это вовсе не монах, то будет ему урок — не следует рядиться в одежды, которые тебе не положены.)

После медитации монахи тренировались. Они выполняли специальные дыхательные и физические упражнения. Некоторые из них были рассчитаны на начинающих, другие же были под силу только хорошо подготовленным. Эти упражнения оздоравливали и закаляли монахов. За упражнениями следовали водные процедуры и массаж. Монахи обливались холодной водой из протекавшей поблизости горной реки. Массаж выполнялся по особым методикам. Иногда во время массажа использовали различные мази. При этом во время массажа новичкам открывали секреты приготовления и применения этих снадобий. Монахи знали, как можно залечить открытую рану кашицей из луковиц нарцисса и травы «гусиные лапки» или как вылечить ожог с помощью конопляного масла с танином. Шаолиньским монахам, по слухам, были известны не только рецепты лекарств, они прекрасно разбирались и в приготовлении всевозможных ядов.

Только после медитации, тренировки, водных процедур и массажа монахам наконец разрешалось поесть. За завтраком ели монахи немного, но пища была сытной. После завтрака наступало время изучать каноны. Тексты священных книг и комментарии к ним послушники изучали под руководством наставника. Многого следовало выучить наизусть. При этом наук, которые проходили монахи, было великое множество. Они изучали и философию, и ораторское искусство, и основы права и медицины, и многое другое.

Насытив разум, можно было приступать к занятиям ушу. Занятия проводили либо в зале, либо во внутреннем дворе монастыря, куда никто из посторонних проникнуть не мог.

Монахи выстраивались рядами, причем место каждого определялось его статусом в иерархии монастырской общины. Занятия ушу начинались с чтения молитв. Тренировкой руководил опытный наставник по боевым искусствам и его помощники. Монахи многократно повторяли каждое движение и каждую серию движений, так как знали, что лишь терпение и упорный труд помогают достичь совершенства.

Обедали монахи в полдень. Питание в монастыре было вегетарианским и строго сбалансированным. Меню варьировалось в зависимости от времени года, но в обязательном порядке включало блюда из злаков, масличных культур и бобовых. Кроме того, монахи ели очень много овощей. Меню составляли опытные монастырские повара. В их обязанность входило следить за тем, чтобы пища была не только питательной, но и вкусной. В рацион монахов включались и «пищевые добавки» — лекарственные травы и корни. Шаолиньские кулинарные рецепты славились не меньше, чем приемы самого ушу.

После обеда монахам позволяли немного отдохнуть. Восстановив силы, они были готовы снова заниматься ушу. Послеобеденные занятия проходили иначе, чем утренние. Все монахи разбивались на три группы. Новичкам полагалось для начала под руководством

опытного наставника изучить основные стойки, удары и блоки.

Монахи, изучившие основы мастерства — их в Шаолине называли «опоясанные веревкой», — занимались в группах по четыре человека. Каждую четверку тренировал отдельный наставник. «Опоясанные веревкой» отрабатывали комбинации приемов, изучали тактику и принципы ведения боя. Они совершенствовались во «внутреннем» и «внешнем» искусствах. «Внешнее искусство» — физические упражнения — развивало силу, ловкость, выносливость, укрепляло мышцы и сухожилия, ударные поверхности рук и ног. «Внутреннее искусство» было направлено на использование внутренней энергии ци.

Опытных мастеров тренировал лично главный наставник по боевым искусствам. Предела совершенству нет, и опытные мастера занимались поиском новых эффективных приемов и связок. Кроме того, они изучали особые, секретные приемы. В Шаолине считали, что удар следует наносить не силой, а энергией. Более того, монахи Шаолиня якобы научились превращать энергию чуть ли не в физическую броню, которая защищала их от оружия, а также наносить удары, не касаясь противника. Как? Об этом знают только в Шаолине.

Через некоторое время все монахи объединялись, чтобы подвести итог, и демонстрировали наставникам то, чему научились за день. Каждому хотелось выглядеть как можно лучше в глазах братьев и наставников. Если кто-то из монахов уж очень хвастался, то наставнику полагалось привести в чувство зарвавшегося ученика парой ударов. Опытные монахи давали «мастер-классы». Иногда в этих схватках участвовал сам патриарх. Конечно, он был лучше всех. Так патриарх Линь Во сразился с тридцатью опытными мастерами и не получил ни одного серьезного повреждения.

После тренировки монахи ужинали и затем, наконец, получали глоток свободы. Но многие использовали это время для дополнительных тренировок. Потом монахи снова медитировали, после чего отходили ко сну. Ночью монастырь охраняла стража. В ее обязанности входило не только следить за тем, чтобы никто посторонний не проник в монастырь, но и приглядывать за самими монахами. Некоторые из них норовили ночью пробраться в поселок слуг, где жили не только мужчины, но и женщины. Конечно, пойманного монаха наказывали. Были и такие, кто продолжал тренировки ночью — ведь они пришли в Шаолинь для того, чтобы научиться мастерству.

По преданию, монах овладевал искусством Шаолиня только через 10–15 лет. Чтобы доказать свое мастерство, он должен был сдать экзамен. Причем проверяли не только знание ушу. Монах должен был продемонстрировать знания по истории монастыря, каноническим книгам, по истории шаолиньского воинского искусства. Затем ему полагалось провести бой с одним противником, потом — с несколькими. Монах должен был уметь биться не только с оружием, но и голыми руками. Иногда экзамен заканчивался травмой, тогда испытуемый попадал в монастырскую больницу, где опытные лекари ставили его на ноги.

Наконец, самым серьезным испытанием считалось прохождение легендарного «коридора смерти». По некоторым сведениям, монах брал с собой оружие. По другим — он не был вооружен. Коридор смерти был специально затемнен, чтобы сложнее было преодолевать все препятствия. В этой страшной галерее были установлены 108 манекенов. Манекены приводились в движение тайными механизмами, которые соединялись с половицами в коридоре. Как только монах наступал на такую половицу, скрытый в темноте манекен тут же наносил удар. Чтобы пройти по галерее, испытуемый должен был отразить направленные в голову и в грудь острия мечей или увернуться от них, что было еще опасней, поскольку неверный шаг приводил в действие новый манекен, а иногда сразу два или три. Каждый пропущенный удар грозил смертью или увечьем. Конечно, далеко не всем удавалось пройти этот путь. Кроме того, двигаться по коридору надо было очень быстро: согласно правилам, испытуемый должен был достичь конца коридора раньше, чем догорит свеча. Миновав манекены, монах приближался к овальной двери в конце коридора. Здесь выход во двор преграждало последнее препятствие — огромный тренажник весом около 200 килограммов с раскаленными углями внутри. Чтобы покинуть эту «пещеру

неожиданностей», надо было поднять и переставить его (по другим источникам — отодвинуть, нажав предплечьями, после чего на руках оставались выжженные изображения дракона и тигра — своеобразное клеймо. В китайской классической литературе «битва дракона с тигром» — это метафора смертельной схватки. Клеймо Шаолиня было доказательством мастерства монаха.

О шаолиньских монахах слагали легенды. Как же еще можно воспринять рассказ автора еще одного предисловия к «Ицзинь-цзин» — путешественника Чжан Юэфэня, который повествует о встрече с удивительным человеком, познакомившим его с «Ицзинь-цзин»:

«Я спросил: „Куда идете?“ Он сказал: „Цзяо Лао собирается проведать учителя своего учителя“. Я опять задал вопрос: „Что он умеет делать?“ Он ответил: „Духовная смелость“. Я спросил: „Что такое духовная смелость?“ Он сказал: „Сложенные пальцы могут проникнуть в желудок коровы, ребро ладони может отсечь корове голову, кулак способен разрубить грудь тигра. Если вы не верите, попробуйте, пожалуйста, на моем животе“. Тогда я предложил одному более сильному человеку нанести чужестранцу удары деревянным, каменным и металлическим стержнями. Казалось, ничего не произошло. Тогда я воспользовался длинной веревкой, чтобы связать его яички и привязать их к колесу телеги. Он потащил телегу и пошел, будто побежал. Тогда я связал его ноги и попросил, чтобы пять или шесть сильных человек потащили его, но они не смогли сдвинуть его. Все были потрясены и сказали: „Вот это да! Вы получили это от Неба или научились у человека?“ Он сказал: „От человека, не от Неба“.

Я спросил, какая от этого (т. е. от духовной силы) польза? Он сказал: „Способность отгонять болезни — раз. Никогда не болеть — два. Всю жизнь быть сильным — три. Не бояться голода и холода — четыре. Больше мужских качеств, ума и красоты — пять. Сотни побед в постельных боях — шесть. Умение достать жемчужину из мутной воды — семь. Умение без страха встречать любое нападение — восемь. Успех в работе без задержки — это девять. Но это все малые выгоды. Использовать это как основание для вхождения в Дао буддовости — вот конечная цель“. Я спросил, кто его учитель. Он сказал: „Мой учитель — монах, а его учитель — бессмертный. Они передали науку со всеми ее правилами“. После этого он достал книгу и дал нам ее прочесть».

Здравомыслящему современному человеку трудно поверить в подобные сказки. И тем не менее отрицать, что монахи Шаолиня многое умеют, не может никто. Но всё же, зачем монахам — представителям мирной, казалось бы «профессии», владеть боевыми искусствами?

В отличие от других монастырей, Шаолинь принимал самых разных людей, например, монахов, не прижившихся в других местах. В его стенах находили приют даже разбойники и бандиты. И Шаолинь не прогадал — многие из них овладевали боевыми искусствами на высочайшем уровне.

Даже императоры были кое-чем обязаны шаолиньским монахам. Так в 620 г. Ли Шиминь, второй император династии Тан, спасаясь от мятежника Ван Шичуня, упал в реку, протекавшую неподалеку от монастыря. Монахи не просто спасли его. Отряд, состоящий из тринадцати монахов, разгромил мятежников, а самого Ван Шичуня взял в плен. Император не забыл монахов. Монастырю были подарены земли и дано позволение содержать собственные войска. Также Ли Шиминь разрешил монахам отныне пить вино и есть мясо. (Именно эта история легла в основу знаменитого китайского фильма «Шаолиньский монастырь».) Шаолиньские монахи участвовали во множестве войн на территории Китая, и всегда тот, кому они помогали, становился победителем.

Традиционно с монастырем Шаолинь связывают так называемые Звериные стили, в частности, стили Тигра, Дракона, Леопарда (Барса), Змеи и Журавля.

В основе Звериных стилей лежали движения животных. Каждое из пяти животных обладало какими-то полезными качествами, которые монахи использовали. Четыре из этих животных были абсолютно реальными. Но как же копировать движения дракона, которого

никто никогда не видел? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к притче.

Настоятель одного буддийского монастыря велел монаху нарисовать дракона для украшения храма. «Но как же я смогу сделать это, если я никогда не видел драконов?» — спросил монах. Однако делать нечего — сам настоятель приказал. Но монах никак не мог взяться за кисть. Он все время удивленно повторял: «Ну как же мне нарисовать дракона, если я не видел его?» Так он ничего и не изобразил, пока на окно его комнаты не сел дракон. Дракон сказал: «Вот я, рисуй». Но бедняга монах настолько испугался, что упал в обморок. А когда он пришел в себя, дракон уже улетел. А как он выглядел, монах от страха не запомнил. Так и не смог монах нарисовать дракона, ведь он не видел дракона сердцем. А то, чего мы не видим сердцем, мы, даже встретив, не сумеем разглядеть. Доверять надо не своим глазам, а авторитету наставника, который от своего наставника точно знает, как ведет себя дракон.

Все стили были направлены на использование не только физической силы, но и энергии ци. Надо использовать не силу, а энергию — так учили в Шаолине.

Сегодня при Шаолиньском монастыре действует множество школ ушу. Древнее боевое искусство изучают несколько тысяч студентов. Кроме того, вокруг монастыря есть частные школы, куда принимают иностранцев. Знающие люди утверждают, что учиться в них абсолютно бесполезно. И дело не в том, что их хозяева непременно окажутся шарлатанами. Просто ушу нельзя изучить за короткий срок. Это не только боевое искусство. Ушу — образ жизни, требующий истинно монашеского смирения.

А что же даосы? Неужели они отстают от своих собратьев-буддистов?

Самый известный центр даосского ушу находится в овеянных легендами горах Удан-Шань в северо-западной части центральной провинции Китая Хубэй. Издревле в горах Удан-Шань было много даосских монастырей, в которых практиковали не только боевые искусства и цигун, но и алхимию. Название Удан-Шань переводится как «Гора великой гармонии».

Горы Удан-Шань славятся красотой. Разнообразные по форме, 72 их вершины завершаются дворцами и даосскими храмами, гармонично вписанными в природный ландшафт. Главный пик Удан-Шань — гора Тяньчжунфэн — вздымается ввысь на 1600 м. На ней находится главная достопримечательность этих гор — Золотой павильон. Это уникальное сооружение высотой более 5 м на самом деле сделано из позолоченной бронзы и покоится на нефритовом фундаменте. Золотому павильону более 600 лет. На его постройку ушло 20 т меди и 300 кг золота. Это самое большое здание из бронзы в Китае — излюбленное место не только туристов, но и паломников, приходящих сюда испросить себе счастья и благополучия.

По приказу одного из императоров династии Мин 600 лет тому назад в горах Удан-Шань начались строительные работы, невиданные по своему размаху... По преданию, каждый день на работу выходило по 300 тыс. местных жителей, мастеров и строителей. За десять лет было построено более 30 архитектурных ансамблей. В 1994 г. они были включены ЮНЕСКО в Каталог мирового культурного наследия.

Монахи, населяющие Удан-Шань, полны спокойствия и умиротворения, как и подобает истинным даосам. Но их миролюбивый вид отнюдь не свидетельствует о беззащитности. Многие из них — прекрасные бойцы. Создатель удан-шаньской ветви ушу — Чжан Саньфэн — жил во времена династии Северная Сун. По легенде, собственный стиль борьбы он придумал, наблюдая однажды за поединком птицы и змеи. Чжан Саньфэн пришел к парадоксальному выводу: оказывается, статическое состояние имеет преимущество над динамическим, а мягкость способна преодолеть твердость. Что же это может означать? Оказывается, в природе существует некая сила, обозначаемая в даосской литературе иероглифом «цзин». Это понятие не переводится с достаточной точностью на европейские языки. Речь идет о силе, которая является результатом... расслабления. Даосы различают несколько разновидностей силы цзин: «сила наступательная», «сила защитная», «сила прилипания», «сила скручивания», «сила растяжения» и др. Основная тактика при поединке

— избегать урона, следуя за противником. В таком случае сила противника станет твоей собственной. Действия противника надо либо повторять, либо предотвращать. «Он не двигается — я не двигаюсь; он двигается — я двигаюсь прежде него», — говорится в одной из старинных формул. Тренировка монаха, практикующего этот специфический вид борьбы, включает медитацию и овладение методиками дыхания. Закаляется не только тело, но и дух. Как и в любом виде восточных единоборств, сколь бы ни была важна победа над противником, значительно важнее победа над самим собой.

Откуда же черпали душевные силы терпеливые и храбрые китайские монахи? Как удавалось им годами жить, побеждая самого себя? Что же позволяло им творить чудеса, слухи о которых, пусть даже сильно преувеличенные, разошлись по всему миру? Ответ на этот вопрос, возможно, дает одна притча.

Жил однажды отшельник по имени Кай. Был он уже немолод и не отличался крепким здоровьем. Как-то раз остановились в его хижине на ночлег два путника. Ночью Кай нечаянно подслушал их разговор. Речь шла о правителе по имени Фань. По словам гостей выходило, что Фань владеет жизнью и смертью каждого жителя Поднебесной и даже звери, птицы и растения подвластны ему... Кай поддался искушению — ему очень захотелось увидеть такого необычайно могущественного человека. Он мечтал чем-нибудь ему пригодиться. Не думая о том, что всё сказанное о Фане может оказаться ложью, Кай отправился его искать. На дороге Кай увидел множество колесниц, в которых сидели важные вельможи — это Фань путешествовал со своими приближенными. Богачи посмеялись над Каем — ведь он был беден и плохо одет, однако взяли его с собой.

Вскоре они подъехали к высокой башне, и Фань приказал остановиться. Когда все поднялись наверх, одному вельможе пришла на ум дурная шутка. Он спросил, не решится ли кто-нибудь ради Фаня прыгнуть с башни. В награду смельчаку была обещана сотня золотых. Неискушенный в придворных забавах Кай не понял шутки. Он бросился вниз, и тут произошло чудо — неведомая сила сохранила Кая. Он остался цел и невредим.

А придворные продолжали развлекаться. Когда свита правителя подъехала к реке, приближенный Фаня предложил кому-нибудь достать со дна омута жемчужину. Конечно же, правитель щедро вознаградит верного слугу!

Нырнувший в омут Кай вновь остался жив — он нашел жемчужину и отдал ее Фаню.

Изумленный Фань приказал одеть Кая в лучшие одежды и обратиться с ним, как с вельможей. Кай поселился во дворце Фаня. Тот был добр к нему, но приближенные, помня о лохмотьях, в которых Кай предстал перед ними в первый раз, посмеивались над ним.

Через некоторое время случилась беда — в сокровищнице правителя вспыхнул пожар. Теперь уже сам Фань предложил Каю спасти из огня драгоценный шелк. Как ни странно, Каю и это удалось. Правитель пожаловал ему весь шелк в награду, а придворным стало не по себе, они решили, что Кай — великий маг. Наперебой просили они прощения у Кая не только за насмешки и оскорбления, но и за глупые шутки, из-за которых он рисковал жизнью. Вельможи умоляли Кая открыть секрет его дивного везения.

Один лишь Кай понял, что секрет прост — он был всемогущ потому, что верил им буквально! Всё, чего он хотел — это преданно служить Фаню и исполнять все его повеления. Теперь Кай чувствовал себя старым и больным, каким и был на самом деле. Он навсегда покинул дворец Фаня и вернулся в свою хижину.

Модные «штучки» и древние практики: астрология, гадание по «Книге перемен», даосский секс, восточные единоборства, чайная церемония... Монахи смеются над наивностью европейцев, пытающихся освоить всё и сразу. Восток — дело неспешное. Нужны годы, прежде чем что-нибудь поймешь (или почувствуешь?). Восток никогда никуда не спешит. Да и вообще, на Востоке нужно родиться. Признавая этот факт, авторы тем не менее считают, что порой даже легкого прикосновения к таинственной культуре Востока достаточно, дабы измениться к лучшему, наполнить новым смыслом судьбу человека, дерзнувшего приподнять покрывало неведения.

ЗАГАДКИ ЗАПРЕТНОГО ГОРОДА В СТОЛИЦЕ ПОДНЕБЕСНОЙ

Китай — удивительная страна, которая имеет многотысячелетнюю историю, это родина чая и шелка, фарфора и рецептов долголетия. Всем известно то, что Китаю принадлежат «четыре великих мировых открытия» — бумага, книгопечатание, компас и порох. Но это далеко не все, чем таинственный Восток может удивить и заинтриговать пресыщенный и торопливый Запад. Средневековый Китай, его культура, мифы, традиции — совсем другой мир, о котором мы знаем очень мало.

Главный город Китая — Пекин, его история насчитывает уже 3 тыс. лет. Это столица трех династий и 33 императоров. А главной достопримечательностью этого многоликого города является окруженная тайнами и мифами бывшая резиденция китайских владык. Отрезанный от остального города рвами с водой и высокими пурпурно-красными стенами, знаменитый Запретный город был центром Китайской империи, а в глазах самих китайцев — всего мира. Уже шесть столетий окруженный ореолом таинственности, надежно скрытый от чужих глаз, он способствовал рождению мифов об императорах и их быте. А мифы, как известно, — основа любой власти...

Этот город называют одной из самых больших загадок мировой истории. Закрытость жизни повелителей Поднебесной империи для европейцев, не посвященных и не могущих быть посвященными в ритуалы Внутренних покоев, только усиливала аромат тайны. Запретный город хорошо хранил свои секреты. Но что представляла собой императорская столица? И всегда ли был запретным Запретный город? Кто возвел его?

Один из парадоксов этого странного места связан с тайной переноса столицы и закладкой самого Запретного города. Известно, что основал город Чжу Ди (Чынцзу) император Юнлэ (1402–1424) из династии Мин, известный как самый «открытый» китайский император, активный деятель китайской эпохи Великих географических открытий. Он отправлял целые флотилии огромных кораблей, равных которым не было тогда в подлунном мире, «плавающих сокровищниц» с уникальными мореходными качествами и полностью оснащенных для дальних плаваний (не зря же китайцам принадлежит первенство в открытии компаса). Есть мнение, что китайские моряки доплыли до Америки, и карты, составленные ими, попав в руки европейцев, стали основой европейской эпохи Великих географических открытий. Но почему же император Юнлэ, открыв и описав полмира, внезапно сворачивает все исследования, в прямом смысле сжигает корабли, уничтожает архивы о путешествиях и строит Запретный город? Если бы не сохранившиеся отдельные документы и археологические находки, мир вообще бы ничего не узнал о китайской экспансии. С того момента все контакты Китая с окружающим миром оказались под строжайшим запретом, нарушителей ждала смертная казнь. Почему император Юнлэ так резко и необъяснимо пресек выход Китая в мир? Почему самый «открытый» китайский император внезапно возвел Запретный город и навсегда скрылся за его стенами? Что так шокировало его за пределами Великой Китайской стены, и есть ли ответы на эти вопросы?

ОБИТЕЛЬ СЫНА НЕБА

Так что же нам известно о Запретном городе? Первый императорский дворец Пекина появился на месте нынешнего Запретного города очень давно: еще при монгольской династии Юань здесь находился пышный дворец хана Хубилая. Небогатое наследие монголов не пережило недолговечной эпохи правления потомков Чингисхана. Сто лет по китайским меркам ничто, мгновение. Дворец Хубилая был полностью уничтожен сильнейшим пожаром. Ну а то, что пощадил огонь, было снесено по приказу второго императора династии Мин, так как император Юнлэ как раз перенес свою столицу из города Наньцзин в Пекин, и архитекторы должны были построить дворцовые сооружения, которые бы соответствовали величию императорской власти.

Итак, Юнлэ перенес столицу Китайской империи в Пекин и решил обзавестись дворцом, подобающим великому правителю. В 1406 г. началась грандиозная стройка. Дворец возводился на протяжении 15 лет силами миллиона простых строителей и 100 тыс. умелых мастеров резьбы по камню, дереву, художников и т. п.

В результате их усилий возникла одна из самых больших загадок мировой истории — Пурпурный Запретный город — крупнейший императорский комплекс в мире. Замкнутый кольцом стен высотой 10,5 м с могучими воротами, окруженный рвом с водой шириной 50 м, расположившийся на 72 га, он был центром Поднебесной. Кстати, один из императорских указов запрещал строить в Пекине здания, которые превышали бы высоту стен Запретного города: никто не смел заглянуть внутрь святой святых империи, никто не смел выглянуть наружу. Только в XVIII в. в Пекине стали строить более высокие дома.

Полное название императорской резиденции по-китайски звучит как Цзыцзинчэн — Пурпурный Запретный город. Позже появилось еще и название Гугун, означающее «дворец прежних правителей». Как нетрудно догадаться, пурпурным дворец назвали из-за цвета, которым были окрашены ворота и стены. Запретным городом — из-за того, что вход простым людям в него был закрыт.

Гугун — это целый мир, обособленный от жизни страны, мир богатый, пышный и строго регламентированный. Вся жизнь, протекавшая за высокими дворцовыми стенами, регулировалась многочисленными правилами и запретами. И если вход во дворец простым смертным был строго-настрого воспрещен, для избранных посторонних доступ открывался лишь изредка, по особо торжественным случаям и только до Павильона Высшей гармонии — зала приемов императора. Что происходило в остальных покоях, оставалось загадкой.

Запретный город на протяжении 500 лет был столицей Поднебесной, отсюда правили 24 императора династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911), притом последний китайский император Пу И покинул Запретный город только в 1925 г. Любопытно, что и без того широко известный Запретный город стал еще более популярен среди туристов после выхода на экраны знаменитого фильма Бернардо Бертолуччи «Последний император», который описывает жизнь и изгнание из Запретного города Пу И. Многим захотелось собственными глазами увидеть место, где происходили трагические события китайской истории, о которых повествует кинолента.

В Древнем Китае к архитекторам предъявлялись жесткие требования в отношении масштаба, планировки и назначения сооружений, поэтому дворцовый комплекс Гугун был построен в соответствии с ритуальными нуждами, а также политическими и идеологическими критериями феодальных правителей. Во всем, начиная от планировки и кончая архитектурными деталями, ощущается атмосфера безграничной власти императора.

Издrevле Пекин делился на Внешний и Внутренний город. Во Внутреннем городе жили только знатные феодалы, аристократы, а простому народу запрещалось там не то что селиться, но даже просто оставаться хотя бы только одну ночь. Поэтому те, кто попадали во Внутренний город по делу, с первым намеком на закат торопились покинуть его стены, иначе их ожидало скорое и суровое наказание. Весь Внутренний город принадлежал императору на правах частной собственности. Он жаловал дворцы, а иногда и целые кварталы своим придворным. Особенно щедро вознаграждались военачальники, вернувшиеся из победных походов. Ну а те, кто потерпел поражение или впал в немилость, вместе со своей свитой изгонялись из Внутреннего города: неудачникам здесь не было места.

Особой пышностью и роскошью отличалась центральная часть Внутреннего города — Императорский город и расположенный внутри него Запретный город. Запретный город был жилищем Сына Неба, как уже неоднократно подчеркивалось, и вход простым смертным в него был закрыт. Еще в начале XX в. на площадь перед императорским дворцом могли ступить лишь немногие высокопоставленные чиновники, причем только в парадном одеянии, и иностранные подданные. Стоять они должны были молча, затаив дыхание, дабы не нарушить священную тишину. Но и те счастливые, которые были допущены ко двору, не могли беспрепятственно передвигаться по резиденции: внутри Запретного города

существовали абсолютно недоступные территории — комнаты, где жила венценосная семья. Входить туда мог только сам император и слуги-евнухи. Но даже спустя 75 лет после того, как его покинул последний китайский император, он все еще остается Запретным, половина города по-прежнему закрыта для любопытствующих туристов и окружена ореолом таинственности.

Императорский дворец — сочетание просторных площадей и великолепных дворцов с лабиринтами узких переулков — до сих пор окружен древними легендами. Даже самые мелкие детали в них имеют тайный смысл и значение. Впрочем, как и все в Китае. Так, важную роль в повседневной жизни императора Поднебесной играли цифры. Любимое число китайских правителей — девять, и в Запретном городе его можно встретить буквально на каждом шагу. Девятка считалась императорским числом потому, что это последняя и самая большая цифра, за ней следует десятка — число Неба. Кроме того, девять (цзю) по-китайски созвучно слову «вечный», а любой император хотел, чтобы если не он, то хотя бы его династия правила до скончания веков. И даже если посчитать количество золотых заклепок на многих дверях Запретного города, у которых первоначально было вполне прагматичное назначение — скрывать гвозди, то в каждой линии — горизонтальной, вертикальной и даже диагональной — их всегда будет девять.

За широкими рвами и стенами Гугуна симметрично (и это не случайно, ибо только так велят законы гармонии) расположены дворцы, ворота, внутренние дворы, ручьи и сады. Здесь огромное количество помещений, в которых жили император, его женщины, слуги и евнухи. И число покоев тоже далеко не случайно, разве может случай вмешиваться в дела Сына Неба? Император решил было, что во дворце будет 10 тыс. комнат. Но стоило дать такое задание архитекторам, как во сне ему явился Нефритовый император. Он был разгневан: ведь в собственном дворце Владыки Неба было именно 10 тыс. комнат! Построить столько же для императора, живущего на земле, — значит посягнуть на авторитет небес.

Утром император Чжу Ди созвал высокопоставленных чиновников, чтобы обсудить пророческий (он в этом не сомневался) сон. Так было принято решение о том, что в Запретном городе будет 9999 с половиной комнат. Но, вероятно, строители в любую эпоху норовят схалтурить. И они, видимо, понадеялись на то, что количества комнат никто не сосчитает, главное, чтобы имелась значимая «половина комнаты». Поэтому сегодня благодаря древним жуликоватым мастерам в Запретном городе имеется 980 дворцовых сооружений, а в них «только» 8728 с половиной комнат. Половиной считается небольшая комнатуха на первом этаже дворца.

В соответствии с китайской традицией и законами фэн-шуй Запретный город четко расположен по оси север — юг и имеет прямоугольную форму. С каждой стороны находятся одни ворота. Фасады всех главных зданий обращены к югу: Запретный город как бы поворачивался спиной к враждебным силам севера. Со всех сторон Гугун окружен глубоким рвом. По углам стены расположились совершенно одинаковые сторожевые башни. Рассказывают, что архитектор долго не мог придумать для них совершенную форму, пока случайно не встретил на городском рынке торговца, продававшего сверчков в тростниковых коробочках. Вид вязанки из этих коробочек и навеял архитектору образы сторожевых башен, в которых стража, подобно сверчку, никогда не должна спать. Поэтому тайно пробраться в Гугун не мог никто. Однако это не уберегло в 1542 г. императора Ши Цзуна от покушения. Дело в том, что организовали его наложницы Сына Неба. Он слишком жестоко обращался со своими женщинами. В результате 12 самых смелых решили удавить спящего императора шелковым шнурком. Но шнурок запутался и весь план с треском провалился — разбуженная стража схватила несчастных женщин и их немедленно казнили. Здесь, кстати, была убита и сброшена в глубокий колодец Чжэньфэй — любимая наложница императора Гуансюя. Правда, произошло это по приказу императрицы-регентши Цы Си. Но все это уже совсем другая история...

Главный вход в императорский дворец — Врата Небесного Спокойствия

(Тяньаньмэнь). Они расположены вдоль северной стороны площади Тяньаньмэнь. Врата первоначально носили название Чэнтяньмэнь, или Врата Принятия Небесного Мандата. В 1457 г. их поразила молния, но восстановили их только в 1465 г. Во второй раз врата оказались разрушены в конце правления династии Мин. Во время смуты, сопровождавшей падение Мин, врата были очередной раз сожжены повстанцами крестьянской армии Ли Цзычэна. В 1651 г., уже при династии Цин, ворота восстановили и дали им имя, под которым они известны поныне.

Что такое пятый элемент, сегодня известно даже самому нерадивому школьнику. Но китайский взгляд на эту проблему не совсем совпадает со взглядами голливудских сценаристов. Китайцы верили, что, согласно теории «у-син», Вселенная состоит из пяти основных элементов: дерева, огня, земли, металла и воды. В соответствии с «у-син» и построен Гугун. Именно поэтому в южной части расположена деловая часть, а в северной — жилые покои, ибо согласно теории «у-син», юг принадлежит огню, а огонь рождает жизнь, то есть солнце. Поэтому отсюда нужно управлять страной. Север принадлежит воде. Вода же рождает луну, и поэтому жить лучше в северной части. Земля — желтый элемент и символ государственности, поэтому все крыши в Запретном городе желтые. Гугун окружен стеной длиной 3400 м. Стены и столбы красные — это цвет огня. Сочетание желтого и красного означает всеобщее благополучие. Вода присутствует в виде искусственного канала — Цзиньшуйхэ, или Золотой воды, расположенной сразу за главными южными воротами Умэнь, как и положено хранилищу тайн. Через Золотую реку переброшено пять ажурных мраморных мостиков, символизирующих пять конфуцианских добродетелей: доброту, ученость, верность, прямоту и уважение традиций. По центральному мосту мог проходить только сам император.

Сам императорский дворец разделен на Внутренний и Внешний дворец. Основные помещения Внешнего дворца, где император выполнял свои государственные функции, — Дворцы (или Павильоны) Тайхэдянь (Высшей гармонии), Чжунхэдянь (Полной гармонии) и Баохэдянь (Сохранения гармонии).

У южного подножия Ворот Высшей гармонии (Тайхэмень) установлены статуи двух львов. Лев с шаром символизирует власть императора над всей Вселенной, а львица со львенком — заботу о достойном наследнике престола. Но императорские животные не только львы. В истории культуры Китая безграничную власть императора олицетворяет также и дракон, поэтому на стенах и колоннах Павильона Высшей гармонии (Тайхэдянь) изображены драконы. Их число достигает 13 тыс.

С северной террасы Тайхэмень открывается превосходный вид на тронный зал китайских императоров — Павильон Высшей гармонии (Тайхэдянь). Это самое значительное здание Запретного города. Во всем Китае не было зала богаче и прекраснее этого. В этом дворце восседал на знаменитом золотом «Драконьем троне» император.

Использовался Павильон Высшей гармонии крайне редко и только для самых важных церемоний: вступления императора на трон, празднования дня рождения государя, праздника весны, зимнего солнцестояния, бракосочетания императора и утверждения результатов государственных экзаменов на высшие должности в стране.

Далее расположены два других помещения для церемоний: зал Полной гармонии, служивший для репетиций и подготовки к церемониалу, и зал Сохранения гармонии, в котором император принимал ученых, людей искусства и устраивал грандиозные банкеты для иностранных послов.

К северу расположился Внутренний дворец — частные покои императоров, их семей и придворных. Во Внутреннем дворце жили, играли, скучали, поклонялись богам император, императрицы, наложницы, принцы и принцессы. Основные помещения этой части Запретного города — залы Небесной чистоты, Согласия, Объединения и мира, Земного спокойствия. Там же находились библиотека, придворный театр, музей часов, Дворец мира и долголетия (по-нашему — дом для престарелых). Наложницы, число которых могло достигать нескольких сотен, тоже жили там. Правда, у них были довольно скромные

жилища, а еще им не разрешалось покидать дворец и выходить замуж даже после смерти императора. Наложниц выбирали специальные служащие из женщин очень знатных семей, для которых это было большой честью. Однако многие из этих девушек так и не удостоивались императорской близости. По сути, эти «счастливицы» всю жизнь проводили в заточении.

Сегодня во многих из этих комнат выставлены собранные императорами в течение веков сокровища, среди которых особо примечательна коллекция часов и марионеток. Но это только малая часть бывшего величия: в 1937 г. Запретный город был разграблен японцами, а в 1949 г. националисты вывезли очень многое оттуда на Тайвань.

Во Внутреннем дворце находятся три императорских сада — Долголетия, Доброты и Спокойствия, а также самый живописный из них — Юйхуаюань (Императорский сад), расположенный, согласно требованиям фэн-шуй, в самой северной части дворца. В прекрасном Императорском саду Юйхуаюань не так много растений. Акцент сделан на павильоны, беседки, бассейны и скалы. Императоры обычно писали здесь стихи, императрицы-матери устраивали смотрины будущим наложницам, а последний император Пу И занимался с учителями английским языком и математикой.

Императорские сады украшены статуями, каменными садами, прудами и водопадами. Здесь много небольших павильонов и беседок, каменных бассейнов и причудливых камней. На территории парков Бэйхай (Северное море) и Наньхай (Южное море) цепочкой с севера на юг вытянулись обширные озера, поросшие лотосом и окруженные разросшимися вековыми туями и соснами. Через парки в разных направлениях проложены дорожки, ведущие к красочным павильонам, разбросанным среди зелени. Эти прекрасные павильоны и названия имеют поэтические, например, «Павильон прозрачных струй и солнечных дней», «Беседка, откуда виден приход весны» и другие.

Читатель, мы надеемся, еще не забыл о сакральном числе 9. Но сакральный смысл имели не только числа, но и цветовые решения. Если смотреть на Запретный город с высоты Угольной горки — любимого парка императора, то можно увидеть желтые крыши и красные стены. Желтый и красный — главные цвета императорского дворца. В Древнем Китае красный цвет означал торжественность, богатство и почтение. Дворцы, выкрашенные в красный, возводились здесь еще 2 тыс. лет назад. Второй, самый важный китайский цвет, — желтый, цвет черепицы Запретного города.

Как уже говорилось, по верованиям «у-син», элемент земли, который обозначал центр, считался самым важным из всех элементов. Желтый — самый чистый из всех известных цветов, цвет земли — центра мироздания. Он символизировал высокое положение и сакральный ритуал. Если какой-либо чиновник или члены его семьи одевались в желтое или использовали этот цвет иным образом, например, в оформлении интерьера или покрывали свои дома желтой черепицей, их ждала суровая кара, вплоть до смертной казни вместе со всеми чадами и домочадцами.

Правда, есть в Запретном городе здание не с желтой, а с черной крышей — Вэньюаньге, Императорская библиотека. Черный — это цвет воды, которая побеждает огонь.

Так что черная крыша библиотеки, в которой хранилось множество легковоспламеняющихся книг, в соответствии с философией «у-син», должна была защищать от пожаров. А пожары были настоящим бичом Запретного города, построенного преимущественно из дерева. Горело все — стены, дворцы, покои. Например, однажды пожар случился от фонарей, которые зажгли по случаю дня рождения императора У Цзуна. Ворота Высшей гармонии последний раз дотла сгорели в 1888 г., в канун свадебной церемонии императора Дэ Цзуна. Впрочем, это не всегда помогало. Крупные пожары бушевали здесь в 1597-м, 1644-м, 1697 г. Последний крупный пожар произошел в Запретном городе уже после отречения от престола последнего императора династии Цин Пу И в 1923 г. Правда, считается, что тогда дворец подожгли евнухи, чтобы уничтожить следы воровства.

Дворец Гугун — это самый грандиозный и самый целостный древний архитектурный ансамбль в мире. Ни один элемент сложного декора, украшающего стены, колонны, потолки

и карнизы, не повторяется. Китайское ноу-хау сохранения аутентичности великого памятника истории и архитектуры — люди, с трепетом относящиеся к традициям и технике древних мастеров, которые соблюдаютя ими до последней мелочи. Многие из работающих на реставрации, потомки тех, кто в свое время строил императорский дворец. Согласно историческим записям, чтобы построить Гугун, чиновники династии Мин привлекли к работе более 100 тыс. мастеров-ремесленников и миллион рабочих. Все материалы для постройки Гугуна были привезены из разных мест Китая, в том числе и из юго-западной провинции Юньнань, которая удалена от Пекина на тысячи километров.

И сегодня мастера применяют веками используемые рецепты. При реставрации деревянных зданий не используются гвозди, при покраске обходятся без кистей: на протяжении столетий китайцы красили колонны с помощью шелковой ткани, обмакивая ее в краску и заворачивая колонны в ткань — три-четыре раза, пока не получался нужный оттенок.

Некоторые «тайны производства» давали пищу самым фантастическим версиям. Простой люд, который мог любоваться желтыми крышами императорской резиденции лишь с почтительного расстояния, слагал о том, что спрятано под этой крышей, самые разные легенды. Говорили, что полы во дворцах покрыты золотом, — и были недалеко от истины. Плиты цзиньчжуань делались не из золота, но стоили почти, как золотые. Производили цзиньчжуань недалеко от города Сучжоу — местная глина считалась лучшей в стране. При производстве плит нужно было следовать сложным и строго установленным правилам: выбор глины, придание формы, отливка, сушка в тени и, наконец, обжиг в печи. Это и было самым сложным. Сначала плиты в течение месяца коптились, обернутые в шелуху семян определенных растений, потом еще месяц обжигались с опилками, а последние 40 дней — с сосновыми ветвями. Процесс обжига занимал 130 дней, и стоимость каждой изготовленной по такому рецепту плиты составляла 0,96 талов серебра. В то время на эти деньги можно было купить 100 кг риса. Да и укладка этих необыкновенных плит была делом не менее сложным, чем их производство. Высококвалифицированный рабочий с двумя помощниками справлялся всего с пятью плитами в день. Каждая полировалась, подгонялась по размерам и вымачивалась в тунговом масле — отсюда их блеск, напоминающий мерцание драгоценной яшмы. Плиты по сию пору по-прежнему крепки, на них практически не встретишь трещин, хотя по ним прошли миллионы и миллионы ног...

Конструкция архитектурно-художественного ансамбля, разнообразные крыши и декор на стенах — во всем проявляются удивительные замыслы архитекторов. Например, фундамент из белого камня, с одной стороны, возвышает Павильон Тайхэдянь, делая его более грандиозным и величественным, а с другой — предохраняет его от влажности. Каждое водоотводное устройство в фундаменте имеет форму головы ли (по китайским преданиям ли — одна из разновидностей драконов). Всего на трехъярусном фундаменте представлено более тысяч голов ли. Во время дождя из пасти этих ли изливается вода. Это очень величественная и красивая картина. Как уже говорилось выше, дворец Гугун построен из дерева. Зодчие разных эпох ломали голову, как защитить дворец от огня. Например, в Гугуне есть 4 ряда особых зданий: по внешнему виду — это комнаты, а внутри каменные квадратные дворы. Это стены для защиты от огня, которые изобрели и тщательно разработали зодчие. Стены не позволяют огню перекинуться на соседние постройки. А во всех залах дворца установлены большие медные чаны — всего их 308, — в которых постоянно имеется запас воды для тушения пожара. Зимой специальные люди разводят огонь под чанами, чтобы вода в них не замерзла.

Десятого октября 2005 года исполнилось 80 лет с того дня, как императорский дворец в Пекине, который известен как Запретный город, стал музеем. В нем собрано огромное количество замечательных экспонатов и культурных ценностей. Согласно статистике, в Гугуне сосредоточено более миллиона культурных ценностей, что составляет одну шестую всех ценностей и раритетов Китая. Многие памятники являются уникальными государственными сокровищами. В 80-е годы прошлого века китайское правительство

построило более 100 подземных складских помещений и хранилищ. Большая часть ценностей Гугуна была размещена в «подземном дворце».

К юбилею музея, который внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, была проведена крупномасштабная реставрация. Для посетителей впервые открыли павильоны и сады Внутреннего дворца, которые веками были закрыты для простых смертных. Но половина гигантского императорского комплекса по-прежнему закрыта для туристов. А это значит, что и сейчас, спустя почти век, после того как его покинул последний китайский император, Гугун все еще остается Запретным городом и хранит еще множество загадок.

ПАРАДОКС ЮНЛЭ: «ОТКРЫТЫЙ ИМПЕРАТОР»

А самой главной тайной, которую скрывают стены Запретного города, наверное, является то, что построен он был самым «открытым» императором Поднебесной. Как же могло случиться так, что Чжу Ди (император Юнлэ), начавший китайскую эпоху Великих географических открытий, закончил тотальной изоляцией страны и построением жесткой регламентированной системы внутренних запретов, апофеозом которой стал Запретный город? Почему власти Китая уничтожили почти все отчеты о морских плаваниях? Почему, открыв мир, Юнлэ отказался от планов его освоения и избрал путь изоляционизма?

Во время правления Юнлэ Китай уже вступил в поздний период феодального общества. Вершина развития была достигнута при династии Тан, после этого начался этап замедления роста и спада, однако в первые годы империя Мин все еще представляла собой мощную державу, во многих сферах она занимала лидирующие позиции в мире, особенно в начале XV в., в эпоху расцвета Юнлэ. Это был блестящий период в средневековой истории Китая.

Чжу Ди был неординарной личностью. Он был средним сыном императора Чжу Юаньчжана, правившего под девизом «Хуньу», получил хорошее образование и титул Яньвана, т. е. «владельца Янь» (его удел находился на землях, на которых в древние времена размещалось царство Янь). Его очень ценил его отец — император Чжу Юаньчжан. Однако воцарение Чжу Ди было непростым.

Император Чжу Юаньчжан умер 24 июня 1398 г. и на престол вступил его внук Юньвэнь (правил под девизом «Цзяньвэнь»), сын умершего Цзюня, не успевшего взойти на престол из-за болезни. Новый император вел себя враждебно по отношению к Юнлэ и даже не допустил его на похороны и на поклонение могиле Чжу Юаньчжана. Он стал готовить новых генералов, чтобы заменить или изолировать Чжу Ди. И тогда Чжу Ди организовал мятеж. Он был популярен среди генералов, был знатоком военного искусства и хорошо изучил классический трактат Суныцзы. Его поддерживало население, он привлек на свою сторону монгольские войска. Против Чжу Ди выступил генерал Ли Цзинлун, но потерпел несколько поражений. 15 января 1402 г. Чжу Ди решил начать поход на Нанкин, тогдашнюю столицу Поднебесной. Когда его войско подошло к городу, Ли Цзинлун в страхе открыл городские ворота, началась паника, императорский дворец загорелся, и Юньвэнь с женой, скорее всего, погибли в огне.

Став императором, Чжу Ди стал жестоко преследовать всех сторонников Юньвэня, вычеркивая отовсюду его имя и меняя в записях годы правления «Цзяньвэнь» на продолжение эры Хуньу, пытаясь уничтожить сомнения в законности своего права на власть. Например, историк Фан Сяожу был казнен, а род его «вырезан в десяти поколениях» за отказ написать представление к инаугурации, причем в состав десятого поколения входили его ученики и учителя. Перед смертью Фан Сяожу написал своей кровью иероглиф, означающий «узурпатор».

Несмотря на узурпацию трона и жестокий террор в самом начале правления, историки считают период правления Юнлэ в целом блистательным, исходя из постулата «сильный император — сильное государство». Юнлэ вел внешнюю политику страны, исходя из изменений во внутренней, осуществлял политику открытости внешнему миру и обеспечения стабильных отношений с сопредельными странами, стремился сохранить мир и спокойствие на долгие годы.

С именем Юнлэ связаны важные исторические события в самом Китае. Император

старался придерживаться традиционных конфуцианских норм и ритуалов, при этом поощрял также буддийские обряды и праздники, стараясь смягчить настроения населения и успокоить бунты. Он устранил противоречия между отдельными племенами и народами и ввел рациональную систему управления, пересмотрев границы провинций и административную структуру империи. Он стал набирать новых советников среди лучших специалистов, тщательно проверяя способности и квалификацию, поощрял науку и образование.

Император всерьез занялся восстановлением экономики после войны за свержение Юньвэня. Он стал бороться против коррупции и против тайных обществ и разбойников, а также сторонников Юньвэня, привлекая к себе новое поколение чиновников и офицеров. Он принял меры по увеличению производства продуктов питания и тканей, при нем освоили земли в дельте Янцзы, прочистили русла и заново перестроили Великий китайский канал, улучшив судоходство и ирригационную сеть. Это способствовало развитию торговли и мореплавания.

Чжу Ди затеял строительство системы монастырей и даосских храмов на горе Удан-Шань, собрав несколько сотен тысяч солдат и рабочих. Целью строительства была забота о народных массах и приобретение популярности среди народа, в чем он нуждался после узурпации трона и жестких мер против тайных обществ.

Чжу Ди превратил Пекин в столицу, в итоге Пекин стал главным городом Китая на последующие 500 лет.

При Чжу Ди процветало конфуцианство и науки. Он поручил государственному секретарю Су Цзину составить краткие аннотации по всем книгам и темам. И через 17 месяцев появилось первое, а в 1557-м — следующее издание «Энциклопедии годов правления под девизом Юнлэ», в которой были освещены все достижения человечества, известные в Китае на это время. К проекту привлекли тысячу ученых, энциклопедия насчитывала около 23 тыс. свитков, которые подразделялись на 11 тыс. томов и составляли 8 тыс. статей. До настоящего времени дошло около 400 томов, остальные, к сожалению, не сохранились.

Чжу Ди отличался веротерпимостью, как уже было сказано, он поддерживал и даосизм, и конфуцианство, и буддизм, главное — старался восстановить китайскую традицию и подавить монгольское влияние в культуре, оставшееся со времен династии Юань. Чжу Ди организовал пять походов (1410–1424) против монголов, он полностью сокрушил остатки династии Юань.

Вообще стоит напомнить, что правление Юнлэ началось с попыток дипломатическим путем укрепить оборону империи на северных рубежах. С 1403 г. он направил послов в города Восточного Туркестана, и в 1406 г. был образован один из первых вэев в Восточном Туркестане — вэй Хами. Процесс создания многочисленных вэев на западе начался чуть позже аналогичного процесса на востоке империи — первый вэй в землях чжурчжэней был образован в области, носившей китайское название Цзяньчжоу. Одновременно были предприняты шаги по укреплению отношений с Кореей, где с 1392 г. власть перешла к династии Ли, образовавшей государство Чосон (1392–1910). Были установлены границы с учетом старых территориальных претензий Китая, заявившего в 1388 г. о принадлежности всех земель к северу, западу и востоку от перевала Телин, — династии Мин, а земель к югу — Корее. В обмен на это китайцы вносили поправки в родословные записи о корейском правящем роде, на основании которых готовились дипломатические документы — корейцы давно пытались настоять на собственной версии родословной основателя династии Ли Сонге, но добиться этого им удалось далеко не сразу.

В 1405–1406 гг. Юнлэ предпринял ряд мер по укреплению обороноспособности Китая на крайнем западе — в Ганьсу, где ожидалось вторжение войск Тимура. Однако Тимур выделил для похода всего лишь 20 тыс. воинов, что делало его замыслы более похожими на обычный грабительский набег, а не на серьезный план по восстановлению власти монгольской династии над Китаем. Поэтому и размах китайских военных приготовлений был невелик.

В 1408 г. Юнлэ потребовал от монголов признать вассалитет от империи Мин. Монголы убили послов, и в следующем году китайцы послали карательную экспедицию в Монголию. Однако хан Бунияшири разгромил карателей у реки Тола и стал готовиться к отражению следующего китайского похода. В 1410 г. китайцы предприняли первый из серии походов в Монголию, задуманных императором Юнлэ в качестве меры по приведению монголов к покорности. Монголы встретились с китайцами у реки Онон и потерпели в этой битве тяжелое поражение. Хан бежал к ойратам, и Монголия осталась без верховного правителя. Но китайцам не удалось воспользоваться ситуацией — следующий поход состоялся лишь в 1414 г. На этот раз монголы окружили войска императора, но были встречены плотным огнем из огнестрельного оружия и вновь разбиты. В 1421 г. Юнлэ перенес столицу из Нанкина в Пекин для усиления обороны северных границ. Вслед за этим были проведены походы в 1422-м и 1423 гг., имевшие лишь тактический успех. В 1423 г. произошло первое столкновение китайцев с ойратами, совершившими набег на китайские владения на северо-западе, однако конфликт был разрешен дипломатическим путем, и Юнлэ потребовал от ойратов принять участие в походе на монголов в следующем, 1424 г. Выступив летом 1424 г. в поход, Юнлэ не смог завершить своего начинания — 12 августа 1424 г. он умер в своей походной ставке. Войска были отведены обратно. Период активных действий империи Мин против монголов был завершен, но была выполнена главная задача — ликвидация угрозы национальной независимости Китая со стороны Монголии.

Теперь мы обратимся к еще одному важному начинанию Юнлэ — морским экспедициям.

Стремясь освоить торговые пути и укрепить китайское влияние, император снарядил ряд морских экспедиций, которые возглавил его верный дипломат и адмирал Чжэн Хэ, по размаху своих экспедиций не уступавший Колумбу.

Об этом незаурядном человеке стоит сказать особо. Чжэн Хэ появился на свет в 1371 г. в городе Куньян (ныне Цзиньин), в центре юго-западной китайской провинции Юньнань, недалеко от ее столицы Куньмина. Ничто в детстве будущего флотоводца, звавшегося тогда Ма Хэ, не предвещало грядущего романа с океаном: в XV столетии от Куньяна до побережья было несколько недель езды. Фамилия Ма — транскрипция имени Мухаммед — и поныне часто встречается в китайской мусульманской общине, а наш герой вел происхождение от известного Саида Аджаллы Шамсы аль-Дина (1211–1279), прозывавшегося также Умаром, уроженца Бухары, выдвинувшегося во времена монгольских великих ханов Мункэ (внука Чингисхана) и Хубилая. Именно завоеватель Китая Хубилай в 1274 г. назначил этого Умара губернатором Юньнани. Известно, что отец и дед будущего адмирала строго придерживались уложений ислама и совершали хадж в Мекку. Более того, в мусульманском мире бытует мнение, что и сам будущий адмирал побывал в Священном городе, правда, с неформальным паломничеством.

На момент рождения мальчика Срединная империя все еще находилась под властью монголов, благоволивших к его семье. Однако начало жизни Ма Хэ сложилось довольно драматически. В 1381 г. при завоевании Юньнани войсками китайской династии Мин, свергнувшей иноземную Юань, в возрасте 39 лет погиб отец будущего мореплавателя. А мальчика повстанцы пленили, оскопили и передали в услужение четвертому сыну своего предводителя Хун-у, будущему императору Юнлэ, который вскоре стал наместником Бэйпина (Пекина).

Тут важно отметить одну деталь: евнухи в Китае, так же, как, к примеру, и в Османской империи, всегда оставались одной из самых влиятельных политических сил. Многие юноши сами шли на жуткую не только по сути, но и по технике исполнения операцию, надеясь попасть в свиту какого-нибудь влиятельного лица — князя или, если повезет, самого императора. Так что «цветноглазому» (так называли в Китае представителей нетитульной, неханьской народности) Чжэн Хэ по тогдашним понятиям просто повезло. Что касается внешности будущего адмирала, то он, как писал современник, «став взрослым, говорят, вырос до семи чи (почти два метра), а обхват его пояса равнялся пяти чи (более 140

сантиметров). Скулы его и лоб были широки, а нос невелик. У него был сверкающий взгляд и голос громкий, словно звук большого гонга».

Юнь Ма Хэ хорошо зарекомендовал себя на службе. К концу 1380-х гг. он уже выделялся в окружении князя, младше которого был на одиннадцать лет. В 1399-м, когда Пекин осадили войска тогдашнего императора Цзяньвэня (правил с 1398-го по 1402), молодой сановник стойко защищал одно из городских водохранилищ. Именно его действия и позволили князю выстоять, с тем чтобы контратаковать соперника и добиться трона. А через три года Юнлэ собрал мощное ополчение, поднял восстание и в 1402 г., взяв штурмом столичный Нанкин, провозгласил себя императором. Тогда же он принял девиз нового правления: «Юнлэ» — «Вечное счастье». На китайский Новый год 11 февраля 1404 г. Ма Хэ в благодарность за верность и подвиги был торжественно переименован в Чжэн Хэ — эта фамилия соответствовала названию одного из древних царств, существовавших на территории Китая в V–III вв. до н. э.

До экспедиций Чжэн Хэ Китай уже организовывал морские путешествия в Аравию, Африку и Египет во времена династии Тан (618–907). Первая экспедиция Чжэн Хэ стартовала в 1405, за 18 лет до начала португальских географических открытий. В дальнейшем были еще экспедиции за море, некоторые исследователи считают, что китайцы в 1421 г. достигли берегов Америки. Другая экспедиция достигла острова Мадагаскар.

Как всегда, морская экспансия имела довольно прагматический повод, а не только желание «мир посмотреть да себя показать». А что может быть важнее соображений безопасности императора. После окончания войны Цзиннань император Юнлэ был сильно обеспокоен возможностью появления претендента на престол в лице свергнутого им племянника Чжу Юньвэня — после взятия Нанкина труп молодого императора найти не смогли, и, несмотря на официальную версию о том, что он сгорел в охваченном пожаром дворце, в народе ходили слухи, что Чжу Юньвэнь бежал в страны Южных морей, переодевшись буддийским монахом. Поэтому посольства, устанавливавшие контакты с соседними государствами, имели также секретную задачу найти Чжу Юньвэня и доставить его в Китай. К тому же актуальным стал и поиск союзников для войны с державой Тимура. Поэтому, как уже упоминалось, летом 1405 г. началась первая экспедиция в страны Южных морей под руководством тайцзяня Чжэн Хэ. Флотилия насчитывала 162 больших корабля и около 28 тыс. матросов и солдат. Во время первого плавания следов Чжу Юньвэня не обнаружили, но сама экспедиция привела к усилению влияния Китая в странах Южных морей, поэтому было решено продолжить эти экспедиции.

По мнению историков, всего Чжэн Хэ совершил 7 экспедиций:

- 1) 1405–1407 гг. — из Фуцзяни флотилия прошла мимо Индокитая и островов Индонезии и дошла до Калькутты;
- 2) 1407–1409 гг. — тот же маршрут;
- 3) 1409–1411 гг. — тот же маршрут;
- 4) 1413–1415 гг. — дойдя до Калькутты, флотилия направилась к Ормузу в Персидском заливе;
- 5) 1417–1419 гг. — дойдя до Ормуза, флотилия направилась в Красное море и к берегам Сомали. Спускаясь к югу, флотилия достигла Занзибара;
- 6) 1421–1422 гг. — тот же маршрут;
- 7) 1431–1433 гг. — флотилия достигла Ормуза, а сам Чжэн Хэ, бывший мусульманином, с отрядом кораблей дошел до Джидды на Красном море и совершил хадж в Мекку. Влияние империи Мин в Юго-Восточной Азии временно возросло.

Первые три экспедиции Чжэн Хэ следовали одна за другой: с 1405-го по 1411 г. с короткими перерывами в 1407-м и 1409 г. Поначалу и сам император Юнлэ принимал живейшее участие в проекте. Он тогда еще жил в Нанкине, где строили корабли и откуда стартовали первые экспедиции. Это позже обустройство новой столицы в Пекине и монгольские кампании охладят пыл императора, а пока он лично вникает в каждую деталь, пристально следит за каждым шагом и распоряжением своего адмирала. Ведь доверенного

евнуха он поставил во главе не только самой флотилии, но и Палаты дворцовых слуг. А это значит, что тому приходилось отвечать еще и за строительство и ремонт множества построек, а потом и судов.

Правитель торопил — армада строилась в большой спешке. Первый приказ о создании кораблей прозвучал в 1403-м, а плавание началось уже через два года. Специальными высочайшими распоряжениями были отряжены промысловые партии за древесиной — в провинцию Фуцзянь и в верховья Янцзы.

Краса и гордость эскадры, баочуани (дословно «драгоценные корабли», или «сокровищницы») сооружались на так называемой «верфи драгоценных кораблей» (баочуаньчан) на реке Циньхуай в Нанкине. Именно этот последний факт, в частности, проясняет, почему осадка джонок при их гигантских размерах была не очень глубокой, хотя это же было минусом для их мореходных качеств: иначе они просто не прошли бы в море через этот приток Янцзы.

И вот, наконец, все было готово. 11 июля 1405 года в «Хронике императора Тай-цзуна» (одно из ритуальных имен Юнлэ) была сделана простая запись: «Дворцовый сановник Чжэн Хэ и другие были посланы в страны Западного (Индийского) океана с письмами императора и дарами для их царей — золотая парча, узорчатые шелка, цветной шелковый газ, — все по их статусу». Всего в армаду вошло до 255 кораблей с 27 800 членами экспедиции на борту.

Во все плаванья армады отправлялись из Южно-Китайского моря. Через Индийский океан корабли шли по направлению к Цейлону и южному Индостану, а последние путешествия, как уже говорилось, охватили еще и Персидский залив, Красное море и восточное побережье Африки. Шел Чжэн Хэ всякий раз «накатанным» путем: ловя повторяющиеся муссонные ветра, которые с декабря по март дуют на этих широтах с севера и северо-востока. Когда же влажные субэкваториальные потоки воздуха поднимались над Индийским океаном и как бы по кругу поворачивались обратно на север — с апреля по август, — флотилия соответственно разворачивалась к дому. Это муссонное расписание местные моряки знали наизусть задолго до нашей эры, да и не только моряки: ведь оно диктовало и порядок земледельческих сезонов. С учетом муссонов, а также рисунка созвездий путешественники уверенно переправлялись с юга Аравии на малабарский берег Индии или с Цейлона на Суматру и в Малакку, придерживаясь определенной широты.

Домой китайские экспедиции возвращались тем же маршрутом, и только происшествия в пути позволяют в хрониках отличать плаванья «туда» от обратных. Так, в первом плаваньи на обратном пути китайские экспедиционные войска пленили известного пирата Чэнь Цзу'и, захватившего в то время Палембанг — столицу индусско-буддийского государства Шривиджая на Суматре. «Чжэн Хэ вернулся и привез Чэнь Цзу'и в кандалах. Прибыв в Старый порт (Палембанг), он призвал Чэня подчиниться. Тот прикинулся, что подчиняется, но втайне планировал бунт. Чжэн Хэ понял это... Чэнь, собрав силы, выступил в битву, а Чжэн Хэ выслал войска и принял бой. Чэнь был разбит наголову. Более пяти тысяч бандитов были убиты, десять кораблей сожжены и семь захвачены... Чэнь и еще двое были взяты в плен и доставлены в императорскую столицу, где их приказали обезглавить». Так посланец метрополии защитил мирных соотечественников-мигрантов в Палембанге и заодно впервые продемонстрировал, что его корабли несли на бортах оружие не только для красоты.

Кстати, это было не единственное приключение в плаваньях китайцев. Если во время второго плаванья, географически сходного с первым, произошло только одно событие, память о котором сохранилась в истории, — правитель Каликута предоставил посланникам Поднебесной несколько баз, опираясь на которые китайцы могли в дальнейшем отправляться еще дальше на запад, — третья экспедиция принесла более интересные приключения. Под датой 6 июля 1411 г. в хронике записано: «Чжэн Хэ... вернулся и привез захваченного царя Цейлона Алагакконару, его семью и нахлебников. Во время первого путешествия Алагакконара был груб и неуважителен и вознамерился убить Чжэн Хэ. Чжэн Хэ понял это и уехал. Мало того, Алагакконара не дружил с соседними странами и часто перехватывал и грабил их посольства по пути в Китай и обратно. Ввиду того что другие варвары страдали от

этого, Чжэн Хэ, вернувшись, снова выказал презрение Цейлону. Тогда Алагакконара заманил Чжэн Хэ в глубь страны и послал своего сына Няянару потребовать у него золото, серебро и прочие драгоценные товары. Если бы эти товары не выдали, более 50 тыс. варваров восстали бы из укрытий и захватили корабли Чжэн Хэ. А еще они подпилили деревья и вознамерились перекрыть узкие дороги и перерезать Чжэн Хэ пути к отступлению так, чтобы отдельные отряды китайцев не могли прийти друг другу на помощь.

Когда Чжэн Хэ понял, что их отрезали от флота, он быстро развернул войска и отправил их к кораблям... И он приказал гонцам тайно обойти дороги, где сидела засада, вернуться к кораблям и передать приказ офицерам и солдатам биться до смерти. А тем временем он лично повел двухтысячное войско обходными путями. Они штурмовали восточные стены столицы, взяв ее испугом, прорвались внутрь, захватили Алагакконару, его семью, нахлебников и сановников. Чжэн Хэ провел несколько сражений и разбил армию варваров наголову. Когда он вернулся, министры решили, что Алагакконару и прочих пленников надлежит казнить. Но император смиловился над ними — над невежественными людьми, не знавшими, что такое Небесный мандат на правление, и отпустил их, дав еду и одежду, и приказал Палате ритуалов выбрать в семействе Алагакконары достойного человека, чтобы править страной».

Считается, что это был единственный случай, когда Чжэн Хэ осознанно и решительно свернул с пути дипломатии и вступил в войну не с разбойниками, а с официальной властью страны, в которую прибыл. Приведенная выше цитата — единственное документальное описание действий флотоводца на Цейлоне. Однако кроме него, конечно, существует множество легенд. Самая популярная из них описывает скандал, связанный с наиболее почитаемой реликвией — зубом Будды (Далада), который наш герой то ли собирался выкрасть, то ли действительно выкрал с Цейлона.

История такова: еще в 1284 г. Хубилай отправлял на Цейлон своих эмиссаров, чтобы заполучить одну из главных священных реликвий буддистов вполне легальным путем. Но зуб монгольскому императору — известному покровителю буддизма — все же не отдали, компенсировав отказ другими дорогими дарами. На этом дело до поры до времени и закончилось. Но Срединное государство все-таки не отказалось от возжеленной цели. Согласно сингальским мифам, плавание адмирала были предприняты чуть ли не специально для похищения зуба, а все остальные странствия — для отвода глаз. Но сингалы якобы перехитрили Чжэн Хэ — «подсунули» ему в плен царского двойника вместо настоящего царя и ложную же реликвию, а настоящую, пока китайцы воевали, спрятали. Соотечественники великого мореплавателя, естественно, придерживаются противоположного мнения: адмирал все-таки заполучил бесценный «кусочек Будды», и тот, на манер путеводной звезды, помог ему безопасно попасть назад в Нанкин. Что было на самом деле, неизвестно.

В середине декабря 1412 г. Чжэн Хэ получил новый приказ везти дары ко дворам заморских правителей. Более того, к этой, четвертой по счету, экспедиции, отплывшей в 1413-м, предусмотрительно прикомандировали переводчика — мусульманина Ма Хуаня. Этот уроженец Ханчжоу владел арабским и персидским языками. Позже он оставит довольно подробные рассказы о последних великих плаваньях китайского флота, не забывая о всевозможных бытовых подробностях. К примеру, он тщательно описал рацион моряков: они ели «лущеный и нелущеный рис, бобы, зерна, ячмень, пшеницу, кунжут и все виды овощей... Из фруктов у них были... персидские финики, сосновые орешки, миндаль, изюм, грецкие орехи, яблоки, гранаты, персики и абрикосы...», «многие люди делали смесь из молока, сливок, масла, сахара и меда и ели это». Что ж, если это так, то можно с уверенностью заключить, что китайские путешественники не страдали от цинги.

Главным же событием этого похода стал захват некоего главаря повстанцев по имени Секандар. Он имел несчастье выступить против признанного китайцами и связанного с ними договором о дружбе царя государства Семудера на севере Суматры — Заина аль-Абидина. Самонадеянный повстанец обиделся, что посланец императора не привез ему подарков, а

значит, не признал законным представителем знати, наспех собрал сторонников и напал на флот адмирала. Правда, шансов на победу у него было не больше, чем у пирата из Палембанга. Вскоре он, его жены и дети оказались на борту китайских кораблей. Ма Хуань сообщает, что «разбойника» публично казнили еще на Суматре, не удостоив чести императорского суда в Нанкине. Зато в столицу флотоводец привез из этого плавания рекордное число иностранных послов — из тридцати держав. Восемнадцать дипломатов из них Чжэн Хэ развез по домам в ходе пятой экспедиции. Все они имели при себе милостивые письма от императора, а также фарфор и шелка — вышитые, прозрачные, крашенные, тонкие и весьма дорогие, так что их государи, надо полагать, остались довольны. А сам адмирал на этот раз пустился в неизведанные воды, к берегам Африки.

Но чем дальше на запад, тем больше расходятся «показания» источников. Так, до сих пор не ясно, где находится таинственная укрепленная Ласа, оказавшая экспедиционному корпусу вооруженное сопротивление и взятая китайцами при помощи осадных орудий, называемых в одних источниках «мусульманскими катапультами», в других — «западными» и, наконец, в третьих — «огромными катапультами, стреляющими камнями». Одни источники сообщают, что этот город был в Африке, близ Могадишо в нынешнем Сомали, другие — в Аравии, где-то в Йемене. В любом случае путь до него от Каликута занимал в XV в. двадцать дней с попутным ветром, а ведь вследствие того, что климат там был жаркий, поля выжженные, традиции простые, то взять там было почти нечего, разве что ладан, серую амбру и «верблюдов на тысячу ли» (ли — китайская мера длины, равная приблизительно 500 м).

Флот обогнул Африканский Рог и действительно отправился к Могадишо, где китайцы встретились с настоящим чудом: увидели, как за неимением древесины черный народ складывает дома из камней — в четыре-пять этажей. Богатые люди занимались морской торговлей, бедные забрасывали в океан сети. Мелкий скот, лошадей и верблюдов кормили сушеной рыбой. Но главное — домой путешественники повезли совсем особую «дань»: леопардов, зебр, львов и даже несколько жирафов. К сожалению, африканские дары совершенно не удовлетворили императора. В самом деле — товары и приношения из уже знакомых Каликута и Суматры представляли значительно большую материальную ценность, чем экзотические новоселы императорского зверинца.

Когда же весной 1421 г., усилив флот 41 кораблем, адмирал вновь отплыл к Черному континенту и вновь вернулся без всяких убедительных ценностей, император был еще больше раздосадован. Вдобавок и в самой Поднебесной за это время усилилась критика его разорительных войн и экспедиций. В общем, дальнейшие походы великой флотилии оказались под большим вопросом.

Что же до следа, который китайцы оставили в Африке, то он сегодня, конечно, не прослеживается. Разве что в Кении сохранилась легенда: недалеко от Малинди (судя по всему, этот порт оказался крайней точкой путешествия), возле острова Ламу, один из кораблей налетел на рифы. Уцелевшие члены команды добрались до берега, женились на местных девушках и будто бы положили начало афрокитайской общине. Таковая действительно существует в Кении и поддерживает тесные связи с Китаем, но происхождение, видимо, имеет все же более позднее.

Сколь бы мало ни знали мы о Чжэн Хэ, не подлежит сомнению, что это был человек весьма широких взглядов. Известно, к примеру, что, мусульманин по происхождению, он в зрелом возрасте открыл для себя буддизм и отличался большими знаниями в тонкостях этого учения. На Цейлоне он построил святилище Будды, Аллаха и Вишну (одно на троих!), а в стеле, воздвигнутой перед последним плаванием в Фуцзяни, вознес благодарность даосской богине Тянь-фэй — «божественной супруге», которая считалась покровительницей моряков. Так или иначе, цейлонские похождения адмирала, пожалуй, стали кульминацией его заморской карьеры. В ходе этой опасной военной кампании много воинов погибло, но Юнлэ, оценив масштаб подвига, щедро наградил уцелевших. И... повелел сжечь «плавучие сокровищницы», а также наложил запрет на новые плавания под страхом смертной казни...

Но все же на этом китайская морская эпопея не закончилась. В 1424 г. умер император Юнлэ. А в 1430 году новый, молодой император Сюаньдэ, внук покойного, решил отправить еще одно «великое посольство».

Видимо, ощущая, что финал близок, разменявший седьмой десяток адмирал Чжэн Хэ перед отплытием в последнюю экспедицию (1431–1433) приказал выбить две надписи в порту Люцзяган (возле города Тайцан в провинции Цзянсу) и в Чанлэ (восточная Фуцзянь) — своего рода эпитафии, в которых подводились итоги большого пути. Само плавание, по обыкновению, прошло по вехам предыдущих, разве что однажды флот высадил отряд под командованием Хун Бао, который совершил мирную вылазку в Мекку. Вернулись моряки с жирафами, львами, «верблюжьей птицей» (страусом, гигантские пернатые тогда еще водились в Аравии) и прочими диковинками, которые везли послы от правителя Священного города. О том, куда потом девались земляки пророка Мухаммеда, попали ли назад в отечество, — неизвестно, хроники в этот период заметно охлаждаются к деяниям великой армады.

Особенно же удивительно, что никому достоверно не известно, когда умер прославленный адмирал Чжэн Хэ — то ли во время седьмого плавания, то ли вскоре после возвращения флота (22 июля 1433 г.). В современном Китае принято считать, что его, как настоящего моряка, похоронили в океане, а кенотаф, который показывают туристам в Нанкине, — лишь условная дань его памяти.

Что касается результатов седьмого плавания, то через пять дней после его завершения император, по обыкновению, одарил команду церемониальными одеяниями и бумажными деньгами. Но, по сообщению хроники, при этом Сюаньдэ сказал: «У нас нет никакого желания получать вещи из отдаленных стран, но мы понимаем, что их прислали с самыми искренними чувствами. Раз уж они приехали издалека, их надлежит принять, но это — не повод для поздравлений».

Дипломатические сношения со странами Западного океана прекратились, и на сей раз — окончательно и бесповоротно, на века. Отдельные купцы продолжали торговать с Японией и Вьетнамом, но от «государственного присутствия» в Индийском океане китайские власти отказались и даже уничтожили большинство карт и записей Чжэн Хэ. Списанные корабли сгнили в порту, а китайские корабли забыли, как строить баочуани.

Дальние плавания жители Средней империи возобновили многим позже, да и то это происходило эпизодически. Так, в 1846–1848 гг. в Англии и США побывала огромная торговая джонка «Циьин», успешно обогнувшая мыс Доброй Надежды. И все же винить страну в навигационной нерешительности не стоит — Китаю просто приходилось выбирать, где важнее оборонять свою обширную территорию, на суше или на море. На то и другое сил явно не хватало, и в конце эпохи Чжэн Хэ суша опять взяла верх: побережье оставили беззащитным — и перед пиратами, и перед западными державами. Ну а энергичный адмирал так и остался для страны единственным великим мореплавателем, символом неожиданной открытости Поднебесной миру.

Что стояло за китайской морской экспансией? Экспедиции Чжэн Хэ осуществлялись в период переноса человеческой деятельности с континента на моря и океаны. В условиях отсутствия технических средств и конкретных знаний о морях и географии Земли семь морских экспедиций Чжэн Хэ были настоящим подвигом.

В начале XV в. император Чжу Ди успешно создавал настоящую сверхдержаву. Но если недавние империи Чингисхана и Тамерлана традиционно строились на силе, то империя Чжу Ди была государством особого типа, в котором сплелись воедино многие факторы.

Безусловно, император обладал огромной властью и силой, ему подчинялась многомиллионная армия. Более того, было «сверхоружие» — порох. Китай создал грозное оружие — огнестрельные пушки и ружья. Но не менее важным было то, что Китай опирался на идеологию буддизма. Она отличалась исключительной веротерпимостью и позволяла «сосуществовать» в империи и синтоистам-японцам, и тибетским приверженцам религии бон, и мусульманам, и язычникам. Нельзя сбрасывать со счетов и конфуцианство, которое

являлось разработанной до деталей системой подходов к любым вопросам — от устройства госаппарата до организации жизни в семье. Конфуций считал мелкое и среднее крестьянство основой государства. Стержнем общества признавали тех, кто кормил и себя, и государство. Свою лепту внесли и китайские интеллектуалы. Их гениальное изобретение — иероглифы — позволило свободно общаться, не зная устного языка, и жителям регионов Китая, и корейцам, и японцам.

Надо также сказать, что существовала еще одна уникальная сила в империи Чжу Ди. Это были евнухи. В отдельное время их число достигало 70 тыс. человек. Император мог опираться на слой, который не имел ни семьи, ни детей, ни наследников. Эти люди, кроме интересов государства, ничего не имели. Евнухи заняли при Чжу Ди ключевые позиции в армии, на флоте (как ни вспомнить адмирала Чжэн Хэ), при дворе, и это была весьма влиятельная прослойка.

А главной опорой империи Чжу Ди была китайская цивилизация в целом. В отличие от Европы, где после античности наступил провал в виде «темных веков», Китай развивался непрерывно. Астрономия, металлургия, медицина, агротехника — в любой из этих отраслей Китай на сотни лет опередил остальной мир. Порох и бумага, книгопечатание, бумажные деньги, фарфор, шелк. Китайские письменные источники описывают, как на банкете в Пекине присутствовали почти 30 тыс. гостей, гости ели на фарфоровой посуде на 10 блюд. А на свадьбе английского короля Генриха V и Екатерины Валуа, которая состоялась в это же время на другом конце Земли, было всего 600 гостей. Ели вяленую треску на заменявших тарелки кусках черного хлеба. На Екатерине не было ни белья, ни чулок. Даже наложницы Чжу Ди были разодеты в яркие шелка, сверкали алмазами и рубинами, источали благовония. Шестимиллионную китайскую армию, вооруженную пушками и ружьями, нельзя даже сравнивать с войском Генриха V в 5 тыс. человек с луками, мечами и копьями. На рынках Пекина продавались сотни книг — даже любовные романы, а в библиотеке Генриха было всего 6 рукописных томов.

Подведем итоги. Китай был не просто империей, и даже не просто мощной империей. Поднебесная была подлинной сверхдержавой, на века опередившей остальной мир во всех областях — технике, науке, культуре. Поэтому решение Чжу Ди заняться устройством всего земного шара, осуществить, как бы мы теперь сказали, глобализацию, имело под собой все основания. Начал Чжу Ди с укрепления «тылов» — с решения внутренних проблем. Он отремонтировал 5 тыс. километров Великой Китайской стены и достроил ее, доведя длину стены до 6,5 тыс. километров. Чжу Ди расширил и удлинил Великий китайский канал — еще одно замечательное достижение китайской цивилизации. Водная дорога длиной 1800 км — от Пекина до Шанхая — связала дешевым и надежным путем основные части Китая. После внутренних мер император перешел к «ближнему зарубежью». В разных формах в орбиту Поднебесной были включены Маньчжурия, Корея, Япония, Тибет, страны Юго-Восточной Азии. На праздновании открытия новой столицы — Пекина — присутствовали цари и князья 28 стран. На «ближнем зарубежье» Китай отработывал наиболее эффективные методы глобализации: предоставление торговых льгот, выделение займов для закупок в Китае шелка и фарфора, встречные закупки для Китая хлопка, сахарного тростника, ископаемых. Использовались и подарки, и прямые взятки местным чиновникам. Китай был ориентирован на уважение к иностранцам. В Пекине готовили переводчиков с 20 языков. В страны, входившие в зону его интересов, Китай посылал семена, разные породы сельскохозяйственных животных. В целом речь шла о комплексе экономических мер, торговых связей как альтернативе силе. А адмиралу Чжэн Хэ император повелел нести порядок в четыре стороны света, всюду, «куда смогут доплыть корабли, доехать повозки, насколько хватит сил».

ГИПОТЕЗЫ ГЕВИНА МЕНЗИСА

Итак, Восток и Запад, находящиеся на двух концах Евразийского материка, почти

одновременно начали освоение морей и океанов: Восток — посредством морских экспедиций Чжэн Хэ, Запад приступил к исследованию западных берегов Африки в лице португальского принца Генриха Мореплавателя. В то время стремительно развивалась товарная экономика стран Западной Европы. Все государства поощряли и поддерживали плавания и морские экспедиции в поиске золота и расширения заморских колоний. В XIV–XV вв. центр торговой Европы перемещался со Средиземного моря к берегам Атлантического океана.

Да, Восток и Запад начали освоение морей и океанов почти одновременно. И англичанин Гевин Мензис написал книгу «1421 — год, когда Китай открыл мир», в которой утверждает, что Восток все же опередил Запад, что Чжэн Хэ опередил Колумба, открыв Америку раньше него, опередил он, возможно, и Магеллана, обогнув раньше него земной шар. Книга Мензиса разошлась быстро, правда, до масштабов «дэн-брауномании» отставной подводник не поднялся: все-таки о Христе в Европе и Америке знают даже слепоглухонемые, а древнего китайца Чжэн Хэ — почти никто. Версия Мензиса выглядит так: на китайской карте, попавшей в его распоряжение, весь земной шар был нанесен достаточно подробно уже к концу 20-х годов XV столетия. Европейцы смогли это сделать приблизительно на сто лет позже — после Колумба, Магеллана и раздела земного шара папской буллой на два полушария. До европейцев китайские адмиралы уже открыли Южную и Северную Америки, Австралию и Новую Зеландию, пересекли Тихий океан, открыли Антарктиду и Гренландию, обошли Сибирь морским путем.

Но кто же он — автор столь оригинальной версии? Роуэн Гевин Петон Мензис — отставной британский офицер, он входил во флотскую элиту, был командиром подводной лодки. Это внушает определенные надежды, ведь капитаны субмарин обычно люди серьезные и не склонные к фантазерству. Двадцать пять лет Мензис собирал материалы и работал в архивах по всему миру, сам путешествовал по местам, описанным в книге. Что ж это, с одной стороны, момент положительный, ибо историку без географии «встречается преткание», и знать морское дело, навигацию, кораблестроение и самому видеть описываемые моря и побережья — для историка Великих географических открытий — важнейшее дело. С другой стороны, наводит на размышления: дилетанты обычно отбирают и интерпретируют факты не беспристрастно.

О своем детстве и юности Мензис особо не распространяется, но намекает, что родился в Китае. Однако вьедливые оппоненты сразу вычислили: историк-подводник появился на свет в Лондоне, а Китаем «заболел» значительно позже.

В 1969-м неподалеку от Филиппин боевой подводный крейсер Ее Величества «Роркуэл» столкнулся с миноносцем американского флота «Эндюренс». Бывшая владычица морей вышла из столкновения победительницей: миноносец получил пробоину, хотя и не затонул. А дизельная субмарина поплыла дальше. Военно-морские власти обеих стран провели расследование, показавшее, что Гевин Мензис и один из его подчиненных создали ситуацию, которая и привела к столкновению. Оказалось, что Мензис почему-то допустил нахождение на посту малоопытного моряка, в то время как на вахте должен был дежурить один из старших офицеров. К тому же на подводной лодке в полной мере не функционировала внутренняя связь — и Мензиса начали проверять на предмет профпригодности. Есть даже такая экзотическая версия, что командир подводного крейсера так увлекся собственными исследованиями — он уже тогда интересовался историей Великих географических открытий, — что ему недосуг было наблюдать за шныряющими повсюду кораблями янки.

Тем не менее послужной список Гевина Мензиса выглядит впечатляюще: поступил на флот в 1953-м, 11 лет (1959–1970) плавал на субмаринах. И именно в последние два года службы у него появляется интерес к плаваниям Магеллана и Джеймса Кука. Правда, какие-либо революционные открытия в этой сфере Мензису не светили: о Магеллане уже писали не только историки и географы, но и беллетристы (например Стефан Цвейг). А плавание капитана Кука подробно описано им самим — естественно, до того момента, как

знаменитого мореплавателя съели анонимные аборигены. Но когда Мензис вышел в отставку после судебного решения, формально его оправдавшего, то нашел тему поистине революционную! Ибо по натуре Мензис был увлекающимся человеком — одним из тех энтузиастов, которые подарили миру неведомые ранее земли (над Колумбом тоже потешались!), исторические сенсации (Шлиман открыл Трою — ха-ха, смеялись академики) и технические чудеса (человек не может летать — безапелляционно заявлял отец братьев Райт) — и профессиональным моряком.

Мензис начал там, где до него многие просто останавливались. Он, анализируя старинные морские карты, оттолкнулся от легенды: «говорят», будто Колумб вышел на поиски своей Азии (обнаружив Америку) с картой. Кто говорит, зачем говорит — не важно, главное — откуда первоисточники? И Мензис отвечает: никто в Европе таких подробных карт иметь не мог! Его не убедили сенсационные утверждения о том, что Новый Свет оплодотворили исчезнувшие колена Израилевы, финикийцы, африканцы. Даже викингов Мензис считает не совсем «первооткрывателями» — карт же они нам не оставили. Так кто же еще до Колумба мог приплыть к берегам Америки? Какая держава была гегемоном на морях в XV веке? А кто лучше всех делал бумагу, умел делать шелк, лакировал шкатулки, запускал ракеты и летал на бумажных драконах?

Гевин Мензис составил карту предполагаемых плаваний и на сотнях страниц своей книги рассказал о великом подвиге китайских мореплавателей. Книга интересна тем, что посвящена событиям, которые были несправедливо забыты европейской историей. Она сразу переполошила весь мир. Европейцы обижались, азиаты приветствовали автора. С подачи «Дейли Телеграф» про нашумевшую книжку написали едва ли не все мировые агентства, Би-би-си срочно делало интервью с автором, а более 200 ученых, издателей и дипломатов обсуждали доклад Мензиса на заседании Британского Королевского географического общества. Почему книгу назвали сенсацией, понятно. «Никакой „эпохи Великих географических открытий“ не было», — утверждает Гевин Мензис. Колумб, Васко да Гама, Магеллан, Кук и едва ли не все остальные первооткрыватели не были таковыми. На самом деле и Америку, и Австралию, и Антарктиду, да и все остальное открыли китайцы. Причем сделали они это почти за столетие до европейцев и потратили на это всего два года — с марта 1421-го по октябрь 1423 г., а к 1428 г. мир со всей точностью был уже нанесен на карты. Мензис считает, что карты Чжэн Хэ послужили основой европейских морских карт времен эпохи Великих географических открытий, что легендарный Генрих Мореплаватель посылал своих капитанов вовсе не в неизвестность. В его замке Сагриш с ним были не только каталонские капитаны, еврейские картографы и арабские астрономы. В секретных помещениях хранились карты, которые чудом попали в Европу и на которых уже были нанесены и мыс Доброй Надежды, и острова Карибского моря, и пролив, названный позднее Магеллановым. Отчаянные и предприимчивые Колумб, Диаш, Васко да Гама, Магеллан, Джеймс Кук, отправляясь в путь, хранили у сердца карты, на которых были отмечены их маршруты. Это карты Кан'нидо, Пири Рейса, Вальдземюллера и другие.

Сам автор пишет: «Когда я впервые пришел к этим выводам, я был в ужасе. Я боялся, что люди сочтут меня сумасшедшим. Однако я абсолютно уверен в своей правоте, несмотря на то, что мои доводы сложны и запутаны, а моя теория ставит с ног на голову всю историю географических открытий».

Итак, Мензис утверждает: «во время шестого плавания Золотой армады ее флоты, возглавляемые адмиралами Хон Бао, Чжоу Манем, Чжоу Вэнем и Ян Цином, бороздили моря и океаны на протяжении двух с половиной лет, но главный мандарин военного ведомства Лю Даци приказал все записи, касавшиеся этого путешествия, уничтожить. По этой причине мы практически не имеем никаких официальных свидетельств о том, куда ходили за эти годы китайские моряки и какие земли они открыли». Однако автор — моряк, и это позволяет ему раскрыть загадку, не покорившуюся историкам: «Хотя до сих пор я покорно следовал по стопам академических историков, куда более образованных и талантливых, чем ваш покорный слуга, начиная с этого момента я решил взбрыкнуть и позволить себе

воспользоваться собственным опытом...»

Что же делает Мензис? Он анализирует португальские, итальянские, арабские и китайские карты XV в., то есть действует как заправский историк, вводя в оборот новые пласты источников, ранее недоступных исследователям из-за своей непонятности (ну что поделывать, историки в массе своей ни бельмеса не смыслят в морских течениях и древних лоциях).

Это — блестящий ход, лучше и не придумать. Именно в расширении базы источников наших представлений о прошлом, прежде всего, через привлечение в историю знаний смежных дисциплин, настоящие профессионалы и видят столбовую дорожку преодоления кризиса исторической науки.

Мензис пишет, что воспользовался «...собственным опытом по дешифровке и толкованию тех немногих документов по истории китайских географических открытий, которые имелись в моем распоряжении. А именно, составленными китайскими моряками древними картами и лоциями, а также несколькими манускриптами и материальными свидетельствами пребывания китайцев в отдаленных уголках земли, которые дошли до нашего времени». Что ж, подход абсолютно научный и серьезный, никакой отсебятины, никаких нездоровых сенсаций. Это внушает надежду...

Свидетельствами, о которых говорит Мензис, являются покрытые резьбой камни, которые Чжэн Хэ оставлял в своих путешествиях, примерно, как Васко да Гама или Колумб — каменные кресты. Таковые есть кроме Цейлона, в Индии у Каликута, и в самом Китае — в Линьчиачан и Чиансу. В надписях самого Чжэн Хэ в Китае перечислены страны, которые он посетил (он, а не его эскадры) и написано, что флоты прошли по океану более 100 тыс. ли и побывали в 3 тыс. стран. Надписи переведены и введены в научный оборот в 1930 г.

Многие могут сказать: обычная средневековая страсть к гиперболам, и будут правы. Но Мензис, как западный человек XX века, просто не понимает, что цифры в разное время означали разное, и поэтому поверил! То есть он посчитал, что китайцы преодолели по морю 40 тыс. морских миль (кругосветка укладывается в 21,6 тыс. морских миль) и посетили 3 тыс. стран. И оттолкнувшись от этого, на первый взгляд, совершенно произвольного и шаткого основания, двинулся искать подтверждения... Что ж, Колумб тоже совершенно безосновательно верил, что плывет в Индию — и действительно сделал величайшее открытие.

Ма Хуань, дневник которого служит основой наших знаний о путешествиях Чжэн Хэ, добрался с ним до Каликута (1421), а потом вернулся в Китай. Занятно, но в 1421 г. в Каликуте случайно оказался венецианский купец Никколо Да Конти, принявший в Египте ислам и пробравшийся в Индию. Судя по всему, он был венецианским шпионом на Востоке. Вернувшись в Европу, он оставил подробные отчеты о своих путешествиях. Сравнение текстов Ма Хуаня и Да Конти позволяет Мензису сделать вывод: венецианец был в Каликуте одновременно с китайским «Золотым флотом» и, вполне вероятно, встречался с Ма Хуанем и другими китайскими мореплавателями. Кстати, Да Конти описал китайские корабли Чжэн Хэ весьма точно, так что это можно считать независимым от китайцев подтверждением существования таковых.

Дальнейший путь флотилий, выделенных Чжэн Хэ для путешествия «до краев земли» — до Африки, — Мензис восстанавливает по «У пей чи»³⁸ и ее составной части — карте «Мао кун». Причем карта «Мао кун» переведена до сих пор лишь частично. Ценность карты состоит в том, что доказано: она является копией с подлинной карты 1422 г., привезенной одним из флотов Чжэн Хэ, и на ней отмечены курсы четырех эскадр китайского флота и расстояния между ними.

В общем, китайцы доплыли до Африки. Что же, то, что джонки побывали там, и раньше исторической наукой не отрицалось. Но Новый Свет?! «У пей чи» и «Мао кун» показывают путь флотилий только до африканского берега. Да, жаль конечно, что Мао Кун

³⁸ «У пей чи» — китайский документ, хранящийся в Пекине (в Британском музее есть его копия), представляющий собой штурманскую карту и инструкцию по плаванию и войне на море.

— только обрывок древнего манускрипта. Но это уже кое-что...

Справедливости ради стоит отметить, что, по крайней мере, поначалу книга Мензиса весьма интересна и довольно убедительна. Общеизвестно, все ниспровергатели истории были кем угодно, но не историками: Фоменко — астроном, Суворов — военный, Бушков — профессиональный литератор. Гевин Мензис — не исключение, как известно, он штурман, бывший офицер британского военно-морского флота. Но ирония судьбы в том и состоит, что и самые серьезные прорывы в исторической науке делались, как правило, не историками, а людьми, работавшими на стыке наук — истории и лингвистики, истории и антропологии и т. п. Это-то и мешает сразу же поставить книжку Мензиса на полку «фоменковщины». Впрочем, в начале XV в. китайские мореплаватели действительно совершили несколько грандиозных морских экспедиций, и в этом не сомневается никто, в том числе и официальная наука. Просто европейцы, особенно те, что интересуются только европейской историей, про это мало знают. А во всей Юго-Восточной Азии главным героем этого плаваний — великий воин, евнух и истовый мусульманин, уже упоминавшийся здесь неоднократно, адмирал Чжэн Хэ — почитается не меньше Колумба, и не без оснований.

Итак, приведем последовательно набор аргументов Мензиса, с помощью которых он пытается обосновать свою теорию:

1. Карты, которые изображали открытые материки. Эти карты в неполном виде, но все же дошли до Европы. (Именно они заставили Мензиса начать свое исследование.)

2. Факт возвращения в Китай «Золотого флота». Вернулись только 1/10 часть экипажа и 1/10 часть кораблей, но они вернулись.

3. В Китай привезли из-за моря кукурузу, и она стала одной из ведущих пищевых культур.

4. В местных музеях потенциальных останков кораблей Мензис обнаружил материальные свидетельства визита китайцев — вплоть до картин, изображавших их корабли и одежду. В Малакке до сих пор стоит храм, построенный Чжэн Хэ, на Цейлоне — каменная трилингва (табличка на трех языках), описывающая прибытие Чжэн Хэ в 1409 г., в Африке на побережье — во множестве — китайские монеты и черепки сосудов.

5. Мензис искал и отмечал места, где находили остатки китайских судов, особенно якорей (в различных частях земного шара).

6. Мензис обнаружил породы китайских кур на всех широтах.

7. Следы того, что китайцы обошли по морю побережье Сибири, Мензис нашел в одной из китайских книг той эпохи: в ней есть изображения эскимосов и пляшущего казака.

8. Мензис выдвинул объяснение успеха китайских капитанов: Гренландию и Сибирь они обогнули, так как уровень Мирового океана был в XV в. существенно ниже, а похолодание в мире началось спустя полвека после плавания «Золотого флота». Ну а плавания по Индийскому океану его с муссонами вовсе не выглядят невозможными, скорее — наоборот.

Порознь доводы Мензиса можно принимать по-разному. Но в совокупности перед нами убедительные доказательства того, что в 1421–1423 годы китайские адмиралы действительно «открывали» нашу планету.

Одна из карт адмирала Чжэн Хэ — так называемая «карта Кан'нидо» (признанная даже самыми консервативными историками подлинной), выполненная на шелке в 1403 г. в Корее, копия которой находится в университете в Киото (Япония) — свидетельствует, как минимум, о том, что он располагал надежной и достоверной информацией о Европе. К сожалению, поиск истины очень осложняется уничтожением официальной информации о двух последних плаваниях, которые, по всей видимости, были самыми дальними. Добрались ли китайцы до Мозамбикского пролива в Восточной Африке?

Исследователям известно и свидетельство фра Мауро, монаха-картографа из Венеции, который в 1457 г. написал, что некая «джонка из Индии» тридцатью годами раньше заплывала на две тысячи миль в глубь Атлантики. Карта фра Мауро хранится в Национальной морской библиотеке Италии в Венеции, где Мензис ее и исследовал. А на этой карте — за 30 лет до

плавания Бартоломеу Диаша — показан мыс Доброй Надежды. А карта, между прочим, начерчена фра Мауро по заказу португальского принца дона Педро... Мало того, есть рассказ фра Мауро о том, как примерно в 1420 г. «некий корабль, шедший из Индии, пересек Индийский океан и обогнул мыс Доброй Надежды с востока»... и рядом с этим рассказом на пергаменте рисунок того же фра Мауро китайской джонки. Мензис приводит остроумные догадки об источнике сведений фра Мауро — кабинетного ученого — и довольно интересно, хотя и небезупречно с позиций строгой науки, доказывает, что этим источником мог быть только Да Конти, доплывший с китайцами до Гамбии. Тогда почему сам Да Конти не удосужился написать об этом в своем отчете? Однако сомнения в источнике не снимает вопроса: от кого фра Мауро узнал про мыс Доброй Надежды. Ведь достоверно известно, что арабы южнее Софалы (Африка) не плавали и ничего про этот мыс не знали.

Мензис приводит аргумент — карту Кан'нидо. Там этот мыс и вообще южная оконечность Африки показаны достаточно точно. Карта эта претерпевала изменения и вообще составлялась довольно долго из разных кусков, так что африканская часть вполне могла быть подготовлена по итогам плаваний 1421–1423 гг.

Ну что ж, можно сказать, что гипотеза о плавании китайцев вокруг мыса Доброй Надежды и до Гамбии, по крайней мере, выглядит возможной. Она в самом деле позволяет свести концы с концами (карту фра Мауро, его рассказ о судне из Индии, обогнувшем Африку, и карту Кан'нидо). Рассуждения Мензиса о течениях, во власти которых оказывались китайские джонки, обогнувшие Африку с востока, вполне логичны и не выглядят фантазией или инсинуацией — если бы плоскодонки-джонки, не знающие косога паруса, обогнули мыс Доброй Надежды, то скорее всего именно так все с ними и происходило, как описывает моряк Мензис...

Эта гипотеза остроумно объясняет факты, которые, однако, при некотором желании можно объяснить и по-другому. Например, где уверенность, что Африка на карте Кан'нидо нарисована там в 1420-е годы, а не много позже? Или что фра Мауро мог получить свои познания о мысе Доброй Надежды и без всяких китайцев — именно от какого-то индийского судна. То есть, строго говоря, факт наличия мыса Доброй Надежды на карте фра Мауро еще не доказывает того, что китайцы плавали вокруг Африки.

И, наконец, последняя загадка. В январе 2006 г. на одном аукционе была представлена карта 1763 г., якобы точная копия карты 1418 г. Владелец — китайский коллекционер, купивший ее в 2001-м, сразу соотнес ее с гипотезами Мензиса, ведь на ней фигурировали очертания Америки и Австралии, причем с китайскими транскрипциями названий тамошних аборигенов. Экспертиза подтвердила: бумага, на которой выполнена схема, — аутентичная, XV века, а вот насчет чернил сомнения остаются. Впрочем, говорят скептики, даже если это не подделка, то, возможно, просто перевод какого-то западного источника на китайский язык.

Но с чем никто не станет спорить, так это с тем, что китайцы к этому времени знали, что земля — шар, причем знали и примерные его размеры. Умели определять широту (по Полярной звезде, тогда как европейцы, в рамках птолемеевой системы, в качестве отправной точки для определения широты использовали экватор; поэтому китайцы не умели определять широту в Южном полушарии) и — пусть с ошибками — долготу. Мензис пишет об этом, ссылаясь на «У пей чи».

Солнце использовать для определения широты китайцы не умели (впрочем, португальцы научились этому только в 1474 г.). Зато они использовали компас, ведь о магнитном полюсе в Китае знали с VII в., и Мензис описывает китайские способы вычисления долготы, мало чем отличающиеся по степени неточности от европейских — до Кука и секстанта.

Почему китайцы, решив осваивать мир, «дабы включить в орбиту гармоничного мира, управляемого согласно законам Конфуция», «все варварские страны, которые встретятся на пути», решили именно плыть, а не отправить сухопутные экспедиции? С одной стороны, китайцы хорошо знали конфликтную ситуацию в Средней и Передней Азии, да и в Европе. С

другой — Великий шелковый путь они тоже хорошо знали. Дороги Великого шелкового пути на высотах 4–5 тыс. метров тяжелы. Так что можно понять решение китайцев искать морской путь.

Флот, который должен был выполнить волю императора Чжу Ди, назвали «Золотым» из-за его размеров и из-за грандиозных затрат на его строительство.

«Золотой флот» был воплощением всей китайской цивилизации. В него входили 250 «плавающих сокровищниц», почти 400 военных кораблей, 400 зерновозов, водовозов, ремонтных баз и т. д. Достоверно определить все характеристики судов армады Чжэн Хэ историки и кораблестроители пока не могут. Масса спекуляций и дискуссий в научном мире вызвана тем, что ученым известно, как строились схожие джонки до Чжэн Хэ и после него. Однако Южные моря и Индийский океан бороздили специально построенные суда, о которых наверняка (с учетом расчетов, произведенных на основе раскопок в нанкинской верфи) известно лишь следующее.

«Плавающая сокровищница» была по размерам чуть ли не стадионом — около 134–150 м в длину и 40–55 м в ширину. Осадка до ватерлинии равнялась 6 с лишним метрам. Для сравнения можно сказать, что самые большие венецианские галеры того времени были в пять раз меньше в длину, чем «сокровищницы», и могли везти не 2 тыс. тонн груза, а тонн 50. К тому же, галеры эти не имели ни медных, ни железных пушек. На ней было 10 мачт, и они несли на себе 12 парусов из плетеных бамбуковых матов. Также бывали паруса шелковые на бамбуковых реях, но косога паруса китайцы не знали, так что их громадины хорошо плавали только при попутном или боковом ветре, галсами они ходить не умели. Переборки водонепроницаемые (корабли состояли из герметичных секций), каркас судна — из тика (весьма, надо сказать, прочное, но тяжелое и дорогое дерево), обшивка в три слоя досок из твердых пород дерева, промежутки между которыми заполнялись кокосовыми волокнами и заливались лаком из смеси расплавленного тунгового масла, птичьего клея и извести. Надо заметить, что только расточительные китайские императоры могли строить такие корабли, однако нельзя не признать, что такие корпуса были куда «герметичнее» европейских. В 1848 г. джонка, построенная по всем правилам китайского кораблестроения, прекрасно ходила из Нью-Йорка в Лондон и Шанхай под командованием английских офицеров, отмечавших, что она отлично слушается руля, и развивала вполне приличную скорость.

«Плавающие сокровищницы» строили из трех слоев крепчайшей древесины. Они были разделены на 16 водонепроницаемых отсеков, и затопление даже нескольких из них еще не вело к гибели корабля. Баочуаней в эскадре Чжэн Хэ в разное время было от 40 до 60. Для сравнения: первый трансатлантический пароход Изамбара Брюнеля «Грейт Вестерн», появившийся через четыре века (1837), в длину был почти в два раза меньше (около 72 м). Измерения средних кораблей равнялись соответственно 117 и 48 м. Таких джонок было около 200, и они сравнимы с обычными китайскими судами. Команда подобного корабля, в 1292 году везшего в Индию Марко Поло, состояла из 300 человек, а Никколо ди Конти, венецианский купец XIV–XV вв., путешествовавший в Индию и Ормуз, упоминает пятимачтовые джонки водоизмещением около 2 тыс. тонн. Адмиральский флот имел 27–28 тыс. человек личного состава, в число которых входили солдаты, купцы, гражданские лица, чиновники и мастеровые (по количеству это население большого китайского города тех времен). Напомним, флотилия Колумба состояла из 3 кораблей. Главный из них — «Санта-Мария» имел в длину 25 м, в ширину — 9 м, его водоизмещение составляло 100 тонн, команда — 40 человек.

Китайские корабли строили совершенно иначе, чем европейские. Во-первых, у них отсутствовал киль, хотя в днище и встраивали длинный брус, называвшийся лунгу («кость дракона»), для смягчения удара о грунт при причаливании. Причем каждый корабль имел сменные «кости дракона» на случай поломок. Прочности конструкции корабля добивались, добавляя на борту по всей длине деревянные укрепления-вельсы на уровне ватерлинии или выше нее. Главным же недостатком «сокровищниц» было то, что эти суда были

плоскодонными и по преимуществу могли плавать по течению.

Если в Европе мачты располагались по центру судна, встраиваясь основанием в киль, то в китайских джонках основание каждой мачты соединялось лишь с близлежащей переборкой, что позволяло «раскидывать» мачты по палубе вне зависимости от центральной оси симметрии. При этом паруса разных мачт не перекрывали друг друга, раскрывались наподобие веера, парусность увеличивалась, и корабль получал соответственно большее ускорение.

Суда китайцев, создававшиеся для работы в неглубоких водах, по пропорциям отличались от европейских: их осадка и длина пропорционально уступали ширине. Это все, что нам известно достоверно. Переводчик записок Ма Хуаня, спутника Чжэн Хэ, Джон Миллз дополняет эти данные предположением о том, что на баочуанях было по 50 кают.

В общем, никто не мог остановить флот Чжэн Хэ.

ОТРЕЗАННЫЙ ОТ МИРА

Почему же Китай после столь невероятных открытий выбрал политику изоляционизма? Сегодня больше всего удивляет, что столь серьезные по масштабам походы, как экспедиции Чжэн Хэ, по их окончании были напрочь забыты и современниками, и потомками. Честолюбивый Юнлэ отправил флот в дальние страны в самом начале своего царствования, а к концу жизни запретил всякие упоминания об этом.

Только в начале XX в. западные ученые обнаружили упоминания об этих плаваниях в отдельных хрониках императорской династии Мин и задались вопросом: зачем была создана эта огромная флотилия? Версии выдвигались разные: то Чжэн Хэ оказывался «первопроходцем и исследователем» вроде Кука, то искал для империи колонии подобно конкистадорам, то его флот представлял собой мощное военное прикрытие для развивающейся внешней торговли, как у португальцев в XV–XVI веках.

Однако страны Южных морей и Индийского океана были связаны морской торговлей с Поднебесной еще во времена династий Тан и Сун (618—1279). Тогда из портов Фуцзяни, Гуандуна, Чжэцзяна и Гуанси уже были проложены морские пути к Индокитаю, Индии и даже Аравии. Ходили морем от провинции Ляонин к Корейскому полуострову и в Японию. Так что открывать новые торговые пути адмирал не планировал. Хотел ли он покорять новые земли? С одной стороны, китайская империя испокон веков стремилась присоединять земли ближайших соседей. К тому же, армада Чжэн Хэ по самым планширам была набита оружием и воинами. Но, с другой стороны, на протяжении всей истории жители Поднебесной расселялись по дальним странам мирно, образовывали диаспоры, не испытывая никакой нужды в колонизации. Сыновья Неба никогда не предпринимали морских завоевательных походов. И если дары, которые флотоводец вез назад ко двору, привычно трактовались как дань, то их поступление прекратилось ровно в тот момент, когда корабли адмирала вернулись в родную гавань.

Но если историки затрудняются найти достаточно веские основания для начала морских экспедиций, то еще менее они способны объяснить внезапный переход Китая на позиции изоляционизма.

А вот некоторые исследователи считают, что ответ напрашивается сам собой: империя приняла историческое решение об изменении курса внешней политики. Отказ от экспансии. Отказ от глобализации. Курс на изоляцию от внешнего мира. Новая директива была исчерпывающей. «Китай в состоянии производить все необходимые для жизни товары и продукты самостоятельно». Для такого курса были и субъективные поводы, и объективные причины.

Возникает закономерный вопрос: почему же новые земли исследовали и заселили португальцы, испанцы и англичане, а не китайцы — ведь плавания Чжэн Хэ показали, что сыны Поднебесной умели строить корабли и обеспечивать свои экспедиции экономически и политически?

Ответ прост, и сводится он не только к различию этнопсихологии среднего европейца и среднего китайца, но и к историко-культурной ситуации эпохи Великих географических открытий. Европейцам всегда не хватало земли и ресурсов для поддержания своей бурно развивающейся экономики, их гнали на захваты новых территорий теснота и вечная нехватка материальных благ (золота, серебра, пряностей, шелка и т. д.) для всех, кто их жаждал. Здесь же можно вспомнить о свободном духе наследников эллинов и римлян, с древности стремившихся заселить Средиземноморье, ведь они шли на завоевание новых земель еще до того, как со стапелей сошли первые каравеллы.

У китайцев тоже были свои проблемы — перенаселение и земельный голод, но несмотря на то, что от заманчивых сопредельных территорий их всегда отделяли лишь неширокие проливы, Китай оставался самодостаточным: подданные Сына Неба эстафетно «распространялись» по Юго-Восточной Азии и сопредельным странам как мирные поселенцы, а не как миссионеры или охотники за рабами и золотом. Случай императора Юнлэ и его адмирала Чжэн Хэ — исключение, а не правило. То, что баочуани были большие и что их было много, не означало, что Китай посылал их в дальние страны для захвата земель и устройства заморских колоний. Юркие каравеллы Колумба и Васко да Гамы бьют в этом плане гигантские джонки Чжэн Хэ по всем фронтам. Именно эта незаинтересованность китайцев и их верховной власти во внешнем мире, сконцентрированность на себе и привели к тому, что грандиозный выплеск активности времен императора Юнлэ не нашел продолжения после его смерти. Юнлэ отправил корабли за горизонт вопреки магистральной имперской политике, предписывавшей Сыну Неба принимать послов из мира, а не рассылать их по миру.

Возможно, Нефритовый Император все же не простил земному роковую попытку сравняться с ним по числу комнат дворца. И даже 9999 с половиной комнат покоев Запретного города счел оскорблением. Через два месяца после отплытия флота Чжэн Хэ над Запретным городом в Пекине разразилась буря, во дворец ударила огромной силы молния, начался пожар. Огонь уничтожил почти весь город и даже трон императора. Погибли сотни людей. Император заболел (после грандиозного пожара с ним случился инсульт) и расценил все произошедшее как гнев Небесного Императора и передал власть сыну. Но мандарины требовали более решительных мер: отстранить евнухов, отказаться от экспансии. И Великая стена, и Великий канал, и «Золотой флот» требовали грандиозных затрат. Только лесов для судов было вырублено столько, что Вьетнам восстал и отделился от Китая.

В сентябре 1424 г. Чжу Ди умер. Смерть императора и адмирала вернула Поднебесную к исходной позиции: ненадолго приоткрывшиеся створки раковины вновь захлопнулись. Сын Чжу Ди запретил строить «плавающие сокровищницы» — даже чертежи были уничтожены. Сожгли все отчеты и карты. Теперь вообще любые поездки китайцев за рубеж запрещались. На землях Китая воцарилась гармония застоя — в духе Конфуция. Связи с внешним миром сведены к минимуму — доходы от внешней торговли упали до 1 % от всего объема доходов империи. А после 1644 г. и смены династии Мин династией Цин изоляция только усилилась. Китай впал в летаргию.

Для расширения географии любой империи — и Поднебесная не исключение — нужна внутренняя потребность в этом. Например, в Испании и Португалии после завершившейся многовековой войны за изгнание мавров значительным был слой дворян, оставшихся без дела и готовых ехать за океан в поисках лучшей доли. В Древней Греции и Риме экспансию двигала потребность в новых рабах. В Китае не было внутренних потребностей в необходимости расширения границ и жизни в смешанном мире. Воля и желание любознательного императора — это еще не законы развития общественных формаций.

Не менее важным было и то, что в открываемых землях не было, с точки зрения Китая, самого элементарного: в этих странах отсутствовала сколько-нибудь сильная власть, которую можно было бы сделать вассальной. Для подъема новых территорий хотя бы до минимально необходимого уровня — прежде всего в сельском хозяйстве — требовалось столько ресурсов, что даже полное разорение самого Китая мало что дало бы.

В общем, обнаружилось, что уровень развития Китая и его превосходство, создавшие основу для китайской глобализации, были реальными, а вот потребности в глобализации в Китае не было, как не было и ресурсов для глобализации, а в окружающем его мире не было условий для глобализации. Поэтому решение Китая об отказе от глобализации понятно и мотивировано.

Но когда это решение обрело реализацию в варианте изоляционизма, Китай, проживший «нормальной жизнью» несколько столетий до начала XIX в. — чуть ли не десять поколений, — начал путь вниз. Приняв концепцию изоляционизма, Китай многократно сократил и без того слабые внутренние стимулы к процессу выхода за рамки традиционности. Расплата наступила через несколько веков, когда в Европе началась промышленная революция. С эпохой пара и машин Китай соревноваться уже не был готов.

И стены Запретного города не устояли...

ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР

Запретный город, который построил один из самых могущественных императоров Китая (если не самый могущественный), впоследствии стал последним — а не главным — прибежищем последнего китайского императора — Пу И.

Большинство европейцев узнали о последнем китайском императоре Пу И благодаря знаменитому фильму Бернардо Бертолуччи «Последний император». Нам рассказали, что хрупкий человек в очках отчаянно гордится прошлым своего рода. Несмотря на драматические повороты судьбы, «король без королевства» пытался не уронить фамильной чести. Конечно, он — марионетка, игрушка в руках недобрых сил, но в то же время, безусловно, личность. А самое главное, Пу И, которого мы видим глазами Бертолуччи, трогательно одинок...

Десятый император маньчжурской династии Цин родился 7 февраля 1906 г. Его возвели на престол в двухлетнем возрасте — 2 декабря 1908 г. Идея сделать Пу И наследником трона принадлежала вдовствующей императрице Цыси. В ноябре 1908 г. Цыси почувствовала внезапное недомогание. Столь же неожиданно заболел и дядя Пу И — император Гуансюй. Цыси поняла, что их дни сочтены, и позаботилась о будущем династии. Так Пу И очутился в Запретном городе. Когда Пу И исполнилось три года, его разлучили с матерью. Опекать наследника престола поручили императорской наложнице первого ранга Дуань Кан. Отец мальчика — Чунь — навещал сына раз в два месяца, его визиты длились всего несколько минут. Чунь был занят государственными делами — его назначили регентом при малолетнем правителе. Однако, будучи слабым политиком, он не смог удержать бразды правления и регентство перешло к вдове императора Гуансюя, которую звали Лунъюй. Она-то и подписала за Пу И отречение от престола, когда власть в стране захватил премьер-министр Китая Юань Шикай. Эти события вошли в историю под названием Синьхайской революции. Отныне Китай стал республикой. А император оставался императором только в пределах Запретного города. Покидать его территорию Пу И было запрещено. Однажды он попытался выйти за ворота, но охрана преградила ему путь. В гневе Пу И швырнул в ворота свою любимицу — мышку, которую всегда носил с собой.

Конечно, не стоит слишком осуждать императора за убийство мыши. В сущности, это скорее жест отчаяния. Но мальчик и в самом деле был жесток. Однажды в дурном расположении духа он решил убедиться в том, что имеет неограниченную власть: Пу И приказал одному из евнухов съесть дерьмо. Юный Сын Неба смеялся, когда узнал, что тот несколько дней мучался болями в желудке. Еще одного евнуха Пу И заставил прыгать через огонь, отчего несчастный едва не умер. С царственными капризами справлялась только няня императора — простая женщина по имени Ван Чжэ. Она-то и сумела в конце концов смягчить его сердце. Пу И любил и почитал ее всю жизнь. Однажды он чуть было ее не потерял. Опасаясь влияния Ван Чжэ, придворные удалили ее из Запретного города, когда Пу И исполнилось девять лет. Но через несколько лет повзрослевший Пу И разыскал свою

няню, и с тех пор она временами жила во дворце. Когда много позже Пу И станет правителем Маньчжоу-Го, он заберет Ван Чжэ в свою новую столицу — город Чанчунь.

В тринадцать лет Пу И пережил трагедию, которую никогда не смог забыть. Его родная мать Юлань, которая наконец сумела встретиться с сыном после долгой разлуки, поспорила о воспитании Пу И с Дуань Кан — той самой императорской наложницей первого ранга, которая опекала мальчика с трехлетнего возраста. Дуань Кан напомнила матери Пу И, что все эти годы она не заботилась о своем ребенке. И вскоре Юлань покончила с собой, отравившись опиумом. Ее смерть была нелегкой — мучения длились два дня. Пу И на всю жизнь возненавидит опиум, но коварному зелью предстоит еще раз причинить ему горе.

Зато в те же тринадцать у Пу И появился новый друг — англичанин Реджинальд Флеминг Джонстон. Выпускник Оксфорда Джонстон учил императора английскому языку и литературе. Однако, понимая, что подросток очень одинок, рискнул учить его и жизни. Именно этот человек сделал Пу И в душе европейцем. Даже облик императора изменился: он стал носить очки, а главное — отрезал косу. Придворные были в ужасе, ведь никогда китайские императоры не позволяли себе опускаться до подражания европейцам! Но какое это, в сущности, имело значение теперь, когда владения Сына Неба ограничивались стенами Запретного города? Джонстон научил Пу И кататься на велосипеде, играть в гольф и теннис. Англичанин даже дал подростку новое имя: Генри. Так он и будет себя называть: Генри Пу И.

Когда императору исполнилось шестнадцать, пришла пора ему обзавестись семьей. Юноше показали портреты маньчжурских девушек, и одна из них — тринадцатилетняя Вэнь Сю — ему приглянулась. Но Дуань Кан выбрала другую — Вань Жун. Она была постарше Сю, ей уже исполнилось семнадцать. К тому же Вань Жун была настоящей красавицей, а, главное, ее родители были очень богаты. Она-то и стала императрицей, а малышка Сю была наложницей и имела статус придворной дамы.

Пу И был равнодушен к Вань Жун, во всяком случае сразу после женитьбы. Даже Сю, которая ему так нравилась, мало занимала его мысли. Как он напишет в мемуарах, у него была одна мечта: возродить императорскую власть — он взрослый, имеет свою семью и, не случись революции, правил бы Китаем. Надо заметить, что пока Пу И оставался в стенах Запретного города, монархию пытались реставрировать дважды. Первый раз это случилось в 1915 г., когда президент Юань Шикай провозгласил себя императором, но на следующий год отрекся от престола. Второй раз Пу И чуть было не повезло: в 1917 г. власть захватила группа военных, которые хотели вернуть ему трон. Однако мятежники продержались всего две недели. Эти события не влияли на жизнь Пу И — ему по-прежнему принадлежало крошечное «государство в государстве». Он не думал, что может лишиться даже Запретного города.

Гражданская война в Китае продолжалась. В ноябре 1924 г. Пекин заняла армия Фэн Юйсяна.³⁹ Пу И приказали убираться восвояси. Последний император отправился в город Тяньцзинь. Эта территория принадлежала японцам, которые согласились покровительствовать Пу И и его двору в изгнании.

В Тяньцзине Пу И провел семь лет, наслаждаясь жизнью. Он одевался, как европеец, вел себя, как европеец, и даже пережил семейную драму, которая, казалось бы, могла приключиться с обычным европейцем, но отнюдь не с Сыном Неба. На одном из раутов Пу И изволил танцевать только с Вань Жун. Униженная Вэнь Сю отчаянно ревновала и (о, наглость!) в тот же вечер потребовала дать ей развод. Пу И заявил, что никто не смеет разводиться с ним, да еще и против его воли. Но эмансипированная Сю угрожала публичным скандалом, и ее пришлось отпустить. Итак, даже в своей семье он уже не был господином.

А вскоре Пу И предстояло убедиться в том, какой волшебной силой обладает его имя, и насколько мало в то же время значит он сам. В 1931 г. японцы захватили северо-восток Китая — территорию Маньчжурии. Появилось новое государство — Маньчжоу-Го. Нужен был

³⁹ Фэн Юйсян (1882–1948) — военный и политический деятель, поэт, литератор, участвовал в революционных событиях и с 1917 г. был военным правителем провинции Шэньси.

номинальный правитель, угодный как народу, так и японским властям. Конечно, десятый император маньчжурской династии Цин подходил на эту роль, как никто другой. Почему Пу И согласился и понимал ли он, на что идет, осталось загадкой. Многие историки считают, что Пу И рвался к власти и использовал единственный шанс вернуть то, что принадлежало ему по праву рождения. Маньчжоу-Го он рассматривал как плацдарм, откуда можно будет начать поход на остальной Китай. Принимая решение, Пу И помнил множество примеров из китайской истории, когда обстоятельства вынуждали славных правителей прибегать к помощи соседей, чтобы навести порядок у себя дома.

Но вполне возможно, что японцам пришлось надавить на Пу И, чтобы он согласился стать главой администрации, а затем императором Маньчжоу-Го. Ходили слухи о том, что японцы похитили Пу И, отвезли его в Маньчжурию и заставили принять формальное руководство государством. Советский писатель Юрий Корольков в романе «Кио ку мицу!», написанном на документальной основе, излагает свою версию событий. Пу И убедили, что оставаться в Тяньцзине небезопасно. Он получал полные угрозы письма от китайских коммунистов. А однажды ему прислали корзину фруктов, на дне которой лежали бомбы, которые чудом не взорвались. «Чудо» было организовано японцами: бомбы, как и письма, были фальшивыми. С другой стороны, японцы льстили Пу И: дескать, народ Маньчжурии ждет своего императора и готов его поддержать. Так японцы и заполучили Пу И.

В течение четырнадцати лет, с 1932-го по 1946 г., Пу И был марионеточным правителем, который подчинялся Японии. Реальной властью обладал очередной командующий Квантунской армией (он же одновременно был послом японского императора при дворе императора Маньчжоу-Го). На этом посту за годы правления Пу И сменилось шесть человек. Они-то и принимали все важные решения. Кроме того, к Пу И приставили специального человека — генерала Есику, который неотлучно находился при императоре и следил за каждым его шагом.

Отстраненный от власти император был поглощен личной жизнью. К несчастью, его жена Вань Жун пристрастилась к опиуму, и царственный супруг к ней охладел. Императрица искала утешения в объятиях своего телохранителя, о чем японцы доложили Пу И. Ребенка Вань Жун — плод этой связи — убили сразу же после рождения, и несчастная императрица сошла с ума.

Пу И взял себе новую наложницу по имени Тань Юй-Лин. Эта маньчжурская девушка не любила японцев, о чем позволяла иногда говорить вслух. Пу И привязался к Тань Юй-Лин и проводил с ней много времени. Они были вместе уже пять лет, когда Тань Юй-Лин заболела тифом. Как писал Пу И в мемуарах, ее состояние не было критическим, пока с врачом-японцем не побеседовал генерал Есика. На следующее утро Тань Юй-Лин умерла. Вскоре Есика принес фотографии японских девушек, чтобы император выбрал себе новую наложницу. Зная, что японка будет шпионить за ним, Пу И отказался. Есика подыскал других претенденток. На сей раз это были маньчжурские девушки, но все они закончили японскую школу. Пу И понял, что сопротивление бесполезно, и остановился на одной из них. Ее звали Ли Юйцин. Много лет спустя Ли Юйцин будет вспоминать о том, как пятнадцатилетней девочкой попала во дворец. Пу И относился к ней, как к ребенку: мог приласкать, а мог и дать по шее. И все время поучал. Император читал Ли Юйцин морали, пересыпанные афоризмами, или излагал буддийские каноны. Дело в том, что в это время Пу И увлекся буддизмом, несмотря на то, что все императоры династии Цин были конфуцианцами. Пу И часто медитировал. Он ел вегетарианскую пищу, и ни одно живое существо во дворце — будь то мышь или муха — не могло быть убито.

Император ненавидел кровопролитие, но его государство все время воевало. С 1937 г. шла война с Китаем. А во время Второй мировой войны Маньчжоу-Го было союзником Японии, Германии и Италии.

В 1945 г. Маньчжурию заняли советские войска. 15 августа Пу И подписал отречение от престола. Он пытался бежать в Японию, но его арестовали и вскоре переправили в СССР. Пу И интересовал Сталина как свидетель обвинения на Токийском процессе.

Пу И проявил лояльность и охотно свидетельствовал против японцев. Он утверждал, что он сам и его министры были декоративными фигурами. Бывший император утверждал, что Сталин и советские войска спасли Маньчжурию. Он объяснял, что не мог свободно вести переписку с правительствами других стран, которые могли бы помешать японцам осуществить их планы по захвату всей Азии и вторжению на территорию СССР.

Однако китайцы предоставили суду документ, который едва не погубил Пу И. Это была надпись на шелке, где Пу И признавал справедливой передачу Маньчжоу-Го в его руки и благодарил японцев за доверие. Поскольку до этого считалось, что Пу И стал правителем марионеточного государства под давлением, экс-императору пришлось выкручиваться — он рисковал превратиться из свидетеля в обвиняемого. Пу И заявил под присягой, что надпись является подделкой. Тогда китайцы потребовали провести почерковедческую экспертизу. Много лет спустя Пу И признается в мемуарах, что солгал — надпись была действительно сделана его рукой. Как же ему удалось выйти сухим из воды? Об этом рассказывает Георгий Пермяков — один из переводчиков на Токийском процессе: «Я был в составе комиссии. Скажу прямо: экспертиза подтвердила, что эта надпись была сделана именно рукой Айсингоро Пу И. А это значит, что его должны были судить так же, как Хидэки Тодзио и других главарей японской военщины. Но для нас, для советской делегации, Пу И был слишком ценным свидетелем. Его показания сильно помогли нашей разведке. Поэтому мы сделали все возможное, чтобы сохранить жизнь императору. Вот у меня фотографии этой почерковедческой экспертизы. Мы договорились с китайцами, и ее результаты так и не были обнародованы».

Известно, что Пу И хотел остаться в Советском Союзе. Страх перед возвращением на родину усилился, когда в 1949 г. там пришел к власти Мао Цзэдун. Пу И писал Сталину покаянные письма. Десятый император династии Цин умолял позволить ему и дальше пребывать в Стране Советов, уверял, что труды классиков марксизма-ленинизма, которые он имел возможность прочитать в тюрьме, открыли ему глаза на социальную несправедливость. Как полагают историки, на самом деле хитрый экс-император планировал со временем перебраться в Англию или США. У Пу И оставался еще один козырь. Еще в 1924 г., покидая Запретный город, он захватил с собой саквояж с драгоценностями. Ему удалось сохранить их в Тяньцзине и перевезти в Маньчжоу-Го Пу И пытался бежать, драгоценности были при нем. Часть он вез открыто, но кое-что припрятал под двойным дном чемодана и теперь пытался купить расположение Сталина, пожертвовав целое состояние на развитие народного хозяйства СССР. Сталин не принял подарка. В июле 1950 г. он выдал Пу И китайским властям, а заодно передал его имущество правительству КНР. Однако, по слухам, множество предметов, принадлежащих Пу И, находится сейчас в одной из частных коллекций в Украине. Эти вещи — среди них веер в серебряном окладе, несколько мечей, серебряные ручные мельницы, — по-видимому, не покидали территорию Советского Союза. Если это действительно сокровища Пу И, то получается, что Сталин в свое время пожадничал...

Пу И не хотел возвращаться в Китай. На станции Пограничная он даже пытался покончить с собой, но охранники вытащили его из петли. Пу И провел в китайской тюрьме для военных преступников долгих девять лет. Теперь он изучал труды Мао Цзэдуна, читал газеты и слушал радио. Его даже возили на специфические экскурсии: показывали предприятия и сельхозкоммуны. Время от времени пресса публиковала статьи Пу И, в которых он занимался самобичеванием и хвалил новую справедливую власть. Мао не зря оставил его в живых... За годы заключения Пу И научился мыть полы и стирать одежду. В общем, он «перевоспитался».

Мао Цзэдун простил его в 1959 г. Пу И поселился в Пекине. По совету Великого Кормчего он женился на китаянке — медсестре по имени Ли Шусянь. К тому времени императрицы уже не было в живых, а Ли Юйцинь Пу И освободил, еще будучи заключенным. Новый брак Пу И противоречил традиции: императоры Цин женились только на маньчжурских девушках. Супруги были счастливы. Пу И вел спокойную жизнь. Сначала

он работал садовником в Пекинском ботаническом саду, потом стал архивариусом в национальной библиотеке. А в 1964 г. Пу И вновь оказался наверху социальной лестницы — он стал депутатом Политического консультативного Совета КНР. В этом качестве он верно служил родине (или новой власти?) до самой смерти. Пу И скончался 17 октября 1967 года. По иронии судьбы хоронил бывшего императора Центральный комитет компартии Китая...

НЕПОСТИЖИМЫЙ ТИБЕТ

Нынешний Далай-лама, религиозный лидер Тибета, утверждает, что Тибет — это самостоятельное государство, оккупированное китайскими войсками. В ответ правительство Китая говорит, что произошло мирное воссоединение братских народов. Так чей же он, Тибет? Китайцы называют его Страной снегов и считают, что туда в конце жизненного пути отправился Лао-цзы. Он перешел границу и исчез. Никто никогда больше не видел Великого Учителя...

Само географическое положение Тибета обеспечивает ему относительную изоляцию. Удаленный от мира, загадочный Тибет находится между двумя древнейшими центрами культуры — Индией и Китаем.

Каково же происхождение тибетцев? Большинство ученых считает, что их прародиной была Центральная или Восточная Азия. Тибетский язык родственен китайскому и бирманскому, вместе с другими схожими языками они образуют так называемую сино-тибетскую языковую группу. На этом основании многие исследователи говорят о генетическом родстве между населением Тибета и Китая. Однако первые исторические свидетельства о Тибете относятся к тому времени, когда тибетская культура уже существовала независимо от соседей.

Древний Тибет имеет и легендарную историю. Первым его царем считается Ньяти-цзанпо. Возможно, он был человеком, но тибетцы почитали его как божество. По преданию, он спустился с неба и, пребывая на земле, общался с небожителями. Когда пришло время покинуть землю, Ньяти-цзанпо вернулся на небо по веревке. (Интересно, что, согласно другому варианту легенды, Ньяти-цзанпо пришел в Тибет из Индии.)

Еще одного полумифического правителя страны звали Дигум-цзанпо. Он тоже пользовался волшебной веревкой, но однажды, во время драки со своим конюхом, был убит, так как небесная веревка оборвалась. Поэтому начиная с Дигум-цзанпо все владыки Тибета были смертны.

Но это легенды, а из авторов исторических сочинений первым о Тибете упоминает Клавдий Птолемей в своей «Географии». Тибет он называет Бод.⁴⁰ В китайских текстах, где сведения о Тибете появляются позже, чем в «Географии», он именуется Фа.

Известно, что с VII по XI в. Тибет простирался от Бенгалии на юге до Монголии на севере. Главными врагами тибетцев были китайцы (жители Черной Империи), а от индийцев (подданных Белой Империи) их защищала естественная преграда — Гималаи.

То покоряясь Китаю, то освобождаясь от его владычества, тибетцы неизменно симпатизировали Индии, и не только потому, что не были изнурены войнами с ней. Индия стала для тибетцев священной землей: именно оттуда пришел буддизм. Он слился с местными верованиями, и этой религии европейские исследователи дали особое название — «ламаизм» (от слова «лама» — учитель). Однако сами тибетцы отнюдь не считают себя «ламаистами» и утверждают, что исповедуют буддизм. В то же время в Тибете до сих пор популярно древнее учение Бон (Бон По, Бонг По), в основе которого лежат шаманские практики, которые были распространены тут до появления буддизма.

⁴⁰ Слово «Бод» («Бот») переводится как «верхняя часть страны снегов». Сначала так назывались лишь две географические провинции — У и Тсанг, и лишь затем это имя стала носить вся страна. Иногда «бод» читают как «пе». И в европейских языках название «страны Пе» (То-Пед) превратилось в «Тибет».

А вот в Индии Тибет был известен под слегка измененным именем — Бхота.

БОН: РЕЛИГИЯ ДРЕВНЯЯ, КАК МИР?

Само слово «бон» происходит от «юн-друн-ги-бон», что означает «проговаривать магические заклинания», или «повторять секретные формулы». Некоторые историки даже предполагают, что слова «бон» и «Бот» (древнее название Тибета) однокоренные.

По мнению сторонников бон, их религиозная традиция — старейшая на Земле. Они считают, что первые учителя бон появились более 18 тыс. лет назад, и с тех пор традиция не прерывалась. Существует также легенда, утверждающая, что бон существовала всегда, с самого начала Вселенной, а один из вариантов перевода понятия «юн-друн-бон» звучит как «вечное учение».

В древних тибетских текстах сохранились сведения о том, что изначально ритуалы бон и ее священные книги были связаны с неким загадочным языком, который называется «языком богов свастики» (свастика считается в бон основным символом⁴¹). Лишь намного позднее в тибетском государстве Тазиг многочисленные тексты бон были записаны древнетибетским языком и затем распространились по всему миру. Другая версия гласит, что тексты бон переводились на тибетский с языка государства Шаншун, расположенного где-то на северо-запад от Тибета.

Трудно сказать, какая из этих версий верна. Историки не знают достоверно, где же зародилась религия бон. Однако серьезные исследователи предполагают, что время ее существования намного меньше 18 тыс. лет. Скорее всего время расцвета бон приходится на II–I тыс. до н. э.

Как и всякая древняя религия, бон связана с природными, географическими и климатическими особенностями региона. Тибет расположен на высоте в несколько тысяч метров над уровнем моря, климат этих мест суров, и перемены погоды зачастую непредсказуемы. Человек в таких условиях часто оказывался на грани жизни и смерти, и для того чтобы выжить, следовало полагаться на помощь иных, сверхчеловеческих сил.

В представлении тибетцев мир населен своенравными и враждебными духами, от которых человек зависит в каждый момент своей жизни. Естественно, что далеко не все духи и божества благоволят к человеку, скорее наоборот. Поэтому тибетцы из поколения в поколение совершенствовали магические практики, которые должны были обеспечить магу — адепту религии бон — власть над природными духами. При помощи особых техник он мог привлечь на свою сторону доброжелательных духов и убедить их помогать человеку, а также контролировать действия злых духов и активно противодействовать им. Главным инструментом управления духами было заклинание — произнесение магических формул, которые заставляли духов совершать необходимые для человека действия. Таким образом заклинания могли уберечь человека от опасности и благоприятствовать ему в делах.

Постоянное проговаривание этих мистических формул до сих пор является одной из отличительных особенностей бон. Если в других религиях на первый план выступает ритуал или философское содержание вероучения, то для бон они не имеют большого значения. Исследователи объясняют эту особенность тем, что суровые условия Тибета и скудость его природных ресурсов не позволяли строить большие храмы для проведения пышных ритуалов. Климат Тибета, постоянно державший человека в напряжении, не благоприятствовал и долгим абстрактным умствованиям, поэтому именно магические формулы, доступные каждому верующему, и стали основой религии бон.

Необходимость управлять сверхчеловеческими и надприродными силами предъявляет особые требования и к подготовке жрецов бон. Человек, практикующий бон, культивирует в себе прежде всего магические способности. Он должен владеть целым арсеналом «паранормальных» возможностей. Используя язык современной эзотерики, можно сказать, что адепт бон обязан постоянно развивать ясновидение, обладать навыками набора энергии,

⁴¹ Свастика — символ солнечных лучей, согревающих землю. Священники бон использовали знак свастики как магическое орудие величайшей силы. Свастика (*санскр* . «эмблема счастья»), появление которой окутано тайной, символизирует также движение небесных тел вокруг Большой Медведицы.

в совершенстве владеть приемами астральной защиты и астрального нападения. Бонский жрец одновременно и маг, и некромант. Обязательные элементы его искусства — пение заклинаний, исполнение магических танцев и астральные поединки с окружающими его демонами, населяющими окружающее пространство, в особенности озера и горы, скалы и пещеры.

Считается, что способность мага к совершению манипуляций связана прежде всего с содержащейся в его организме магической силой, которая издревле отождествлялась с половой силой человека, поэтому в бон приобретают важное значение практики, связанные с половой магией.

В бон практически отсутствует вера в то, что самоограничения и аскеза приводят к просветлению или к святости. Почитание женских божеств связано с загадочными эротическими культами и даже верховный бог бон Кунтусанпо (Всеблагодетель) имеет свою женскую ипостась — Мать бытия Чучам. Эта богиня одновременно является и нежной Великой Матерью милосердия и любви, и гневной Царицей всех миров, включая Китай, Тибет и загадочные страны Шаншун и Ли.

Одно из распространенных магических заклинаний бон — «Ах-Мес» («Громовой, древний») со временем превратилось в слово «Амнъе» и стало названием бонских жрецов. Интересно, что верховный дух гор тоже носит имя Ахмес. Вполне возможно, что в исконной религии бон, существовавшей до буддийских репрессий, именно дух гор Ахмес был верховным божеством. Дело в том, что Тибет относится к сейсмически беспокойным регионам планеты, и задабривание божества гор с целью отсрочить землетрясения и минимизировать ущерб от них было насущной задачей для каждого поколения тибетцев. По их представлениям, боги живут в особом белом мире, люди — в мире красного цвета. Нижний мир — синий — принадлежит демонам воды. В центре Миров растет мистическое Мировое Дерево, оно прорастает сквозь все три мира, а по стволу Мирового Дерева боги, люди и демоны могут переходить из одного мира в другой.

Служение богам легендарного основателя бон Шенраба Миво началось с некоего ритуала, происходившего в водах загадочного озера при участии богов, людей и нагов. Боги и наги одарили Шенраба многочисленными магическими способностями. Шенраб не ограничивался совершением магических ритуалов и произнесением заклинаний, но и проповедовал свое учение. Он пришел в Тибет из Шаншуна или, по другим сведениям, из Ирана. Один из самых авторитетных русских историков XX в. Лев Гумилев видит немалое сходство между бон и митраизмом, некогда распространенным в Иране, — религией, в основе которой лежало поклонение Солнцу:

«Митра — божество света, согласно „Авесте“, на медальоне из Киликии изображен в виде молодого мужчины с короной на голове и кинжалом в правой руке, который он приготовился вонзить в горло жертвенному быку. На нем набедренная повязка, напоминающая короткую юбку со складками, тело выше пояса обнажено. Корона представляет собой узкий небольшой обруч по размеру головы, увенчанный острыми зубцами. Эту корону, символ сияющего света, Митра получил от Солнца, над которым он одержал победу. Лезвие кинжала короткое и широкое, рукоятка заканчивается несколькими, одно над другим, шарообразными утолщениями. В боне аналогом Митры является божество „Белый свет“, причем его называют не просто божеством („лха“), а божеством-жрецом („лхагшен“). Слово „жрец“ („гшен“) у бонцев имело вполне конкретное значение: в древнем Тибете именно это лицо вонзало кинжал в горло жертвенному животному при совершении религиозных ритуалов.

Основатель бона учитель Шенраб считается эманацией света, причем его божеством-покровителем был „Белый свет“. Шенраб — не имя, а прозвище — „совершеннейший жрец“, его родовое имя было Дму (по другим источникам — Дмура) Теперь обратимся к современным тибетским изображениям Шенраба и сравним их с изображениями Митры из Малой Азии. На тибетских цветных рисунках мы видим Шенраба, сидящим на троне, на нем короткая набедренная повязка, тело выше пояса обнажено. На голове корона, точно такая же,

как и у Митры, а в правой руке Шенраба — золотой кинжал с широким и коротким лезвием и с уже знакомой нам рукояткой. Кинжал Шенраба отличается от кинжала Митры только большей длиной рукоятки, которая вытянута настолько, что весь этот клинок выглядит скорее скипетром, чем орудием убийства. Изменение формы бонского кинжала объясняется, по нашему мнению, тем, что бонцы давно уже отказались под влиянием буддизма от кровавых ритуалов, которые в настоящее время уже не существуют».

Влияние буддизма на бон, конечно же, было очень велико. В современном варианте бон можно проследить сходство с буддизмом как в мифологии, так и в этике: обе религии призывают уклоняться от совершения злых поступков и творить добро. Иконография бон и буддизма очень похожа, за исключением традиции изображения свастики — лучи свастики в буддизме и бон развернуты в разные стороны (по часовой стрелке и против соответственно).

Тем не менее, есть и существенное отличие. Бон ориентировалась на ценности практического порядка, пусть даже и достигаемые оккультно-магическими средствами, и оставался поэтому религией простых людей. В свою очередь, буддизм с его сложной философией долгое время в Тибете оставалась модной заграничной «штучкой», ориентированной на узкий круг ученых, интеллигентов и эстетов-придворных, уставших от бесконечных дворцовых интриг.

По мнению некоторых ученых, буддизм появился в Тибете уже в IV–V вв. Сначала его исповедовали переселенцы из Индии. По преданию, индийские буддисты хотели обратить в свою веру тибетского царя Латотори, но население и шаманы сопротивлялись этому. Но достоверно известно лишь то, что буддизм был известен во времена правления царя Сонгцена Гампо (620–650).

Объявив буддизм официальной религией, правитель Тибета пожелал жениться на китайской принцессе. Однако император отказал ему. Тогда настойчивый Сонгцен Гампо выиграл битву с китайцами в районе озера Кукунор, и владыке Поднебесной пришлось дать согласие на выгодный для тибетцев брак. В 640 г. между Тибетом и Китаем был установлен мир. Вторая жена Сонгцена Гампо тоже исповедовала буддизм, так как была родом из Непала. Но как ни старался царь и его жены, после смерти Сонгцена Гампо буддизм в Тибете пришел в упадок.

Учение Будды вновь стало популярным в Тибете при царе Трисонге Децене. Этому правителю приходилось несладко. Когда он пришел к власти, бунтовали окраины империи, а с запада подступали арабы. И, конечно же, не давал покоя Китай. В 763 г. Трисонг Децен собрал армию в 200 тыс. воинов и направил ее на север. Тибетцы дошли до китайской столицы Чанъаня и вынудили императора бежать. В 783 г. Китай и Тибет заключили мирный договор, согласно которому за Тибетом закрепились земли в районе Кукунора.

Успешным был и набег Трисонга Децена на китайскую провинцию Сычуань. Но Трисонг Децен все же потерпел поражение от китайцев, когда двум его могущественным врагам удалось договориться между собой. Альянс против Тибета предложил китайскому императору сам знаменитый халиф Гарун аль-Рашид. Вдвоем они остановили Трисонга Децена, двинувшегося было теперь на запад, и вынудили тибетского царя вести многолетнюю изнурительную войну на два фронта.

Но несмотря на политические коллизии, Трисонг Децен уделял внимание и делам мирным. Для распространения буддизма он пригласил из Индии великих гуру Шантаракшиту и Падмасамбхаву. Они организовали перевод с санскрита священных текстов и создали буддийскую общину Тибета. В то же время буддийский гуру Падмасамбхава приложил немало усилий, чтобы сохранить учение бон. Проповедуя учение Будды, он вместе с тем изучал древние бонские трактаты и преподавал своим ученикам элементы бон как элементы буддизма. Обладая большим влиянием при дворе, он спорил на философских диспутах с самим царем. Один из учеников Падмасамбхавы, ставший затем авторитетным буддийским ученым и мастером медитации, — Вайрочана — сам лично переводил как буддийские тексты с санскрита, так и бонские тексты с языка друша, таким образом объединяя оба этих учения.

Да и сам царь Трисонг Децен не стремился к уничтожению всех бонских практик и даже поддерживал деятельность по переводу бонских текстов на современный ему тибетский язык. Но все же Трисонг Децен опирался, в основном, на буддистов.

В Центральном Тибете при Трисонге Децене построили знаменитый монастырский университет Самье, который остается одним из важнейших центров буддизма до наших дней. В этом монастыре и произошла двухлетняя дискуссия между китайским монахом Хошаном и учителем тантрического буддизма Камалашилой, которая определила судьбу тибетской культуры. Царь Трисонг Децен принял сторону Камалашилы, и с тех пор на Тибете установился тантрический буддизм.

Однако во времена Трисонга Децена позиции буддизма в Тибете были еще достаточно слабы, и царю приходилось отстаивать свои убеждения самым решительным образом. Он даже издал указ: «Строго воспрещается презрительно смотреть на мое духовенство и указывать на него пальцами; кто на будущее время позволит себе это, у того будут выкалываемы глаза и отсекаем указательный палец».

Дело Трисонга Децена продолжил его внук Ралпачан, известный своим исключительным благочестием. Множество мастеров — строителей, художников, скульпторов — прибыли из Непала, Индии, Китая, Кашмира, чтобы украсить Тибет величественными буддийскими храмами и монастырями. Ралпачан дал монахам право управлять страной наравне с главными министрами и всячески способствовал переводам буддийских сочинений с санскрита на тибетский язык. Преуспевал Ралпачан и во внешней политике. Очередной мирный договор с Китаем, подтверждающий право тибетцев на занятую территорию, был заключен в 822 г.

И тем не менее, империя ослабла — сторонники бон были недовольны правлением Ралпачана, а правительство погрязло в интригах. В конце концов Ралпачан был убит, и власть перешла к Ландарме. Новый царь преследовал буддизм, так как опирался на приверженцев бон. Буддийские монахи и ученые бежали в дальние провинции и соседние страны.

XI в. стал знаковым как в истории буддизма, так и в истории бон. В это время чудесным образом были открыты несколько важных книг, якобы написанных потомком Тонпы Шенраба — адептом бон по имени Шенчен Луга. Правда, противники бон утверждали, что эти тексты были подделаны ее сторонниками, и поэтому, в отличие от древнейших бонских книг, не являются истинными. Вне зависимости от того, признаются ли эти новонайденные тексты истинными или нет, сама фигура Шенчена Луга очень почитаема в Тибете, поскольку именно он создал первый в Тибете бонский монастырь Юнгдрунг Линг.

В то же время позиции буддизма укрепила религиозная реформа буддийского деятеля Атиши, который прибыл в Тибет из Индии в середине XI в. Атиша стал автором ряда богословских трудов и организовал перевод с санскрита на тибетский язык многих канонических текстов, а в 1050 г. провел Собор тибетской церкви. Атиша попытался очистить буддизм от шаманских магических практик, воспринятых из бон.

К середине XIII в., когда буддизм принял основатель монгольской династии Хубилай, ламы уже были фактическими правителями Тибета. Опираясь на буддийское духовенство, Хубилай попытался собрать воедино раздробленное после смерти Ландармы Тибетское государство. Хубилай построил множество монастырей и храмов, приобрел в Индии и Тибете реликвии Будды и святых и, как и его предшественники, содействовал переводу на тибетский язык священных книг буддизма. Тексты переводились и на китайский, а ламы получили возможность проповедовать и в самом Китае. Пробуддийскую политику продолжали и его преемники. После падения в XIV в. монгольской династии Юань Тибет стал ареной борьбы за власть между отдельными влиятельными родами, опиравшимися на различные религиозные секты.

Уже в XIV в. особую силу приобрела одна из буддийских школ — Гэлуг («Добродетель»), которую основал в Тибете лама Цзонкаба (1357–1419). Гэлуг во многом опиралась на учение Атиши, и ее целью тоже было очищение веры. Цзонкаба боролся с

нарушениями монашеской дисциплины, в особенности с распространенными в то время сексуальными практиками, которые Цзонкаба считал несовместимыми с высокими монашескими идеалами, о которых учил Будда. Помимо нравственности, особое внимание в традиции Гэлуг уделяется философскому образованию, и среди последователей Цзонкабы было много ученых — Чжамьянг Шедпа (1648–1721), Кунчог Чжигмэд Вангпо (1728–1791), Чжангья Ролпэй Дорчжэ (1717–1786) и другие.

Несмотря на то, что Гэлуг существует до сих пор как отдельная школа, некоторые исследователи связывают именно с реформой Цзонкабы превращение тибетского буддизма в собственно ламаизм.

Что же представляет собой ламаизм?

ТАЙНЫ ТИБЕТСКИХ ЛАМ

Пожалуй, на Земле нет религии, в которой ритуалы и церемонии были бы столь пышными, как в ламаизме. Ламаистское богослужение — это настоящее театральное действо: яркие одежды, четкие телодвижения, своеобразная музыка. И... фокусы. Но для верующего все обстоит иначе.

Вот что пишет А. Дарол в книге «Тайные общества» об одном из ламаистских монастырей на Памире у границ России, Китая и Индии: «Эти чародеи обманывают людей методами цирковых иллюзионистов, например, заставляют растения вырасти на ваших глазах всего за несколько минут. Это сочетание религии и чародейства, незнание монахами внешнего мира и их таинственная способность угадывать будущее вызвали к жизни столько же рассказней по поводу лам, сколько и неверия в эти сказки. Но истина гораздо более сложна. Не стоит искать в рассказах путешественников и в оккультной литературе хоть какой-то намек на объективное исследование: ничего подобного никогда не существовало. Вот факты: ламы используют как магическую власть, которой достигают путем концентрации, так и иллюзионизм, в искусстве которого им нет равных. В их сознании, отличающемся от западного, аналитического, эти две вещи естественно дополняют друг друга. Почему?»

Ламаистские ритуалы включают в себя две части: для публики и для посвященных в тайный культ. В среду вечером, когда солнце заходит за скалы, возвышающиеся над долиной Ак Сока, рокот барабанов возвещает о начале церемонии, цель которой — убедиться в появлении светила на следующее утро.

Люди разных сословий сбегаются на площадку у подножия сурового монастыря, чтобы полюбоваться танцем. Мужчины и женщины в необычных одеждах и громадных жутких масках дергаются под непрерывный рокот барабана, сопровождаемый воем дудок и ударами гонга.

Начинается первая часть церемонии. Сцена освещена факелами, которые держат новички в широких одеждах; лица у них бриты, а некоторые столь юны, что бритва им не нужна. Атмосфера накаляется, так как дух, вселяющийся в лам, может появиться в любой момент. Внезапно в свете факелов появляется крохотный лама. Он быстро достает из складок одежды сначала один нож, затем другой, третий и бросает их в маленькую статую Будды, которую держит сам великий священник на ступеньках храма. Каждый нож, попав в цель, падает затем на землю. С торжествующим криком верующие гурьбой собирают ножи и передают их в толпу, чтобы все видели, что металл, словно стекло, разлетелся на куски — осталась лишь деревянная рукоять. Раздается всеобщий радостный вопль: чудо свершилось. Ловкость рук доказала могущество Будды.

— Смысл этого ритуала, — говорит сопровождающий меня лама Оргун, — заключается в доказательстве того, что Будда неприкосновенен. Он может сам защитить себя, даже не прибегая к насилию.

Я спрашиваю его, не фокус ли это. Оргун мгновение колеблется, прежде чем ответить.

— Все зависит от того, что вы ищете. Если это представление кажется вам

подстроенным, значит, вы видите лишь его символический смысл. Если же вы верите, что чудо действительно произошло, то вера поможет совершенствованию вашей души».

Ламаистское богослужение носит название «хурал». Ежедневные богослужения, иногда совершающиеся (особенно в больших монастырях) трижды в день — это малые хуралы. Великие хуралы происходят в определенные дни. Особенно торжественные богослужения связаны с празднованием Нового года и проходят в первой половине первого месяца года.

Пышные празднества посвящены также Майтрейе, Цзонхаве и святым отшельникам. Часто проводятся хуралы в честь докшитов — богов-охранителей.

Ламаистские богослужения сопровождаются музыкой. Тибетская музыка имеет очень древние корни. Музыкальная традиция Тибета включает темы и ритмы, сформировавшиеся в высокогорных районах Гималаев. Заметно также влияние центрально— и южноазиатской музыки.

Самые ранние образцы тибетской музыки связаны с ритуалами бон. Это декламации и танец шаманов под аккомпанемент ударных инструментов. Разнообразные вокальные жанры также существовали с древности. С распространением буддизма развитие получила вокальная музыка — песнопения на тибетском языке и на санскрите, исполняемые в низком регистре, в ограниченном голосовом диапазоне, с богатой орнаментацией напева. Любопытно, что тибетские песнопения включали имитации голосов животных, связанных с системой символов буддизма.

В традиционной тибетской музыке широко применяются струнные и духовые инструменты. Но инструментальные композиции не играют самостоятельной роли в буддийских церемониях. В сущности, они являются разделительными интермедиями между песнопениями. Ансамбль обычно состоит из 12–18 музыкантов, играющих на разных инструментах.

Важная роль в буддийских ритуалах отводится магическим танцам, исполнение которых сопровождается звуками барабана и тарелок. Этот тип танца появился еще в добуддийский период, однако к XV–XVI вв. он стал составной частью ритуально-мистической драмы чам, которая остается популярной и поныне. Есть и более светская танцевальная драма — аче-лхамо. В основе ее сюжетов лежат буддийские легенды. Аче-лхамо сопровождается речитативными декламациями и пением — хоровым и сольным.

Одна из основных форм ламаистского обряда — молитва. Ламаистское богослужение обычно начинается с так называемого исповедания веры, во время которого человек выражает свое «преклонение» перед «четырьмя святынями» — Буддой, дхармой,⁴² общиной и духовным руководителем. Иногда исповедание веры сопровождается подробным перечислением догматов, составляющих вероучение буддизма.

Затем следуют хвалы различным божествам. Ламаистский пантеон очень широк: помимо Бога-Творца Брахмана, туда входят Будды и бодхисатвы, шакти, демоны, местные тибетские божества и обожевленные религиозные деятели. Лама просит об изгнании или обуздании злых демонов и дарование вечной жизни. Умилостивив богов или доброжелательных демонов жертвоприношением (например, горсткой риса, смоченного святой водой), лама, выступая от имени божества, обращается к злым демонам: «Слушайте моего приказания и уходите каждый в свое убежище, или горе вам!» После чего все молящиеся восклицают: «Боги осилили, демоны удалились!»

Молитва о даровании жизни сопровождается жертвоприношением и звучит примерно

⁴² Дхарма (*санскр.* «закон, правило»). Буквально слово «дхарма» переводится как «то, что удерживает или поддерживает» (от корня дхр — «держат»). Дхарма — философский или религиозный термин, который используется для обозначения морального долга, обязанностей человека. В более общем значении под дхармой подразумевают путь благочестия.

В индийской философии термин «дхарма» олицетворяет идеи правильного поведения в жизни, поддерживаемые вселенскими законами. В Китае это понятие перекликается с Дао.

В буддизме слово дхарма имеет три значения. Во-первых, это универсальный закон бытия, открытый Буддой; во вторых — само буддийское учение; в третьих — неделимая составляющая бытия, элементарная частица сознания и мира.

так: «Да будет жизнь постоянна, как адамант, победоносна, как знамя царя, да будет она тверда и сильна, как орел, и длится вечно. Да буду я благословен даром жизни вечной, и да исполнятся желанья мои...»

Ламаистский ритуал содержит также множество молитв-заклинаний, которые или произносятся на санскрите, непонятном молящимся, или представляют собой набор слов и фраз, произношение которых на первый взгляд бессмысленно. Смысл таких молитв, называемых на санскрите дхарани (в Китае их также называют «тол они»), заключен в самом их звучании. Они состоят из последовательности «истинных слов» — мантр. Считается, что, с одной стороны, дхарани могут привести к просветлению, с другой — имеют и практический смысл: избавляют от болезней, укусов змей, ветра и дождя и т. д.

Самая популярная заклинательная формула-мантра — «ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ». Слово «мантра» на санскрите означает «рассуждение», «изречение». Их особенность состоит в том, что они требуют точного воспроизведения звуков. Неточное в фонетическом отношении исполнение мантр, как полагают буддисты, не имеет силы или даже может причинить вред. В мантре значимыми являются не только отдельные слова, а даже сами звуки, из которых они состоят, обладают сакральным смыслом.

Нынешний Далай-лама Тензин Гьяцо поясняет, что эта мантра олицетворяет собой чистоту тела, речей и разума Будды. Слово МАНИ («жемчужина») соотносится с альтруистическим стремлением к просветлению, состраданием и любовью. Слово ПАДМЕ («цветок лотоса») соотносится с мудростью, а слово ХУМ олицетворяет неделимость практики и мудрости.

Что касается слова ОМ,⁴³ то оно само по себе является величайшей мантрой.⁴⁴ Знаменитый русский востоковед Л. С. Васильев в книге «История религий Востока» называет его «волшебным словом всех индийских религий». Он пишет: «Слово это ничего не значит и ничего самостоятельно не выражает. И в то же время оно значит все, имеет поистине волшебную силу. ОМ — это Брахман, ОМ — это все (Тайттирия упанишада, 8,1). АУМ — это прошедшее, настоящее и будущее, это Атман и Брахман, причем каждая из трех букв трехчленного варианта прочтения слога имеет особый смысл, соотносясь соответственно с состоянием бодрствования, легкого и глубокого сна» (Мандукья упанишада). Произнося ОМ, брахман говорит: «Да достигну я Брахмана» и достигает его (Тайттирия упанишада, 8,1).

Существует множество толкований общего смысла мантры ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ. Рам Дасса в книге «Это только танец» приводит одно из них: «Один из способов понимания этой мантры такой: ОМ означает Брахму, находящегося за пределами всего, непроявленного. МАНИ — драгоценный камень или кристалл, ПАДМЕ — лотос, ХУМ — сердце. Таким образом, вот один из уровней понимания мантры: „Вся Вселенная подобна драгоценному камню или кристаллу, расположенному в центре моего сердца или в сердцевине лотоса, который есть я; он проявлен, он светится в моем сердце“. Это один из способов интерпретации мантры. Вы начинаете произносить ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ и думаете: „Бог в непроявленной форме подобен сокровищу в сердцевине лотоса, проявленного в моем сердце“. Вы делаете это и чувствуете мантру в сердце, это один способ. Это самый нижний уровень понимания мантры и работы с ней. Это не что иное, как замена одних мыслей в голове на другие».

Этнограф Н. Л. Жуковская замечает, что термины «мани» и «падме» имеют и некий скрытый смысл. Они выступают в качестве символов мужского и женского начал. «Согласно этой довольно обоснованной версии, — пишет Л. С. Васильев, — смысл упомянутой молитвы-мантры заключается в словесной имитации тех восходящих к раннему тантризму

⁴³ В русскоязычной литературе «Ом» пишут еще и как «Аум».

⁴⁴ Слог «Ах» известен не только в Тибете, но и в индийской тантрической традиции, также он входит и в буддийскую мантру «Аум» («Ом»). Слог «мес» для тибетцев подчеркивает исключительную древность их духовной традиции и благодаря мистической связи древнего времени с современностью делает тибетскую религию поистине вечной.

магико-сексуальных акций, которые призваны были резко увеличить энергетический потенциал верующего и тем приблизить его к желанной цели».

Чем чаще верующий произносит эту мантру, тем лучше. В идеале ее надо произносить постоянно, как только предоставляется возможность, — несколько сотен раз в день.

Для того чтобы верующий почаще обращался к словам мантр и дхарани, в ламаизме существует специальное механическое приспособление. Это молитвенный барабан — деревянный или металлический цилиндр, на стенках которого вырезаны слова магических формул. Этот барабан наполняется сотнями тысяч бумажек, на которых записаны тексты заклинаний и молитв. За небольшую плату, а то и вовсе бесплатно, верующий может дернуть за веревку, и цилиндр начинает вращаться. Каждый оборот цилиндра означает, что человек один раз «прочитал» все священные тексты, которые вложены в барабан. Английский автор XIX в. Джилл писал: «Целый день не только ламы, но и народ шепчет всеобщую молитву и вертит цилиндр в направлении часовой стрелки. При входе в каждый тибетский дом стоит один или несколько больших цилиндров; член семьи или гость, проходя мимо, не преминет покрутить его за процветание этого дома. Почти на каждой речке видишь маленькое строение, которое можно принять за водяную мельницу; но на деле оказывается, что там находится цилиндр, приводимый в движение течением реки и воссылающий благочестивые молитвы к небу... Иногда огромные сараи наполнены такими ярко раскрашенными цилиндрами. Вообще в Тибете на каждом перекрестке и на каждом шагу это изречение в той или иной форме обращает на себя внимание путника».

Той же цели служат флаги и полотнища с написанными на них сакральными формулами. Молитвы и религиозные изречения также начертаны на стенах. Если верующий прошел вдоль такой стены, происходит чудо — считается, что он прочитал все, что на ней написано. Этот метод позволяет уравнивать грамотных и неграмотных — каждый может «читать» священные книги.

А чтобы вознести специальные молитвы, необходимые в том или ином случае, миряне обращаются к ламам, которые и молятся за них. Все значимые события в жизни мирянина — рождение детей, свадьба, похороны, болезнь — сопровождаются специальными обрядами. Зачастую лама выступает в качестве астролога — он изучает расположение звезд, дает указания, как верующий должен поступить, и решает, какие именно обряды надо совершить, чтобы улучшить положение дел.

Миряне могут молиться и дома. В каждом тибетском жилище есть домашний алтарь — своего рода шкафчик, заполненный статуэтками и другими изображениями божеств и демонов. На особой полочке стоят чашки, предназначенные для жертвоприношений, наполненные вином, маслом и кумысом, курильница или свечи для курения, цветы.

Ламаисты веруют, что уберечься от жизненных невзгод могут помочь талисманы — бу. Это кусочки бумаги или ткани, на которые нанесены тексты молитв и заклинаний. Еще более действенными считаются гу — маленькие статуэтки Будды или части одежды «живого бога». Гу носят на шее в деревянном или серебряном футлярчике, украшенном чеканкой.

Хранит жизнь тибетцев и традиционная медицина. Ее древнейшие истоки следует искать в религии бон. По преданию, еще основатель бон Шенраб Миво использовал в своей практике некоторые методы избавления от недугов — диету и лечение примитивными лекарствами.

Однако главный труд по тибетской медицине «Чжуд Ши» многие исследователи считают переводом с санскрита древнего сочинения, которое не сохранилось до наших дней. Ее авторство (или перевод) приписывается человеку по имени Юток Йонтен Гонпо.

Классический период традиционной тибетской медицины начинается с XVII в., когда при пятом Далай-ламе была основана медицинская школа Чакпори. Регент Далай-ламы Сангье Гяцо переписал «Чжуд Ши» и создал знаменитый комментарий к нему, названный «Голубым бериллом». Он также приказал проиллюстрировать трактат. Для этого было написано 79 картин.

В 1916 г. тринадцатый Далай-лама основал в Лхасе второй учебный центр медицины и

астрологии — Менцикханг.

Четырнадцатый Далай-лама Тэнзин Гьяцо поощряет дальнейшее развитие тибетской медицины и готов к сотрудничеству с западными учеными. В ноябре 1998 г. в Вашингтоне состоялся «Первый международный конгресс тибетской медицины», в котором Далай-лама приветствовал воздвигнутый мост между Востоком и Западом: «Наша тысячелетняя медицина сегодня может внести весомый вклад, стремясь к здоровью физическому и духовному, но для этого нужно выяснить причину эффективности наших лекарств. Поэтому нам необходимы строгие научные исследования, которые помогли бы критически оценить наши рецептуры из лекарственных трав».

Распространению тибетской медицины способствовали ламы-миссионеры. В начале ХУШ в. они обосновались в Бурятии, где местное население в большинстве своем исповедовало буддизм. При буддистских храмах открылись школы, где из самых способных мальчиков готовили лам-врачевателей.

Одним из таких бурятских лам был легендарный Цультим Бадмаев. В 1853 г. он был приглашен русскими властями в Читту, чтобы погасить эпидемию тифа. Цультим Бадмаев — опытный целитель — добился больших успехов, о чем стало известно царю. В 1857 г. Бадмаев был приглашен в Петербург, где он принял православие и был наречен Александром Александровичем, в честь крестного отца — императора России. Специальным указом императора Александра III Бадмаеву было дозволено лечить больных в военном госпитале под наблюдением русских врачей. Младший брат Бадмаева — Жамцаран стал еще одним императорским крестником. Его нарекли Петром Александровичем. Петр Бадмаев окончил в 1876 г. Петербургский университет и прекрасно владел как тибетской, так и европейской медициной. Он успешно практиковал и в 1898–1902 гг. опубликовал ряд трудов по тибетской медицине.

Древние медики Индии и Тибета считали, что в основе человеческого организма лежат три главных первоэлемента, определяющие все функции организма: Ветер — вата, Желчь — питта и Флегма — капха. Для здоровья необходима гармония этих первоначал. Но она присутствует у очень малого числа людей. Обычно один из элементов преобладает над другими, и если человек ведет неправильный образ жизни — не заботится о режиме и питании или же попадает в неблагоприятные жизненные ситуации, доминирование этого первоэлемента может усилиться и привести к заболеванию. Поэтому суть лечения сводилась к восстановлению равновесия между первоэлементами.

Современному скептику такие воззрения могут показаться, в лучшем случае, метафорой. Однако некоторые методы лечения (например, иглоукалывание) и лекарственные растения (термопсис, солодка и др.) из арсенала тибетской медицины успешно используются в наши дни.

Забываясь о здоровье, тибетцы, тем не менее, парадоксальным образом не боятся смерти. Что же помогает тибетцам преодолеть страх?

Самая известная за пределами Тибета сакральная книга ламаизма — «Бардо Тхедол», она же «Книга мертвых». В ней мы видим представления тибетцев о судьбах усопших в загробном мире. Это своеобразный путеводитель по Бардо, царству мертвых, где его душа будет пребывать сорок девять дней до нового рождения. На самом же деле сорок девять дней — это символическое число, не имеющее ничего общего с земным календарем. «Бардо Тхедол» состоит из трех частей. Первая из них называется «Чикай Бардо». Она посвящена процессу умирания и психологическому состоянию, которое в это время испытывает человек. Вторая часть — «Хониид Бардо» — описывает состояние души непосредственно после смерти: человек видит нечто, подобное сновидениям, так называемые «кармические иллюзии». Третья часть «Книги мертвых» — «Сидпа Бардо» — повествует о том, как душа воспринимает приближение нового рождения.

Когда человек умирает, лама должен обеспечить душе умершего наилучшие условия выхода из тела. Необходимо, чтобы она вышла через макушку. Для этого лама-астролог определяет, какие в данном случае надо соблюсти условия. Важно, сколько надо провести

хуралов и в каком порядке они должны следовать, каким образом выносить тело, кто из лам и близких покойника должен участвовать в обряде погребения.

Провожая усопшего в последний путь, лама читает «Бардо Тхедол» — он дает покойному указания, как вести себя в мире ином, чтобы помочь душе освободиться от колеса сансары. Но парадокс состоит в том, что в Тибете подготовка к пребыванию в Бардо начинается с детства. Каждый житель Тибета имеет представление о природе видений, которые его там ожидают. «Книга мертвых» настаивает на первичности души и духовности — ведь то, что может показаться неважным в мире суетном, может спасти в царстве мертвых. (Само понятие Бардо в европейском варианте скорее соответствует Чистилищу Данте.) Достоинство пройдя в нем свой путь, человек получает освобождение. Это возможно именно там, так как именно в Бардо человеку открывается свет истинного знания.

«Бардо Тхедол» призывает не бояться смерти: все страхи, связанные с потусторонним, существуют только в человеческом сознании, и все испытания в течение этих сорока девяти дней пребывания в Бардо — не более чем порождение его психики. Он сам «наказывает» себя, чтобы в конце концов очиститься. Так что бояться не стоит — ведь рано или поздно душа либо сольется с истинным Светом, либо вернется в грешный и жестокий, но привычный мир.

В загробном мире душа получает помощников, говорит «Бардо Тхедол», кто это будет, зависит от того, во что человек верил при жизни. Так, буддисту поможет Будда, а вот неверующему человеку — никто. Ламы терпимы к людям любой веры, главное, чтобы она была.

Если человек поинтересуется у ламы, кем же ему суждено стать в следующем перерождении, тот ответит, что он будет наделен теми качествами, на которых остановил свой взор в момент смерти. Если человек думал о Свете и Всеблагоем Будде, у него есть шанс. Если же мысли его были грязными, он переродится даже не на Земле, а в мире голодных духов, всю жизнь терзаемых страстями. Поскольку никому не суждено знать, когда он умрет, надо постоянно контролировать свои мысли. Лишь познавший, что «всякое существование есть лишь страдание», и потому искренне желающий вернуться к своей истинной природе человек может вырваться из круга иллюзорного, но тягостного существования и слиться с изначальным Светом, породившим весь мир.

Молва приписывает мудрым тибетским ламами сверхъестественные возможности. Многочисленные путешественники рассказывают о том, как собственными глазами видели летающих лам. Что же это? Подделки, инсинуации? Фокусы, рассчитанные на доверчивых любителей экзотики?

Левитация интересовала людей с древних времен. Умение парить в воздухе приписывалось Будде, так же, как и его наставнику магу Саммату. Якобы обладал этими способностями и основоположник шаолиньского кунгфу Бодхидхарма.

Древние учителя использовали искусство левитации, поскольку парящее положение больше подходило для исполнения религиозных обрядов. Монахи Индии и Тибета, где левитация, по слухам, практикуется и в наши дни, якобы поднимались в воздух на высоту около 90 см от земли.

Европейская история тоже хранит описания подобных чудес. Так, по свидетельству 230 католических священников, умением летать обладала святая Тереза. Автобиография этой монахини-кармелитки, датированная 1565 г., содержит следующий фрагмент: «Вознесение приходит, как удар — неожиданный и резкий, — пишет она, — и, прежде чем ты можешь собраться с мыслями или прийти в себя, тебе кажется, будто облако уносит тебя в небеса или могучий орел на своих крыльях... Я вполне осознавала себя, чтобы видеть, что нахожусь в воздухе... Должна сказать, что, когда вознесение оканчивалось, я ощущала необыкновенную легкость во всем теле, словно я совсем невесомая».

Еще один знаменитый левитант — святой Иосиф Купертинский (Иосиф Деза), живший в XVII в. Этот монах-францисканец с детства отличался необычайной набожностью и практиковал самоистязание, доводя себя до религиозного экстаза. Вступив в орден, он, по

легенде, в экстатических состояниях стал подниматься в воздух. Даже папе Урбану VIII довелось наблюдать полет неистового францисканца — увидев наместника святого Петра на земле, Иосиф Купертинский так разволновался, что парил над землей, пока глава ордена францисканцев не привел его в чувство.

Святые, обладающие подобным даром, были известны и в России. Это Серафим Саровский и архиепископ Новгорода и Пскова Иоанн. А москвичи времен Ивана Грозного утверждали, что неведомая сила при всем народе переносила через Москву-реку Василия Блаженного.

Что же по этому поводу говорит наука?

Доктор биологических наук Александр Дубров объясняет левитацию воздействием биогравитационного поля, которое создается особой психической энергией, излучаемой мозгом человека. Такое биогравитационное поле, по мнению Дуброва, рождается благодаря сознательным усилиям левитанта. В силу этого он способен управлять полем и изменять направление полета.

Есть и другие мнения. Так, с точки зрения кандидата физико-математических наук Владимира Засенко (Институт теоретической физики им. Н. Н. Боголюбова НАН Украины), левитации не существует. «До сих пор еще никому научно не удалось доказать существование левитации, — говорит он. — Уверен, что большинство ученых поддержат меня в том, что никакой левитации на самом деле нет. И все эти так называемые полеты — фокусы. Многие такие „фокусники-копперфильды“ просто спекулируют нашим сознанием».

А вот заявления Андрея Сафронова, президента украинской Федерации йоги: «Заверения американца Махариши Йоги о том, что левитировать может каждый из нас, — абсолютная чушь. На самом деле секрет таких „полетов“ йогов кроется в очень сильно развитых мышцах ягодиц, на которых даже можно искусно подпрыгивать в позе лотоса, создавая видимость отрываемости от земли. А летать не может никто! И по поводу хождений Иисуса по воде тоже есть большие сомнения. Текст Библии при переводе с древних языков претерпел множество изменений, и есть сведения, что словосочетание „Иисус ходил по воде“ в изначальном варианте имело значение ходил „около, возле воды“».

Зато представитель церкви — протоиерей Петр Ландвитович — считает способность летать исключением, но отнюдь не отрицает само явление левитации: «Возможность парить над землей есть не что иное, как дар Божий. Он дается свыше и лишь избранным людям. Таким образом Господь показывает свое всемогущество. Сам по себе никто из нас не может преодолеть земное притяжение. Земля „держит“ нас. С земли мы вышли, в землю и уйдем».

Но левитацией чуда тибетских лам не заканчиваются, они владеют еще одним загадочным искусством — могут становиться невидимыми. Парадоксальное объяснение этому чуду дает английская путешественница Александра Давид Неэль:

«Тибетские оккультисты объясняют эту способность прекращением умственной деятельности... Из того, что мне удалось понять, посвященные в тайны духовной тренировки рассматривают это явление иначе, чем профаны. Если им верить, дело идет вовсе не о том, чтобы быть невидимым, хотя обыватели и представляют это чудо именно так. В действительности тут требуется умение, приближаясь, не возбуждать в живых существах никаких эмоций. Тогда можно пройти незамеченным или же, на первых стадиях овладения техникой процесса, привлечь к себе минимум внимания. Вы не должны вызывать у видевших вас размышления и не должны оставлять в их памяти никаких впечатлений. Полученные мной по этому поводу разъяснения можно приблизительно передать следующим образом: когда кто-нибудь подходит, поднимая при этом шум, сильно жестикулируя и натываясь на людей и предметы, он вызывает у многочисленных видящих его людей самые разнообразные эмоции. В носителях этих эмоций пробуждается внимание, оно направляется на того, кто это внимание активизировал. Если же, наоборот, приближаться молча и бесшумно, то вызываемые в окружающих немногочисленные впечатления неинтенсивны. Вы не привлекаете внимания, и в результате вас почти не замечают. Все же и в состоянии неподвижности и безмолвия работа сознания продолжается, порождая энергию.

Эта энергия, распространяясь вокруг порождающего ее субъекта, воспринимается приходящими в контакт с ней индивидами различным образом. Если же удастся заглушить в себе деятельность сознания, ощущений вокруг не возникает — и вас никто не видит. Эта теория показалась мне слишком легковесной, и я позволила себе возразить: как бы там ни было, но материальное тело видишь непроизвольно. Мне ответили, что мы беспрестанно видим множество предметов. Но, несмотря на то, что все они находятся в поле нашего зрения, мы „замечаем“ очень немногие из них. Остальные не производят на нас никакого впечатления. Зрительный контакт не сопровождается никаким „познанием“. Мы ничего не помним об этом контакте. В действительности эти предметы оказались для нас невидимыми».

Конечно, не все ламы одинаково совершенны. Само традиционное для западного человека представление о том, что каждый тибетский монах является ламой, ошибочно. В Тибете так обращаются к монаху или монахине для того, чтобы подчеркнуть их уровень духовного совершенства и мастерства. Слово «лама» также является составной частью титула в религиозной иерархии.

Глава тибетской церкви — Далай-лама считается земным воплощением высокопочитаемого бодхисатвы Авало-китешвары. Когда Далай-лама умирал, специальная комиссия из высшего духовенства искала преемника. Им становился младенец, родившийся на протяжении года после смерти старого Далай-ламы. Задачей высших иерархов было определить того, в ком теперь воплотилась божественная сущность бодхисатвы Авалокитешвары. Младенец воспитывался в монастыре, а функции Далай-ламы до достижения ребенком совершеннолетия выполнял регент.

Идея сосредоточить духовную и светскую власть в руках двух верховных руководителей — Далай-ламы и Панчен-ламы, по преданию, принадлежит все тому же основателю школы Гэлуг Цзонкабе. Согласно легенде, Цзонкаба перед смертью назначил двух своих учеников руководителями ламаистской церкви. Он же поручил им в дальнейшем постоянно возрождаться в новых воплощениях.

Первыми носителями этих титулов действительно считаются ученики Цзонкабы Гэндюндруб (1391–1474) и Кхедруб Дже Гелек Пэлзанг (1385–1438). Но на самом деле оба они получили свой статус посмертно. Институты Далай— и Панчен-лам возникли соответственно в XVI и XVII веках.

Далай-ламы получили реальную власть после того, как в 1642 г. пятому Далай-ламе — в то время главе школы Гэлуг — удалось справиться со своим главным политическим соперником, царем области Цанг. После этого школа Гэлуг господствовала в Тибете, который вновь стал единым государством, а Далай-ламы имели статус духовных и светских правителей. Панчен-ламы занимали в правительственной иерархии второе место.

Даже в конце XVIII в., когда Тибет опять оказался под властью Китая, Далай-ламы не утратили власть полностью. Однако цинский двор направлял в Лхасу своих чиновников (амбаней), которые контролировали тибетское правительство. Китайские императоры научились использовать в своих интересах соперничество между двумя верховными представителями ламаизма.

На противоречиях между Далай— и Панчен-ламами играли и англичане. (Тибет входил в сферу интересов Великобритании со второй половины XIX в.) В 1904 г. английские войска вступили в Лхасу. Тибетские власти вынуждены были подписать договор, согласно которому Великобритания получала значительные привилегии в Тибете. Но англичанам мешали русские, тоже притязавшие на Тибет. Поэтому в 1907 г. было подписано соглашение, согласно которому обе стороны обязывались соблюдать территориальную целостность Тибета и не вмешиваться в его внутреннее управление.

Во время буржуазной революции в Китае (1911–1913) из Тибета были изгнаны цинские войска и чиновники. Формально Тибет оставался китайским, но на практике был независимым.

В 30-х гг. Тибетом заинтересовались Германия и США. Перед Второй мировой войной

Тибет три раза посещает немецкий натуралист Эрнст Шеффер, сотрудник загадочного института Аненербе.⁴⁵

ТИБЕТСКИЕ АВАНТЮРЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Как известно, секретные организации Третьего рейха пытались поставить себе на службу оккультные практики. Конечно же, интересовал их и Тибет — немцы пытались приобщиться к тайным знаниям еще одного «народа свастики».

Результаты германских исследований в Тибете засекречены до сих пор, но кое-какие сведения все же просочились в печать. Тибетский проект германских мистиков начался в 1922 г. по инициативе Карла Хаусхофера. Воспользовавшись приездом нескольких тибетских лам в Германию, он попытался перенять у них знания. Хаусхофер считал честью для себя носить титул «ученик Восточных мистерий» и утверждал, что только Тибет сможет даровать новому германскому рейху мистическую силу.

Вскоре Хаусхофер создал Тибетское общество в Берлине. Где-то около 1926 г. с тибетской культурой и мифологией познакомился Адольф Шикльгрубер, более известный, как Гитлер. Гитлера захватила история этой страны, но особенно поразила воображение основателя нацизма таинственная Шамбала, о которой французский мистик Рене Гийон писал: «После падения Атлантиды Великие Учителя (Махатмы) предыдущей цивилизации, хозяева Знания, дети Космического Разума, переселились в огромную систему пещер. Там они разделились на две „ветви“: правой и левой веры. Первая „ветка“ — это „Агартхи“ („Сокрытый центр добра“), она занимается созерцанием, не вмешиваясь в человеческие дела. Вторая „ветка“ — Шамбала („Сокрытый центр могущества“), она управляет стихиями и людскими толпами. Маги и воители, главы народов Земли могут, принеся жертвы, заключить договор с Шамбалой». Конечно, войти в союз с космическими силами — предел мечтаний любого властителя.

Итак, установить контакт с загадочной Шамбалой пытался сначала Хаусхофер, а позже этим занялся Эрнст Шеффер. Потомственный любитель ориенталистики, Эрнст Шеффер родился в 1910 г. в семье коллекционера, собирателя японского оружия и китайского фарфора. Сердце младшего Шеффера, выросшего в окружении самурайских мечей и чашек, расписанных драконами, навсегда принадлежало Востоку. Закончив гимназию, Эрнст отправился в университет, чтобы изучать, казалось бы, совсем другой предмет — зоологию, но в 1931 г. он уже был в Тибете. Формально Шеффер — член экспедиции Долана — отправился в Тибет как зоолог. Юноша ничем не выдавал своих интересов. Никто в коллективе не знал, что он востоковед, член НСДПА и лично знаком с Генрихом Гиммлером. Тайный патрон Шеффера, рейхсфюрер СС, по слухам, дал зоологу поручение отыскать таинственную Шамбалу.

Поход начался в Мьянме и едва не закончился в Китае, охваченном гражданской войной. Многие члены экспедиции, в том числе сам Долан, погибли. Шеффер возглавил оставшихся и упорно продвигался вперед. Экспедиция побывала в районах, которые до этого никогда не посещали европейцы. А вскоре после возвращения в Германию Шеффер опубликовал книгу «Горы, Будды и медведи», где рассказывал о немыслимых подвигах экспедиции, которая преодолевала горные хребты, пробиралась узкими ущельями, переправлялась через бурные реки. Путешественники побывали у истоков Хуанхэ и Янцзы, попутно ликвидировав «белые пятна» на карте Тибета. Горцы из заоблачных селений периодически нападали на белых пришельцев, но уходили не солоно хлебавши. В целом экспедиция была успешной: удалось собрать редкостные гербарии из растений, которых не осталось больше нигде в живой природе, и поймать медведя-панду, малоизвестного европейским зоологам. Результаты же тайной миссии молодого ученого остаются загадкой

⁴⁵ Аненербе (*нем.* Ahnenerbe — «Наследие предков», полное название — «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков») — организация, существовавшая в Третьем рейхе. Аненербе была создана для изучения традиций, истории и наследия германской расы.

до сих пор. Известно лишь, что Гиммлер остался им доволен. При создании в 1933 г. института «Аненербе» Шеффера пригласили туда ведущим научным сотрудником.

Новую экспедицию в Тибет Шеффер организовал в 1935 г. Поскольку исследования финансировала Филадельфийская академия естественных наук, половина участников экспедиции были американцами. Однако вскоре после пересечения границы Тибета Шеффер спровоцировал конфликт между американской и немецкой группами, чтобы избавиться от лишних глаз. Раздосадованные американцы повернули назад, а немцы, руководствуясь указаниями Шеффера, дошли до истоков Янцзы и Меконга. Вполне возможно, что экспедиция побывала и в Лхасе.

Результаты второго похода в горы Тибета оказались не менее впечатляющими. Исследователи открыли много новых, ранее не известных науке видов животных и растений. Среди них карликовый голубь, антилопа оранго, множество редких птиц. В 1937 г., основываясь на материалах экспедиций, Шеффер опубликовал монографию и защитил диссертацию. После приобретения известности в научных кругах рейха ему поручили возглавить Тибетский отдел «Аненербе». Отделу было чем заняться, ведь в результате экспедиций в распоряжение СС попали тысячи древних тибетских рукописей — весомая часть огромного окультного наследия Востока...

10 сентября 1938 г. рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер встретился с руководством Тибетского отдела института «Аненербе». На этом совещании, проходившем в кабинете главы СС, были утверждены сроки, цели и задачи новой экспедиции. Официально это была еще одна экспедиция натуралистов для изучения флоры и фауны Тибета. Но в экспедицию вошли сотрудники специальных служб рейха, специалисты по радиосвязи и, конечно, ученые востоковеды, связанные с СС и «Аненербе». Неофициальное задание на сей раз не афишировали, но и не скрывали. Немцы хотели установить более тесный контакт между «двумя культурами свастики» — нацистской и тибетской. Для этого в резиденции Далай-ламы в Лхасе предполагалось разместить постоянно функционирующую радиостанцию. Обслуживать эту установку должны были шифровальщики, инженеры и высококлассные радисты.

Возможно, и их деятельность должна была служить лишь прикрытием: на самом деле Германии нужно было улучшить качество радиосвязи со своим дальневосточным союзником — Японией. Для этого на одной из горных вершин Тибета, в зоне сильных ветров, нужно было установить специально разработанный в секретных лабораториях СС автоматический ретранслятор и ветрогенератор с вертикальной турбиной. Место установки и сам ретранслятор должны были заминировать, техников ликвидировать, а подходы к ретранслятору уничтожить. Прямых доказательств существования этого прибора до сих пор нет, но якобы существуют некие документы английской разведки за 1942 г., где упоминается об отправке в Тибет специальной группы для уничтожения действующего там немецкого передатчика дальней связи. Документы содержат показания уцелевшего участника этого рейда, согласно которым по прибытии в район горы Канченджанги англичане наткнулись на остатки временных построек какой-то немецкой экспедиции. В некоторых постройках находились личные вещи, а в одной остатки завтрака. Все выглядело так, будто лагерь был оставлен в спешке совсем недавно. На северо-восток, к отвесному склону горы, шла обустроенная тропинка, упиравшаяся в отвесный утес, с возможным тайным входом в подземную полость. Британская группа не сумела обезвредить немецкие мины, которые, взорвавшись, вызвали обвал горных пород в долину и засыпали миллионами тонн грунта это таинственное место. Погибли практически все члены группы, почему уцелел сам рассказчик, осталось загадкой...

После установки ретранслятора (если он в самом деле существовал) экспедиция Шеффера посетила столицу Тибета Лхасу. Регент Тибета Квотухту через Шеффера передал личное послание Гитлеру, в котором писал: «Глубокоуважаемый господин (король) Гитлер, правитель Германии, господствующий над обширными странами! Да пребудут с Вами здоровье, радость покоя и добродетель! Сейчас Вы трудитесь над созданием обширного

государства на расовой основе. Поэтому прибывший ныне руководитель немецкой Тибетской экспедиции сахиб Шеффер не имел ни малейших трудностей ни в пути по Тибету, ни в осуществлении своей цели установления личных дружественных отношений, более того, мы надеемся на дальнейшее расширение дружественных отношений между нашими правительствами. Примите, Ваша Светлость, господин (король) Гитлер, наши заверения в дальнейшей дружбе в соответствии со словами, сказанными Вашей стороной. Это Я подтверждаю Вам! Написано 18 числа первого тибетского месяца года Земляного Зайца (1939 год)».

Вскоре после письма регента Гитлеру была установлена радиосвязь между Лхасой и Берлином. Регент Тибета Квотухту вручил Шефферу подарки, которые тот должен был передать фюреру германской нации: серебряную чашку с крышечкой, инкрустированную драгоценными камнями; шелковый платок и собаку особой тибетской породы.

Шеффер пользовался гостеприимством регента. Отчет Шеффера выдает глубину его восторга перед увиденным в столице Тибета: «Монахи в алых праздничных одеяниях в унисон произносили праздничные тексты. Нарочито низкие, рокочущие голоса сливались в невыразимое журчание, исходившее, как казалось, из обнаженного чрева Майтрейи — грядущего Будды. Это была самая грандиозная статуя на высоком, расписанном красным лаком алтаре... Симфонии красок и запахов вторил великолепно отлаженный оркестр. Глухо бухал барабан, свистели флейты, выточенные из человеческих костей, мартовской каплей рассыпался звон тарелок и золотых колокольчиков. Майтрейя, которого здесь называют Чампой, был изображен в виде добродушного бритоголового толстяка. Ему еще не пришло время новым воплощением Будды сойти с небес на грешную землю, и он с грустной улыбкой взирал на происходящее сквозь благовонный дым, сжимая в руке дорожный узелок. Придет срок, и с победным громом расколется скрывающая его гора, и он уже в облике принца пойдет по тибетским тропам, возвещая наступление эры счастья и справедливости».

Исследовав ритуалы буддийских монахов, Шеффер нашел в них много общего с ритуалами арийцев, что было вполне в духе нацистской «науки». И, конечно, не обошлось без поисков Шамбалы. Используя средневековые карты и основываясь на сочинениях Блаватской, Рерихов и других путешественников, которые интересовались оккультными тайнами Востока, немецкий востоковед, профессор Альберт Грюнведель сделал вывод о существовании доступного людям прохода в Шамбалу возле горы Канченджанги. По слухам, экспедиция Шеффера побывала и там. И якобы не совсем безуспешно: вход в Шамбалу немцы не нашли, зато записали несколько таинственных радиопередач на непонятном языке, которые велись в практически неиспользуемом тогда ультракоротковолновом диапазоне. Однако, поскольку магнитофонные пленки, содержащие эти записи, не то исчезли, не то засекречены, сделать какие-либо выводы невозможно.

Большая часть членов тибетской экспедиции Германии вернулась в рейх летом 1939 г. В Мюнхене Шеффера чествовали как героя, в торжественной встрече принял участие сам рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Буквально на второй день по прибытии на родину немецкое руководство поставило вопрос об отправке целого отряда солдат и ученых в погонах с грузом военного снаряжения и научных приборов в Тибет. Только начало войны помешало этим планам установления контроля над сердцем Азии.

В 1941 г. Шефферу довелось участвовать в еще одном таинственном проекте под названием «Лапландия». На сей раз действие происходило не в Тибете, а в Финляндии. По слухам, немцы заинтересовались поисками Арктиды-Гипербореи, мифологической прародины европейцев. Подробности проекта «Лапландия» неизвестны и сегодня, поскольку не сохранилось никаких документов, свидетельствующих об истинных целях немцев.

А в 1943 г. Шеффер снова начал работать по тибетской тематике. Геббельс, который затеял пропагандистскую кампанию «Таинственный и дружественный Тибет», нуждался в его знаниях. Вскоре после окончания кампании Шеффер исчез. Снова был направлен в Тибет для восстановления связи с таинственными силами, дремлющими под Гималаями? Или это было нечто иное? Возвращаться в Германию после мая 1945 г. Шефферу было нельзя, тем

более что им заинтересовались спецслужбы стран-победительниц. Эти же спецслужбы интересовались и тибетцами, немалое число которых состояло на службе рейха.

Еще до прихода Гитлера к власти в Германии проживало множество тибетцев — религиозных и светских деятелей. В некоторых крупных городах они образовывали целые общины, особенно много их проживало в Мюнхене и Берлине. Загадочное тибетское общество «Зеленых монахов» поддерживало контакты с обществом «Туле».⁴⁶ В Берлине жил тибетский лама, известный тем, что носил зеленые перчатки в знак принадлежности к «зеленым монахам». Этот человек якобы несколько раз давал точный прогноз результатов выборов в немецкий парламент, предвидя роль Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДА). Гитлер, интересовавшийся оккультизмом, благоволил к тибетцам, и многие из них вращались «при дворе» фюрера. Однако во время штурма столицы рейха советскими войсками тибетцы из окружения Гитлера погибли. В плен они не сдавались, предпочитая пасть в бою или покончить жизнь самоубийством. Все свои тайны восточные приверженцы Гитлера унесли с собой.

Несмотря на успехи немецкой дипломатии, Тибет в годы Второй мировой войны занимал позицию нейтралитета. При этом Тибету удавалось сохранять фактическую независимость от Китая, входившего в антигитлеровскую коалицию. Однако формально независимость была провозглашена лишь в ноябре 1949 г.

В январе 1950 г. правительство КНР сделало заявление, в котором охарактеризовало действия тибетских властей как сепаратистские. В Тибет вошли китайские войска, и 23 мая 1951 г. под давлением военных ламы подписали «Соглашение о мирном освобождении Тибета из 17 пунктов», в котором подтверждались китайские права на Тибет.

Вопрос о создании Тибетского автономного района решался до 1965 г. За это время правительство Тибета успело эмигрировать в Индию. С 1959 г. Далай-лама живет за границей, оставаясь духовным лидером тибетцев. Правительство в изгнании недовольно как присутствием в Тибете китайских войск, так и массовым переселением на его территорию этнических китайцев. Тибетская сторона утверждает, что китайцев в Тибете больше, чем тибетцев. В свою очередь, китайцы, проживающие на территории Тибета, боятся мести со стороны коренного населения. Но Китай и не думает отказываться от своих притязаний на Тибет, принадлежавший ему веками.

Так чей же он все-таки, этот загадочный Тибет? Столетия китайского владычества и язык, родственные китайскому. Глубокое почтение к Индии — священной стране, родине буддизма, давшей приют четырнадцатому Далай-ламе. И так и не забытая древняя религия бон...

Культурные связи Тибета с соседями так же сложно отрицать, как и его чарующую самобытность. Так чей же он? Индийский, китайский или неповторимый и погруженный в созерцание собственных тайн?

Лишь для одного обитателя Тибета нюансы политики и культуры не имеет никакого значения. Местное название этого полумифического существа — йети.

ЙЕТИ: ФАНТОМ ИЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ?

Йети, или снежный человек, — еще одна загадка Тибета. Вот как описывает его известный альпинист, покоритель Джомолунгмы, Тигр снегов Н. Тенцинг. Его отец — тоже альпинист, посвятивший всю жизнь горам, рассказал Н. Тенцингу следующую историю: «Впервые я встретился с этим странным существом на леднике Барун. Я столкнулся с ним так неожиданно и близко, что мог рассмотреть его совершенно отчетливо. Это был зверь, напоминающий большую обезьяну. Меня поразили его глубоко посаженные глаза и заостренная кверху голова. Тело зверя было покрыто серой шерстью, которая выше пояса

⁴⁶ Общество Туле (*нем.* Thule-Gesellschaft) — немецкое оккультное и политическое общество в Мюнхене. Полное название — Группа изучения германской древности (*нем.* Studiengruppe für germanisches Altertum). Название Туле происходит от названия мистической северной страны из древнегерманских легенд.

росла вверх, а ниже — вниз. Это была самка».

В Китае йети интересуются очень давно. Слухи о снежном человеке распространяются в Поднебесной уже две с половиной тысячи лет.

Первые упоминания и описания йети (*кит.* ежэня⁴⁷) можно встретить уже в древних источниках. Так, например, во времена чжоуского Чэн-вана (1024–1004 гг. до н. э.) ко двору правителя одного из варварских царств якобы доставили живого ежэня. Знаменитый поэт древности Цюй Юань (ок. 340–278 до н. э.) посвятил «дикому человеку» песнь «Шаньгуй» («Горный черт») из цикла «Девять напевов». Есть и совсем свежие свидетельства о снежном человеке. Вот что пишет китайская газета «Гуйчжоу Шанбао» от 6 декабря 2004: «... в горах Юэляншань,⁴⁸ что протянулись, пересекая провинции Гуанси и Гуйчжоу, легенды о „диком человеке“ передаются из уст в уста уже 70 лет... В один из июньских дней 1930 г. 12 мужчин с охотничьими собаками отправились в горы на промысел. Внезапно собаки громко залаяли. Охотники вскинули ружья, однако вместо обычной дичи увидели странное животное: нечто, напоминающее человека, стояло между двух огромных деревьев, испуганно глядя на охотников и собак. Тело существа было покрыто густой черной шерстью. Длинные волосы на голове обрамляли лицо с кожей желтого цвета. Растительности на лице не было. Две груди существа были также лишены растительности; было заметно, что они полны молока. Формами тела существо напоминало женщину и имело рост около 6 футов...»

...Спустя 66 лет произошла еще одна встреча с «диким человеком». 18 января 1996 г. шестидесятилетний старик из деревни Байлацунь, сделав покупки на волостном рынке, вернулся домой. Едва старик успел загнать вола в загон, как на него напала самка дикого человека. Обхватив старика поперек туловища, существо утащило его в чашу и там, на укромной поляне, жестоко изнасилоvalo...

...Осенью 1984 г. в уезде Жунцзянсянь работала экспедиция в составе 11 человек во главе с председателем Китайской ассоциации поиска и изучения «дикого человека» Лю Миньчжуан. Им удалось получить кусочки шерсти и кожи «дикого человека». По заключению специалистов, шерсть «принадлежит существу, стоящему между обезьяной и человеком»... В 1996 г. здесь были собраны клочки шерсти, сгустки запекшейся крови и кал «ежэня»... В настоящее время более 1000 человек в этих местах утверждают, что видели «дикого человека».

Снежного человека «видели» не только в Китае. Очевидцы, если они действительно таковыми являются, встречали его (или его следы) на Кавказе, в Калифорнии, в Якутии и других местах. Особенно прославился калифорнийский йети по прозвищу Бигфут («Большая нога»). Его имя использовали производители продуктов и машин, о нем сняли кино и создали мультфильмы, а также компьютерную игру. Но после смерти человека, который якобы обнаружил следы Бигфута, — Рэя Уоллеса, компания которого строила в Северной Калифорнии железную дорогу, выяснилась забавная правда. Бигфута выдумал сам Уоллес, чтобы отпугнуть от стройки местных жителей, которые так и норовили стащить что-нибудь. Уоллес сделал из дерева огромные лапы и сам оставлял на снегу «загадочные» следы.

Может быть, и прочие свидетельства существования йети — нечеткие фотографии и видеозаписи — тоже подделка? А многочисленные свидетели просто лгуны?

Как ни странно, но проблема скандально известных йети заинтересовала в свое время очень серьезные научные организации, в том числе Академию наук СССР.

31 января 1957 года в Москве состоялось заседание президиума Академии наук, посвященное снежному человеку. В обсуждении вопроса приняли участие известный физик-теоретик, академик Игорь Тамм, антрополог Михаил Нестурх, историк и философ, профессор Борис Поршнеv и другие ученые.

Борис Поршнеv предположил, что йети, которого якобы видели на Памире, мог

⁴⁷ У этого существа есть еще много прозвищ, правда, китайские его названия менее известны: шаньгуй («Горный Черт»), маожэнь («Волосатый человек»), пи («Бурый»), лэй («Сбрасывающий Камни»), фэйфэй («Собакоподобная обезьяна»).

⁴⁸ Горы Юэляншань соединяют провинции Гуанси и Гуйчжоу с так называемым Большим Тибетом.

мигрировать туда из главной области своего обитания в Гималаях. В результате было решено организовать экспедицию для научного изучения двух наиболее недоступных и плохо изученных участков Памира — бассейна Сарезского озера и бассейна реки Мук-Су. Была создана комиссия во главе с известным геологом и географом, членом-корреспондентом АН из Ленинграда Сергеем Обручевым. Заместителями Обручева стали Поршнева, морфолог животных Клейнберг и директор Памирской станции Станюкович. В состав комиссии были включены ректор Ленинградского университета, глава исполкома Горно-Бадахшанской автономной области, академик-секретарь АН Таджикской ССР и директор Московского зоопарка. Однако комиссия вернулась ни с чем и тему официально закрыли, но отнюдь не исчерпали до конца.

Современные ученые относятся к проблеме йети по-разному. Так, например, известный ученый, доктор биологических наук В. Б. Сапунов пишет: «Основатель эволюционного учения Чарлз Дарвин ввел в науку принцип дивергенции, гласящий: любая биологическая форма стремится в историческом развитии распасться на множество новых форм, из которых наибольшими шансами на выживание обладают две крайние. Это справедливо и по отношению к эволюции человеческого рода. Весь ее ход — это взаимоотношение биологического с социальным. Представители биологической ветви эволюционировали, опираясь на силу своих мышц. Представители альтернативной ветви опирались на силу своего разума. Эволюционная реальность была такова — победить, стать хозяином на Земле может только одна ветвь. Иное противоречило бы законам эволюции и экологии. Вопрос был решен с появлением человека разумного современного, который и стал победителем. Альтернативный эволюционный вариант не был уничтожен до конца. Он остался в скрытой форме как загадочный снежный человек. Это не просто редкий биологический вид.

Это — запасной путь развития человечества. Или, если угодно, один из предохранителей биосферы».

В то же время доктор биологических наук Александр Аверьянов — заведующий лабораторией млекопитающих Зоологического института Российской академии наук, отвечая на вопросы корреспондентов газеты «Итоги», привел очень серьезный аргумент против существования йети: «Криптозоология не имеет ничего общего с зоологией. Для ученых-зоологов нет места в экспедициях по поиску снежного человека, потому что на сегодняшний день нет убедительных доказательств его существования, кроме расплывчатых снимков, сомнительных следов и рассказов очевидцев.

Чтобы снежный человек существовал, необходимо наличие популяции. Например, чтобы выжить, шимпанзе необходимо наличие нескольких сотен особей. Конечно же, и сегодня встречаются удивительные зоологические открытия, например, совсем недавно во Вьетнаме обнаружили полосатого зайца. Но существование гоминидов вряд ли возможно, потому что последняя находка человекообразного примата имеет возраст 3–4 миллиона лет».

И тем не менее, криптозоологи не сдаются. Представитель этой профессии Вадим Макаров считает, что поиски снежного человека надо активизировать: «Потомки не простят нам равнодушного отношения к этой очень важной научной проблеме. Если гоминиды есть, то скорее всего их количество невелико, но я уверен, что сегодня еще можно найти отдельных представителей в тех глухих районах, где редко появляется человек».

Что только ни ищут в Тибете: снежного человека, Шамбалу, исцеление, истину, себя в конце концов...

Если еще в середине XX столетия Тибет был практически закрыт для европейцев, то в наше время в «Страну снегов» может попасть каждый, даже в Лхасу — сердце Тибета, куда раньше за редким исключением не допускались даже миссионеры и научные экспедиции. Аромат тайны, окулавший Тибет, безжалостно развеян.

Более того, в марте 2009 г. Госсовет КНР утвердил программу, согласно которой Лхаса обречена стать международным туристическим центром. В городе построят пятизвездочные отели, современные развлекательные комплексы и огромные автостоянки. Новые транспортные маршруты соединят главные районы города. Если верить прогнозу, в 2020 г.

Лхаса сможет принять 12 млн туристов. Сумеет ли город сохранить свое лицо или же в самом деле станет «административным центром» «Тибетского автономного района», в который, в свою очередь, превратится загадочный Тибет?